

Московский журнал международного права

- ЧТО ДОСТАЕТСЯ РОССИИ
ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- ПРАВОВАЯ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
РАСПЫЛЯЕТ АКТИВЫ
И ЗАТЯГИВАЕТ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВО
- ОДНА ПОДПИСЬ ИЛИ ДВЕ
НА ЧАСТНОМ КОНТРАКТЕ
- ПОГОВОРИМ О ГРАНИЦАХ
ЛАТВИИ

Moscow Journal of International Law

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Ю.М. КОЛОСОВ (Москва)

Н.И. АКУЕВ (Алма-Ата),

Э.Д. БЕЙШЕМБИЕВ (Бишкек),

И.И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига),

В.Г. БУТКЕВИЧ (Киев),

Р.В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси),

Г.В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург),

А.Л. КОЛОДКИН (Москва)

Г.И. КУРДЮКОВ (Казань),

Б.П. ЛИХАЧЕВ (Москва),

С.А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург),

В.П. ПАРХИТЬКО (Москва),

А.Х. САИДОВ (Ташкент),

А.В. ТОРКУНОВ (Москва),

А.А. ТРЕБКОВ (Москва),

В.Н. ФИСЕНКО (Минск),

М.О. ХАИТОВ (Ашхабад),

А.Г. ХОДАКОВ (Москва),

Ю.Ю. ШАТАС (Вильнюс),

В.Н. ЯКОВЛЕВ (Ижевск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

В.П. ПАРХИТЬКО

Л.Б. АРХИПОВА,

К.А. БЕКЯШЕВ,

И.П. БЛИЩЕНКО,

А.А. ГРОМЫКО-ПИРАДОВ,

И.И. КОТЛЯРОВ,

В.И. КУЗНЕЦОВ,

Е.Г. ЛЯХОВ,

Ю.Н. МАЛЕЕВ,

В.Г. НЕСТЕРЕНКО (заместитель
Главного редактора, ответственный
за английское издание),

Т.О. РАМИШВИЛИ,

В.А. РОМАНОВ,

Ю.М. РЫБАКОВ,

Г.П. ТОЛСТОПЯТЕНКО,

Б.Р. ТУЗМУХАМЕДОВ (первый
заместитель Главного редактора),

И.Г. ФОМИНОВ,

О.Н. ХЛЕСТОВ

Издание "Московского журнала международного права" осуществляется при финансовой поддержке юридической службы Московского международного центра предпринимательства.

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ-УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОЮЗ ЮРИСТОВ"**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"

Адрес издательства: 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
телефон 975-12-63; телефакс 200-22-04

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76
телефон/телефакс 434-94-52

Адрес английской редакции: 121019, Москва Г-19, а/я 32
НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.
телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38

© Издательство "Международные отношения"
"Московский журнал международного права"

Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.

Московский журнал международного права

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается
с 1991 года на русском языке
и с 1995 года — на английском
с 1997 года введен
на обоих языках
в систему INTERNET:
www.diplomat.ru/mjilaw/

Выходит один раз в три месяца.

№ 3/98/31
июль—сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

Международно-правовые проблемы СНГ	
Ивашов Л.Г., Булыгин А.Н. Аспекты военного сотрудничества в рамках СНГ	3
Международное и внутригосударственное право	
Вельяминов Г.М. Правопреемство между Российской Федерацией и Российской империей, международные и внутренние аспекты	22
Трунцевский Ю.В., Упоров И.В. (Рязань). Актуальные уголовно-правовые проблемы	26
Сапронова М.А. Конституция Алжира 1996 года и проблема терроризма	38
Международная безопасность	
Ясносокирский Ю.А. Миротворчество: некоторые концептуальные аспекты политического урегулирования конфликтов и кризисных ситуаций	46
Худойкина Т.В. (Саранск). Мирное урегулирование и разрешение споров	52
Алешин В.В. Понятие и противоправность наемничества	60
Президент США Билл Клинтон в МГИМО	73
Международное частное право	
Муранов А.И. Проблема порядка подписания внешнеэкономических сделок и публичный порядок Российской Федерации (по материалам одного из решений Верховного Суда России)	74
Беляев А.Е. К подписанию договора с "Де Бирс"	110
Степанов В.В. Проблемы трансграничной несостоятельности	114
Право международных договоров	
Спивакова Т.И. Оговорки и заявления в договорной практике РФ	137
Морское право	
Константинов В.А. Режим мореплавания в дальневосточных проливах: история и современность	148
Международное ядерное право	
Романов В.А. Безъядерные зоны: глобализация через регионализм?	162
Международное гуманитарное право	
Калугин В.Ю. (Минск). Серьезные нарушения международного гуманитарного права и имплементация борьбы с ними в уголовном законодательстве Республики Беларусь	175

Вопросы территории

Бергхольцас И.И. (Рига). Участие Латвии в делимитации морских пространств (политико-правовые и исторические аспекты)	189
Лемма Хома Коче (Эфиопия). Реализация принципа самоопределения наций и народов в Эфиопии и образовании государства Эритрея	205
Ковриженко Г.М. Молодежные конкурсы	214

Трибуна преподавателя и студента

Бойцова Л.В. Европейское образование и преподавание права ЕС	215
--	-----

Наши справки

Шамсиев Х.Р. (Душанбе). Лондонский и Парижский финансовые клубы	230
Новый президент ЕБРР	235

Хроника

Ислямов Ш.Х. Проблема обеспечения прав граждан на доступ к информации	236
---	-----

Книжная полка

Малеев Ю.Н. Нежданное, но приятное событие	240
Филатов В.П. На Бергдорфской конференции ("Что движет Россией? Запад в поисках партнера". — М.: Международные отношения, 1997)	246
Федянин В.Ю. Разрешение экономических споров в СНГ. (Клеандров М.И. Разрешение экономических споров в СНГ. Учебное пособие. — Издание 2-е, переработанное и дополненное. — Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1997. — 129 с.)	252

Кто есть кто в нашей науке и практике

Александров Ф.О. (Санкт-Петербург), Бакосов И.М. (Ходжент), Гараджаев Д.Я. оглы (Одесса), Гидирим А.В. (Москва), Караев Н.С. (Душанбе), Ломагин Н.А. (Санкт-Петербург)	255
--	-----

Международные организации

Конкурс бизнес-городов	263
------------------------------	-----

Полемика

Деканозов Р.В. (Тбилиси). В редакционную коллегия "Московского журнала международного права"	264
Алексидзе Л.А. (Тбилиси). Правовые аспекты абхазской проблемы в свете документально подтвержденного, а не фальсифицированного исторического опыта и современного международного права	266
Похлебкин В.В. Еще раз к вопросу об Абхазии	293

Право и бизнес

Феномен "Плейбой" в Интернете	300
-------------------------------------	-----

Документы

Некоторые проблемы адвокатуры (выдержки из документа Будапештского семинара адвокатов, касающиеся России). Комментарий В.Г. Ребниина	301
--	-----

Некрологи

Тузмухамедов Р. А., Молодцов С. В., Арцибасов И. Н.	306
--	-----

Информация

Пархитко В.П. В Исполкоме РАМП	312
--------------------------------------	-----

"Московский журнал международного права" является правопреемником "Советского журнала международного права", созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием "Московский" (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.

Отбор и содержание материалов журнала определяются Редакцией. Вместе с тем публикация материала в "Московском журнале международного права" не всегда означает, что Редакция разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.

Международно-правовые проблемы СНГ

АСПЕКТЫ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Л.Г. Ивашов*,
А.Н. Булыгин**

Прекращение существования СССР обнажило комплекс военных проблем, связанных с обеспечением безопасности и обороны, которые предстояло решать вновь образованным независимым государствам. Поэтому уже в первом документе — Соглашении о создании Содружества Независимых Государств, подписанном Белоруссией, Россией и Украиной 8 декабря 1991 г., — его участники взяли обязательства сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием, создать необходимые условия для размещения, функционирования, материального и социального обеспечения Стратегических вооруженных сил, проводить согласованную политику по вопросам социальной защиты и пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей (ст. 6)¹.

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате одиннадцать государств — бывших республик СССР (за исключением стран Балтии и Грузии) заявили о приверженности целям и принципам Соглашения о создании Содружества Независимых Государств. При этом они вновь подчеркнули, что “в целях обеспечения международной стратегической стабильности и безопасности будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием”².

На алма-атинской встрече главы четырех государств — Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и

* Начальник главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации, генерал-полковник, профессор.

** Начальник направления правового обеспечения Штаба по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ, генерал-майор.

Украины — подписали Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия, согласно которому ядерные вооружения, входящие в состав объединенных Стратегических вооруженных сил, должны были обеспечивать коллективную безопасность всех участников СНГ; подтверждалось обязательство о неприменении ядерного оружия первым; выражалась решимость совместно вырабатывать политику по ядерным вопросам; до полной ликвидации ядерного оружия на территориях Республики Беларусь и Украины решение о необходимости его применения принимать по согласованию с главами государств — участников соглашения Президентом России на основе процедур, разработанных государствами-участниками. В соглашении закреплены также обязательства государств-участников не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и технологии, а также осуществлять контроль над такими ядерными и взрывными устройствами и др.

В порядке выполнения положений названных документов впредь до решения вопроса о реформировании Вооруженных Сил главы независимых государств поручили командование Вооруженными Силами маршалу Е.И. Шапошникову³.

Отсутствие единых подходов к роли и месту Вооруженных Сил бывшего СССР в условиях новых политических реальностей все более усиливало дезинтеграционные процессы в военной сфере. В результате область обороны поразил тяжелейший кризис: Более чем 3,5-миллионная армия, располагающая мощным ядерным потенциалом, была поставлена перед выбором: либо оставаться единой, либо трансформироваться в объединенную, либо разойтись по национальным квартирам⁴.

Политический курс ряда государств — участников Содружества на раздел Вооруженных Сил бывшего СССР основывался на принятых ими еще в 1990 году декларациях о государственном суверенитете, в которых закреплялось право на собственные вооруженные силы⁵. За создание собственных вооруженных сил активно выступали Азербайджан, Молдова, Грузия. Сторонниками сохранения единых вооруженных сил были Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан.

Стремление государств — участников Содружества к закреплению в документах норм о праве на создание собственных вооруженных сил нашло юридическое закрепление в Соглашении совета глав государств — участников Содружества Независимых Государств о Вооруженных Силах и пограничных войсках от 30 декабря 1991 г.⁶ В нем государства — участники Содружества подтвердили свое законное право на создание собственных вооруженных сил, согласились совместно с главнокомандующим Вооруженными Силами решить вопрос о порядке управления силами общего назначения и о

последовательности осуществления мер по реализации государствами Содружества права на создание собственных вооруженных сил. На этой же встрече государствами — участниками Содружества было также заключено Соглашение по Стратегическим силам. В нем давалось определение “Стратегических сил”, подтверждалась необходимость создания объединенного командования Стратегическими силами и сохранения единого контроля над ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения и порядка принятия решения о необходимости применения ядерного оружия. Участники этого соглашения договорились о том, что: ядерное оружие, размещенное на территории Украины, находится под контролем объединенного командования стратегических сил с целью его неиспользования и разукрупнения к концу 1994 года, в том числе тактического ядерного оружия — до 1 июля 1992 г.; процесс уничтожения ядерного оружия, размещенного на территории Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, под совместным контролем государств Содружества; перечень Стратегических сил, находящихся на территориях государств — участников Содружества, определяется отдельным протоколом.

В дальнейшем военно-политические отношения государств — участников Содружества стремительно развивались в русле достижения соглашений, закрепляющих раздел Вооруженных Сил бывшего СССР. Так, 16 января 1992 г. во время своей четвертой встречи в Москве главы государств — участников Содружества условились в недельный срок созвать полномочную рабочую группу для рассмотрения комплекса вопросов реформирования и статуса Вооруженных Сил бывшего СССР на территориях государств — участников Содружества, включая вопросы их финансирования⁷. Они заявили о своей готовности в целях сохранения и укрепления обороноспособности Содружества в самое ближайшее время осуществить ряд мер в военной области:

- принять соглашение на межгосударственном уровне о статусе вооруженных сил на территориях государств — участников Содружества;

- обеспечить национальным законодательством всю полноту политических, социально-экономических и личных прав и свобод для военнослужащих и членов их семей в соответствии с нормами международного права;

- исключить любые ограничения в рамках государств Содружества на право оставаться на постоянное место жительства по месту прохождения службы или избирать другое место жительства;

- вопросы сокращения и передислокации войск решать только на правовой основе;

— разработать и принять программу для решения жилищных вопросов, в согласованном порядке осуществлять пенсионное обеспечение военнослужащих и др.

В силу того что Вооруженные Силы бывшего СССР в условиях новых политических реальностей — суверенизации постсоветского пространства — фактически и юридически оказались на иностранной территории под контролем государств — участников СНГ, то возобладали идеи создания правовой и моральной основы военной службы граждан Содружества посредством выработки согласованных документов о принятии военнослужащими военной присяги в зависимости от того, где они проходят военную службу. Были заключены Соглашение о военной присяге в силах общего назначения и Соглашение государств — участников Содружества Независимых Государств о военной присяге в стратегических силах. Согласно этим документам военнослужащие должны были присягать на верность народу государства, гражданами которого они являлись, обязывались выполнять Конституцию и законы этого государства, а также государства Содружества, на территории которого они выполняли воинский долг.

Однако консолидирующего эффекта в армейскую среду эти соглашения не внесли. Скорее всего наоборот. Названные документы еще более способствовали усилению обстановки неопределенности в умах и настроениях военнослужащих, неуверенности за свое будущее, так как политические решения не оправдывали их ожиданий. Об этом свидетельствовал тот факт, что 86% из числа опрошенных участников Всеармейского собрания представителей офицерских собраний высказались за принятие единой присяги для Вооруженных Сил СНГ⁸. Соглашения также не давали ответа на вопрос о том, как поступать с теми военнослужащими, кто еще до образования Содружества присягал на верность народу Советского Союза и десятки лет своей жизни отдал службе в рядах его Вооруженных Сил.

На четвертой встрече глав государств был также решен вопрос о военно-морской символике бывшего СССР. В качестве основного (кормового) военно-морского флага вводился исторический российский Андреевский флаг. Но, пожалуй, наиболее настораживающим фактом январской 1991 года встречи глав государств для армейской жизни явилось подписание ими кроме названных соглашений документа, подтверждавшего, что Военно-Морской Флот бывшего СССР входит в состав Стратегических сил, за исключением части сил Черноморского флота, которые войдут в состав вооруженных сил Украины. Оговаривалось также, что часть кораблей Каспийской флотилии будет передана Азербайджанской Республике. Причем при передаче кораблей государствам — участникам Содружества на них вместо Андреевского флага будут подниматься военно-морские

флаги соответствующих государств, а сама передача будет обуславливаться двусторонними соглашениями соответственно между Российской Федерацией, Украиной и Азербайджанской Республикой.

Таким образом, в документах, принятых на четвертой московской встрече глав государств, впервые были согласованы и закреплены юридические нормы, положившие начало разделу Вооруженных Сил бывшего СССР. В последующем они получили свое развитие в Соглашении между Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о Силах общего назначения на переходный период⁹ и Соглашении между государствами — участниками Содружества Независимых Государств о статусе Стратегических сил¹⁰. Эти соглашения были заключены на минской встрече глав государств 14 февраля 1992 г.

Ввиду того что, согласно ст. 11 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, действие норм права бывшего СССР, включая положения о составе его Вооруженных Сил, прекращалось на территории государств-участников, в названных соглашениях соответственно впервые давалось определение “Сил общего назначения”, а также было уточнено понятие “Стратегические силы”, сформулированное ранее в Соглашении по Стратегическим силам от 30 декабря 1991 г.

К Силам общего назначения были отнесены объединения, соединения, части, учреждения, военно-учебные заведения, другие воинские формирования и военные объекты, не входящие в Стратегические силы Содружества Независимых Государств, а также собственные вооруженные силы государств-участников, оперативно подчиненные с их согласия Главному командованию Объединенных Вооруженных Сил¹¹. Управление собственными вооруженными силами государств — участников Содружества входило в компетенцию министерств обороны (комитетов по обороне) этих государств (ст. 2 Соглашения).

Стратегические силы предназначались для обеспечения безопасности всех государств — участников Соглашения. Понятием “Стратегические силы” охватывались воинские формирования и объекты, находящиеся под единым командованием, перечень которых определялся каждым государством по согласованию с командованием Стратегическими силами с последующим утверждением его Советом глав государств.

Руководство Стратегическими силами возлагалось на Командующего Стратегическими силами, который одновременно подчинялся Совету глав государств и Главнокомандующему Объединенными Вооруженными Силами Содружества.

Постоянное или временное размещение и функционирование воинских формирований и объектов Стратегических сил в местах

дислокации на территориях государств — участников Содружества обуславливались соглашением этих государств. При этом оговаривалось, что Стратегические силы не вмешиваются во внутренние дела государств пребывания и ни в чем не затрагивают их суверенитет.

Переговоры о заключении Соглашения о статусе Стратегических сил выявили противоречивость взглядов государств — участников СНГ, что нашло отражение в сделанных ими оговорках при подписании этого документа: Азербайджанская Республика согласилась осуществлять финансирование лишь той части Стратегических сил, которые находились на ее территории; Армения настояла на отражении в документе особого мнения, согласно которому “имущество Стратегических сил является совместной собственностью всех государств — участников Соглашения”; Президент Казахстана отметил необходимость заключения соглашений по полигонам с Республикой Казахстан; Украина высказалась против закрепленного в документе положения о том, что “Стратегические силы предназначены для обеспечения безопасности всех государств — участников Соглашения и содержатся за счет фиксированных взносов этих государств” (ст. 2). Кроме того, Президент Украины при подписании документа указал срок выхода из этого Соглашения — конец 1994 года. Республикой Молдова Соглашение о статусе Стратегических сил вовсе не было подписано.

Необходимость решения комплекса проблем в деле военного сотрудничества потребовала создания специального органа, который координировал бы отношения государств — участников Содружества в военной области. В этих целях 14 февраля 1992 г. решением государств — участников Содружества был образован Совет министров обороны — высший коллегиальный орган Совета глав государств по вопросам военной политики и военного строительства¹².

Совет министров обороны на первоначальном этапе своей деятельности состоял из министров обороны (председателей комитетов по обороне) государств — участников Содружества, Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами Содружества, начальника Генерального штаба и командующего Стратегическими силами Объединенных Вооруженных Сил СНГ. Председателем Совета министров обороны был Главнокомандующий ОВС Содружества.

К полномочиям Совета министров обороны было отнесено рассмотрение концептуальных подходов к обеспечению оборонной достаточности регионов государств — участников Содружества, проектов договоров (соглашений) по вопросам обороны и военного строительства, разработка предложений по организационной структуре ОВС СНГ, реализация соглашений государств — участников Содружества в военной области и другие вопросы.

Благие намерения суверенных государств Содружества по созданию собственных вооруженных сил требовали дополнительных бюджетных ассигнований на их содержание, материально-техническое обеспечение, осуществление ремонтных и научно-исследовательских работ. Однако истощенный бюджет государств — участников СНГ в условиях рыночных отношений не мог удовлетворить реальные запросы оборонных ведомств. Материальное положение военнослужащих и членов их семей все более ухудшалось. Сама жизнь подсказывала необходимость объединения в деле формирования единого оборонного бюджета и порядка финансирования вооруженных сил государств Содружества, обеспечения их вооружением, техникой, материальными средствами, организации производственной деятельности ремонтных предприятий, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Для решения этих проблем в феврале 1992 года был заключен ряд международных соглашений¹³.

Исходя из необходимости принятия согласованных мер обеспечения правового положения военнослужащих, лиц, уволенных из военной службы, удовлетворения пожеланий военнослужащих перевестись для прохождения военной службы или уволиться в запас из одного государства Содружества в другое, было также заключено Соглашение о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей. В нем государствами — участниками Содружества подтверждалось положение о том, что за военнослужащими, лицами, уволенными с военной службы и проживающими на территории государств — участников Содружества, а также членами их семей сохраняется уровень прав и льгот, установленных ранее законами и другими нормативными актами бывшего Союза ССР.

Участники Содружества единодушно высказались за необходимость установления и обеспечения всей полноты политических, социально-экономических и личных прав и свобод военнослужащим и членам их семей в соответствии с нормами международного права, включая следующие права: сохранять гражданство государства — участника Содружества, которое они имели до призыва (поступления) на военную службу; иметь в собственности принадлежащее им имущество и распоряжаться им по своему усмотрению; проживать в занимаемых ими жилых помещениях; получать пенсию; при пересечении Государственной границы государства Содружества провозить личное имущество без взимания пошлин, налогов и сборов; получать образование в высших, средних и среднеспециальных учебных заведениях Содружества; пользоваться дошкольными детскими учреждениями, медицинским и другими видами социального обеспечения; на трудоустройство в государственные органы, предприятия, учреждения и организации после увольнения с военной службы; принимать гражданство государства пребывания, оставаться на постоянное жительство

во на территории государства пребывания или избирать другое место жительства. Государства — участники Содружества также взяли на себя обязательства разработать и принять взаимосогласованные законодательные акты о социальной защите военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Парадоксальность положения, сложившегося в рамках СНГ в феврале 1992 года по вопросам военного сотрудничества, заключалась в том, что обусловленное соглашениями право государств Содружества на создание собственных вооруженных сил не подкреплялось их финансовыми, материальными и кадровыми возможностями, требовало значительного времени на образование национальной оборонной инфраструктуры, входило в противоречие с необходимостью сохранения единого оборонного пространства и совместного осуществления контроля над ядерным оружием.

Военно-политические реальности этого времени свидетельствовали о напряженной обстановке в войсках (силах) на территории постсоветского пространства, требовали от политических и военных деятелей Содружества принятия коллективных решений, позволяющих избежать опасных последствий скоротечного раздела Вооруженных Сил бывшего СССР.

Выходом из создавшегося положения явилось образование Объединенных Вооруженных Сил Содружества, в связи с чем 20 марта 1992 г. в Киеве был заключен ряд соглашений: Соглашение об Объединенных Вооруженных Силах на переходный период; Соглашение о правовых основах деятельности Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств; Соглашение о принципах комплектования Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств и прохождения в них военной службы; Соглашение о статусе Сил общего назначения; Решение о Главном командовании Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств и другие документы.

На временный характер создания ОВС СНГ указывалось в преамбуле этих документов и в их названии. Так, в преамбуле Соглашения об Объединенных Вооруженных Силах на переходный период отмечалось, что его участники исходят из “необходимости взаимоприемлемого и организованного решения вопросов по реформированию Вооруженных Сил бывшего Союза ССР”, что Объединенные Вооруженные Силы СНГ “образуются на переходный период с целью обеспечения безопасности государств-участников, сохранения управления войсками, предотвращения конфликтов”. Время переходного периода в них не оговаривалось.

Объединенные Вооруженные Силы СНГ включали Стратегические силы Содружества и Силы общего назначения, руководство которыми соответственно осуществляли командующие. Собствен-

ные вооруженные силы государств — участников Содружества в структуру ОВС СНГ не входили. С согласия государств их могли передавать в оперативное подчинение Главному командованию ОВС. В таком случае на них распространялись полномочия высших органов СНГ и Главного командования ОВС только в части, касающейся вопросов оперативного подчинения.

Руководство ОВС СНГ осуществлялось Главнокомандующим через Главное командование ОВС СНГ, в состав которого входили Генеральный штаб ОВС Содружества, командование Стратегических сил, командование Сил общего назначения. Полномочия Главного командования ОВС СНГ определялись положением о Главном командовании Объединенных Вооруженных Сил Содружества Независимых Государств.

Отсутствие единой политической воли государств — участников СНГ в вопросе создания Объединенных Вооруженных Сил Содружества проявилось при подписании названных документов. Под ними не поставили свои подписи главы государств Азербайджана, Молдовы, Туркменистана и Украины.

Переходный период, который был отведен историей для реформирования Вооруженных Сил бывшего СССР, деятельности Главного командования ОВС СНГ, оказался слишком недолгим.

24 сентября 1993 г. (т.е. через полтора года с момента их образования) главы государств — участников Содружества, ссылаясь на необходимость сосредоточения усилий на координации военного сотрудничества и согласования основных принципов военного строительства, приняли Решение о реорганизации Главного командования Объединенных Вооруженных Сил СНГ. Согласно этому документу Главное командование ОВС СНГ было реорганизовано в Штаб по координации военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств; упразднялась должность Главнокомандующего ОВС СНГ; руководство Главным командованием ОВС Содружества на период реорганизации возлагалось на начальника Штаба Объединенных Вооруженных Сил Содружества; правительствам государств — участников Содружества поручалось обеспечить правовую и социальную защищенность военнослужащих и лиц гражданского персонала, высвобождаемых при реорганизации Главного командования ОВС СНГ.

Таким образом, анализ международных договоров, соглашений, заключенных в рамках СНГ в военной области, показывает, что к концу 1993 года Вооруженные Силы бывшего СССР были реорганизованы в собственные вооруженные силы государств Содружества.

Реалиями дня стали: распад единой военной инфраструктуры, единого оборонного пространства, отсутствие современных вооруженных сил в государствах СНГ и их низкая боеспособность.

Образование государствами Содружества собственных вооруженных сил не решило главной проблемы, возникшей после распада бывшего СССР, — обеспечения коллективной безопасности в рамках СНГ.

Объективной предпосылкой создания такой системы безопасности являются собственные жизненно важные интересы государств — членов СНГ, которые можно отстоять только совместными усилиями. Именно коллективные действия позволят обеспечить свою безопасность со значительно меньшими экономическими и научно-техническими издержками, ослабить территориальные, пограничные, этнические противоречия, предотвратить вооруженные конфликты на территории бывшего СССР.

С учетом этих обстоятельств 15 мая 1992 г. в Ташкенте был заключен Договор о коллективной безопасности (ДКБ), участниками которого являются девять государств (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан и Таджикистан). Договор является своего рода примером создания региональной организации коллективной безопасности в соответствии со ст. 52 Устава ООН.

Он состоялся благодаря активным сторонникам создания коллективной безопасности Содружества: Армении, Казахстану, Кыргызстану, России, Таджикистану и Узбекистану. Они же первыми и поставили свои подписи под Ташкентским договором. В последующем к нему присоединились Азербайджанская Республика (24 сентября 1993 г.), Грузия (9 декабря 1993 г.), Республика Беларусь (3 января 1994 г.). Молдова, Туркменистан и Украина отказались от участия в Договоре.

Договор вступил в силу 20 апреля 1994 г. после сдачи ратификационных грамот подписавшими его государствами.

Положения о коллективной безопасности в рамках Содружества нашли также отражение в ст. 11—15 Устава Содружества Независимых Государств, принятого 22 января 1993 г. решением Совета глав государств Содружества¹⁴.

Участники ДКБ взяли на себя обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы силой, разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами, не вступать в военные союзы и не принимать участия в группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства-участника.

В случае создания в Европе и Азии системы коллективной безопасности и заключения с этой целью договоров участники ДКБ вступают в консультации друг с другом.

Консультации проводят также при возникновении угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету государств

ва — участника Договора либо угрозы международному миру и безопасности. Совершение агрессии против государства — участника ДКБ рассматривается как агрессия против всех государств, заключивших договор. При этом остальные партнеры по Договору оказывают необходимую помощь, включая военную, а также поддержку находящимися в их распоряжении средствами в порядке осуществления прав на коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН.

С целью отражения агрессии решения об использовании вооруженных сил принимаются главами государств Содружества. При этом использование вооруженных сил за пределами территории государств — участников Договора может осуществляться исключительно в интересах международной безопасности в строгом соответствии с Уставом ООН.

Важное значение для обеспечения соблюдения ДКБ имеют создание, размещение и функционирование объектов системы коллективной безопасности на территории государств-участников. Этот вопрос подлежит урегулированию специальными соглашениями.

Примером может быть Соглашение о средствах систем предупреждения о ракетном нападении и системах контроля космического пространства 1992 года. В этом документе понятием “средства системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и системы контроля космического пространства (СККП)” охвачены связанные в единые системы средства наземного базирования, размещенные на территориях государств-участников, и средства космического базирования: радиолокационные станции обнаружения баллистических ракет и сопровождения космических объектов, радиологические и оптико-электронные комплексы обнаружения и распознавания космических объектов, космические аппараты обнаружения стартов баллистических ракет, командные пункты, пункты управления, приема и обработки информации, узлы и каналы связи, инженерные сооружения и коммуникации.

Средства СПРН и СККП являются собственностью государств, на территории которых они находятся. Государства — участники соглашения обеспечивают их эксплуатацию в местах размещения, не допускают действий, препятствующих боевому функционированию этих средств в единых системах.

Логическим продолжением усилий государств Содружества по укреплению ДКБ является заключение Соглашения о создании Объединенной системы противовоздушной обороны 1995 года.

В соответствии с этим документом в Объединенную систему противовоздушной обороны (ОС ПВО) входят силы и средства противовоздушной обороны государств-участников. ОС ПВО призвана решать следующие задачи:

- обеспечение охраны государственных границ государств-участников в воздушном пространстве;
- осуществление совместного контроля за порядком использования воздушного пространства;
- оповещение государств-участников о воздушно-космической обстановке, предупреждение о ракетном и воздушном нападении;
- ведение согласованных действий войск противовоздушной обороны государств-участников по отражению воздушно-космического нападения.

Государства взяли обязательства обеспечивать постоянную боевую готовность войск и сил, выделяемых ОС ПВО, и их действия при выполнении совместных задач противовоздушной обороны. Порядок взаимодействия сил и средств ОС ПВО определяется планом, разрабатываемым Координационным комитетом по вопросам противовоздушной обороны при Совете министров обороны Содружества совместно со Штабом по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ с учетом планов применения сил и средств ПВО (ПВО и ВВС).

Непосредственное управление войсками и силами ПВО (ПВО и ВВС) каждого государства-участника осуществляют командующие войсками ПВО (ПВО и ВВС) этих государств с учетом плана взаимодействия сил и средств ОС ПВО.

Координация действий сил и средств ОС ПВО осуществляется с центрального командного пункта войск противовоздушной обороны Российской Федерации.

Постоянное боевое дежурство по охране воздушных границ осуществляет часть сил и средств ОС ПВО на основе плана взаимодействия сил и средств ОС ПВО. При этом управление дежурными силами и средствами ОС ПВО осуществляется с командных пунктов ПВО (ПВО и ВВС) государств-участников, а координация их действий — с центрального командного пункта войск противовоздушной обороны РФ.

Почти через три года с момента подписания Договора о коллективной безопасности была разработана и принята его участниками своего рода идеология безопасности, представляющая собой совокупность взглядов на предотвращение и устранение угрозы миру, совместную защиту от агрессии, обеспечение суверенитета и территориальной целостности. Она нашла выражение в Концепции коллективной безопасности государств — участников Договора о коллективной безопасности, утвержденной решением Совета коллективной безопасности 10 февраля 1995 г.

Концепция включает в себя три основных раздела: основы военной политики государств-участников; основы обеспечения коллективной безопасности; основные направления и этапы создания системы коллективной безопасности.

Обращает на себя внимание положение Концепции о том, что государства-участники в политическом и военном отношении не считают своим противником ни одно государство или коалицию государств, видят в лице всех государств мирового сообщества равноправных партнеров. В документе называются факторы, которые при определенных условиях могут привести к перерастанию военной опасности в непосредственную военную угрозу для государств Содружества:

- наращивание группировок войск (сил) в прилегающих к внешним границам государств-участников регионах до пределов, нарушающих сложившееся соотношение сил;

- создание и подготовка на территории других государств вооруженных формирований, предназначенных для применения против государств-участников;

- развязывание пограничных конфликтов и вооруженных провокаций с территориями сопредельных государств;

- ввод иностранных войск на сопредельные с государствами-участниками территории (если это не связано с мерами по восстановлению и поддержанию мира в соответствии с решением Совета Безопасности ООН или ОБСЕ).

Государства — участники ДКБ к основным источникам опасности относят: территориальные притязания других стран к государствам-участникам; существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов прежде всего в непосредственной близости от их границ; возможность применения ядерного (в том числе несанкционированного) и других видов оружия массового поражения; распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки и новейших технологий военного производства в сочетании с попытками отдельных стран, организаций и террористических групп реализовать свои политические и военные устремления; попытки вмешательства извне во внутренние дела государств-участников; международный терроризм, политику шантажа.

Приоритетными направлениями в совместной деятельности по предотвращению военной угрозы государства — участники ДКБ считают: участие совместно с другими государствами и международными организациями в создании систем коллективной безопасности в Европе и Азии; координацию действий по реализации имеющихся и разработке новых международных договоренностей по вопросам разоружения и контроля над вооружениями; расширение мер доверия в военной области; установление и развитие равноправных партнерских отношений с НАТО, другими военно-политическими организациями и региональными структурами безопасности; проведение операций по поддержанию мира по решению Совета Безопасности ООН, ОБСЕ в соответствии с международными обязательствами.

В Концепции сформулированы основные принципы коллективной безопасности:

- неделимость безопасности: агрессия против одного государства-участника рассматривается как агрессия против всех государств-участников;

- равная ответственность за обеспечение безопасности;

- соблюдение территориальной целостности, уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела и учет интересов друг друга;

- коллективность обороны, создаваемой на региональной основе;

- принятие решений по принципиальным вопросам обеспечения коллективной безопасности на основе консенсуса;

- соответствие состава и готовности сил и средств масштабу военной угрозы.

Концепция определяет систему коллективной безопасности как совокупность межгосударственных органов (Совет коллективной безопасности, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны) и национальных структур управления, сил и средств, обеспечивающих защиту интересов, суверенитета и территориальной целостности государств — участников ДКБ.

Высшим политическим органом ДКБ является Совет коллективной безопасности (СКБ), в состав которого входят главы государств, министры иностранных дел, министры обороны государств-участников.

СКБ рассматривает вопросы, связанные с обеспечением выполнения ДКБ; проводит консультации с целью координации позиций государств-участников в случае возникновения угрозы безопасности, территориальной неприкосновенности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы миру и международной безопасности; вырабатывает меры по совершенствованию управления обороной государств-участников; рассматривает вопросы предоставления необходимой помощи, в том числе военной, государству-участнику, подвергнутому агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств; устанавливает и принимает меры, которые он найдет необходимыми для поддержания или восстановления и безопасности; координирует деятельность государств-участников по основным направлениям мобилизационной подготовки вооруженных сил и хозяйственных структур; вырабатывает рекомендации по основным направлениям военно-технической политики и оснащению вооруженных сил государств-участников вооружением и военной техникой.

Высшими консультативными органами являются Совет министров иностранных дел и Совет министров обороны.

Государствами — участниками ДКБ созданы также рабочие органы (Комитет начальников штабов, Координационный комитет по вопросам ПВО, Военно-технический комитет, Секретариат СКБ), деятельность которых направлена на решение практических вопросов формирования системы коллективной безопасности в военной области.

Генеральные (главные) штабы вооруженных сил государств — участников ДКБ проводят значительную работу по разработке и согласованию документов, необходимых для конкретного определения состава, численности, всестороннего обеспечения коалиционных группировок войск (сил) в регионах коллективной безопасности, организации систем управления, а также порядка и способов их применения.

Элементом системы коллективной безопасности являются вооруженные силы, коалиционные (объединенные) группировки войск (сил) в регионах для отражения агрессии, совместная (объединенная) система противовоздушной обороны, а также другие системы государств-участников.

Формирование системы коллективной безопасности предусматривается осуществлять поэтапно с учетом развития военно-политической обстановки в мире:

- на первом этапе в основном завершить создание вооруженных сил государств-участников; разработать программу военного и военно-технического сотрудничества и приступить к ее реализации; создавать правовые акты, регламентирующие функционирование системы коллективной безопасности;

- на втором этапе создать коалиционные (объединенные) группировки войск (сил) для отражения возможной агрессии и совместную (объединенную) систему противовоздушной обороны, а также рассмотреть вопрос о создании объединенных вооруженных сил;

- на третьем этапе завершить создание системы коллективной безопасности государств-участников.

К основным задачам по повышению обороноспособности государств — участников Договора о коллективной безопасности относятся:

- завершение создания вооруженных сил государств-участников;

- восстановление и развитие кооперации по разработке, производству и ремонту вооружения и военной техники;

- развитие сотрудничества и взаимодействия в областях, обеспечивающих формирование и функционирование системы коллективной безопасности;

- расширение правовой базы сотрудничества в военной области.

Главные усилия при этом сосредоточиваются:

1. В военно-политической области (координация позиций государств — участников Договора по вопросам военно-политического сотрудничества с другими государствами и международными организациями; разработка механизма принятия и реализации коллективных решений на применение вооруженных сил государств-участников в целях отражения агрессии; сближение законодательства государств-участников по вопросам реализации Договора о коллективной безопасности; координация позиций государств-участников по вопросам сокращения и ограничения вооружений и по мерам доверия в военной области).

2. В области строительства, подготовки и применения вооруженных сил (оказание государствами-участниками взаимной помощи в создании и развитии вооруженных сил; согласование возможных стратегических и операционных направлений, оперативного оборудования территорий государств-участников в интересах коллективной обороны; согласование состава и дислокации сил и средств государств-участников, выделяемых в группировки войск в регионах в целях обеспечения коллективной обороны, и др.).

3. В военно-технической области (согласование военно-технической политики государств-участников, восстановление и развитие кооперации в разработке, производстве и ремонте вооружения и военной техники; координация военно-научной деятельности и др.)¹⁵.

Как видно, создана достаточно впечатляющая нормативно-правовая база для обеспечения коллективной безопасности в рамках СНГ, основу которой составляет Договор от 15 мая 1992 г.

Велико значение этого документа. Он является важным политико-правовым средством, сыгравшим в свое время значительную роль в деле предотвращения опасных последствий дезинтеграционных процессов в военной области на территории бывших союзных республик, не дав выплеснуться им за пределы постсоветского пространства. И ныне ДКБ остается сдерживающим фактором возникновения вооруженных конфликтов в СНГ и по периметру его границ.

Существенную роль играет Договор в деле укрепления региональной безопасности, противодействуя возникающей угрозе интересам Содружества. Так, сложившаяся в начале октября 1996 года ситуация в Афганистане вызвала серьезную озабоченность руководителей государств Центрально-Азиатского региона Содружества. Они в соответствии со ст. 2 Договора о коллективной безопасности в целях координации своих позиций и выработки согласованных мер по стабилизации сложившейся обстановки незамедлительно привели в действие механизм совместных консультаций, которые

состоялись 4 октября 1996 г. в Алма-Ате. На основе проекта “алма-атинской пятерки” Совет Безопасности ООН провел вызвавшее широкий резонанс официальное заседание и принял важную и своевременную резолюцию, закрепившую основные принципы и направления афганского урегулирования, в полной мере отвечающие интересам “алма-атинской пятерки”¹⁶.

Государства — участники ДКБ принимают активное участие в миротворческой деятельности Содружества, которая по своей сути является составной частью коллективной безопасности. На сегодняшний день она является главным реально существующим средством поддержания мира и укрепления региональной безопасности, как того требует Устав ООН (гл. VIII).

В то же время ДКБ не лишен и ряда недостатков содержательного характера. Они сводятся к тому, что три из двенадцати государств Содружества не поставили свои подписи под этим документом; почти на два года затянулся процесс ратификации Договора, что значительно затормозило разработку и принятие документов, направленных на создание инфраструктуры коллективной безопасности, существенно замедлило интеграционные процессы в оборонной сфере государств — участников Договора; в ДКБ не содержится четко сформулированной цели, ради которой он заключен; не отражено положение о том, что он является разновидностью регионального соглашения в деле поддержания международного мира и безопасности в соответствии со ст. 52—54 Устава ООН; нечетко сформулировано положение о целях консультаций, проводимых в соответствии со ст. 1 ч. III ДКБ; неопределенно сформулирована статья о механизме продления Договора; неудачным является содержание ст. 6 ДКБ, согласно которой решение об использовании Вооруженных Сил за пределами национальной территории в целях отражения агрессии принимается главами государств-участников, так как во многих государствах они такими полномочиями не обладают. Наконец, в тексте ДКБ отсутствует статья, предусматривающая его регистрацию в Секретариате ООН в соответствии со ст. 102 Устава ООН¹⁷.

В немалой степени названные издержки ДКБ негативно сказались на выполнении своих обязательств его участниками. Интеграционные процессы в военно-политической области проходят неровно и носят в целом пока декларативно-совещательный характер; не налажен механизм реализации и контроля за исполнением договорных документов и коллективных решений; спланированные практические мероприятия растянуты по времени и не имеют определяющего характера в обеспечении коллективной безопасности; не разработаны программы военно-технического и военно-экономического сотрудничества; требует доработки система межгосудар-

ственных органов; не отработан порядок принятия практических мер, адекватных изменениям военно-политической обстановки, включая механизм реализации коллективных решений о применении сил и средств системы коллективной безопасности.

Геополитическое положение государств — участников ДКБ, внешнеполитические реальности, складывающиеся в мире по периметру границ Содружества, настоятельно требуют дальнейшего совершенствования правовой базы обеспечения коллективной безопасности, имплементации обязательств, вытекающих из названного договора, в национальное законодательство, военные доктрины государств — участников ДКБ.

Созданию эффективной системы коллективной безопасности в рамках СНГ может способствовать развитие более тесного и широкого сотрудничества в военной области, вплоть до восстановления единого стратегического пространства, оборонной инфраструктуры и централизованного оперативного руководства национальными вооруженными силами.

Совсем немного времени остается до истечения срока действия ДКБ, так как в соответствии со ст. 11 он заключен “на пять лет с последующим продлением”. С учетом того, что в тексте Договора не указан срок, на который он может быть продлен, дальнейшая его судьба будет всецело зависеть от политической воли государств-участников. При этом возможны следующие способы решения этой проблемы: а) путем заключения специального соглашения (протокола), подтверждающего, что Договор продлен на определенный срок; б) путем включения условия о продлении в текст Договора, то есть его частичное изменение; в) путем новации Договора, то есть обновления обязательств государствами-участниками с учетом новых политических реальностей, в том числе в части, касающейся срока действия Договора¹⁸.

Представляется, что из названных способов наиболее целесообразным мог бы быть последний, что позволило бы его участникам продлить ДКБ и устранить существенные его недостатки, а также привести содержание Договора в соответствие с существующими фактическими отношениями государств-участников.

¹ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — Вып. первый. — Минск, 1992. — С. 6—8.

² См. Алма-Атинская декларация // Там же. — С. 15.

³ См. Протокол Совещания глав независимых государств от 21 декабря 1991 г. // Там же. — С. 12.

⁴ Шапошников Е.И. Об интеграции вооруженных сил государств Содружества // Военная мысль. Специальный выпуск. 1992. — Июль. — С. 103—104.

⁵ См., например, ст. 10 Декларации Верховного Совета БССР "О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики", принятой в июле 1990 года (АИФ. — 1990. — № 31); ст. IX Декларации о государственном суверенитете Украины, принятой Верховным Советом Украинской ССР 16 июля 1990 г. (АИФ. — 1990. — № 29).

⁶ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — Вып. первый. — С. 24—25.

⁷ См. Протокольная запись рабочей встречи глав государств Содружества Независимых Государств от 16 января 1992 г. // Там же. — С. 34.

⁸ См. Ракурс. Теория. Практика. Информация. — Вып. № 1(1). — М., 1992. — С. 13.

⁹ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — Вып. второй. — Минск, 1992. — С. 55—56.

¹⁰ Там же. — С. 50—54.

¹¹ Решением Совета глав государств СНГ от 14 февраля 1992 г. Командующим ОВС СНГ был назначен маршал авиации Е.И. Шапошников // Там же. — С. 42.

¹² Решение Совета глав государств Содружества о создании Совета министров обороны было подписано Арменией, Казахстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном.

¹³ Соглашение между государствами — участниками Содружества Независимых Государств о формировании единого оборонного бюджета и порядке финансирования вооруженных сил государств Содружества, а также Соглашение о принципах обеспечения вооруженных сил государств — участников Содружества вооружением, техникой, материальными средствами, организации производственной деятельности ремонтных предприятий, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — Вып. второй. — С. 42—44, 48—49.

¹⁴ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — № 1(9). — Минск, 1993. — С. 21.

¹⁵ См. "Основные направления углубления военного сотрудничества государств — участников Договора о коллективной безопасности", утвержденные Решением Совета коллективной безопасности 10 февраля 1995 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — Вып. № 1(18). — Минск, 1995. — С. 52.

¹⁶ Лавров С. Независимые государства Содружества в Объединенных Нациях // Международная жизнь. — 1997. — № 2. — С. 77—81.

¹⁷ Тем не менее Договор все же был зарегистрирован в 1995 году. См. Решение Совета коллективной безопасности от 26 мая 1995 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — № 2(19). — Минск, 1995. — С. 87.

¹⁸ Словарь международного права. — М., 1982. — С. 182.

Статья поступила в редакцию в марте 1998 г.

Международное и внутригосударственное право

ПРАВОПРЕЕМСТВО МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ АСПЕКТЫ

Г.М. Вельяминов*

Правопреемство между Российской империей и Российской Федерацией в общественном политическом сознании представляется иногда как бы саморазумеющимся. Можно встретить при этом и суждения, что такое правопреемство имеет некое внутригосударственное отражение, в частности в том, что касается преемства обязательств между имперской государственной властью и теперешней по отношению к частным лицам. Между тем ответы на вопросы, связанные с международным правопреемством России, не столь очевидны. Попытаемся лишь в первом приближении подойти к данной проблеме с позиций права.

«Вопросы о международной личности государства (его правосубъектность. — *Авт.*) являются ключом к проблеме правопреемства государства... Если потеряна территория, в то время как личность государства и юридическая ответственность остаются неизменными, то это характеризуется как “частичное правопреемство”»¹, — утверждает новозеландский ученый Д.Р. О’Коннелл.

Согласимся, что действительно ключ к пониманию вопроса правопреемства лежит в сохранении старым или установлении новым субъектом международного права своей личности, в том числе и при изменениях наименования, природы государственной власти и территориальной целостности государства.

Отметим также, что международная правосубъектность определяется не только территориальным суверенитетом² “нового” государства, но и признанием его со стороны других государств. В этом вопросе более предпочтительной представляется классическая конститутивная теория признания: “...государство является и становится международным лицом только и исключительно благодаря

*Профессор, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН. Подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1993 год.

признанию”³. Декларативная теория самопровозглашения правосубъектности, хотя и обрела ряд сторонников⁴, на наш взгляд, не выдерживает испытания практикой⁵.

Что касается правопреемственной цепочки (допустим, эвентуальной): Российская империя — РСФСР — СССР — РФ, то, исходя из предложенной выше посылки, прежде всего необходимо выяснить, сохранились ли в этой цепочке международная личность государства и его юридическая ответственность независимо от изменений наименования государства и его политического строя. Очевидным представляется, что, хотя территория Российского (в широком смысле) государства изменялась и дважды изменялся его социально-политический строй, международная его личность неизменно сохранялась.

Уже первоначально составные элементы государства, что касается РСФСР, не отличались юридически от таковых в Российской империи: та же самая территория (хотя и урезанная); то же самое население (хотя и уменьшенное); власть хотя политически иная, но обеспечивающая территориальный суверенитет. Здесь не затрагиваются возможные вопросы, связанные с последующим правопреемством РСФСР — СССР, а также СССР — РФ, поскольку в этих случаях, можно полагать, не возникает более существенных осложнений в плане рассматриваемой проблематики.

После октябрьского переворота Советское государство, как известно, декларировало аннулирование отнюдь не всех вообще договоров, заключенных Российской империей, а лишь ее неравноправных договоров со странами Востока. Полностью сохраняли свое действие иные договоры, в частности, что особо важно, с соседними государствами о границах, в том числе с Турцией, Ираном, Афганистаном, Китаем, Японией, США, а по внешним долгам царской России и Временного правительства, согласно позиции советской России, в принципе сохранялась ответственность этой последней, но не возникала у отделившихся от России государств, что было закреплено в мирных договорах РСФСР с Латвией, Литвой, Польшей и Эстонией⁶.

Декретом советского правительства от 21 января 1918 г. были аннулированы долги царского правительства по займам, предоставленным, как утверждалось, для борьбы с революционным движением собственного народа и ведения империалистической войны. Однако, заявлялось в Меморандуме российской делегации на Генуэзской конференции от 20 апреля 1922 г., “если советская власть отказывалась от принятия обязательств прежних правительств... то не потому, что вообще она не способна или не склонна сдерживать обязательства, а по причинам принципиального характера и политической необходимости”⁷.

Разумеется, можно дискутировать о правомерности или неправомерности отказа РСФСР от ряда долгов старой России, но при этом нельзя упускать из виду, что, во всяком случае, в те времена (думается, и поныне⁸) считалось, что “общепризнанных правовых начал по отношению к государственным долгам, конечно, установить нельзя”⁹. Нельзя отрицать и преемство, пусть и не полное, юридической ответственности от Российской империи к Советской России.

На наш взгляд, РСФСР, а затем СССР и РФ, таким образом, не являлись новой международной личностью (в отличие, например, от отделившихся от России Финляндии и прибалтийских государств), и можно применительно к РСФСР говорить не более чем о “частичном правопреемстве”, но никак не о полной смене международной личности и о “полном правопреемстве”.

Сохранившаяся сначала в виде РСФСР преемственная российская международная личность получила также и международное признание (хотя и не конституирующее, поскольку новой международной личности вообще не возникало) от других государств, первоначально со стороны отделившихся Польши, прибалтийских стран и Финляндии (в частности, в мирных договорах РСФСР с лимитрофами), а потом и иных стран. Последним (ноябрь 1996 г.) наглядным свидетельством такого признания является Соглашение между Францией и Россией о погашении Россией прежних, “царских”, долгов.

Сказанное выше касается вопроса о международном правопреемстве между Российской империей и современной Россией. Но это не относится к проблеме правопреемства внутрироссийских правоотношений между государственной властью и частными лицами, в частности в связи с национализацией частной собственности в советской России.

“Священное” право территориальной суверенности государственной власти оказывается превалирующим над “священным” правом частной собственности. Право государственной власти, в частности, на национализацию не подвергается и донныне сомнению в международной правовой практике и доктрине. Отличие состоит в том, что правомерной может признаваться национализация с компенсацией убытков потерпевшим собственникам. Принцип такой “незамедлительной, адекватной и эффективной” компенсации является, в частности, обычным условием многочисленных международных соглашений о поощрении и защите инвестиций, в том что касается компенсации убытков иностранных инвесторов от национализаций (и иных экспроприаций) их собственности в капиталопортирующем государстве¹⁰. Уже само включение таких оговорок в международные соглашения говорит о том, что для правового обес-

печения соответствующих компенсаций требуется в каждом случае конвенционное межгосударственное урегулирование, и не существует общепризнанного правила на этот счет. Тем более это относится к вопросу о компенсации убытков от национализации для отечественных собственников.

Не содержит международных обязательств для государств-участников воздерживаться от национализаций или предоставлять компенсацию собственникам национализируемого имущества и известная Римская конвенция от 4 ноября 1950 г. "О защите прав человека и основных свобод" (см. в особенности ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции). Во всяком случае, даже не весьма строгие положения названной статьи о том, что "никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права"¹¹, не имеют обратной силы для государств-участников.

В связи с этим приходится признать, что и национализация частной собственности, произведенная в России советской властью после октябрьского переворота, в правовом смысле, если, конечно, признавать эту власть правомочной, была "законной", а, следовательно, для отмены национализации нужны специальные российские денационализационные акты, что подтверждает практика и восточноевропейских государств, в том числе прибалтийских, после крушения в них социалистического строя.

Представляется при этом, что не избежать необходимости реституционных, денационализационных актов, даже если попытаться доказать (что весьма проблематично, в частности в свете изначального международного признания РСФСР) неправомочность советской власти, ее противоправность и т.д. По такому пути не пошли и прибалтийские государства, хотя и утверждая неправомочность их "оккупации" Советским Союзом и незаконность произведенной в этот период национализации, а следовательно, логически не было, казалось бы, необходимости в особых денационализационных законах.

Выводы:

Современная Россия — РФ является правопреемницей Российской империи, РСФСР и СССР.

Международное право не содержит четких общих норм в отношении урегулирования государственных внешних долгов в случаях частичной или полной международной правопреемственности.

Международное право не содержит общих, в том числе универсальных конвенционных, норм, принципиально запрещающих внут-

ринациональные национализации и иные экспроприации частной собственности, или норм, предусматривающих компенсацию потерь собственников.

Для отмены национализации частной собственности, произведенной в советской России, без таковой отмены нельзя говорить всерьез о действительной десоветизации, необходимы реституционные, денационализационные акты государственной власти современной России.

¹ О'Коннелл. Правопреемство государств.— М., 1957.— С. 34.

² См. Арчага Э.Х. де. Современное международное право.— М., 1983.— С. 265.

³ Оппенгейм. Международное право.— Т. 1, п/т 1.— М., 1994.— С. 136.

⁴ См., к примеру, Броунли Я. Международное право.— Кн. первая.— М., 1977.— С. 148.

⁵ См. Вельяминов Г.М. Правовой статус субъектов Российской Федерации и проблемы признания // МЖМП.— 1995.— № 10—11.

⁶ См. Барсегов Ю.Г. Предисловие // О'Коннелл.— Указ. соч.— С. 31.

⁷ Внешняя политика СССР. Сборник документов.— Т. II.— М., 1944.— С. 306.

⁸ Не внесла должной ясности в эту проблему и Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов от 8 апреля 1983 г.

⁹ Лист Ф. Международное право.— Юрьев (Дерпт), 1917.— С. 282—283; Gacworth. Digest of International Law.— 1940.— Vol. 1.— P. 539.

¹⁰ См. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России.— М., 1995.— С. 162, 166.

¹¹ Действующее международное право.— Т. II.— М., 1997.— С. 125.

Статья поступила в редакцию в марте 1998 г.

АКТУАЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.В. Трунцевский, И.В. Упоров*

В настоящее время в международном праве, к сожалению, еще остались неразработанными и нерешенными многие вопросы, в том числе и проблемы, связанные с уголовно-правовой сферой. Остановимся на некоторых из них.

* Кандидаты юридических наук из Рязанского института права и экономики МВД Российской Федерации.

В первую очередь это относится к определению международного преступления, кодификации международных преступлений и преступлений международного характера и видов ответственности (наказания) за их совершение. Так, Н.А. Ушаков подчеркивает, что эта проблема “чрезвычайно сложна и многогранна. Ее рассмотрение неизбежно связано... с выявлением самой сущности международного права на различных этапах его развития”¹. Как известно, Комиссия международного права ООН в течение нескольких десятилетий (с 1947 г.) пытается найти приемлемую дефиницию, однако окончательно сделать это пока не удалось. Сегодня имеется лишь проект статей Комиссии, где приводятся нормы, которые с известной долей условности можно считать контурами пока еще гипотетического международного уголовного кодекса. В документах Комиссии, в частности, указывается, что “данный проект статей касается общих норм международной ответственности государств за международно-противоправные деяния, то есть которые регулируют всю совокупность новых правоотношений, могущих возникнуть в результате международно-правового деяния государства”².

В научной литературе указывается, что ни в международно-правовых актах, ни в трудах юристов-международников до проекта Комиссии международного права не существовало сколько-нибудь удовлетворительного понятия международного преступления³, поэтому разработки Комиссии можно расценивать как результат научного поиска ученых разных стран, в числе которых Г.И. Тункин, И.И. Карпец, П.М. Курис, Л.А. Моджорян, Ю.В. Петровский, В. Гефрат, П. Штайнигер, Р. Аго, В.А. Василенко и др. Комиссия предложила следующее определение международного преступления: “международно-правовое деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом” (ст. 19 Проекта статей).

В связи с этим определением выделим два положения.

Во-первых, как нам представляется, оно позволяет говорить о международном уголовном праве как самостоятельной отрасли (подотрасли) права, поскольку понятие преступления как наиболее тяжкого правонарушения является категорией именно уголовного права. Между тем в науке этот вопрос весьма спорный. В свое время необходимость выделения этой отрасли обосновывали русский криминалист Н.М. Коркунов⁴, а в советский период — М.Д. Шаргородский, который считал международное уголовное право частью международного публичного права⁵. И.И. Карпец полагал необходимым “признать международное уголовное право самостоятельной от-

раслью права, которая должна развиваться и совершенствоваться в условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством в целях защиты интересов всех народов от международных преступлений и преступлений международного характера"⁶. Однако, по мнению Н.А. Ушакова, "концепция уголовной ответственности государств и международного права как международного уголовного права" является ошибочной⁷. Неприемлемость теории уголовной ответственности государств высказывали А.Н. Трайнин и некоторые другие ученые.

Поддерживая позицию И.И. Карпеца, мы можем отметить еще и то обстоятельство, что практика международных отношений имеет прецеденты именно наказания государств-нарушителей за совершенное ими международно-противоправное деяние (например, решение и реализация Приговора Международного военного трибунала в отношении Германии, решение Совета Безопасности ООН в отношении Ирака), в котором принцип международного уголовного права состоит в том, что отсутствует международное уголовное законодательство. Однако, как справедливо отмечает И.И. Карпец, его и не может быть в том объеме, в котором сформулированы национальные уголовные кодексы, поскольку слишком велики различия как в общественно-экономическом устройстве государств, так и в их правовых системах⁸. Мы можем добавить, что речь идет далеко не о всяких деяниях, признаваемых преступлениями во внутригосударственном праве, а о той их группе, которые признаются таковыми международным сообществом. По поводу агрессии, апартеида, терроризма и других деяний приняты соответствующие международные соглашения, где государства-участники приняли обязательства выявлять и наказывать виновных. Более того, в ряде конвенций указываются и конкретные виды наказаний. Таким образом, мы имеем основания полагать, что в совокупности эти и другие международно-правовые акты представляют собой элементы международного уголовного права.

Кроме того, мы считаем, что при рассмотрении этих вопросов необходимо учитывать тенденции в развитии международных отношений, одной из которых является стремление к кодификации международного права. Так, в соответствии с п. 1 а ст. 13 Устава ООН Генеральная Ассамблея ООН должна организовывать исследования и давать рекомендации в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации⁹. Работа Комиссии международного права является не чем иным, как кодификационным процессом. Так, в 1953 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой прямо предложила указанной Комиссии "приступить, как только она сочтет это целесообразным, к кодификации принципов международного права, которым определяется ответственность государств", поскольку это необходимо для "под-

держания и развития мирных отношений между государствами”¹⁰. В 1954 году Комиссией был разработан проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, на котором сказалось влияние принципов Устава и Приговора Международного военного трибунала; этим проектом устанавливалась наказуемость физических лиц за деяния, предусмотренные в кодексе (а вообще первые попытки составления международного уголовного кодекса предпринимались еще в 1832 г.), и речь тогда шла о торговле наркотиками, рабами, порнографической литературой и т.д.¹¹ Указанный проект в более совершенном виде был принят Комиссией международного права в первом чтении в 1991 году, однако, как замечает А.В. Наумов, “судя по обсуждению этого проекта и работе Комиссии по его доработке, принятие данного кодекса – дело неблизкого будущего”¹². Очевидно, что в перспективе международное сообщество, накопив соответствующий опыт, сумеет все же определить общепризнанный перечень преступлений, посягающих на международные отношения. Многие ученые, работающие в сфере международного права, также высказывались за необходимость кодификации, в частности Л.А. Моджорян писала о том, что следует четко определить составы международных преступлений, а также пределы и содержание ответственности за их совершение¹³.

Во-вторых, определение международного преступления, данное в проекте статей Комиссии международного права, охватывает лишь международные преступления, в него не попадают преступления международного характера (данная классификация признана большинством ученых-правоведов, занимающихся международной преступностью), что представляется нам существенным недостатком, поскольку уменьшает правовые возможности воздействия мирового сообщества на противоправные деяния международного характера. Мы полагаем, что определение Комиссии нужно дополнить следующей формулировкой: “...а также противоправное деяние, наносящее существенный ущерб международным отношениям, признанное преступлением в международных соглашениях и национальными законодательствами”. В этом случае оба вида деяний целесообразно объединить одним названием – “преступления, посягающие на международный правопорядок”, поскольку термин “международные преступления” имеет достаточно узкое толкование, основывающееся на том, что международное преступление направлено против жизненно важных интересов всего международного сообщества и угрожает “самому существованию государств и наций, а также миру, безопасности и дружественным отношениям между народами”¹⁴.

Дискуссионным является вопрос о целях наказания за преступления, посягающие на международный правопорядок. В международных соглашениях, касающихся вопросов ответственности госу-

дарств, на этом акцент не делается. Однако, как нам представляется, логика развития международного уголовного права предполагает разработку и этих аспектов. В отношении преступлений международного характера И.И. Карпец писал, что конечной целью наказания за их совершение являются исправление преступников, а также общее и специальное предупреждение¹⁵. Эти положения, опубликованные ученым почти 20 лет назад, зафиксированы в ст. 43 Уголовного кодекса РФ. В указанной норме в числе целей наказания говорится также и о восстановлении социальной справедливости. Думается, что именно это имел в виду И.И. Карпец, указывая, что “при совершении преступлений международного характера и наказании за них особое значение приобретает общественное мнение, которое осуждает и преступление, и лиц, их совершивших, особенно тех, кто наживается на преступности, наносит ущерб международному сотрудничеству, делу мира, основам мирного сосуществования государств и народов”¹⁶.

Что касается международных преступлений, то и здесь есть необходимость в определении целей наказания. Когда речь идет о физических лицах, то, очевидно, они те же, что и отмеченные выше; кроме того, здесь, на наш взгляд, целесообразно выделить еще и цель возмездия (как, например, в отношении нацистских преступников). Если же объектом наказания является государство или организация, то к целям наказания, по нашему мнению, следует отнести общее (для других государств) и специальное (для государства-нарушителя) предупреждение, а также восстановление справедливости (для международного общественного мнения).

Неоднозначно решается в юридической литературе проблема субъективности преступлений, посягающих на международный правопорядок. В отношении преступлений международного характера общепризнанно, что их субъектами могут быть только физические лица, что вытекает из конвенционных соглашений, а также из российского уголовного законодательства. Однако здесь нужно сделать существенную оговорку: речь идет о положении дел лишь на сегодняшний день. Ведь международные отношения не находятся в статике, это касается и некоторых уголовно-правовых институтов международного права. Поэтому не исключено, что в будущем в уголовно-правовой теории и практике международных отношений в качестве субъектов таких преступлений появятся и государства.

Значительно сложнее дело обстоит с субъектом международных преступлений. Мы уже отмечали, что на Нюрнбергском и Токийском процессах фигурировали два типа субъектов: государство (включая государственные организации) и физические лица. Казалось бы, только они были и являются субъектами международных преступлений. Однако научная дискуссия не прекращается.

Так, Г.И. Тункин, Д.Б. Левин, В.А. Василенко, Е.Т. Усенко, М.Х. Фарукшин и другие ученые допускают возможность двухсубъектности. Правда, при этом некоторые из них делают оговорки. Например, Д.Б. Левин пишет, что “международно-правовая ответственность физических лиц, совершивших преступление против человечества, есть особого рода уголовная ответственность, вытекающая из норм международного права (хотя в ряде случаев одновременно предусматривается и нормами национального права), и она по своей юридической природе принципиально отличается от ответственности, которую могут нести субъекты международного права (государства и его органы, международные организации. — *Авт.*)”¹⁷. В.А. Мазов подчеркивает, что “международное право не допускает юридического освобождения от уголовной ответственности индивидов, виновных в совершении от имени государства преступлений против международного права”¹⁸. Далее он отмечает, что официальные физические лица могут нарушить нормы международного права посредством государства, от имени и с помощью которого они действовали, используя свое официальное положение, и их может судить специально образованный суд (приводится пример с Нюрнбергским процессом)¹⁹.

Ю.М. Колосов, напротив, пишет, что “так называемая международная уголовная ответственность физических лиц представляет собой исключение, и в конечном счете уголовная ответственность физических лиц за преступления международного характера (здесь по нашей классификации имеются в виду международные преступления. — *Авт.*) является одним из проявлений политической ответственности государства, которое утрачивает юрисдикцию в отношении собственных граждан. На практике это имело место в отношении германских и японских военных преступников”²⁰. Схожая позиция у Н.А. Ушакова, который, отмечая ошибочность положений, допускающих возможность субъектности в международных преступлениях физических лиц, указывает: “Никакой особой международной (международно-правовой) ответственности индивидов не существует и существовать, очевидно, не может. Индивиды несли, несут и будут, очевидно, нести... уголовную ответственность за совершенные ими уголовные преступления (то есть только по национальному уголовному законодательству. — *Авт.*). Нет также никакой “особого рода уголовной ответственности” за, например, уголовные преступления против человечности. Ее не установили, ибо вполне достаточно существующих форм уголовной ответственности по национальным системам уголовного права”²¹. Что касается осуждения нацистских преступников, то Н.А. Ушаков утверждает, что “это исключение, которое лишь подтверждает, а не изменяет общее правило”²². Далее в своей работе он прямо утверждает, что “индиви-

ды не являются субъектами международного права, поэтому не несут и не могут нести международную ответственность”²³. Приведенных точек зрения вполне достаточно, чтобы показать разброс мнений по рассматриваемому вопросу. Не имея целью углублять дискуссию, все же заметим, что исключение физических лиц из субъектности международных преступлений, на наш взгляд, значительно суживает возможности мирового сообщества в достижении целей наказания, и прежде всего восстановления справедливости. Кроме того, в ряде случаев от имени государства выступает орган высшей власти в лице одного человека, например президента страны. Если, допустим, будет выявлено, что международное преступление совершено под его прямым и непосредственным руководством, то привлечение этого государства мировым сообществом к международно-правовой ответственности отдельно от его главы представляется алогичным.

Здесь возможно возражение, что в этом случае президента можно осудить по соответствующим нормам уголовного законодательства этого же государства. Однако, судя по имеющимся прецедентам (процессы в Германии и Японии после второй мировой войны), осудить высших должностных лиц, совершивших международное преступление, в той же стране, которой они руководили, весьма затруднительно; невозможно, например, представить, что в тот период в Германии мог состояться суд над нацистской верхушкой; история показала, что для трансформации германского общества в миролюбивое, чуждое агрессивным планам государство, включая формирование новых органов власти и законодательства, потребовалось достаточно длительное время. Наконец, укажем на то, что из самого факта признания преступления в качестве международного мировым сообществом логически вытекает основание и право этого сообщества, важнейшим интересам которого нанесен существенный ущерб, наказывать главных виновников преступления по тем законам, которые мировое сообщество выработает и закрепит в международном праве²⁴.

О наличии в международном праве актуальных и недостаточно разработанных проблем уголовно-правового характера свидетельствует, например, и то обстоятельство, что даже спустя десятилетия после Нюрнбергского процесса, принципы которого были одобрены ООН и положены в основу многих международно-правовых документов, появляются сомнения в юридической обоснованности принятых решений. Так, в 70-е годы, а затем в связи с 40-летием Нюрнбергского процесса в ФРГ, Англии и других странах вышли работы под характерными названиями: “Нюрнберг: приговор истории. Спустя сорок лет после начала суда над нацистскими военными преступниками остается вопрос – совершилось ли правосудие?”²⁵, “Революция или колоссальный театр?”²⁶, “Нюрнберг: Трибунал по-

бедителей”²⁷ и др., в которых утверждалось, в частности, что Нюрнбергский процесс был “актом мести” победивших в войне сторон. Понятно, что эти публикации преследовали прежде всего политические цели, за ними явно проглядываются реваншистские круги. Однако нельзя не признать, что Нюрнбергский процесс поставил немало чисто правовых вопросов международного уголовного права, в числе которых: возможность привлечения к уголовной ответственности физических лиц за агрессию, совершенную государством (как мы отмечали выше, общепризнанного решения нет до сих пор); проблема состава международного преступления; проблема соучастия; возможность наказания за преступление, которое не предусматривалось национальными законодательствами; целесообразность включения в состав Международного военного трибунала представителей не только государств-победителей, но и, в целях объективного рассмотрения, нейтральных государств и др.²⁸ Подробно эти и другие правовые аспекты Нюрнберга рассмотрены в работах А.Н. Трайнина²⁹, А.А. Пионтковского³⁰, М.Д. Шаргородского³¹ и других ученых нашей страны, которые убедительно доказали, что в случае совершения тягчайших преступлений против мира, человечества и человечности виновные должны быть безусловно привлечены к суровой ответственности, и во многом способствовали поиску ответов на правовые коллизии.

Как отмечалось выше, в международном уголовном праве сложным остается вопрос о форме и мере ответственности государства-нарушителя за совершенное международное преступление. Ведь при наложении, например, экономических санкций неблагоприятные последствия испытывают многие граждане этого государства, в том числе и те, кто не разделяет государственной политики, приведшей к международному преступлению. Немало споров вызвали, в частности, пример из новейшей истории, связанный с обузданием агрессии Ирака против Кувейта в 1991 году путем нанесения вооруженных ударов по решению Совета Безопасности ООН, в том числе по объектам, расположенным на территории Ирака (операция “Буря в пустыне”), а также применение против Ирака экономических санкций.

Отдельную и чрезвычайно сложную проблему составляют процессуальные аспекты при фиксации международных преступлений, сборе доказательств, определении порядка рассмотрения дела и др. Международный Суд ООН, как известно, основан на принципе добровольной (факультативной) юрисдикции, согласно которому ни одно государство не может принудить другое государство передать спор между ними в Международный Суд ООН, этого не вправе сделать даже Совет Безопасности ООН³². Но даже если государства признают юрисдикцию Международного Суда, могут возникнуть

проблемы с исполнением его решений. Так, в 1986 году Международный Суд решил дело в пользу Никарагуа, которая обратилась с просьбой установить, что военные действия США против нее (маневры военно-морских сил США у берегов Никарагуа, минирование портов, полеты военных самолетов над территорией этого государства), а также финансовая и материальная помощь “контрас”, выступавших против законного правительства, противоречат международному праву и должны быть прекращены³³. Однако США отказались исполнить решение Суда и, более того, отказались от своего ранее принятого решения о признании юрисдикции Международного Суда³⁴.

Теоретически исполнение решения Международного Суда ООН может быть осуществлено принудительно, что вытекает из ст. 94 Устава ООН, где говорится, что “в случае, если какая-либо сторона в деле не выполнила обязательства, возложенные на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение”³⁵. Никарагуа предприняла соответствующую попытку, однако резолюция, предложенная Совету Безопасности, была отклонена из-за вето США; и вообще пока не было ни одного решения Совета Безопасности на основании ст. 94 Устава ООН. В связи с этим М.М. Беджауи, говоря о целесообразности обращения в подобных случаях к общим санкциям, предусмотренным международным правом, отмечает, что “государство, не исполняющее решение Суда, нарушает международные обязательства, и государство, в чью пользу вынесено решение, может прибегнуть к таким мерам, как реторсии и репрессалии”³⁶.

Однако указанные меры ответственности могут не соответствовать ущербу, нанесенному международным преступлением, и тогда перспектива использовать Международный Суд с его нынешним статусом (равно как Европейский суд по правам человека, Суд Европейского Союза) — аналогично Международному военному трибуналу в Нюрнберге и Токио, где требовалось согласие государства — предполагаемого нарушителя, — в ближайшие годы представляется нереальной.

По мнению Н.А. Ушакова, бесперспективной является также вообще возможность учреждения международного уголовного суда³⁷. Американские юристы М. Бассиони и К. Блейкли в связи с этим писали, что “по очевидным политическим причинам ныне неподходящее время в истории, чтобы поднимать вопрос о международной уголовной ответственности государств и подчинении государств юрисдикции Международного уголовного суда. Это время еще не пришло, но оно придет по мере того, как мир становится все более взаимосвязанным”³⁸.

Тем не менее, как известно, Комиссия международного права ООН в 1994 году разработала проект Статута Международного уголовного суда. В процессе работы над этим документом обсуждались два варианта способа учреждения суда: 1) посредством решения Совета Безопасности или резолюции Генеральной Ассамблеи ООН; 2) путем заключения специального международного договора. В результате острых дискуссий Комиссия склонилась ко второму варианту³⁹. О практических трудностях решения данной проблемы свидетельствует и судьба Международного военного трибунала, созданного по решению ООН в Гааге в 1993 году для расследования дел, связанных с преступлениями против человечества, совершенными на территории бывшей Югославии с января 1991 года. Предполагается, что Трибунал будет руководствоваться и принципами Нюрнберга. Учрежден статут этого Трибунала, избран его состав. Суд начал функционировать, однако механизм его действия еще не отлажен и имеются серьезные сомнения в его эффективности⁴⁰.

Некоторые авторы увязывают необходимость учреждения Международного уголовного суда в связи с разработкой мер борьбы с транснациональной организованной преступностью. Нам представляется, что в настоящее время создание Международного уголовного суда необходимо для рассмотрения тягчайших международных преступлений, и прежде всего агрессии и геноцида, совершаемых государствами. Очевидно также, что должна быть установлена более четкая организационно-правовая связь Международного уголовного суда и Совета Безопасности ООН, поскольку окончательное решение по реализации ответственности государства-нарушителя, связанное с использованием международных вооруженных сил против этого государства, должен выносить все же Совет Безопасности (по рекомендации Международного уголовного суда).

Очевидно, решение процессуальных вопросов в случае совершения международных преступлений должно базироваться на полномочиях Совета Безопасности ООН, где, вероятно, целесообразно выделить структуру, которая занималась бы обсуждением и разработкой предложений по процедуре рассмотрения таких дел. Это возможно сделать, очевидно, и в рамках Международного Суда ООН, изменив его Статут.

В международном праве нет ясности и в том, какие международные органы должны заниматься уголовно-исполнительными аспектами в случае принятия решения, например, о наказании государства, совершившего международное преступление. То же касается и физических лиц, осужденных за эти преступления, в частности требует разработки вопрос о месте отбывания ими наказания в виде лишения свободы (что касается условий их содержания в местах заключения, то здесь положение более определено, поскольку име-

ются принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными).

Учитывая вышеизложенное, в частности многоаспектность такого явления межгосударственных отношений, как международные преступления, выраженную в привлечении решения подобных вопросов и международно-правовых (соглашений, содержащих и материальные, и процессуальные нормы; институционные возможности) и внутригосударственных средств, можно сделать следующий вывод: совокупность принципов и норм, регулирующих отношения между государствами по предотвращению и пресечению преступлений, посягающих на международный правопорядок, при взаимодействии международно-правового и внутригосударственного механизмов, можно назвать комплексной отраслью международного права, включающей в себя нормы уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера – международное право по уголовным делам. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, позволит заинтересованным государствам, да и всему мировому сообществу в целом более конструктивно и скоординированно решать проблемы борьбы с международными преступлениями: принять соответствующие комплексные правовые соглашения, максимально эффективно привлекать все необходимые международные и национальные силы и средства для привлечения к уголовной (международно-правовой) ответственности лиц, совершивших эти опасные для международного сообщества преступления.

Нами обозначены лишь некоторые проблемы международного права, связанные с совершением транснациональных преступлений. Как видно, по многим из них до сих пор нет окончательных решений. Практика международных отношений показывает, что компромиссы в международном праве по уголовно-правовым аспектам достигаются чрезвычайно трудно и долго. И это лишний раз показывает актуальность рассмотренных проблем и необходимость их дальнейшего исследования.

¹ См. *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности.— М., 1983.— С. 132.

² См. Доклад Комиссии международного права о работе ее двадцать пятой сессии 7 мая – 13 июля 1973 г.— Гл. 2.

³ См. *Ушаков Н.А.* Указ. соч.— С. 140.

⁴ См. *Коркунов Н.М.* Опыт конструкции международного уголовного права // Журнал уголовного и гражданского права.— 1889.— № 1.

⁵ См. *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы международного уголовного права // Советское государство и право.— 1947.— № 3.

⁶ *Карпец И.И.* Преступления международного характера.— М., 1979.— С. 27.

- ⁷ См. *Ушаков Н.А.* Указ. соч.— С. 18.
- ⁸ См. *Карпец И.И.* Указ. соч.— С. 24.
- ⁹ См. *Словарь международного права.*— М., 1982.— С. 62.
- ¹⁰ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. Восьмая сессия. Доп. № 17 (A/2630).
- ¹¹ См. *Пустогаров В.В.* Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // *Нюрнбергский процесс и современность.*— М., 1986.— С. 119.
- ¹² *Наумов А.В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // *Государство и право.*— 1995.— № 6.— С. 48.
- ¹³ См. *Моджорян Л.А.* Ответственность в современном международном праве // *Советский ежегодник международного права.* 1970.— М., 1972.— С. 145.
- ¹⁴ См. *Курис П.М.* Международные правонарушения и ответственность государств.— Вильнюс, 1973.— С. 136.
- ¹⁵ См. *Карпец И.И.* Указ. соч.— С. 230.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Левин Д.Б.* Ответственность государства в современном международном праве.— М., 1966.— С. 40.
- ¹⁸ *Мазов В.А.* Ответственность в международном праве.— М., 1976.— С. 26.
- ¹⁹ Там же.— С. 19.
- ²⁰ *Колоцов Ю.М.* Ответственность в международном праве.— М., 1976.— С. 26.
- ²¹ См. *Ушаков Н.А.* Указ. соч.— С. 23.
- ²² Там же.— С. 24.
- ²³ Там же.— С. 140.
- ²⁴ См. *Курис П.М.* Указ. соч.— С. 136.
- ²⁵ *Jonson F.* Nuremberg: the Judgment of History. Forty Years after Nazi War Trials Began, the Question Remains: was Justice Done? // *The Times.*— 1985.—Nov. 20.
- ²⁶ *Malaniwski W.* Revolution oder riesenhaftes Theater? // *Spiegel.*— 1985.— Nr. 47.— S. 72—92.
- ²⁷ *Maser W.* Nuremberg: Tribunal der Sieger.— München — Zürich, 1977.
- ²⁸ *Пустогаров В.В.* Указ. соч.— С. 115—121.
- ²⁹ См. *Трайнин А.Н.* Правовые проблемы Нюрнбергского процесса (вопросы материального права) // *Советское государство и право.*— 1946.— № 11—12.
- ³⁰ См. *Пионтковский А.А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе.— М., 1948.
- ³¹ См. *Шаргородский М.Д.* Указ. соч.
- ³² См. *Словарь международного права.*— С. 102—103; *Международное право* / Под ред. Г.И. Тункина.— С. 476—477.
- ³³ См. Ученый совет обсуждает решение Международного Суда ООН об агрессивных действиях США против Никарагуа // *Советское государство и право.*— 1987.— № 8.— С. 138.
- ³⁴ См. *Беджауи М.М.* Право международной организации по обращению в Международный Суд ООН // *Государство и право.*— 1996.— № 6.— С. 13.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ См. Ушаков Н.А. Указ. соч.— С. 29.

³⁸ Цит. по Верецетин В.С. Международный уголовный суд: новые перспективы? // Московский журнал международного права.— 1993.— № 2.— С. 6.

³⁹ См. Верецетин В.С. О работе Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права.— 1994.— № 1.— С. 21—35.

⁴⁰ См. Наумов А.В. Указ. соч.— С. 56.

Статья поступила в редакцию в феврале 1998 г.

КОНСТИТУЦИЯ АЛЖИРА 1996 ГОДА И ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА

М.А. Сапронова*

Одной из наиболее сложных проблем политико-государственного развития целого ряда арабских стран на современном этапе стала проблема исламского экстремизма, превратившегося в общеарабскую проблему, серьезно дестабилизирующую всю обстановку в этом регионе. Наиболее отчетливо и серьезно эта проблема оказывает свое прямое воздействие на государственно-политические отношения в Алжире. Алжир последних лет превратился в своеобразный полигон, где как бы отрабатываются приемы и методы открытого противостояния государственной власти и отрядов вооруженных исламских экстремистов. Непосредственным политическим толчком к такому противостоянию в Алжире послужили события государственно-правового характера 1991 года. А начало процесса радикальных преобразований политической и социально-экономической структур государства следует отнести еще к началу 80-х годов, когда стал набирать силу процесс демократизации алжирского общества, результатом которого явилось введение политического плюрализма и многопартийности. Это привело к резкому увеличению числа политических партий, претендующих на контроль за государственным аппаратом, в том числе и партий исламского направления, за короткий срок сумевших серьезно расширить свою социальную базу.

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ.

Немало этому процессу способствовали и серьезные провалы в социально-экономической жизни Алжира, вызванные политическим курсом правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО), что объективно привело эту партию к поражению на парламентских выборах в конце 1991 года. Партии исламского направления во главе с Исламским фронтом спасения (ИФС) уже в первом туре голосования нанесли очень серьезное поражение правительственной партии. Второй тур голосования мог только окончательно закрепить победу партий исламского направления во главе с ИФС. Конституционный приход к власти партий исламистов, образование нового правительства и переход Алжира к государству, построенному на принципах исламского фундаментализма, стали реальностью.

Правящий режим, опиравшийся на вооруженные силы, стал перед выбором: или уйти с политической арены, уступив место своим главным оппонентам, или принять меры чрезвычайного характера. Руководство страны избрало второй вариант. Итоги первого тура голосования были аннулированы, проведение второго тура отменено. Исламский фронт спасения был официально запрещен, что подтолкнуло фундаменталистов перейти к тактике вооруженных действий против правительства. Одновременно с этим правящий режим поставил задачу укрепления своих позиций, сформировав путем назначения Высший государственный совет (ВГС) — орган, сконцентрировавший в своих руках фактически всю полноту власти и в качестве своей основной задачи предусматривавший недопущение перехода власти в руки исламских фундаменталистов.

Эта задача сочеталась с разработкой основ новой демократической государственности. Было официально заявлено, что построение нового государства невозможно без усиления роли самого государства во всех сферах жизни общества, искоренения насилия и терроризма в политических отношениях, обязательного учета социально-культурных, национальных и исторических традиций страны, соблюдения прав и свобод человека. Алжирские власти в качестве основополагающих принципов приверженности демократическому и республиканскому характеру государства предложили запрещение насилия как средства прихода к власти и средства политической борьбы, уважение ислама как официальной религии Алжира, но при этом запрещение использования религиозной пропаганды в политических целях. В долгосрочном плане для реализации поставленных целей необходима была не только выработка новой концепции строительства государственных институтов, но и ее конституционализация, что и стало одной из основных задач ВГС.

Первым программным документом, в котором через достижение «национального» согласия были официально закреплены основные положения вырабатываемой концепции, можно считать Платформу

национального согласия¹, которая стала по существу временной конституцией страны на переходный период. Платформа была утверждена на Конференции национального согласия, состоявшейся в конце января 1994 года и призванной определить направление дальнейшего государственного развития Алжира после истечения полномочий ВГС. Тогда же был сформирован Национальный переходный совет (НПС), который должен был выполнять функции представительного органа, и назначен новый глава государства. Им стал бывший министр национальной обороны Ламин Зеруаль, который был приведен к присяге 1 февраля 1994 г.

Радикальное реформирование политической системы Алжира происходило на фоне возрастающей активности исламских фундаменталистов, перешедших к практике открытого террора, прежде всего против мирного населения. Одной из целей этого вооруженного террора (за эти годы в результате вооруженных столкновений от рук исламских фундаменталистов погибло около 75 тыс. человек) было стремление доказать слабость алжирской государственной власти и, следовательно, нереальность генерального правительственного курса на достижение общенационального согласия.

Документом, юридически закрепившим основные цели построения нового государства, явилась конституция 1996 года. Новая конституция должна была кардинально реформировать всю систему государственных органов, укрепить государственную власть, а также доказать, что Алжир имеет демократический политический режим. Формально конституция 1996 года базируется на тексте старой конституции 1989 года, но с внесенными в текст основного закона коренными изменениями, касающимися прежде всего структуры и характера деятельности высших государственных органов. Фактически же это текст новой конституции, к тому же принятой на всенародном референдуме, то есть формально наиболее демократическим путем. Сам референдум должен был доказать всем политическим силам внутри страны и на международной арене, что алжирское руководство во главе с президентом Л. Зеруалем пользуется полным доверием и поддержкой населения, которое одобряет правительственный курс на реорганизацию всей политической системы и демократизацию общественной жизни. На референдуме за новую конституцию проголосовало 84,6 % всех граждан, принявших участие в голосовании. Легально действовавшие оппозиционные политические партии доказывали, что проведение референдума и принятие новой конституции в условиях фактически чрезвычайного положения, нарушения прав и свобод человека, обнищания широких слоев населения, отсутствия демократических традиций волеизъявления населения могут привести лишь к усилению внутренней напряженности и конфронтации во всех областях общественно-по-

литической жизни. Такие утверждения также способствовали усилению противостояния оппозиционных сил и правительства.

Анализ принятого на референдуме текста новой алжирской конституции позволяет сделать вывод о том, что власти добились резко-го усиления авторитарных тенденций в полномочиях прежде всего главы государства — президента. Но им не удалось закрепить в тексте конституции реальные гарантии демократического характера новой государственной власти и создание подлинно демократического политического режима.

Прежде всего конституция закрепляет так называемую сверхпрезидентскую форму республики, то есть практически неограниченную и фактически неконтролируемую другими государственными органами власть президента. В руках президента в соответствии с конституцией сосредоточены самые широкие полномочия по назначению и освобождению от должности высших должностных лиц государства — главы и всех членов правительства, председателя Государственного совета, управляющего Банка Алжира, судей, руководителей службы безопасности и других высших гражданских и военных должностных лиц (ст. 77,78)². Президент осуществляет прямое руководство национальной обороной, внешней политикой, заключает и ратифицирует международные договоры Алжира, принимает решение о проведении общенациональных референдумов, председательствует в Совете министров и т.д. Конституционная сфера его полномочий огромна. Он имеет право роспуска нижней палаты парламента — Национального народного собрания, избираемого путем всеобщего голосования, назначения по своему усмотрению трети состава верхней палаты — Национального совета. Поскольку любой законопроект в парламенте требует одобрения не только нижней палаты, но и $\frac{3}{4}$ состава верхней палаты, то президент через назначаемых им депутатов может воспрепятствовать принятию любого нежелательного для него закона. Фактически исполнительная власть в лице правительства и судебная власть в лице Верховного суда полностью подконтрольны главе государства. А избранный путем всеобщего голосования президент не может быть досрочно отстранен с должности ни избирателями, ни каким-либо государственным органом. Таким образом, в центре всей системы государственных органов поставлен президент Алжира, обладающий почти неограниченными полномочиями.

Парламент как законодательный орган во многом носит характер подчиненного главе государства института. И хотя его контрольные функции распространяются на сферу правительственной деятельности и могут даже выражаться в вынесении правительству вотума недоверия, но вопрос об отставке правительства решает в окончательном виде только президент. Законодательные полномочия в

форме издания президентом законодательных указов могут быть делегированы ему парламентом на период парламентских каникул, перерыва между сессиями, а также в период чрезвычайного или осадного положения, вводимого также президентом (ст. 124). Таким образом, это делегированное законодательство еще больше усиливает полномочия президента, фактически ставя его над всеми ветвями государственной власти.

Что касается формального объема конституционных прав и обязанностей алжирских граждан, то он довольно обширен. В специальной главе IV "О правах и свободах" конституция декларирует равенство граждан перед законом, запрещение дискриминации по любым основаниям, а также обязанность государства способствовать эффективному участию всех граждан в политической, экономической и других сферах общественной жизни (ст. 29, 31). Конституция гарантирует всем алжирцам осуществление и защиту основных гражданских и политических прав и свобод: неприкосновенность личности, свободу совести и свободу выражения мнений, защиту частной жизни и достоинства человека, тайну переписки, неприкосновенность жилища, свободу проведения собраний, создание общественных объединений и т.д.

Интересны конституционные положения о роли политических партий. Конституция признает право граждан на создание и функционирование политических партий, которое может быть ограничено, если партия покушается на основные права и свободы человека, национальное единство, безопасность государства, его демократический характер и т.д. Партиям запрещено прибегать к насилию или другим принудительным действиям для достижения своих целей. Необходимо отметить, что конституция запрещает создавать партии на религиозной основе, хотя по той же конституции ислам закрепляется в качестве государственной религии, а президент обязательно должен быть мусульманином. Запрещение создавать партии на религиозной, расовой или региональной основе ставит фактически вне сферы политической деятельности не только экстремистские исламские группировки, но и большинство оппозиционных партий. Следует отметить, что новая алжирская конституция в определенных аспектах носит довольно противоречивый характер. С одной стороны, она создает основу для национальной консолидации, для экономического развития, что отражено в статьях о сильной президентской власти, определенном объеме конституционных прав и свобод человека, который при условии их действительной гарантированности и реальном осуществлении на практике мог бы потенциально обеспечить демократическое развитие Алжира. Но, с другой стороны, эти же фактически неограниченные полномочия президента, а также сама структура, порядок формирования и пол-

номочия парламента, ставящие его в откровенно зависимое от президента положение, делают проблематичным эффективную деятельность парламентской оппозиции и любых неправительственных партий, что явно противоречит идее правового государства, о котором упомянуто в тексте конституции как о важнейшем принципе (преамбула).

Наконец, сами конституционные права и свободы граждан во многом носят декларативный характер, не опираются на серьезную социально-экономическую базу, на развитые демократические институты в условиях низкой степени правового и политического сознания значительной части населения, традиционно сильных позиций ислама во всех сферах общественной и государственной жизни. Все это не создает прочной юридической основы для реального осуществления основных прав и свобод граждан, защиты их личной безопасности, физической и духовной целостности.

Кроме того, конституционные нормы о сильной президентской власти в стране, раздираемой серьезными внутренними противоречиями, совсем не гарантируют адекватное ее осуществление на практике, а часто откровенно демонстрируют прямую слабость институтов власти в попытках противостоять внутригосударственному терроризму. И в этих условиях конституционные гарантии безопасности граждан, их личных прав и свобод оборачиваются неприкрытой фикцией, а сама конституция перестает быть действующим документом.

В конце декабря 1997 года внутригосударственный террор исламских фундаменталистов в Алжире достиг своего апогея. Убийства среди мирного крестьянского населения, особенно на востоке страны, приняли массовый и угрожающий характер. Убийства происходили даже в священный для мусульман месяц рамадан. Это не могло не взволновать европейскую общественность. Алжир в срочном порядке посетила делегация Европейского Союза в составе высокопоставленных представителей Великобритании, Австрии и Люксембурга. Уже само ее прибытие в Алжир, пусть и с ограниченными полномочиями и на короткий срок (всего 24 часа), можно расценивать как отказ руководства Алжира от определенной самоизоляции, в которой он оказался в связи с непрекращающимся вооруженным противостоянием между властями и религиозными экстремистами.

Делегация обсудила с алжирским руководством в лице министра иностранных дел Алжира Ахмедом Атафом комплекс вопросов, в частности проблемы безопасности населения, права человека в Алжире, установление более тесного сотрудничества между Алжиром и Европейским Союзом. Делегация имела возможность встретиться с представителями легальной алжирской оппозиции и редакторами алжирских газет. Основной итог визита нашел свое

отражение в докладе, представленном “тройкой” в конце января 1998 года в Брюсселе на встрече глав внешнеполитических ведомств стран — членов Европейского Союза. Европейским странам в качестве рекомендаций этого совещания было предложено усилить дипломатическое давление на алжирское руководство, с тем чтобы вынудить его сесть за стол переговоров с “интегристами”, выступающими против применения насилия как способа разрешения внутривластного конфликта. Здесь следует отметить, что данная рекомендация носит довольно общий характер, так как в ней отсутствует четкое определение сил, которых авторы доклада именуют “интегристами”. Более того, подобные переговоры уже были проведены властями Алжира не только с лидерами умеренных исламских партий “Ан-Нахда” и Движение общества за мир (ДОМ), но и с некоторыми представителями руководства запрещенного Исламского фронта спасения и командованием его вооруженного крыла — Исламской армии спасения (ИАС). Их итогом стало перемирие, объявленное ИАС с 1 октября 1997 г. Кроме того, 69 представителей ДОМ и 34 депутата от партии “Ан-Нахда” вошли в первый в истории Алжира парламент, образованный на многопартийной основе в составе 380 депутатов. После проведения выборов в соответствии с конституцией 1996 года было сформировано новое правительство Алжира. Из общего количества министерских портфелей (39) семь мест в коалиционном правительстве получила партия ДОМ, что прямо подтверждает умение и желание властей находить компромисс с представителями умеренного крыла исламизма. Что же касается представителей крайнего исламистского движения, которые в период легального существования ИФС относились к его радикальному крылу, то сейчас они действуют в составе Вооруженной исламской группы (ВИГ). После объявления перемирия они вышли из так называемого исполнительного комитета ИФС за рубежом и образовали собственный Координационный совет ИФС. Но вести с ними переговоры алжирскому руководству невозможно по той простой причине, что они сами категорически против любых контактов с властями. Поэтому, по всей видимости, данные рекомендации “тройки” являются в создавшихся условиях нереальными. Совершенно очевидно, у Европейского Союза нет пока единого, четко обозначенного подхода к оценке событий в Алжире.

Напряженность и противоречивость характеризуют и американскую политику в отношении Алжира. Официальные представители Вашингтона, с одной стороны, высказывали мнение, что действия алжирской армии “соответствуют понятию правового государства”, а с другой — выдвигали требования к руководству Алжира допустить в страну международные миссии для проведения расследований об обстоятельствах массовых убийств мирного населения.

В этих условиях алжирское руководство твердо решило, что любое иностранное вмешательство в виде инспекций только всколыхнет новую волну насилия со стороны исламских экстремистов. Взяв курс на силовое искоренение крайне правых при одновременном сотрудничестве с "умеренными" исламистами, алжирские власти считают, что это чисто внутренние проблемы страны. Руководство Алжира категорически отказалось принять от Европейского Союза гуманитарную помощь и какую-либо комиссию, высказавшись только за развитие сотрудничества в области борьбы с терроризмом.

Совершенно очевидно, что внутренние проблемы алжирского государства могут быть решены только на путях общенационального согласия, тем более что курс на вооруженное решение проблемы исламского фундаментализма в Алжире является, по всей видимости, бесперспективным. По некоторым оценкам, партии фундаменталистского направления могут опираться примерно на треть алжирского населения, что подтверждается результатами выборов в Национальное народное собрание (парламент) Алжира, состоявшихся 5 июня 1997 г., на которых партии умеренного исламского толка Движение общества за мир и "Ан-Нахда" заняли второе и четвертое места соответственно, набрав в общей сложности около 42 % от числа проголосовавших.

Попытки международного сообщества, в том числе и упомянутой делегации, оказать международное влияние на решение чисто внутренних проблем Алжира тоже не представляются достаточно удачными. Кардинальное решение проблемы исламского фундаментализма объективно перерастает в общеарабскую проблему и, видимо, лежит в региональных совместных усилиях арабских стран по обузданию террористических групп, действующих в различных странах. Наиболее сложная проблема, связанная непосредственно с прекращением внутригосударственного террора на современном этапе, затрагивает не только Алжир. Проявления исламского экстремизма могут возникнуть и в других арабских и мусульманских странах. Решение ее может иметь серьезное международное значение и, возможно, станет одной из наиболее трудноразрешимых проблем начала следующего тысячелетия.

¹ Journal officiel de la Republique Algerienne Democratique et Populaire (traduction française), Alger, 29 janvier 1994.

² Constitution de la RADP du 28 novembre 1996 (Ministère de l'environnement), Alger, 1996.

Международная безопасность

МИРОТВОРЧЕСТВО: НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ И КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Ю.А. Ясносокирский*

В последние годы миротворчество стало одним из центральных направлений деятельности ряда международных организаций (ООН, ОБСЕ, СНГ), а также региональных структур закрытого типа, каковыми являются, в частности, НАТО, ЗЕС и др. По сути, понятие "*миротворчество*", или "*миротворческая деятельность*", подразумевает под собой совокупность мер, включающих мирные средства в соответствии с главой VI и рекомендации и временные меры по главе VII Устава ООН, а также коллективные действия, которые предпринимаются универсальными и региональными международными организациями с использованием военных наблюдателей, вооруженных сил, полиции и гражданского персонала. Эта деятельность направлена на предотвращение, сдерживание и прекращение конфликтов между государствами или в пределах одного и того же государства. Она способствует политическому процессу поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

* * *

В соответствии с утверждающейся в ООН практикой можно выделить четыре основных вида миротворческой деятельности, или, как их назвал Бутрос Бутрос Гали, "*инструменты обеспечения мира и безопасности*"¹: **превентивная дипломатия, поощрение к миру, поддержание мира и миростроительство (постконфликтная реабилитация)**. Не претендуя на точность и полноту, можно было бы определить указанные четыре вида миротворческой деятельности следующим образом.

* Москва.

Превентивная дипломатия представляет собой коллективные или индивидуальные действия дипломатического характера, принимаемые государствами и международными организациями или их представителями до начала вооруженного конфликта с целью предупреждения споров и разногласий между сторонами и недопущения их перерастания до масштаба конфликта. Как правило, превентивная дипломатия направлена на урегулирование споров до того, как происходит вспышка насилия.

По сути, применение методов превентивной дипломатии является наиболее эффективным и “рентабельным”², так как способствует ослаблению напряженности до перерастания ее в конфликт или, если он все же начался, направлена на принятие незамедлительных мер по сдерживанию конфликта и устранению его причин.

Инструментами превентивной дипломатии могут быть: осуществляемые генеральным секретарем (например, ООН), другими высокопоставленными должностными лицами международных организаций (в частности, в ОБСЕ — личным представителем действующего председателя) добрые услуги или посредничество; размещение с согласия, при известных условиях, принимающей страны или стран полевых миссий для осуществления превентивных и миротворческих акций. Также превентивная дипломатия предусматривает *“осуществление мер, направленных на установление мер доверия; она нуждается в раннем предупреждении, основанном на сборе информации, и установлении фактов неофициальным или официальным путем; она может также предусматривать превентивное развертывание (имеется в виду развертывание ОПМ. — Авт.) и, в ряде случаев, создание демилитаризованных зон”*³.

Эффективность превентивных мер во многом зависит от своевременности информации о наличии опасности возникновения конфликта, его причинах и возможном характере, что позволит определить адекватность этих мер, и наконец, немаловажным условием являются согласие и добрая воля сторон на проведение этих мер.

Что касается *поощрения к миру*, то оно представляет собой коллективные действия политического, дипломатического, международно-правового и иного характера, направленные на улаживание возникшего конфликта. Они могут включать в себя переговоры, посредничество, добрые услуги, оказывание различных видов помощи, превентивное развертывание ОПМ, дипломатическую деятельность, обращение к региональным организациям и временные меры, предусмотренные ст. 40 Устава ООН, по примирению конфликтующих сторон. Близкое по сути определение дает бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, называя его *“действиями, направленными на то, чтобы склонить враждующие стороны к согласию, главным образом с помощью таких мирных средств,*

которые предусмотрены в главе VI Устава Организации Объединенных Наций"⁴.

На этой стадии не исключены применение санкций в соответствии со ст. 41 Устава и использование вооруженной силы в целях *"восстановления международного мира и безопасности"* согласно ст. 42 Устава ООН.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что и на этом этапе миротворческих действий должны продолжаться дипломатические усилия по урегулированию споров и конфликтов. В этих условиях между поощрением к миру и поддержанием мира *"может и не быть разграничительной линии"*. Миротворчество (имеется в виду *"поощрение к миру"*. — *Авт.*) нередко является прелюдией к поддержанию мира — точно так же, как развертывание сил Организации Объединенных Наций на месте может расширить возможности предотвращения конфликта, облегчить миротворческие усилия и во многих случаях служить предпосылкой для миростроительства"⁵.

Употребление термина *"поддержание мира"* (peace-making) имеет в виду в первую очередь операцию по поддержанию мира (ОПМ), которую можно определить как совокупность предпринимаемых с согласия конфликтующих сторон взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени действий с участием беспристрастного международного военного и гражданского персонала в поддержку усилий по стабилизации обстановки в районах потенциальных или существующих конфликтов, проводимых в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН или международных региональных организаций, включая и ОБСЕ, и направленных на прекращение конфликта и создание условий, способствующих его политическому урегулированию. Задействование ОПМ ООН сводилось главным образом к наблюдению и обеспечению соглашений о прекращении огня, перемирии или урегулировании, разведению противоборствующих сторон, помощи в выводе войск и разоружении, созданию буферных (демилитаризованных) зон. Впоследствии задачи, выполняемые ОПМ, расширились и приобрели многокомпонентный и полифункциональный характер⁶.

Для успешного проведения миротворческих операций необходимы: четкий и реальный мандат; сотрудничество сторон в выполнении этого мандата; последовательная поддержка со стороны Совета Безопасности; готовность государств-членов предоставить необходимый военный, полицейский и гражданский персонал, включая специалистов; эффективное руководство со стороны Организации Объединенных Наций на уровне Центральных учреждений и на местах; надлежащая финансовая и материально-техническая поддержка"⁷.

Миротворчество⁸ можно определить как коллективные действия государств и международных организаций по постконфликтной реабилитации, которые направлены на восстановление важнейших элемен-

тов инфраструктуры, а также гражданских и хозяйственных институтов страны и восстановление или укрепление ее государственности.

В концептуальном плане существует тесная взаимосвязь между постконфликтным миростроительством и превентивной дипломатией. В начальной стадии конфликта целесообразно использовать взаимодополняющие усилия по восстановлению и поддержанию мира. После достижения поставленных целей необходимо создать прочный фундамент для достигнутого мира путем осуществления "непрерывной совместной работы по решению коренных экономических, социальных, культурных и гуманитарных проблем. Цель превентивной дипломатии — избежать кризиса; цель постконфликтного миростроительства — предотвратить повторение случившегося"⁹. Наличие взаимобусловленной связи между поддержанием мира и миростроительством проявляется в решении конкретных задач, например в разминировании, без чего нельзя восстановить ни сельское хозяйство, ни транспорт, ни промышленность. В той же мере, "в какой демилитаризованные зоны могут служить цели превентивной дипломатии и превентивного развертывания для избежания конфликта, демилитаризация может содействовать в поддержании мира или в постконфликтном миростроительстве как одна из мер для усиления чувства безопасности и побуждения сторон обратить свою энергию на деятельность по мирному восстановлению своих сообществ"¹⁰.

Важно также отметить, что постконфликтное миростроительство почти всегда предусматривает, наряду с предоставлением международным сообществом необходимой чрезвычайной помощи и содействия в восстановлении экономики, создание или укрепление основных социально-экономических, правовых и политических структур, включая восстановление власти законного правительства, зачастую путем организации и проведения выборов, а также реинтеграцию бывших комбатантов и других социальных групп в производственную деятельность. В силу наличия такого множества сложных проблем постконфликтное миростроительство требует тесного взаимодействия между различными международными организациями.

Таким образом, "превентивная дипломатия направлена на урегулирование споров до того, как происходит вспышка насилия; миротворчество и поддержание мира призваны остановить конфликт и обеспечить сохранение мира, как только он будет достигнут. В случае успеха они повышают шансы на миростроительство в постконфликтный период, которое может предотвратить повторение вспышки насилия между странами и народами"¹¹.

В то же время, как показывает опыт, существует тесная взаимосвязь между миротворчеством и гуманитарной деятельностью, оказание "гуманитарной помощи, предоставляемой на беспристрастной и нейтральной основе, является одним из важных компонентов мно-

госторонних усилий по реагированию на глубокие кризисы. Эта деятельность может оказывать положительное воздействие на усилия по обеспечению мира. И наоборот, миротворческие усилия и операции по поддержанию мира могут иметь важное значение для гуманитарных операций"¹². В этом контексте важно учитывать эту взаимосвязь при разработке мер ООН и других международных организаций по реагированию на кризисные ситуации.

* * *

На практике миротворческая деятельность осуществляется путем задействования так называемых *миротворческих механизмов*, которые представляют собой специальные миссии. В первую очередь это относится к миссиям ООН по поддержанию мира и военных наблюдателей и полевым миссиям ОБСЕ. По сути, они играют роль представительств вышеуказанных организаций на местах, которые призваны оказывать помощь и содействие сторонам в конфликте по установлению контакта, организации и проведению переговоров между ними, что таким образом сможет продвинуть процесс мирного урегулирования данного конфликта.

Для эффективного функционирования той или иной миссии, как представляется, чрезвычайно важными являются наличие ясной политической цели, требования ее международно-правовой обоснованности¹³ и недопущение включения в нее элементов, которые могли бы нанести ущерб ее нейтральности и беспристрастности при осуществлении своих функций. При этом необходимо, чтобы миссия тесно сотрудничала со сторонами в конфликте, руководствуясь в своих подходах уважением примата ООН, который предусмотрен в Уставе этой организации, в сфере поддержания и восстановления мира, и избегая в своей деятельности дублирования и соперничества с другими механизмами.

В то же время миссии должны быть открытыми для многонационального участия при согласии всех сторон, участвующих в урегулировании конфликта. Для этого в их деятельности должен быть обеспечен надлежащий уровень транспарентности. В случае, если по договоренности между сторонами в конфликте нужны дополнительные функции, определяемые меморандумами о понимании, соглашениями о прекращении огня или перемирии, о политическом урегулировании конфликта и др., такое расширение функций механизма должно быть санкционировано органом, выдавшим мандат.

Сотрудничество международных организаций на местах должно основываться на принципах взаимодополняемости и синергии усилий в целях оказания содействия поддержанию мира и стабильности и политическому урегулированию конфликтов. Такое сотрудничество должно строиться на:

1) уважении примата ООН, предусмотренного Уставом ООН в деле поддержания международного мира и безопасности;

2) наличии четкого распределения обязанностей вовлеченных в процесс урегулирования конфликта миссий в целях избежания дублирования функций и соперничества;

3) обеспечении легитимности для осуществления миротворческой деятельности региональных организаций в соответствии с Уставом ООН, которые правомочны выступать с инициативой и принимать широкий спектр мер, исключая применение силы, что должно быть санкционировано Советом Безопасности ООН;

4) необходимости координации работы по совершенствованию доктринальных и практических аспектов миротворчества как в рамках ООН, так и по линии региональных организаций и соглашений (ОБСЕ, НАТО, СНГ и др.);

5) необходимости тесной увязки многофункциональных ОПМ с другими инструментами предупреждения и мирного урегулирования конфликтов (превентивная дипломатия, поощрение к миру и постконфликтному миростроительству);

6) проведении миротворческих акций, которые должны осуществляться в строгом соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и Устава ООН, включая принципы суверенитета, территориальной целостности, политической независимости государств и невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства;

7) согласии и сотрудничестве сторон в конфликте, которые являются неперенными условиями осуществления миротворческих акций, включая и операции по поддержанию мира, проводимые СБ ООН или органами ОБСЕ, а случаи отзыва согласия должны безотлагательно рассматриваться в мандатирующем органе с участием сторон;

8) миротворческих акциях и осуществляемой в их рамках гуманитарной помощи, не являющихся заменой мирного урегулирования конфликтов и призванных содействовать его достижению.

¹ Дополнение к "Повестке дня для мира": Позиционный документ Генерального секретаря по случаю пятидесятой годовщины ООН // Бутрос Бутрос Гали. Повестка дня для мира: 1995 г.— Изд. 2-е (с включенными в него новым дополнением и относящимися к этой теме документами ООН). — Нью-Йорк, ООН, 1995.— С. 17.

² Как справедливо заметил бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, *"лучше предотвращать конфликты посредством раннего предупреждения, "тихой дипломатии" и, в некоторых случаях, превентивного развертывания, чем прилагать значительные военно-политические усилия по урегулированию конфликтов после их возникновения"* (Бутрос Бутрос Гали. Навстречу новым вызовам. 1995: Доклад о

работе Организации за период с сорок девятой по пятидесятую сессию Генеральной Ассамблеи.— Нью-Йорк, ООН, 1995.— С. 295).

³ *Бутрос Бутрос Гали*. Повестка дня ради мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 г. на заседании Совета Безопасности на высшем уровне. — Нью-Йорк, 1992.— С. 15.

⁴ Там же.— С. 12.

⁵ Там же.— С. 32.

⁶ Так, например, новой задачей, стоящей перед ОПМ, стало обеспечение защиты при доставке чрезвычайной гуманитарной помощи.

⁷ *Бутрос Бутрос Гали*. Указ. соч.— С. 35.

⁸ Иногда этот термин употребляется как *постконфликтное миростроительство*.

⁹ *Бутрос Бутрос Гали*. Указ. соч.— С. 40.

¹⁰ Там же.— С. 41.

¹¹ Там же.— С. 13.

¹² A/48/403—S/26450 от 4 марта 1994 г.

¹³ В первую очередь его соответствие основным принципам современного международного права, заложенным в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, Заключительном акте СБСЕ в Хельсинки 1975 г., Манильской декларации о мирном разрешении международных споров, Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, Декларации о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли Организации Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности и Декларации о совершенствовании сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности.

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 г.

МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ

Т.В. Худойкина*

С момента возникновения и в течение всего периода развития и существования международных споров и конфликтов должен действовать принцип мирного их урегулирования и разрешения как

*Кандидат юридических наук, доцент Мордовского государственного университета.

общепризнанный императивный принцип международного права. Урегулирование спора, конфликта — это такая стратегия процедурного их решения, которая направлена на достижение определенного компромисса, позволяющего сторонам “достичь некоторых, если не всех, первоначальных целей”¹. Разрешение спора, конфликта — стратегия, направленная на устранение их основы (противоречия) и “принятие решения, приемлемого для всех участников конфликта”².

Прежде чем приступить к рассмотрению правового содержания данного принципа и механизму его реализации, разберемся с понятиями таких категорий, как “конфликт”, “спор”, “ситуация”. В Уставе ООН для квалификации конфликтных отношений (конфликта) используются только термины “спор” и “ситуация”. Причем ни категория “международный спор”, ни категория “международная ситуация” в Уставе ООН не определяются.

В зависимости от уровня возрастания напряженности международных отношений можно составить следующую последовательную цепочку возникновения явлений: международная ситуация — международный спор — международный конфликт — международный вооруженный конфликт. Сначала создается ситуация (совокупность обстоятельств, положение, обстановка), далее в ней может возникнуть спор (словесное состязание, разногласие), который, возможно, перерастет в конфликт.

Научное определение термина “конфликт” (от лат. *conflictus* — столкновение) неоднозначно как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Согласно мнению одних зарубежных конфликтологов, конфликт существует уже в том случае, когда налицо противоречие, противоположность, несовместимость, несоответствие (Р. Дарендорф, Дж. Бернанд, К. Боулдинг, Л. Крисберг). Для других он возникает в тех ситуациях, когда несовместимость предполагает противоборствующие типы поведения (Л. Козер, М. Крозье). Третьи за основу берут лишь поведенческий аспект рассматриваемого процесса (Э. Гидденс, М. Дойч).

Определение конфликта следует выводить из таких понятий, как “противоборство” (борьба, столкновение) и “противоречие” (противоположность, несовместимость), вместе взятых, что и делается в последнее время в отечественной научной литературе (А.В. Дмитриев, Ю.Г. Запрудский, В.Н. Кудрявцев и др.).

Конфликт — это противоборство сторон с противоречивыми интересами. Именно противоборство сторон, то есть когда обе стороны (для конфликта необходимы по меньшей мере две стороны) совершают определенные действия, направленные друг против друга, надо понимать под конфликтом. И здесь важно отличать их от односторонних действий, которые хотя и могут носить насильственный, агрессивный или какой-либо иной неприемлемый для другой

стороны характер, но не всегда перерастают в противоборство. Неучет данного аспекта приведет к неоправданному расширению понятия конфликта за счет включения в него процессов, лишь внешне схожих с противоборством, но не характеризующихся взаимодействиями.

Следовательно, можно дать следующее определение международного конфликта. Международный конфликт — это противоборство субъектов международного права с противоречивыми (противоположными) политико-правовыми интересами. Итак, конфликт — это противоборство, столкновение, возникшее на основе разногласия, то есть спора. Не будет ошибкой определить конфликт и как серьезное разногласие в форме столкновения. А международный спор — это отношение в форме разногласия между субъектами международного права с противоречивыми (противоположными) политико-правовыми и политическими интересами. Определение спора в Уставе ООН не содержится.

“Спор, — по определению Д.Б. Левина, — имеет место в том случае, когда одно государство предъявляет претензии к другому государству”, которое отвергает эти претензии или принимает их частично³. А конфликт — это уже чередование взаимных реакций, направленных на утверждение интересов каждой стороны и ограничение интересов противника⁴.

Термины “спорная ситуация”, “конфликтная ситуация” не тождественны терминам “спор”, “конфликт”. Ситуация может быть различной (спорной, конфликтной), в том числе и неопределенной. Понятие “ситуация” (от позднелат. *situatio* — положение) обозначает сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку. Под международной спорной, конфликтной ситуацией следует понимать такое совмещение обстоятельств государственных интересов, которое объективно создает почву для реального разногласия, противоборства между субъектами.

Главная черта спорной, конфликтной ситуации — возникновение противоречий между субъектами международного права и осознание ими этих противоречий. Сами противоречия могут существовать годами, а спор (конфликт) может так и не начаться. Чтобы спор (конфликт) стал реальным, участники его должны осознать сложившуюся ситуацию как спорную (конфликтную). То есть международная спорная, конфликтная ситуация — это всегда ситуация, в которой два или более государства “осознают, что обладают взаимно несовместимыми целями”⁵.

Итак, развитие международных событий может протекать от спорной, конфликтной ситуации до спора, конфликта и, что самое страшное, до вооруженного конфликта. Как юридическое понятие термин “международный вооруженный конфликт” впервые упоми-

нается в Женевских конвенциях 1949 года, но в них нет определения этой категории. Поэтому следует обратиться к практике государств, в соответствии с которой любое применение вооруженной силы одним государством против территории другого сразу же вызывает применение Женевских конвенций к отношениям между этими двумя государствами.

Прежде международное право лишь побуждало, но не обязывало государства обращаться к мирным средствам разрешения международных споров. Так, Гагская конвенция о мирном решении международных столкновений 1907 года в ст. 2 рекомендовала “прежде, чем прибегнуть к оружию, обращаться, насколько позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству” (сам круг мирных средств предлагался весьма узкий).

Позже государства — члены ООН приняли на себя обязательство “проводить мирными средствами” урегулирование и “разрешение международных споров и ситуаций” (п. 1 ст. 1 Устава ООН). Обобщая вышеизложенное авторское понимание понятий “ситуация”, “спор”, “конфликт”, можно констатировать, что в данном случае термин “ситуация” следовало бы заменить термином “конфликт”, то есть необходимо разрешать мирными средствами все международные споры и конфликты.

Механизм реализации принципа мирного урегулирования и разрешения международных споров существует в виде системы средств такого урегулирования. Согласно ст. 33 Устава ООН, государства — участники спора должны прежде всего стремиться разрешить спор путем “переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашения или иными мирными средствами по своему выбору”.

Правовое содержание принципа мирного разрешения международных споров составляет совокупность прав и обязанностей государств — участников спора. Так, государства обладают правом свободного выбора по обоюдному согласию средств мирного урегулирования возникших между ними споров и конфликтов. Право свободного выбора не исключает для государств — участников спора, конфликта возможности заблаговременно выражать свое согласие на обязательное применение отдельных мирных средств (например, в соответствии со ст. 36 Статута Международного Суда обязательной является юрисдикция Международного Суда по требованию одной из сторон (государств — участников Статута) в споре).

Государства обязаны разрешать споры и конфликты между собой исключительно мирными средствами, на основе международного права и справедливости, должны воздерживаться от действий, способных обострить спор. Государства не вправе оставлять свои

международные споры и конфликты неразрешенными, что означает необходимость продолжения поиска путей разрешения, если взаимно согласованный спорящими сторонами способ урегулирования не принес положительных результатов.

Продуктивна следующая последовательность наиболее эффективных мирных способов урегулирования и разрешения международных споров и конфликтов:

1. Переговоры, при которых заинтересованные стороны самостоятельно или с помощью избираемых посредников анализируют спорную, конфликтную ситуацию, оценивают позиции и действия каждой из них, рассматривают варианты решений, находят компромисс, являются наиболее действенным способом преодоления международных разногласий и столкновений.

Общая методология переговорного процесса очень полезна на ранних стадиях возникновения споров, конфликтов и при готовности участников искать пути их согласованного разрешения. Но готовность сторон идти на компромиссы не является обязательным атрибутом переговоров. Возможна и такая ситуация, при которой каждая из сторон выражает просьбу или выдвигает требование, не намереваясь идти на компромисс, а лишь надеясь на уступки другой стороны. Подчас сами переговоры могут привести к обострению отношений. В зависимости от конкретной обстановки в переговорах могут преобладать конфликтные взаимоотношения либо сотрудничество. В любом случае отказываться от них нецелесообразно.

Международные переговоры — процесс принятия совместного решения двумя или более государствами. Предварительно необходимо осуществить их специальную подготовку (первая стадия переговоров). Этот вид деятельности предполагает работы как организационного характера, так и содержательного: достижение соглашения о необходимости переговоров; определение места и времени встречи; разработку повестки дня (определение приоритетов и порядка их обсуждения); определение стратегии и тактики переговоров; оказание помощи каждой из сторон в осмыслении сложившейся ситуации; переформулирование (с учетом принципов и норм международного права и нового видения ситуации) требований конфликтующих сторон друг к другу; создание атмосферы доверия между участниками переговоров; определение целей и задач переговоров; разработку предложений и их аргументацию; составление необходимых документов и материалов. Уже одно перечисление этих видов работ говорит о том, что здесь закладывается фундамент разрешения спора, конфликта. Как видно, некоторые подготовительные работы требуют участия третьей стороны.

Вторая стадия переговоров — процесс их ведения. Эта стадия может быть довольно длительной и трудной, так как она предпола-

ет непосредственный контакт участников конфликта. Переговоры могут включать в себя различные типы действий: просьбы, требования, предложения, обещания, отказы и др. Но уважительный диалог — самая эффективная форма нахождения компромиссного, взаимоприемлемого решения.

Что же необходимо делать, чтобы добиться подлинного диалога в переговорах? Во-первых, важно осознать требования к диалогу исходя из ценностных оснований, логики и психологии переговоров. Во-вторых, нужно выработать навыки культурного ведения диалога, которые предполагают определенный стиль поведения. В-третьих, следует научиться контролировать ход переговоров (для этого можно использовать компетентного посредника).

Эффективность переговоров зависит от многих факторов. Отметим некоторые из них.

А. Чем длительнее будут переговоры, тем больше вероятностей достигнуть на них какого-то согласия, так как, во-первых, получение новых сведений в диалоге позволит принять решение с лучшим знанием и пониманием ситуации; во-вторых, между сторонами могут установиться лучшие отношения и климат доверия; в-третьих, могут уменьшиться требования сторон; в-четвертых, при выяснении обстоятельств конфликт может быть исчерпан сам собой (например, если это ложный конфликт, неправильно понятый). По необходимости возможно создание органа, в котором конфликтующие стороны регулярно встречались бы с целью ведения переговоров по всем острым темам, связанным с конфликтом. Немаловажную роль будет играть установление нескольких этапов переговоров. Хотя время, бесспорно, может благоприятствовать переговорам, оно может иметь и отрицательные последствия (затягивание переговоров), что надо учитывать.

Б. В начале переговоров противоборствующие стороны должны успокоиться и реалистически оценить ситуацию, выяснить первоначальные интересы и требования друг друга. Контакт лицом к лицу, который возможен в переговорах, позволит лучше понять психическое состояние сторон.

В. Постоянная возможность видеть ведущего переговоры может улучшить отношения сторон. В переговорах желательно всегда участие третьей стороны. Мнения и реакции третьей стороны необходимы, чтобы составить объективное и реалистическое представление о ситуации.

Г. Важен правильный выбор лица (третьей стороны), ведущего переговоры. Необходимо учитывать возможное противоречие между его должностным уровнем и уровнем компетентности. Может случиться, что лицо, имеющее необходимый для разрешения конфликта должностной уровень, не обладает информацией, опытом, готовностью вести

переговоры и больше вредит, чем помогает делу. В идеале ведущим переговоры по урегулированию и разрешению международного спора, конфликта должен быть специалист и в международном праве, и в конфликтологии, и в психологии. Помимо этого ведущий должен обладать следующими чертами характера: а) обладать эмоциональной зрелостью и устойчивостью; б) уметь слушать, быть хорошим интервьюером; в) уметь использовать логические доводы, для того чтобы убедить других, что его точка зрения разумна и обоснованна; г) легко устанавливать контакты; д) уметь действовать в ситуации неопределенности и брать на себя ответственность; е) делать серьезную ставку на переговоры. Но так как на практике пока трудно найти лицо, являющееся специалистом и в международном праве, и в конфликтологии, и в психологии, то ведущий переговоры должен иметь советников.

Методика ведения переговоров достаточно разнообразна. Наиболее эффективны, как свидетельствует практика, переговоры, в ходе которых решение не навязывается одной из сторон, а вырабатывается всеми участниками совместно. В данном случае переговоры представляют вид деятельности, в ходе которого проходит выяснение интересов друг друга, определение желаемого результата, возможных уступок партнеру, определение границ, выход за пределы которых означает для сторон, участвующих в переговорном процессе, неэффективность результатов переговоров.

Итоговым документом переговоров обычно является договор. Договор — это явно выраженное согласованное волеизъявление между двумя и более сторонами переговоров относительно их взаимных прав и обязанностей.

Договоры могут иметь самые различные наименования: договор, соглашение, пакт, трактат, конвенция, декларация, коммюнике, протокол, заявление и т.п. Форма избирается по согласию сторон. В основном договоры заключаются в письменном виде, но возможны и устные договоренности. Устное соглашение возможно лишь при условии высокой степени доверия сторон друг к другу. Достигнутые договоренности — устные или зафиксированные в договорах — служат импульсом к разрешению международных споров и конфликтов, если стороны следуют им.

Но бывает и наоборот, когда успешное завершение переговорного процесса не означает реального изменения намерений и действий сторон, договоренность не соблюдается и конфликт не угасает. В этом случае, а также если сами переговоры не привели к положительному результату либо остались безрезультатными, необходимо привлечение третьей стороны (не участвующих в конфликте лиц или организаций). Если в первом случае, видимо, уже необходимо прибегнуть к арбитру, то во втором случае может быть достаточным привлечение посредника.

2. Наиболее мягкой формой участия третьей стороны является посредничество, то есть соглашение сторон от случая к случаю выслушивать посредника и рассматривать его предложения. Несмотря на кажущуюся необязательность этого образа действий, посредничество часто оказывается в высшей степени эффективным инструментом регулирования и разрешения международных споров и конфликтов. Посредничество — процесс управления конфликтом (спором), “в котором спорящие стороны стремятся к помощи или согласны на ее получение от индивидуала, группы, государства или организации для урегулирования их конфликта и разрешения их противоречий без обращения к физической силе или к власти закона”⁶.

В некоторых международных спорах и конфликтах важно с самого начала разногласия и противоборства привлечение посредника (помощника или консультанта). Его отличие от арбитра состоит в том, что сам посредник ничего не решает, он только организывает контакты, содействует переговорам сторон, дает консультации. В противоположность арбитрам посредники в основном приглашаются для консультации по самой процедуре решения спора, а не для рассмотрения предмета спора. Посредник выступает в качестве неофициального участника процесса, рекомендации и решения которого не носят обязательного характера для сторон, участвующих в конфликте.

3. Если путем переговоров и посредничества соглашение между противоборствующими сторонами по спорному вопросу не достигнуто и конфликт не разрешен, то в этом случае можно обратиться к арбитру, к третейскому судье. Возможны следующие виды третейского суда: а) обязывающий арбитраж (представляет собой процесс, в котором противоборствующие стороны выбирают нейтральное лицо или несколько лиц для рассмотрения их споров и вынесения окончательного решения, имеющего обязательную для них силу); б) рекомендательный арбитраж (процедура рекомендательного арбитража аналогична процедуре обязывающего арбитража, но решение, вынесенное арбитрами, носит рекомендательный характер. Конфликтующие стороны могут принять его либо отвергнуть и передать дело в суд или прибегнуть к иной обязывающей процедуре).

Существует несколько видов международных арбитражных органов: постоянный арбитраж (Постоянная палата третейского суда, учрежденная еще в 1901 г. и существующая до сих пор в Гааге); арбитражи *ad hoc* (создаются для рассмотрения конкретного спора между государствами); в качестве третьей стороны могут выступать единоличный арбитр (посторонний для спорящих государств), группа арбитров из третьих государств.

4. В случае неэффективности применения несудебного разрешения международного спора либо конфликта спорящим сторонам либо третьей стороне необходимо прибегнуть к судебному разбирательству.

Судебный процесс должен быть последним этапом в применении мирных способов урегулирования и разрешения международных споров и конфликтов. Итак, у государств — участников спора, конфликта всегда есть возможность выбора способа преодоления разногласия и противоборства. Они могут достигнуть соглашения путем прямых переговоров либо с помощью посредников, могут обратиться за разрешением конфликта к арбитру, в третейский суд, исходя из того, что подчинятся его решению и выполняют это решение добровольно, либо в международный суд.

¹ *Mitchell C.R.* The Structure of International Conflict.— L., 1981.— P. 122–123.

² *De Reuck A.* The Logic of Conflict: Its Origin. Development and Resolution // Conflict in World Society. A New Perspective on International Relations / Ed. by M. Banks.— L., 1984.— P. 96–111.

³ *Левин Д.Б.* Принцип мирного разрешения международных споров.— М., 1977.— С. 60.

⁴ См. *Lewi W.* International Politics: Foundations of System.— Minneapolis, 1974.— P. 171.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Mitchell C.R.* *Op.cit.*— P. 46.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.

ПОНЯТИЕ И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ НАЕМНИЧЕСТВА

В.В. Алешин*

Участие наемников в вооруженных конфликтах, их использование для вмешательства во внутренние дела, угрозы территориальной целостности и независимости суверенных государств, воспрепятствования процессу самоопределения народов, подрыва международного мира и безопасности вызвали негативное отношение к такому явлению, как наемничество.

I

История найма иностранных граждан для укрепления армий иностранных государств связана с созданием вооруженных сил и

* Кандидат юридических наук.

вооруженными конфликтами. В Древнем Египте воины из Ливии составляли боеспособную часть армии феодалов. Наемную армию содержала купеческая республика Карфаген. Были наемные воины и на Руси. В 944 году князь Игорь, направляясь к Царь-граду, предварительно укрепил свое войско печенегами. Болгары сообщали императору Роману: "Идут русские наняли и печенегов"¹.

В средние века наемники использовались для борьбы с восстаниями городской бедноты и крестьян. В мае 1358 года на северо-востоке Франции при участии наемников было подавлено крестьянское восстание под предводительством Гильома Каля, известное в истории под названием Жакерия. В 1381 году английский король Ричард II, опираясь на английских рыцарей и наемных солдат, учинил жестокую расправу над восставшими под руководством Уота Тайлера².

В XVII—XVIII веках цари привлекали в русскую армию иностранцев. При Федоре Иоанновиче в русской армии служили немцы, поляки, литовцы, шотландцы, датчане, шведы, греки³. Русской армией Петра I в боях под Нарвой командовал бывший генерал австрийской армии, а офицеры-иностранцы были обычным явлением в петровскую эпоху.

Исторические факты свидетельствуют о том, что в разные эпохи в армиях различных государств и предводителей служили иностранцы. Однако важно отметить, что, во-первых, наемничество в то время не рассматривалось как противоправное деяние, а во-вторых, иностранных граждан, проходивших службу в армиях других суверенных государств, следовало бы рассматривать как военнослужащих-контрактников, то есть лиц, которые проходят военную службу на основе заключенного контракта (соглашения), в котором закрепляются права и обязанности сторон. Возможность прохождения военной службы в армии другого государства должна быть закреплена национальным законодательством (указом, манифестом и т.д.). Примером может служить изданный в 1702 году Петром I Манифест о вызове иностранцев на службу в Россию, обещавший им хорошие условия, охрану прав и свободу совести⁴.

II

С течением времени укреплялись государства, их вооруженные силы и спецслужбы, становились более изощренными методы и средства ведения войны. Вместе с тем зарождался и укреплялся противоправный институт наемничества, который в полной мере заявил о себе в период распада колониальной системы. В начале 60-х годов наемники направлялись в Конго (Заир) под предлогом защиты бельгийцев. Однако при их активной помощи сепаратист Чомбе сверг законное правительство Патриса Лумумбы. В 70-х годах реак-

ционные круги использовали наемников против Анголы, Бенина и ряда других государств.

Деятельность наемников проявилась в период вооруженного противостояния в Чечне. В августе 1996 года на совещании руководящего состава экстремистских группировок из Судана, Эфиопии, Сомали, Йемена, проведенном в Могадишо (Сомали) иранскими эмиссарами, было решено перебросить в Чечню в течение осени 1996 года от 500 до 700 боевиков из арабских стран, Афганистана, Пакистана. В настоящее время в Турции действует Северо-Кавказская черкесская община (СКЧО), которая объединяет 44 организации численностью 1,5 млн. человек. В нее входят черкесы, кабардинцы, чеченцы, адыгейцы. В ходе конфликта в Чечне представители общины неоднократно выезжали в районы боевых действий. Кроме того, имеются данные о том, что представители СКЧО занимались вербовкой наемников для чеченских вооруженных формирований⁵.

В сознании человечества наемничество всегда рассматривалось как глубоко безнравственное явление. Поэтому проведение в Луанде судебного процесса над группой наемников было воспринято как справедливая акция. В июне 1976 года в Луанде был начат судебный процесс в отношении английских и американских наемников. Этот процесс дал важный материал не только для становления правовой нормы об уголовной ответственности наемников. Он показал противоправность деятельности тех государств, которые способствовали и поощряли наемничество⁶.

В известном труде "О войне" К. Клаузевиц отмечает, что война всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она представляет собой политический акт. Война — это подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами⁷. Однако государства ограничены в выборе средств и методов ведения войны. Согласно ст. 35 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I от 8 июня 1977 г.), право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным. Данная международно-правовая норма подтвердила существование в международном праве принципа, который ограничивает воюющих в выборе средств и методов ведения войны, сформированного в Декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 года и Конвенции (IV) о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага) 1907 года. Использование наемников для достижения конкретных политических целей, проведение политики, выгодной определенной реакционной группе лиц, с точки зрения современного международного права является противоправным и уголовно наказуемым деянием.

Представляется убедительной точка зрения австралийского юриста Х. Бурместера относительно того, что использование наемников в условиях нового правового порядка, установленного Уставом ООН, в вооруженных конфликтах следует рассматривать как иностранную интервенцию, хотя третье государство прямо и не вовлечено в конфликт и не одобрило использование своих граждан в качестве наемников⁸.

III

Международно-правовыми документами, запрещающими наемничество, являются акты, принятые Организацией африканского единства (ОАЕ), среди которых – резолюция о наемниках, одобренная Ассамблеей ОАЕ в городе Киншаса 14 сентября 1969 г., резолюция VII Чрезвычайной сессии Совета министров ОАЕ, состоявшейся в Лагосе в 1970 году, Декларация о деятельности наемников в Африке, принятая в Аддис-Абебе в июне 1971 года. В этих документах наемничество квалифицируется как орудие преступления колониалистской политики, указывается на то, что наемники представляют собой серьезную угрозу миру и безопасности, территориальной целостности⁹.

Организация Объединенных Наций рассматривала и неоднократно обсуждала вопросы, связанные с противоправностью наемничества. К международно-правовым актам, принятым ООН, следует отнести резолюцию Генеральной Ассамблеи № 2465 “Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам” (1968 г.), Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1979 г.), Резолюцию об основных принципах правового режима комбатантов, борющихся против колониального и иностранного господства и расистских режимов (1973 г.), Резолюцию Генеральной Ассамблеи “Определение агрессии” (1974 г.), Декларацию о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (1981 г.), Декларацию об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях (1987 г.). Из указанных актов вытекают три основных *требования*: а) принять законы, объявляющие набор, финансирование и обучение наемников на территории государств преступлением; б) запретить своим гражданам службу в качестве наемников; в) воздерживаться от организации, подстрекательства, пособничества и участия в действиях, связанных с наемничеством.

В декабре 1989 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила Конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и

обучением наемников (в силу пока не вступила). Статья 5 этой конвенции закрепляет положение, согласно которому государства не вербуют, не используют, не финансируют и не обучают наемников и запрещают такую деятельность.

Закрепление в источниках права вооруженных конфликтов положения о том, что использование наемников — это уголовное преступление, означает, что осуждаются не действия (поведение) наемников, а поведение государства. Действия государства, которое посылает наемников в другую страну или терпимо относится к вербовке и деятельности наемников — своих граждан, должны рассматриваться как противоправные. Тот факт, что в документах ООН употребляется слово “использование”, резюмирует международно-правовую ответственность государства, в интересах которого действуют наемники¹⁰.

Впервые содержание понятия “наемник” раскрывается в ст. 47 Протокола I. Наемник — это любое лицо, которое: специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; фактически принимает непосредственное участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам того же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

Положения Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года (далее: Конвенция 1989 г.) детализируют термин “наемник” и закрепляют, что наемником является также лицо, которое специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на свержение правительства или иной подрыв конституционного порядка или подрыв территориальной целостности государства (п. 2 ст. I).

Таким образом, термином “наемник” охватывается не только лицо, специально завербованное для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте, и непосредственно участвующее в нем, но и лицо, специально завербованное для участия в разовых или неоднократных специальных насильственных действиях. Речь идет о

подрывных акциях, направленных на свержение законного правительства, изменение (ослабление) государства. Такие противоправные деяния не связаны с непосредственным участием в вооруженном конфликте, однако представляют серьезную угрозу для стабильности и безопасности государства.

В этом смысле действия наемников тесно связаны с международной террористической деятельностью. А.Н. Трайнин справедливо указывал, что это не только родственные, но и тесно связанные между собой явления. Из подобных организаций и банд выходят террористы, и сам террор является одной из функций этих организаций¹¹.

Отечественный ученый юрист Е.Г. Ляхов в своей работе "Терроризм и межгосударственные отношения" убедительно показывает, что международный терроризм представляет собой совокупность совершенных в условиях мира между государствами следующих деяний:

а) незаконное и преднамеренное совершение лицом (группой лиц) на территории государства насильственного акта в отношении пользующихся защитой, согласно мировому праву, иностранных государственных или международных органов, их персонала и транспорта;

б) организованное или поощренное иностранным государством на территории данного государства незаконное совершение лицом (группой лиц) насильственного акта в отношении национальных учреждений, политических и общественных деятелей, населения, объектов в целях изменения государственного и общественного строя, провокации международных конфликтов и войны¹².

Статья 47 Протокола I и положения Конвенции 1989 года четко устанавливают критерии наемника. Во-первых, главным критерием определения наемника является материальное вознаграждение. Форма вознаграждения в нормах права не указана, но это гораздо выше выплачиваемого комбатантам того же ранга, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны. Во-вторых, наемник специально вербуются для участия в конкретном вооруженном конфликте и действительно участвует в таком конфликте. Важной представляется точка зрения российских юристов И.Н. Арцибасова и С.А. Егорова, которые отмечают, что в данном случае несущественным является, где наемник завербован (за границей или на территории государства, в котором происходит вооруженный конфликт), а также кто его завербовал (специальная организация, частное лицо или представитель одной из воюющих сторон)¹³. В-третьих, наемник не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте. У наемника отсутствует какая-

либо правовая связь с государством, на территории которого происходит вооруженный конфликт. На территорию суверенного государства наемники переправляются (забрасываются) негласно, с соблюдением строгих мер конспирации или же официально прибывая в страну, например в качестве туристов, переходят на негласное положение и участвуют в противоправной деятельности. Поэтому одной из задач спецслужб и правоохранительных органов является выявление, предупреждение и пресечение деятельности вербовочных пунктов (баз), вербовщиков, самих наемников, а также возможных каналов переправки “солдат удачи”, оружия, специальных средств, предназначенных для их противоправной деятельности. Данная задача является актуальной и, по-видимому, должна быть нормативно закреплена на уровне международного межведомственного и межучрежденческого сотрудничества компетентных органов. В-четвертых, наемник не послан государством, которое не участвует в вооруженном конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил. Данный критерий проводит различие между наемниками и военными советниками. Последние направляются в иностранное государство на основе двусторонних соглашений для оказания помощи в создании вооруженных сил, подготовке военных кадров, обучении войск, но непосредственного участия в военных действиях они не принимают. В-пятых, наемник не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте. Это обстоятельство позволяет провести четкое разграничение между наемниками и добровольцами. В отличие от наемников, участие добровольцев в военных действиях на стороне одного из воюющих правомерно. Основные положения, касающиеся добровольцев, были закреплены Гаагскими конвенциями 1907 года. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны содержит норму, в соответствии с которой ответственность нейтральной державы не возникает вследствие того, что частные лица отдельно переходят границу, чтобы поступить на службу одного из воюющих (ст. VI). Важно отметить, что доброволец включается в личный состав вооруженных сил конкретного государства, и этот факт делает его законным комбатантом. Воюющая сторона ответственна за все действия, совершенные лицами из состава ее вооруженных сил (ст. 3 VI Гаагской конвенции 1907 г.). Исходя из этого, воюющая сторона принимает на себя всю полноту ответственности за действия, совершенные добровольцем. Наемник не входит в личный состав вооруженных сил, и ни одно государство не готово признать его действия как собственные.

Таким образом, пять рассмотренных критериев определяют конкретного индивида, конкретную личность как наемника. Важным

представляется тот факт, что критерии должны рассматриваться только в совокупности.

Наемники в соответствии с нормами международного права рассматриваются как уголовные преступники. Поэтому государства, на территории которых наемники совершили противоправные деяния, могут преследовать и судить их. Государства в своих национальных законодательствах также закрепили противоправность наемничества.

Еще в 1870 году в Англии был принят Акт о службе иностранному государству. Положения этого акта запрещали подданным Великобритании поступать на службу к иностранному государству для участия в военных действиях против другого государства, если Великобритания не находится с последним в состоянии войны. В Швеции в 1948 году был принят специальный закон, запрещающий вербовку в армию иностранного государства и незаконный выезд из страны с целью поступления на такую службу. Положения Уголовного кодекса США закрепляют противоправность наемничества¹⁴. Уголовный кодекс ФРГ предусматривает тюремное заключение на срок от трех месяцев до пяти лет за вербовку гражданина ФРГ на военную службу в интересах иностранного государства в военное или подобное ему учреждение или доставку его вербовщикам этого учреждения¹⁵.

В российском законодательстве противоправность и наказуемость наемничества закреплены в ст. 359 Уголовного кодекса. Само определение наемника содержится в примечании к указанной статье. На первый взгляд, данное определение близко к определению, содержащемуся в ст. 47 Протокола I. Однако детальный сравнительно-правовой анализ позволяет выявить ряд расхождений.

Во-первых, примечание к ст. 359 позволяет считать наемником не только лицо, принимающее участие в боевых действиях, но и лицо, чья деятельность непосредственно не связана с участием в боевых операциях, ими могут быть врачи, повара, техники, механики, специалисты по радиосвязи, переводчики. Во-вторых, согласно примечанию, наемником может быть признано лицо, являющееся гражданином стороны, участвующей в конфликте, но не проживающее постоянно на ее территории, или, наоборот, не являющееся гражданином данной стороны, но постоянно проживающее на ее территории¹⁶. В-третьих, примечание не содержит важного квалифицирующего признака, в соответствии с которым можно провести различие между наемником и добровольцем. В соответствии с примечанием к ст. 359 наемник не входит в состав вооруженных сил стороны, за которую он сражается. При наступлении уголовной ответственности наемник не может ссылаться на исполнение приказа или распоряжения (в УК России данная норма закреплена в ст. 42),

так как он не является комбатантом и не входит в личный состав воинских подразделений стороны, участвующей в конфликте.

В случае, когда лицо в государстве своего гражданства принимает участие в боевых действиях на стороне отрядов вооруженной оппозиции, то есть непосредственно участвует в вооруженном конфликте немеждународного характера, его действия в соответствии с существующими нормами нельзя квалифицировать как наемничество. Такие противоправные деяния следует оценивать в соответствии с нормами уголовного законодательства конкретного государства. Например, в УК России такие деяния охватываются составом, закрепленным в ст. 208 "Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем".

Таким образом, определение наемника, содержащееся в ст. 359 УК России, не в полной мере соответствует юридическим признакам, закрепленным в ст. 47 Протокола I. Выявленные несоответствия создают определенные трудности для ученых и юристов-практиков при исследовании и квалификации данного противоправного деяния. При доработке данной нормы следовало бы включить в примечание к ст. 359 УК России определение и признаки, квалифицирующие наемника, содержащиеся в ст. 47 Протокола I.

IV

Значительное место в борьбе и противодействии наемничеству должно отводиться механизму сотрудничества государств. Разработка и совершенствование механизма сотрудничества в современный период приобретают не только теоретическое, но и практическое значение. От того, каким будет созданный механизм, как он будет урегулирован, зависят слагаемые успеха деятельности государств и их компетентных органов в борьбе с наемничеством.

Под механизмом сотрудничества следует понимать систему правовых и организационных мер, направленных на реализацию достигнутых соглашений в сфере борьбы с наемничеством. Важное место в области борьбы с рассматриваемым противоправным явлением занимают международно-правовые и административно-правовые меры.

В самом общем виде механизм сотрудничества государств, закрепленный в Конвенции 1989 года, выглядит следующим образом.

Государство, имеющее основание полагать, что совершено, совершается или будет совершено противоправное деяние, связанное с наемничеством, информирует об этом непосредственно или через Генерального секретаря ООН заинтересованные государства. Государство в соответствии со своим национальным законодательством и международными соглашениями осуществляет необходимые меры

на своей территории или на борту морских и воздушных судов, зарегистрированных в этом государстве, а также в отношении лиц, находящихся на территории этого государства. Какие конкретные меры и при каких условиях их может применять государство, в Конвенции не указано. Однако такие меры, как правило, подразделяются на три основные группы: общепредупредительные, административно-правовые (режимные) и правоохранительные.

К общепредупредительным следует отнести меры, выполняющие упреждающие функции: прогнозирование, сбор, обобщение и оценку информации, разработку и корректировку действующего законодательства и т.д.

Административно-правовые (режимные) меры призваны установить барьеры, затрудняющие противозаконные действия: усиление охраны складов с оружием, введение пропускной системы в определенные районы для проезда и пребывания, введение режима чрезвычайного положения и т.д.

Правоохранительные меры применяются к лицам, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что их противоправная деятельность связана с наемничеством: имеются кино- и фотодокументы, подлинные контракты о вербовке в качестве наемника, свидетельские показания и т.д. Такие лица заключаются под стражу, и проводится предварительное расследование.

Первые два вида мер осуществляются широким кругом государственных органов с привлечением местных жителей. Правоохранительные меры должны осуществляться исключительно компетентными органами (спецслужбами, правоохранительными органами и т.д.), в компетенцию которых входит подобного рода деятельность.

Государство, на территории которого находится предполагаемый преступник, уведомляет непосредственно или через Генерального секретаря ООН прежде всего государство, на территории которого было совершено преступление или против которого было направлено преступление или покушение на преступление. Кроме того, уведомляется государство, гражданство которого имеет физическое или юридическое лицо, против которого было направлено преступление или покушение на преступление. Следующим адресатом является государство, гражданином которого является предполагаемый преступник. В случае, если он лицо без гражданства, то информируется государство, на территории которого он обычно проживает. Более того, такая информация может быть направлена в любое другое заинтересованное государство, если возникнет какая-либо необходимость.

Критерии уведомления другого заинтересованного государства при возникшей необходимости Конвенция не закрепляет. По-видимому, такой стороной может быть государство, в котором предпо-

лагаемый преступник открыл счет в банке, занимался бизнесом, ранее совершил преступление или отбывал наказание, где проживают его родственники, имеются близкие связи и т.д.

Недоработкой Конвенции является отсутствие содержания уведомления, то есть той информации, которая будет передаваться другому государству или направляться Генеральному секретарю ООН. Уведомление может быть: общим — фамилия, имя, отчество (или второе имя), год и место рождения, характер противоправной деятельности; подробным — помимо указанных данных необходимо представить информацию о семейном положении, наличии недвижимости, государствах, в которых предполагаемый преступник жил (или посещал), местах отбывания наказания, близких связях и т.д.

Для урегулирования выявленных пробелов и обеспечения более четкого и объективного обмена информацией между государствами и их компетентными органами целесообразно разработать дополнительный протокол к рассматриваемой Конвенции.

Положения Конвенции гарантируют задержанному лицу право связаться и встретиться с представителем своего государства, гражданином которого оно является, а лицу без гражданства — с представителем государства, на территории которого оно обычно проживает.

Конвенция специально закрепляет, что на всех стадиях судебного разбирательства необходимо соблюдение беспристрастности и выполнения всех прав и гарантий, предусмотренных национальным законодательством.

Государство, на территории которого проходит судебный процесс, информирует о его окончательных результатах Генерального секретаря ООН, который направляет эту информацию заинтересованным государствам. Важно указать, что нормы Конвенции закрепили возможность выдачи (экстрадиции) предполагаемого преступника для судебного разбирательства или отбытия наказания.

В настоящее время нормами международного права не установлено четкой процедуры судебного разбирательства за преступление, связанные с наемничеством. Нерешенным является вопрос о том, какой судебный орган будет осуществлять разбирательство по конкретному делу. Здесь может быть несколько вариантов.

Привлечение к ответственности наемников осуществляется национальными судами в соответствии с юрисдикцией того государства, на территории которого совершено преступление, или на территории государства, где в ходе оперативно-розыскных мероприятий был обнаружен преступник. Другим вариантом может быть создание специального военного трибунала для суда над теми наемниками, которые совершили преступление на территории нескольких государств¹⁷. Более того, учитывая опасность преступных деяний, свя-

занных с наемничеством, судебное разбирательство может быть осуществлено создаваемым в настоящее время Международным Уголовным Судом ООН. Однако в ст. 22 проекта Статута Международного Уголовного Суда ООН в перечне преступлений, относительно которых суд наделяется юрисдикцией, наемничество как противоправное деяние не закрепляется¹⁸. В комментарии к ст. 22 отмечается, что если Конвенция 1989 года вступит в силу до принятия настоящего Статута, то можно будет рассматривать вопрос о включении этой Конвенции в перечень преступлений. В комментарии предложена следующая редакция: "Суд может наделяться юрисдикцией в отношении преступлений, касающихся наемников, как они определены в ст. 2, 3 и 4 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г."

Такая позиция представляется достаточно обоснованной, так как ст. 47 Протокола I закрепляет только квалифицирующие признаки наемника, а Конвенция 1989 года детализирует понятие наемника и объявляет наемничество и противоправные деяния, которые связаны с ним (вербовку, использование, финансирование или обучение), преступлением. Это принципиальное отличие содержания Конвенции 1989 года от ст. 47 Протокола I.

V

Вооруженные конфликты, происходящие на территории различных государств, подтверждают, что действия наемников наносят серьезный ущерб суверенитету, стабильности и безопасности государств. Поэтому государствам в области борьбы с наемничеством следовало бы сосредоточить основные усилия на следующих направлениях:

во-первых, для повышения эффективности сотрудничества государств и их компетентных органов заинтересованным сторонам необходимо принять меры с целью присоединения к Конвенции 1989 года;

во-вторых, государствам следует привести в соответствие с нормами международного права национальное законодательство, то есть конкретизировать или установить ответственность за наемничество, а также разработать или усовершенствовать административно-правовые режимы, способные предотвратить или затруднить совершение противоправных деяний, связанных с наемничеством;

в-третьих, для более детального регулирования механизма сотрудничества государств в борьбе с наемничеством целесообразно заключение двусторонних соглашений, включая межведомственные соглашения компетентных органов государств, осуществляющих противодействие наемничеству;

в-четвертых, в связи с тем, что наемничество представляет собой непосредственную угрозу национальной безопасности и, по существу, является новым элементом оперативной обстановки, особое внимание на внутригосударственном уровне следует сосредоточить на тесном взаимодействии национальных органов. К таким органам относятся спецслужбы, Министерство обороны, Министерство внутренних дел (юстиции) и внутренние войска, пограничные подразделения, авиакомпании, транспортные службы и др. Такое взаимодействие должно быть нормативно закреплено ведомственными соглашениями (административными договорами) и детализировано приказами и инструкциями соответствующих органов исполнительной власти.

Настоящая статья не может претендовать на исчерпывающий анализ рассматриваемой проблемы, так как противодействие наемничеству является сложной и многоплановой задачей всех государств и их государственных органов.

¹ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России.— М., 1989.— С. 35.

² Агибалова Е.В., Донской Г.М. История средних веков.— М., Просвещение, 1997.— С. 139, 143.

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского.— Т. 4—5.— М., 1991.— С. 263.

⁴ Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории.— М.: Наука, 1991.— С. 223—224.

⁵ Сафонов А. Терроризм в кавказском регионе // Независимое военное обозрение.— 1998.— № 1.— С. 2.

⁶ См. Афтафьев Ю.Н. Наемничество — преступное орудие колониалистской политики // Советское государство и право.— 1978.— № 11.— С. 113—117.

⁷ См. Клаузевиц К. О войне.— М., Логос, 1997.— С. 54—56.

⁸ См. *Burmester H.* The recruitment and use of mercenaries in armed conflicts // *American journal of international law.*— 1978.— Vol. 72.— № 1.— P. 43—44.

⁹ См. ОАЕ, Сборник документов. 1970 — 1977 гг.— Вып. 3.— М., 1976.

¹⁰ Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. — М.: Международные отношения, 1989.— С. 124.

¹¹ Трайнин А.Н. Терроризм как метод подготовки и провокации войн // Советское государство и право.— 1952.— № 3.— С. 34.

¹² См. Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. — М.: Международные отношения, 1991.— С. 27—28.

¹³ См. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Указ. соч.— С. 124.

¹⁴ См. Блищенко И.П., Жданов Н.В. Наемничество — международное преступление // Советский ежегодник международного права.— 1979.— М.: Наука, 1980.— С. 148, 149.

¹⁵ Уголовный кодекс ФРГ. — М.: Юридический колледж МГУ, 1996.— С. 86.

¹⁶ *Потапов А.* Международная противоправность наемничества // Юридическая газета.— 1998.— № 2 (324).— С. 4.

¹⁷ См. *Арцибасов И.Н., Егоров С.А.* Указ. соч.— С. 126.

¹⁸ Doc. A/CN. 4/L. 490.— P. 21—23.

Статья поступила в редакцию в январе 1998 г.

ПРЕЗИДЕНТ США БИЛЛ КЛИНТОН В МГИМО

2 сентября 1998 г. во время государственного визита в Россию Президент США Билл Клинтон посетил МГИМО(У) МИД РФ и выступил там с докладом перед профессорами и студентами.

На снимке (слева направо): ректор МГИМО, профессор, доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол А.В. Торкунов, Президент США Билл Клинтон и студентка МГИМО, дочь ректора Екатерина Торкунова.

Фото И. Лилеева

Международное частное право

ПРОБЛЕМА ПОРЯДКА ПОДПИСАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК И ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(По материалам одного из решений
Верховного Суда России)

А.И. Муранов*

Попытки построения в России рыночной экономики начали предприниматься относительно недавно и не могли не обусловить появление многочисленных сложностей и проблем. К числу важнейших из таких проблем относится неудовлетворительность правового регулирования только начинающих формироваться рыночных отношений, проявляющаяся во многом и, в частности, в неадекватности новым условиям принятого в предшествующие годы частнопроводного регулирования, в том числе продолжающегося применяться законодательства СССР. В наибольшей степени данный тезис применим к правовому регулированию внешнеэкономических связей: если ситуация с регулированием в России внутренних частных отношений начинает постепенно изменяться к лучшему, то в сфере регулирования международного гражданского и торгового оборота положение гораздо хуже, и неадекватность такого регулирования складывающимся потребностям оборота проявляется наиболее рельефно.

В этой связи большой интерес вызывает дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации под номером 78 Г97-9¹. Его суть вкратце заключается в следующем: 24 июня 1992 г. российское юридическое лицо и шведская компания заключили на территории России кредитное соглашение, согласно которому российскому юридическому лицу был предоставлен заем в валюте Швеции и которое содержало арбитражную оговорку. В связи с нарушением

* Преподаватель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (Университета) МИД РФ, вице-президент Института международного и сравнительного права. Фирма "Юридическая служба ММЦП и К°".

заемщиком условий соглашения шведская компания обратилась в согласованный сторонами арбитражный орган — Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма, и последний в августе 1995 года вынес решение о взыскании с заемщика денежных сумм в валюте Швеции. При рассмотрении дела Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма рассмотрел вопрос о нарушении при подписании кредитного соглашения Постановления Совета Министров СССР № 122 от 14 февраля 1978 г. “О порядке подписания внешнеторговых сделок”, а именно нормы этого Постановления о двух подписях², которую ответчик считал действующей в момент подписания соглашения. Арбитражный институт, однако, сделал вывод о том, что соглашение является действительным если и не в силу его подписания, то в силу последующего поведения сторон и письменно выраженной ими в их документах воли. Шведская компания передала свое право принудительного взыскания с заемщика ОАО “Экспорттлес”. В апреле 1997 года ОАО “Экспорттлес” обратилось в Санкт-Петербургский городской суд с ходатайством о разрешении принудительного исполнения в России данного арбитражного решения, и Санкт-Петербургский городской суд разрешил его исполнение, однако по определенным соображениям не полностью, а только в части. Определение Санкт-Петербургского городского суда было обжаловано ОАО “Экспорттлес” в Верховный Суд Российской Федерации. 22 мая 1997 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по данному делу за номером 78 Г97-9 было вынесено определение, которым определение Санкт-Петербургского городского суда было полностью отменено, и дело было направлено на новое рассмотрение в тот же суд. Среди прочего Судебная коллегия Верховного Суда указала: “...в силу п. 1 п/п *b* ст. 5 данной Конвенции³ в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательство того, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречит публичному порядку этой страны.

В материалах дела имеется возражение на ходатайство... где имеется ссылка на действующее Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 года “О порядке подписания внешнеторговых сделок”, в нарушение которого указанное выше кредитное соглашение было подписано одним лицом, в чем усматривается нарушение публичного порядка. Этот документ не был предметом рассмотрения суда, хотя имеет существенное значение для данного дела”. ОАО “Экспорттлес” подало в Верховный Суд Российской Федерации заявление о принесении протеста на данное определе-

ние, однако заместителем Председателя Верховного Суда в его удовлетворении было отказано.

Таким образом, в данном деле Верховным Судом был затронут крайне сложный и болезненный для отечественного международного частного права вопрос о проблеме действия и применения в России в современных условиях нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 от 14 февраля 1978 г. "О порядке подписания внешнеторговых сделок" о двух подписях. При этом очень существенным является то, что этот вопрос был поднят в связи с категорией "публичного порядка", являющейся одной из наиболее сложных и неясных в международном частном праве.

Весь последующий анализ рассматриваемого дела будет посвящен именно этим двум моментам, связанным воедино Верховным Судом⁴. Они поднимают ряд весьма принципиальных вопросов, те или иные ответы на которые могут повлечь за собой очень важные правовые и практические результаты и существеннейшим образом повлиять на внешнеэкономические связи российских субъектов права. Укажем на такие результаты: если считать, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях является действующей (а текст определения Верховного Суда дает некоторые основания так считать), то неизбежным выводом будет объявление в сфере действия российского права огромного количества заключенных российскими субъектами права внешнеэкономических сделок недействительными, как нарушающими данный нормативный акт⁵, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. А если считать несоблюдение такой действующей нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях нарушением российского публичного порядка, то другим неизбежным следствием будет невозможность исполнения в России указанных договоров, а также невозможность признания и приведения в исполнение на территории России иностранных судебных и арбитражных решений, вынесенных на основании внешнеэкономических сделок, заключенных российскими субъектами права в нарушение данного нормативного акта, если этими решениями такие сделки как недействительные не рассматриваются⁶. Само собой разумеется, что все это не может не оказать резко негативного воздействия на внешнеэкономические связи российских субъектов права. Сказанное делает необходимым тщательный анализ позиции Верховного Суда в данном вопросе, от которой будет зависеть очень многое.

Прежде всего обращает на себя внимание неоднозначность приведенных формулировок определения Верховного Суда. Слова "в нарушение которого указанное выше кредитное соглашение было подписано одним лицом, в чем усматривается нарушение публичного порядка" можно толковать двояко: либо они выражают позицию

самого Верховного Суда, либо они являются повтором со стороны Верховного Суда позиции заемщика, против которого испрашивалось исполнение арбитражного решения, для обоснования необходимости направления дела на новое рассмотрение. Казалось бы, сам текст свидетельствует в пользу второго варианта. Однако письмо заместителя Председателя Верховного Суда от 21 августа 1997 г. № 78ф97-290, которым ОАО “Экспортлес” было отказано в удовлетворении его заявления о принесении протеста на определение Верховного Суда, заставляет в этом усомниться. В этом письме говорится: “Согласно п. 1 п/п. *b* ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, ратифицированных СССР 24.08.60 г., правопреемником которого с 24.12.91 г. в полном объеме является Российская Федерация, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательство того, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны.

Кредитное соглашение, заключенное... 24.06.92 г. в нарушение Постановления Совета Министров СССР от 14.02.78 г. “О порядке подписания внешнеторговых сделок”, действовавшего на тот период времени, было подписано одним лицом, что является нарушением публичного порядка.

Хотя данный документ имеет существенное значение для дела, он не был предметом рассмотрения суда...

При таких данных коллегия обоснованно отменила вышеназванное определение суда и дело направила на новое судебное рассмотрение”.

Но даже если считать, что высказанная в данном письме позиция никак не связана с самим определением Верховного Суда, то тем не менее ее наличие в документе такого уровня и поднимаемые в нем вопросы вполне оправдывают появление настоящей статьи⁷. Наконец, даже если высказываемая в данном письме позиция является только указанием на позицию заемщика, против которого испрашивалось исполнение арбитражного решения, было бы все же нецелесообразно отказываться в настоящей статье от рассмотрения данного дела, возможности устранить связанные с ним некоторые неясности и необходимости указать на ошибочность подобной позиции.

Итак, согласно данной позиции, заключение 24 июня 1992 г. российским юридическим лицом внешнеторгового договора со шведской компанией, подписанного с российской стороны одним

лицом, представляло собой нарушение нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях, что одновременно с этим является нарушением публичного порядка Российской Федерации.

Сам тезис о том, что нарушение какой-либо конкретной нормы законодательства может представлять собой нарушение публичного порядка правовой системы, к которой принадлежит такая норма, никаких возражений вызывать не может. Несмотря на то, что категория публичного порядка в международном частном праве является очень “размытой”⁸, тем не менее некоторыми вполне четкими чертами она обладает, и такая характеристика публичного порядка, как его проявление через конкретные нормы, относится к их числу. Более того, публичный порядок ни в коем случае нельзя представлять абстрактно, в виде неких важных принципов, оторванных от конкретных норм права. Напротив, публичный порядок, являясь воплощением и синонимом основ правопорядка⁹, принципов законодательства¹⁰, не может не находить выражения в конкретных нормах, как раз и служащих единичными проявлениями таких основ правопорядка¹¹. “Варейль-Соммьер и Кан почти в одно время показали... что публичный порядок и впрямь не может быть ничем иным, как тем, что все разумеют под правопорядком... Публичный порядок есть не что иное, как воля самого законодателя...; законодатель, а не судья решает, что нужно для общего блага...; ...судья должен справляться не со своими представлениями об общем благе, а с волею законодателя. Обыкновенно он так и делает и тем самым исполняет не то, что велит некий специфический и таинственный публичный порядок, а просто то, что предписывает закон или правопорядок”¹².

Между тем конкретная норма может являться выражением публичного порядка только при условии, что она является действующей. Таким образом, анализируемая нами позиция не может не исходить из того, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях, для того чтобы ее несоблюдение являлось нарушением публичного порядка, должна быть действующей. Резонно предположить, что в том случае, если такая норма действующей не является, не может быть и речи о нарушении публичного порядка.

Таким образом, прежде чем ответить на вопрос о наличии нарушения в рассматриваемом нами деле публичного порядка Российской Федерации, необходимо ответить на вопрос о том, являлась ли норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях действующей в момент заключения фигурирующего в этом деле внешнеэкономического кредитного соглашения, то есть на 24 июня 1992 г. При этом нас не должен интересовать вопрос о том, являлась ли норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях действующей в момент рассмотрения Санкт-Петербуржс-

ким городским судом ходатайства о разрешении приведения в исполнение в России арбитражного решения, вынесенного в отношении рассматриваемого кредитного соглашения, равно как и в момент рассмотрения анализируемого дела Верховным Судом. Как известно, не только *locus regit actum*, но и *tempus regit actum*, и поэтому для определения действительности такого кредитного соглашения должно применяться законодательство, действовавшее в момент его заключения, но не законодательство, действовавшее в момент, когда состоялось рассмотрение этого дела в Санкт-Петербургском городском суде и в Верховном Суде.

Как уже отмечалось, для отечественного международного частного права вопрос о действительности нормы о двух подписях является весьма сложным и болезненным, и по нему высказывались диаметрально противоположные мнения¹³. Наиболее часто высказываемой точкой зрения является та, согласно которой норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу с 3 августа 1992 г., то есть с момента начала применения на территории России Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года¹⁴.

Не прошел в рассматриваемом деле мимо этого вопроса и Верховный Суд России. Судебная коллегия Верховного Суда в своем определении указала: "В материалах дела имеется возражение на ходатайство..., где имеется ссылка на **действующее** Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 года "О порядке подписания внешнеторговых сделок "... (выделено мною. — *Авт.*). Но, как уже указывалось, такие слова не могут быть истолкованы однозначно как позиция самого Верховного Суда. Что же касается позиции заместителя Председателя Верховного Суда, то в его письме от 21 августа 1997 г. № 78ф97-290 было указано: "Кредитное соглашение, заключенное... 24.06.92 г. в нарушение Постановления Совета Министров СССР от 14.02.78 г. "О порядке подписания внешнеторговых сделок", **действовавшего на тот период времени**, было подписано одним лицом, что является нарушением публичного порядка" (выделено мною. — *Авт.*). То есть в нем утверждается, что в момент заключения кредитного соглашения норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях являлась действующей.

Если это действительно так и если согласиться с точкой зрения о том, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу с 3 августа 1992 г., то неизбежным следствием будет вывод о том, что при подписании рассматриваемого внешнеэкономического кредитного соглашения было допущено несоблюдение такой нормы и что необходимо перейти к рассмотрению вопроса о том, является ли такое несоблюдение нарушением публичного порядка Российской Федерации.

Однако согласиться с такой точкой зрения нельзя. Автор настоящей статьи полагает, что имеются все основания считать норму Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратившей силу задолго до 3 августа 1992 г., что он и попытается доказать ниже. При этом такие основания имеются несмотря на тот общеизвестный факт, что данное Постановление Совета Министров СССР формально никогда не отменялось. Автор настоящей статьи намерен сначала показать, что точка зрения, согласно которой норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу с 3 августа 1992 г., не является верной. Затем он намерен убедить читателя, что данная норма утратила силу задолго до 3 августа 1992 г.

Для обоснования точки зрения о том, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу с 3 августа 1992 г., используется метод, состоящий в толковании конкретных нормативных актов (в частности, Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., а также иных актов) и их логическом сопоставлении с Постановлением Совета Министров СССР № 122. По этой причине такая аргументация в дальнейшем будет именоваться формально-логической.

Одним из доводов такой формально-логической правовой аргументации является то, что с введением в действие Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года, не предусматривающих применения особого порядка подписания сделок двумя лицами, этот порядок не должен рассматриваться как обязательное требование законодательства, даже несмотря на то, что указанное Постановление не было формально отменено¹⁵: «Ошибочным является встречающееся утверждение о том, что этот порядок продолжает действовать, поскольку Постановление Совета Министров от 14.02.78 г. № 122 не было отменено... Действие на территории России того или иного акта бывшего СССР определяется, как следует из... Постановления Верховного Совета РСФСР от 12.12.91 г.¹⁶, не тем, отменен или не отменен акт бывшего СССР, а тем, принят или не принят соответствующий акт Российской Федерации. Акт же (Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.)... вообще не содержит специальных требований к порядку подписания внешнеэкономических сделок и не устанавливает последствий его нарушения. Это означает, что с 03.08.92 г. в России отпали основания для применения соответствующего акта бывшего СССР»¹⁷. Однако данный довод не учитывает следующие факторы: а) в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» говорится о принятии соответствующих законодательных актов РСФСР, тогда как Основы

гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года таким законодательным актом не являлись, что даже нашло отражение в языке законодателя: в отличие от законодательных актов России, Основы не были введены в действие, а были объявлены применимыми, и, соответственно, с вступлением в силу части первой ГК РФ 1994 года некоторые законодательные акты РСФСР и России утратили силу, а Основы опять-таки были объявлены неприменимыми. По этой причине ссылаться на Основы как на законодательный акт РСФСР вряд ли правомерно с той же самой формально-логической точки зрения; б) но даже если допустить обратное сказанному в предыдущем пункте, Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года вряд ли можно рассматривать по смыслу Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. как *“соответствующий акт”*, корреспондирующий с Постановлением Совета Министров СССР № 122. У этих актов совершенно различная правовая природа, различные направленность и цели регулирования, и по этой причине рассматривать их как *“соответствующие”* просто невозможно; в) в ситуации, когда Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года не являлись *“соответствующим законодательным актом РСФСР”*, но входили в состав законодательства РСФСР, встает вопрос: противоречила ли норма Постановления Совета Министров СССР с формально-логической точки зрения законодательству РСФСР, как того требует пункт 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1? Ответ однозначен: нет, не противоречила. Во-первых, она не противоречила самим Основам как части законодательства РСФСР, поскольку в Основах имелся пункт 4 статьи 30, гласящий, что *“общие требования, относящиеся к участникам сделки, способу выражения их воли, содержанию сделки, иным ее условиям, определяются законодательством республик, которое устанавливает также другие основания и последствия недействительности сделок”*. При этом ссылка на *“законодательство республик”* должна пониматься в любом случае как ссылка на законодательство России. Между тем в ГК РСФСР 1964 года, действовавшем и в период применения Основ, как раз имелась статья 45, которая и устанавливала правило о недействительности внешнеэкономических сделок, в отношении которых не был соблюден особый порядок подписания¹⁸. Таким образом, Основы сами допускали возможность применения статьи 45 ГК РСФСР 1964 года. Во-вторых, с формально-логической точки зрения эта норма не противоречила никакой другой части законодательства РСФСР; г) считать, что отсутствие в новом регулировании подтверждения действительности прежнего регулирования или ссылок на него является отменой такого прежнего регулирования, непра-

вильно. Умалчивание в последующем законе само по себе не может и не должно рассматриваться как отмена предыдущего закона. По этой причине отсутствие в Основах ссылок на порядок подписания внешнеэкономических сделок еще не означает отсутствия силы нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях; д) помимо Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 в России действует закон РСФСР от 24 октября 1991 г. “О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР”, статья 4 которого устанавливает: “Акты органов СССР, изданные до принятия настоящего Закона, действуют на территории РСФСР”¹⁹. Данная норма как раз и позволяет утверждать, что для прекращения действия Постановления Совета Министров СССР № 122 с формально-логической точки зрения необходимы его приостановление или отмена²⁰. Тот факт, что Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. было принято позднее указанного закона, совсем не означает отмену нормами этого Постановления только что приведенной нормы закона (смотри выше подпункт г). Следовательно, с формально-логической точки зрения для того, чтобы Постановление Совета Министров СССР № 122 утратило силу, как раз и требуется формальный акт его отмены или же необходимо принятие нормативного акта, прямо объявляющего правило о двух подписях необязательным. Конечно, верно то, что в дополнение к норме статьи 4 упомянутого закона РСФСР Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 ввело еще и дополнительное требование отсутствия противоречия норм Союза ССР законодательству РСФСР, однако, как было показано, в нашем случае с формально-логической точки зрения такое противоречие отсутствует.

Таким образом, последовательный формально-логический анализ Основ и действовавшего в тот момент законодательства РСФСР позволяет прийти к выводу, что объявление Основ применимыми в РСФСР не могло лишить правовой силы Постановление Совета Министров СССР № 122. А это значит, что если мы будем следовать такой формально-логической точке зрения, то с неизбежностью должны будем допустить, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях продолжала действовать и после 3 августа 1992 г. Очевидно, что допущение такой возможности ведет к необходимости выдвижения новых формально-логических аргументов в пользу неприменения нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях.

Вторым таким доводом формально-логической правовой аргументации является указание на то, что новый ГК РФ 1994 года, подобно Основам, также не содержит упоминаний о порядке подписания внешнеэкономических сделок (из чего следует необязатель-

ность соблюдения такого порядка), а также указания на то, что с введением в действие нового ГК РФ 1994 года утратил силу и ГК РСФСР 1964 года и, следовательно, также утратило силу и содержащееся в статье 45 правило о недействительности внешнеэкономических сделок, в отношении которых не был соблюден особый порядок подписания²¹. В ответ на первое указание можно только повторить с соответствующими поправками все сказанное выше, в подпунктах б, г и д. Кроме того, можно также указать на часть 3 пункта 1 статьи 160 ГК РФ 1994 года: "Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон могут устанавливаться дополнительные требования, которым должны соответствовать форма сделки (совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и т.п.), и предусматриваться последствия несоблюдения этих требований. Если такие последствия не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки". Отнесение этой статьей таких реквизитов сделки, как наличие бланка или скрепление печатью, к форме сделки позволяет отнести порядок подписания также к форме сделки (хотя раньше на основе лингвистического анализа проводилось различие между понятиями "форма сделки" и "порядок подписания"). С учетом этого, исходя из еще не опровергнутой посылки о сохранении нормой Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях правовой силы и возможности распространить на данное Постановление понятие "*иные правовые акты*" статьи 160 ГК РФ, невозможно не прийти к выводу, что несоблюдение правила о порядке подписания внешнеэкономической сделки ведет к последствиям несоблюдения простой письменной формы внешнеэкономической сделки, которые согласно пункту 3 статьи 162 ГК РФ 1994 года однозначно влекут недействительность такой сделки²². Наконец, несмотря на то, что статья 45 ГК РСФСР 1964 года утратила силу, статья 565 ГК РСФСР 1964 года²³, в которой также упоминается о порядке подписания, до сих пор не отменена и формально ставит вопрос о применимости соответствующих союзных норм.

В ответ на второе указание рассматриваемого аргумента можно только сказать, что утрата статьей 45 ГК РСФСР 1964 года своей силы еще никоим образом не означает утрату силы нормой Постановления Совета Министров СССР № 122. Однако в самом этом Постановлении не упоминается о том, что оно издано на основе и в развитие ГК РСФСР 1964 года. Это приводит к выводу, что данное Постановление является самостоятельным и самодостаточным. Во-вторых, история появления и развития правил об особом порядке подписания внешнеэкономических сделок свидетельствует о том, что скорее статья 45 ГК РСФСР 1964 года являлась производной от таких правил, а не наоборот²⁴, что также подтверждает самостоятельный и

самодостаточный характер нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях. Таким образом, утрата силы статей 45 ГК РСФСР 1964 года не имеет никакого значения для действительности нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях. Что же касается санкций за несоблюдение этого Постановления, то утрата статей 45 своей силы также не имеет значения, поскольку в действующем законодательстве имеются иные нормы, устанавливающие санкции за нарушение существующих правил.

И наконец, третий довод формально-логической правовой аргументации, обосновывающей неприменение указанного Постановления, состоит в том, что поскольку ГК РФ 1994 года не предусматривает в качестве основания для признания сделки ничтожной нарушение порядка подписания внешнеэкономических сделок и не устанавливает последствий такого нарушения, то исключается возможность применения положений о недействительности таких сделок (даже в случае, когда сделка была заключена до 3 августа 1992 г., т.е. до момента начала применения в России Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.)²⁵. Но и этот аргумент также не может быть принят с формально-логической точки зрения: несмотря на то, что ГК РФ 1994 года не предусматривает в качестве отдельного специального основания для признания сделки ничтожной нарушение порядка подписания внешнеэкономических сделок, тем не менее в статье 168 он содержит общее правило о недействительности сделок, *“не соответствующих закону или иным правовым актам”*. А поскольку доказать то, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях не является действующим правовым положением, не удалось, то ее несоблюдение с точки зрения той же формально-логической аргументации должно с неизбежностью на основе указанной общей нормы статьи 168 ГК РФ влечь недействительность внешнеэкономической сделки. Кроме того, этот довод неприемлем с еще одной точки зрения: он позволяет считать, что подписание внешнеэкономической сделки одним лицом являлось нарушением законодательства вплоть до момента принятия части первой ГК РФ, что, конечно же, неправильно.

Таким образом, можно утверждать, что рассмотренная формально-логическая правовая аргументация, обосновывающая неприменение указанного Постановления Совета Министров СССР путем его сопоставления с конкретными нормативными актами, в частности на основании объявления применимыми Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года, не учитывает некоторых факторов и поэтому не может достичь своей цели. Оставаясь исключительно в рамках подобного подхода, следует сделать

только тот вывод, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях продолжает действовать и сегодня. В связи с этим не удивительно, что еще в 1993 году данная норма рассматривалась как действующая²⁶. Воплощение данного вывода и попытки применения этого Постановления являлись бы, конечно, в современных условиях абсурдными и крайне нежелательными: в один момент множество и исполненных, и неисполненных внешне-экономических договоров российских субъектов права оказались бы недействительными, обратились бы в ничто. Указывать на последствия такого результата излишне.

Но дело заключается не в нежелательности данного вывода и не в последствиях его использования, а в правовой ошибочности рассмотренной формально-логической правовой аргументации. Формализм права является одним из его величайших достоинств, но он должен уступать место другой, более фундаментальной черте права — стремлению к разумности и справедливости²⁷.

Рамки формально-логической правовой аргументации настолько узки, что требования разумности и справедливости в них не вмещаются. Необходим выход за такие узкие рамки и отказ от сопоставления указанного Постановления Совета Министров СССР с конкретными нормативными актами. Ситуация с данным Постановлением Совета Министров СССР № 122 представляет собой как раз тот уникальный случай, в котором формально-логическая правовая аргументация, обосновывающая неприменение этого Постановления, сама по себе совсем не способна достичь преследуемую ею цель, желаемую и необходимую в современных условиях с точки зрения разумности и справедливости. Предлагаемый автором настоящей статьи подход состоит в обосновании утраты Постановлением Совета Министров СССР силы ввиду коренного различия между условиями, в которых это Постановление появилось, и современными условиями, берущими начало в 1991 году, ввиду кардинального изменения природы правового регулирования внешнеэкономических связей, делающего требование двух подписей устаревшим, неисполнимым и недействующим, а также ввиду того, что рассматриваемое Постановление Совета Министров СССР стало противоречить не столько конкретным нормам законодательства РСФСР, сколько российскому законодательству в целом, его сути, духу и принципам, наконец, ввиду того, что в условиях рыночных отношений оно неразумно и несправедливо²⁸. С точки зрения формально-логической правовой аргументации такой способ может показаться неприемлемым, но в противном случае необходимо признать, что возможны только два варианта: либо формально отменять норму Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях, либо применять ее в полной мере и сегодня.

Прежде всего необходимо оценить значение и смысл принятия нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях. Пункт 1 данного Постановления гласил: “1. Установить, что: внешнеторговые сделки, заключаемые советскими организациями, правомочными совершать внешнеторговые сделки, должны подписываться двумя лицами. Право подписи таких сделок имеют руководитель и заместители руководителя указанной организации, руководители фирм, входящих в состав этой организации, а также лица, уполномоченные доверенностями, подписанными руководителем организации единолично, если уставом (положением) организации не предусмотрено иное... Имена и фамилии лиц, имеющих по должности право подписи внешнеторговых сделок, а также векселей и других денежных обязательств, публикуются в печатном органе Министерства внешней торговли или в печатном органе министерства, государственного комитета или ведомства, в системе которого находится соответствующая организация”. Было бы глубокой ошибкой рассматривать данные нормы как простую формальность.

Если мы вспомним, какое значение придавалось в СССР принципу монополии советского государства на внешнюю торговлю²⁹, то оценить значение и смысл принятия нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях можно в полной мере. Монополия внешней торговли являлась одним из фундаментов, на которых базировалась плановая экономика СССР. Следовательно, советское государство нуждалось в специальном механизме для идеального с точки зрения советских принципов функционирования монополии внешней торговли. Прежде всего это осуществлялось посредством наделения правом выхода на внешний рынок только небольшого числа организаций, обладающих, к тому же, что очень существенно, специальной правоспособностью. “В соответствии с выраженным в Конституции СССР принципом государственной монополии внешней торговли советское законодательство определяет круг тех советских организаций, которые пользуются правом совершения сделок по экспорту и импорту”³⁰. Но этого было недостаточно: был необходим дополнительный механизм контроля за совершением внешнеторговых операций внутри таких обладающих специальной правоспособностью юридических лиц. Отсутствие такого механизма могло бы быть для советского государства весьма негативным: несмотря на декларируемую отдельную правосубъектность государственных организаций от государства, они составляли, по сути дела, с ним одно целое, и неконтролируемое совершение внешнеторговых сделок неуполномоченными лицами вполне могло привести к финансовой несостоятельности внешнеторговых объединений, а посредством этого создавалась бы угроза финансовой стабильности государства и особенно угроза валютным резервам, в которых СССР всегда имел недостаток.

Поэтому норма о двух подписях играла очень важную роль в механизме монополии внешней торговли в СССР: она являлась дополнительным механизмом контроля за совершением внешнеторговых операций внутри внешнеэкономических объединений. Хотя эта норма и устанавливала на первый взгляд не более чем формальность, эта формальность носила глубокий смысл, играла важнейшую роль и влекла существеннейшие последствия: важны были не подписи сами по себе, а факт санкционирования сделки лицами, специально уполномоченными внешнеэкономическим объединением, которое, в свою очередь, было на это уполномочено государством. Государство посредством механизма нормы о двух подписях фактически санкционировало каждую внешнеторговую сделку. Ввиду всех этих факторов норма о двух подписях действительно не могла не иметь в СССР особого значения, не могла не характеризоваться особой императивностью. От ее соблюдения действительно зависел порядок совершения внешнеторговых сделок, а учитывая значение внешней торговли в СССР, можно сказать, что от ее соблюдения зависело идеальное функционирование всей плановой экономики. Таким образом, норма о двух подписях являлась неразрывно связанной с монополией внешней торговли. В этом были основания существования, цели и смысл нормы о двух подписях. Не удивительно, что эта норма была законодательно закреплена в начале 30-х годов, в период резкого изменения подхода к монополии внешней торговли, которая с тех пор стала особым принципом советской власти, направленным на ее укрепление.

Важно отметить, что особой процедуре подписания внешнеторговых сделок Постановлением Совета Министров СССР № 122 был придан характер публичной достоверности: фамилии и имена лиц, имеющих право подписывать внешнеторговые сделки, публиковались в общедоступных печатных органах, в частности в журнале "Внешняя торговля". По этой причине любые попытки неуполномоченного лица заключить внешнеторговую сделку и посредством ее обмануть внешнеэкономическое объединение были обречены на неудачу: благодаря публичной достоверности особой процедуры подписания внешнеторговых сделок было невозможно утверждать, что иностранный контрагент не знал об отсутствии полномочий у лица, подписавшего сделку.

Однако в 1991 году монополия внешней торговли была отменена. Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 "О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР"³¹, вступивший в силу с момента его подписания, установил: "В целях стимулирования внешнеэкономической деятельности, стабилизации внутреннего рынка и привлечения иностранных инвестиций постановляю: 1. Разрешить всем зарегистрированным на тер-

ритории РСФСР предприятиям и их объединениям независимо от форм собственности осуществление внешнеэкономической, в том числе и посреднической, деятельности без специальной регистрации". Весь глубокий смысл и значительнейшая роль нормы о двух подписях исчезли вместе с исчезновением монополии внешней торговли. Но нельзя считать, что устанавливаемая этой нормой формальность продолжала оставаться формальностью, но уже и по форме, и по содержанию. Вывод может быть только один: норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила все основания своего существования, отпали все преследуемые ею цели, и она стала ненужной для регулирования правового оборота. Более того, отмена в России монополии внешней торговли и начало перехода к рыночной экономике стали теми факторами, которые кардинально изменили смысл правового регулирования. В результате норма о двух подписях стала противоречить смыслу и сути нового российского законодательства. Следовательно, в соответствии с пунктом 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 "О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств"³² эта норма перестала быть применимой на территории России как противоречащая российскому законодательству, его принципам и смыслу.

Характерно то, что при выдвижении утверждений о применимости нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях (до 3 августа 1992 г. или после этой даты) почему-то совсем забывают объяснить, каким образом должна была соблюдаться норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о публичной достоверности особой процедуры подписания внешнеторговых сделок. Невозможно предположить, что эта норма утратила силу, а норма о двух подписях — не утратила. Они либо обе сохранили силу, либо обе утратили ее. Но после отмены монополии внешней торговли исполнять норму Постановления Совета Министров СССР № 122 о публичной достоверности стало технически крайне сложно (если вообще не невозможно), а с правовой точки зрения — просто бессмысленно, что еще раз доказывает утрату нормой о двух подписях силы. В противном случае на любого субъекта внешнеэкономической деятельности следует возлагать ответственность за то, что он не опубликовал имена и фамилии лиц, имеющих по должности право подписания внешнеторговых сделок, в печатном органе Министерства внешней торговли (такая публикация технически очень сложна, но в принципе с юридической точки зрения возможна).

Можно также утверждать, что отказ в России от монополии внешней торговли стал одним из важнейших принципов экономики и права России, признавшей, что *commercium jure gentium commune esse debet et non in monopolium et privatum paucorum quaestum*

convertendum (по международному праву торговля должна быть всеобщей и не превращаться в монополию и источник частной прибыли для немногих). Сегодня этот принцип необходимо отнести к основам правопорядка Российской Федерации, и по этой причине норму Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях следует опять-таки считать противоречащей этим основам правопорядка, внутреннему публичному порядку Российской Федерации, поскольку она является орудием совершенно противоположного подхода, базирующегося на исключительности принципа монополии внешней торговли.

Таким образом, поскольку норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу согласно Указу Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 “О либерализации внешнеэкономической деятельности”, то не может быть и речи не только о нарушении публичного порядка при наличии на внешнеторговой сделке одной подписи, но и о простом нарушении законодательства³³.

Но даже если отвлечься от всего вышеизложенного и считать норму Постановления Совета Министров СССР о двух подписях действующей, то тем не менее можно однозначно утверждать, что в рассматриваемом деле несоблюдение этой нормы нарушением публичного порядка Российской Федерации являться не могло. Бесспорно то, что несоблюдение данной нормы могло бы быть нарушением публичного порядка только при двух условиях: квалификации публичного порядка как публичного порядка в “позитивном” смысле и квалификации такой нормы как нормы публичного порядка в “позитивном” смысле³⁴. В самом деле, в рассматриваемом случае содержание исполнения (взыскание долга с лица), разрешение на которое испрашивалось, само по себе не обладало негативными свойствами с точки зрения российского права и поэтому само по себе противоречить российскому праву не могло. Таким образом, при использовании “негативной” концепции публичного порядка отказать в выдаче разрешения на приведение арбитражного решения в исполнение невозможно. Но ситуация меняется, когда мы начинаем использовать “позитивную” концепцию публичного порядка: в этом случае уже безразлично, какими свойствами обладает иностранное арбитражное решение, но зато необходимо решить вопрос о статусе нормы Постановления Совета Министров СССР о двух подписях, ее цели и силе действия. Если вдруг окажется, что эта норма относится к нормам “позитивного” публичного порядка, то она будет подлежать безусловному применению, и, таким образом, приведение в исполнение иностранного решения, вынесенного на основе соглашения, этой норме противоречащего, может рассматриваться как недопустимое для авторитета этой нормы и в нем будет отказано³⁵.

Что касается первого условия, а именно квалификации публичного порядка как публичного порядка в “позитивном” смысле, то следует указать на отсутствие закрепления в российском праве концепции публичного порядка в “позитивном” смысле и тот факт, что, напротив, в российском праве закреплена только “негативная” концепция публичного порядка³⁶. С другой стороны, российское право является наследником советского права, в котором публичный порядок изначально имел “позитивную” природу благодаря императивности и особому социальному характеру его норм³⁷, а “негативная” концепция публичного порядка играла лишь подчиненную роль и являлась не более чем дополнением к “позитивной” концепции³⁸. И хотя можно было бы утверждать, что в рассматриваемом деле несоблюдение нормы о двух подписях не может противоречить публичному порядку России, поскольку “позитивная” концепция публичного порядка в российском праве отсутствует, а “негативная” концепция не применима ввиду отсутствия в исполнении иностранного арбитражного решения чего-либо негативного (ведь речь идет об обычном взыскании долга), представляется, что такое утверждение вряд ли возможно. Во-первых, в рассматриваемом деле кредитное соглашение было заключено в период перехода отечественного права от статуса советского к статусу российского, а во-вторых, основываясь на факте отсутствия легальной фиксации “позитивной” концепции публичного порядка или института применения императивных норм *lex fori* в российском праве, отрицать возможность квалификации российского публичного порядка как “позитивного” в ряде случаев было бы невозможно и нецелесообразно. Поэтому признаем возможность такой квалификации и рассмотрим вопрос о том, являлась ли в рассматриваемом деле в момент заключения кредитного соглашения норма о двух подписях нормой “позитивного” публичного порядка России или нет. С тем, что когда-то данная норма относилась к числу норм “позитивного” публичного порядка, спорить невозможно: “Советское государство, осуществляя монополию внешней торговли и предоставляя своим организациям “права выхода на внешний рынок”, устанавливает ряд условий, в частности определяет форму и порядок подписания этих сделок. Соответствующие нормы советского права, устанавливаемые в силу государственной монополии внешней торговли, относятся к нормам советского публичного порядка в том смысле, что они вытесняют применение норм иностранного права относительно подчинения формы сделки закону места ее совершения...”³⁹. “Категория публичного порядка в “позитивном смысле” имеет особенно существенное значение в отношении ряда норм материального советского права, связанных с монополией внешней торговли... Специальная правоспособность внешнеторговых предприятий и предписанная государ-

ством форма внешнеторговых сделок выражены в нормах советского права, которые надо считать нормами “публичного порядка” в позитивном смысле”⁴⁰. Действительно, норма о двух подписях играла очень важную роль в механизме монополии внешней торговли в СССР. Ее значение было уже описано выше. Хотя эта норма и устанавливала на первый взгляд не более чем формальность, эта формальность носила глубокий смысл, играла значительную роль и влекла существеннейшие последствия: важны были не подписи сами по себе, а факт санкционирования сделки лицами, специально уполномоченными внешнеэкономическим объединением, которое, в свою очередь, было на это уполномочено государством. Государство посредством механизма нормы о двух подписях фактически санкционировало каждую внешнеторговую сделку. Ввиду всех этих факторов норма о двух подписях действительно не могла не иметь в СССР особого значения, не могла не характеризоваться особой императивностью. От ее соблюдения действительно зависел порядок совершения внешнеторговых сделок, а учитывая значение внешней торговли в СССР, можно сказать, что от ее соблюдения зависело идеальное функционирование механизма монополии внешней торговли, а через него — и идеальное функционирование всей плановой экономики. Все это и позволяло отнести норму о двух подписях к нормам “позитивного” публичного порядка СССР.

И вдруг монополия внешней торговли была отменена. Отпала и необходимость нормы о двух подписях. Даже если и считать, что эта норма сохранила силу, то тем не менее нельзя не прийти к выводу, что устанавливаемая ею формальность стала формальностью и по форме, и по содержанию. Никаких специальных, важных для государства и общества целей она уже не преследовала, просто не могла преследовать ввиду отмены монополии внешней торговли. Поэтому с момента отмены такой монополии норма о двух подписях утратила свой характер нормы “позитивного” публичного порядка. Перефразируя слова М.И. Бруна⁴¹, спросим применительно к настоящему делу: так неужели же основы российского правопорядка и фундамент, на котором зиждутся государство и общество, пошатнутся, если в России будет разрешено привести в исполнение решение иностранного арбитража, вынесенное на основании кредитного соглашения, подписанного со стороны российского должника одним уполномоченным на то лицом?

Ничего удивительного в утрате нормой о двух подписях своего характера нормы “позитивного” публичного порядка нет. Категория “публичный порядок” в международном частном праве не только неопределенна. Она еще носит и “текущий” характер, поскольку состав норм и принципов, являющихся выражением публичного

порядка, с течением времени не может не меняться. Когда-то запрещение развода и церковная форма брака относились к числу важнейших устоев общества и их нарушение являлось нарушением публичного порядка, но изменения в обществе лишили их такого статуса. Так что в случае с нормой о двух подписях мы являемся свидетелями процесса утраты публичным порядком России одной из своих норм, место которой заняли множество других норм публичного порядка: о свободе договора, запрета на ограничение конкуренции, о защите прав потребителей и др.

Таким образом, после отмены в России монополии внешней торговли норма о двух подписях, даже если и считать ее действующей, перестала быть нормой публичного порядка. Вполне возможно, что в рассматриваемом деле Верховный Суд был введен в заблуждение утверждениями об отнесении этой нормы к нормам публичного порядка, встречающимся в авторитетных, но очень устаревших доктринальных источниках по отечественному международному частному праву, написанных в 70—80-х годах. Если это так, то Верховный Суд стал заложником отсталости отечественного международного частного права: мало того, что в СССР категория “публичный порядок” не находила никакого отражения в судебной практике⁴², ей не уделялось внимания и в теории⁴³. Все это не может сегодня не вызывать сложностей при обращении с понятием “публичный порядок”.

Итак, автор полагает, что ему удалось доказать то, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях лишилась юридической силы с момента отмены в России монополии внешней торговли ввиду утраты этой нормой всех оснований своего существования, отпадения преследуемых ею целей и противоречия смыслу и сути нового российского законодательства (в противном случае ее необходимо признавать действующей и сегодня) и что даже если считать ее действующей, то она не может относиться к нормам публичного порядка с указанного момента, а ее несоблюдение не может являться нарушением публичного порядка Российской Федерации. Применительно к рассматриваемому делу это означает, по мнению автора, что Верховному Суду не следовало при отмене разрешения на приведение арбитражного решения в исполнение упоминать о несоблюдении Постановления Совета Министров СССР № 122 и о том, что в этом несоблюдении усматривается нарушение публичного порядка.

Для рассматриваемого нами решения вывод о том, что даже если такую норму считать действующей, то ее несоблюдение не может являться нарушением публичного порядка Российской Федерации, имеет то значение, что он позволяет утверждать, что, поскольку кредитное соглашение, на основании которого вынесено арбитражное решение, публичному порядку России не противоречит, то это

уже во многом создает презумпцию в пользу отсутствия противоречия публичному порядку России и исполнения этого арбитражного решения.

Но такая позиция порождает и проблему: можно ли исполнять на территории России арбитражное решение, вынесенное на основании внешнеэкономического договора, при заключении которого было нарушено российское законодательство, повлекшее за собой недействительность этого договора? Вопрос этот, конечно, очень сложен, и ответ на него зависит от многих факторов. Но основным принципом должен быть следующий: сам факт нарушения российского законодательства при заключении внешнеэкономического договора не может автоматически влечь за собой вывод о необходимости отказа в приведении в исполнение арбитражного решения, вынесенного на основании такого договора. Обосновать данный принцип позволяет соображение о том, что ответить на такой вопрос однозначно невозможно — должна приниматься во внимание степень нарушения законодательства, все последствия такого нарушения, природа и цель нарушенных норм, их отнесение к нормам публичного порядка или императивным нормам в коллизионном смысле; применимым может оказаться и не российское право; должны быть учтены все последствия отказа в приведении в исполнение арбитражного решения; должны быть учтены факторы, по которым международный коммерческий арбитраж не принял во внимание факт нарушения российского законодательства. Все дело в том, что односторонность в отношении вопроса о нарушении законодательства, господствующая внутри российского права применительно к “чисто внутреннему” правоотношению, должна подвергаться существенной корректировке в случае, когда речь идет о правоотношении с участием иностранного элемента и особенно когда задействован международный коммерческий арбитраж.

Что касается международного коммерческого арбитража, то в современном международном частном праве в его отношении на первый план выступает стремление предотвратить нарушение таким органом разрешения споров основных принципов правосудия и возможность злоупотреблений с его помощью, тогда как желание иметь возможность исправить неправильное применение им правовых норм или неправильную оценку им обстоятельств дела отсутствует. Современные международно-правовые документы, относящиеся к международному коммерческому арбитражу⁴⁴ (равно как и основанное на них российское законодательство), являются наглядной иллюстрацией в этом отношении: предусмотренная в этих документах, а также в принятом на их основе законе РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже”⁴⁵ возможность отмены решения международного коммерческого арбитража

или возможность отказать в приведении его решения в исполнение основана на стремлении предотвратить возможные в ходе арбитража нарушения основных принципов правосудия и злоупотребления (отсутствие уведомления стороны или непредставление ей возможности изложить свою позицию; вынесение решения по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающим под его условия; объект спора не мог быть предметом арбитражного разбирательства), тогда как не упоминается о таком основании отмены решения или отказа приводить его в исполнение, как неправильное применение арбитражем правовых норм или неправильная оценка им обстоятельств дела⁴⁶. По смыслу этих документов и закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" неправильное применение арбитражем правовых норм или неправильная оценка им обстоятельств дела могут явиться основанием для отмены решения или для отказа приводить его в исполнение, но только в том случае, если они окажутся настолько серьезными, что будут представлять собой противоречие публичному порядку Российской Федерации. Между тем в собственно частном праве решение третейского суда подлежит, как правило, отмене и тогда, когда этим судом совершена ошибка в применении права или оценке фактов⁴⁷. И в отечественном законодательстве такое положение вещей также существовало не всегда. Так, например, пункт 13 Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-Промышленной палате СССР⁴⁸ предусматривал: "Если в решении Морской арбитражной комиссии допущено существенное нарушение или неправильное применение действующих законов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР отменяет по протесту Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР и их заместителей это решение и возвращает дело в Морскую арбитражную комиссию для нового рассмотрения в новом составе арбитров". Сейчас ситуация изменилась, и существенное нарушение или неправильное применение действующих законов не будут являться основанием для отмены решения Морской арбитражной комиссии, которая является международным коммерческим арбитражем.

Конечно, подобное положение вещей, при котором ошибка международного коммерческого арбитража в применении права или оценке фактов не служит основанием для отмены решения или для отказа в приведении его в исполнение, может в ряде случаев привести к несправедливым результатам, особенно в случаях, когда речь идет о признании и приведении в исполнение не иностранного арбитражного решения, а решения, вынесенного в государстве его приведения в исполнение в соответствии с законом этого же государства⁴⁹. Однако такое положение вещей совсем не случайно. Можно привести множество причин и факторов, оправдывающих созна-

тельно проведенный в международно-правовых документах в отношении арбитража отказ принимать во внимание ошибку в применении права или оценке фактов: необходимость предсказуемости правового регулирования в международном гражданском и торговом обороте; недопустимость повторного разбирательства; подчас непреодолимые для национального суда сложности в выявлении ошибок в применении права или оценке фактов; крайняя сложность коллизионных вопросов, возникающих при проверке арбитражного решения по существу; утрата международным коммерческим арбитражем привлекательности в случае допущения проверки его решения по существу и уменьшение степени правовой защищенности участников международного гражданского и торгового оборота и т.д. Все эти факторы действительно очень серьезны и действительно не оставляют никакого иного выхода, кроме отказа от возможности проверки арбитражного решения по существу. Поэтому государственные суды намеренно были лишены законодателем компетенции на пересмотр решения международного коммерческого арбитража⁵⁰.

Отсутствие в современном праве международной торговли достаточно развитого механизма защиты нарушенных прав участников международного гражданского и торгового оборота обусловлено объективно, и именно оно приводит к тому, что при приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража основное внимание уделяется именно предотвращению возможных в ходе арбитража нарушений основных принципов правосудия и злоупотреблений, тогда как проверка правильности применения арбитражем правовых норм или оценки им обстоятельств дела в силу объективных причин настолько сложна, что от нее сознательно отказываются. Конечно, такая проверка в конечном счете возможна, но связанные с этим сложности делают ее просто бессмысленной. Данная ситуация представляет собой как раз тот парадоксальный случай, когда сознательный отказ от проверки правильности применения международным коммерческим арбитражем правовых норм или от оценки им обстоятельств дела в целом будет гораздо более способствовать справедливости и правосудию, чем не учитывающее реальностей требование проводить такие проверку и оценку. Поэтому такой отказ можно назвать сознательным принесением справедливости и правосудия в жертву в отдельных случаях ради их торжества в общем и ради дальнейшего развития права международной торговли. Любой противоположный подход приведет только к прекращению развития международного коммерческого арбитража (а в конечном счете серьезно повредит и международной торговле), и при этом в целом ситуация никоим образом не улучшится: механизм признания и приведения в исполнение решений иностранных государственных судов обладает точно такими же недостатками.

Таким образом, при решении вопроса о том, можно ли исполнять на территории России арбитражное решение, вынесенное на основании внешнеэкономического договора, при заключении которого было нарушено российское законодательство, что повлекло за собой с точки зрения этого последнего недействительность такого договора, нельзя исходить из однозначно отрицательного ответа, а необходимо придерживаться прежде всего закрепленного в международных конвенциях и российском законодательстве принципа допущения отказа в исполнении иностранного арбитражного решения только при условии противоречия такого исполнения публичному порядку. Все остальные факторы, в том числе нарушение российского законодательства при заключении внешнеэкономического договора, могут оцениваться не сами по себе, а только через призму указанного принципа. При этом также следует учитывать как признание российским правом "полезности арбитража (третейского суда) как широко применяемого метода разрешения споров, возникающих в сфере международной торговли"⁵¹, так и потребности развития международной торговли.

Что же касается применения вышесказанного в отношении рассматриваемого нами дела, то вывод может быть следующим: даже если рассматривать норму о двух подписях как действующую, то невозможно не учитывать, принимая во внимание внешнеэкономический характер сделки, то, что ее несоблюдение явилось чисто формальным нарушением, не повлекшим никаких негативных последствий для российского государства и общества; что эта норма не относится к числу норм публичного порядка или императивным нормам в коллизионном смысле; что международный коммерческий арбитраж, приняв во внимание заявление ответчика о нарушении этой нормы, тем не менее сделал вывод о том, что соглашение действительно, если и не в силу его подписания, то в силу последующего поведения сторон и выраженной ими в их документах воли; что суд не обладает компетенцией на пересмотр решения международного коммерческого арбитража; что отказ в приведении в исполнение явился бы неоправданным отказом в признании значения международного коммерческого арбитража; что отказ в приведении в исполнение явился бы необоснованным ущемлением прав заявителя; что приведение решения в исполнение само по себе не противоречит публичному порядку Российской Федерации. На основании сказанного разрешение на исполнение решения должно быть дано⁵².

И еще один важный момент, относящийся к рассматриваемому делу. Подпункт *b* пункта 2 статьи 5 Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений гласит: "В признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентная власть страны, в

которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что: ...признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны". Следовательно, при решении вопроса о приведении в исполнение иностранного арбитражного решения суд должен удостовериться скорее в том, не противоречит ли публичному порядку признание и приведение в исполнение этого решения, чем в том, противоречит ли публичному порядку договор, на основании которого вынесено решение. Конечно, возможна ситуация, в которой противоречие договора, на основании которого вынесено решение, публичному порядку закона места его исполнения неизбежно повлечет за собой противоречие этому же публичному порядку и затруднит приведение данного решения в исполнение. По этой причине, если абстрагироваться от нашего вопроса о двух подписях, Верховный Суд мог, конечно, при анализе вопроса о приведении в исполнение иностранного арбитражного решения указать на противоречие публичному порядку России кредитного соглашения, на основании которого вынесено это решение. Но в таком случае ему следовало бы также упомянуть о необходимости решения вопроса о том, может ли такое противоречие повлечь за собой противоречие этому же публичному порядку приведения данного решения в исполнение. Если же этого не сделать, то простая констатация факта противоречия договора, на основании которого вынесено решение, публичному порядку закона места его исполнения может быть понята так, что для отказа в приведении решения в исполнение достаточно противоречия публичному порядку самого договора, а такой вывод не будет соответствовать подпункту *b* пункта 2 статьи 5 Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Кроме того, в такой ситуации может возникнуть впечатление, что Верховный Суд не столько анализировал вопрос о противоречии публичному порядку приведения в исполнение решения и, указав на противоречие ему кредитного соглашения, тем самым потребовал выяснения того, не противоречит ли ему и приведение в исполнение, сколько использовал такой подпункт *b* пункта 2 статьи 5 Конвенции за неимением других средств, поскольку этот подпункт оказался единственным "удобным" из всех имеющихся, позволившим отменить разрешение привести арбитражное решение в исполнение, причем позволившим это благодаря наличию в нем слов "публичный порядок" и поднятому вопросу о нарушении публичного порядка России отсутствием на кредитном соглашении второй подписи. Сразу отметим, что поскольку в рассматриваемом деле исполнение арбитражного решения является не более чем взысканием долга, то по смыслу подпункта *b* пункта 2 статьи 5 Конвенции оно не может противоречить публичному порядку Российской Федерации.

И наконец, в дополнение к двум выдвигаемым в настоящей статье тезисам о том, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу с 15 ноября 1991 г., то есть с момента вступления в силу Указа Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 "О либерализации внешнеэкономической деятельности"⁵³, и поэтому не может быть и речи не только о нарушении публичного порядка при наличии на внешнеторговой сделке одной подписи, но и о простом нарушении законодательства, и что даже если эта норма и является действующей, то она не может относиться к нормам публичного порядка России и в силу этого ее несоблюдение нарушением публичного порядка быть не может, приведем еще ряд доводов, обосновывающих необходимость отказа от взгляда, рассматривающего данную норму как действующую. Не будем еще раз особо останавливаться на том, что этот взгляд в условиях отказа государства от монополии внешней торговли явно не отвечает требованию справедливости, об этом уже говорилось выше.

Во-первых, подобный взгляд находится в явном противоречии с принципами права международного торгового оборота (*lex mercatoria*), к которому Россия только начинает приобщаться. Этими принципами являются, в частности, следующие: *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться); *fides servanda est* (добросовестность должна соблюдаться); *favor negotii* (толкование по возможности в пользу действительности сделки). Между тем, как уже говорилось, если считать, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях является действующей, то неизбежным выводом будет объявление в сфере действия российского права огромного количества заключенных российскими субъектами права внешнеэкономических сделок недействительными как нарушающими данный нормативный акт⁵⁴ со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Таким образом, допустить это и считать отмеченные основополагающие принципы *lex mercatoria* неприменимыми только на том основании, что в российском законодательстве формально продолжает присутствовать норма, формально их перечеркивающая, но утратившая свой грозный когда-то смысл и все основания быть противопоставленной этим принципам ввиду коренного изменения экономической системы в России, было бы по сути дела добровольным отказом от приобщения к мировой экономической системе и означало бы продолжение советской традиции малопривлекательного своеобразия отечественного права. Это было бы остановкой на пути вовлечения российских субъектов права в международный торговый оборот, важными вехами на котором являются присоединение к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) и принятие нового ГК РФ, вобравшего многое из регулирования такого оборота. Более того,

можно утверждать, что применение в российских реалиях после отмены монополии внешней торговли нормы Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях не только противоречило бы публичному порядку самой России, но и являлось бы нарушением международного публичного порядка.

Во-вторых, подобный взгляд ввиду защищаемого им формализма создает благоприятные условия для проявления недобросовестности любым из контрагентов внешнеэкономической сделки: как только дальнейшее исполнение сделки по какой-либо причине станет для него неудобным, он может немедленно апеллировать к российскому юрисдикционному органу с требованием считать сделку недействительной по формальным причинам⁵⁵. Тем самым опять-таки происходит поощрение нарушения принципа добросовестности, являющегося одним из столпов права международного торгового оборота, тогда как суды в своей деятельности должны избегать создания условий для любых злоупотреблений и проявлений недобросовестности. Кстати говоря, этот довод более чем применим к настоящему делу: в нем заемщик никогда до момента возникновения спора не утверждал о недействительности кредитного соглашения. Но после этого момента исходил только из таковой.

В-третьих, все вышеизложенное позволяет утверждать, что в том случае, если норму о двух подписях признавать применимой даже после отмены монополии внешней торговли, то регулирование российским правом международной торговли приобретает характеристику видимости, а не действительности благодаря “окаменению” российского права, использованию им в новых условиях старых механизмов регулирования и старых правовых форм, таким условиям совсем не соответствующих. Как известно, во многом благодаря тому, что право не успевает за меняющимися реалиями, оно может исчезать, превращаться из реальности в фикцию. Взгляд, отстаивающий применимость нормы о двух подписях даже после отмены монополии внешней торговли, является попыткой усилить характеристику российского права как видимости, от чего оно и так чрезмерно страдает.

В-четвертых, применение нормы о двух подписях имело бы своим результатом очень негативные практические последствия: в один момент множество и исполненных, и неисполненных внешнеэкономических договоров российских субъектов права стали бы недействительными. Все это не могло бы не поставить авторитет, состоятельность и российского права, и российской экономики под большой вопрос.

В-пятых, признание нормы о двух подписях действующей повлекло бы множество других негативных последствий. И.С. Зыкин подробно указал на многие из них⁵⁶ и совершенно справедливо сде-

лал в отношении нормы о двух подписях вывод о том, что “многолетний опыт выявил существенные изъяны рассматриваемого регулирования”⁵⁷.

Наконец, применение нормы о двух подписях являлось бы доведением регулирования российским правом порядка заключения внешнеэкономических сделок до полного абсурда: согласно части 3 пункта 3 статьи 7 Федерального закона от 21 ноября 1996 г. №129-ФЗ “О бухгалтерском учете”⁵⁸ “без подписи главного бухгалтера денежные и расчетные документы, финансовые и кредитные обязательства считаются недействительными и не должны приниматься к исполнению”⁵⁹. Таким образом, если не считать, что норма Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях утратила силу с 15 ноября 1991 г., то сегодня для того, чтобы внешнеэкономическая сделка⁶⁰ считалась действительной, необходимо, чтобы она была подписана уже тремя лицами⁶¹.

Отметим и следующий момент: не только не имеется никакой возможности применять норму Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях как норму публичного порядка России, как это было доказано выше, но можно также утверждать, что эту норму в случае с внешнеэкономической сделкой нет никакой необходимости применять, будь она даже формально действующей. В случае с внешнеэкономической сделкой мы выходим за пределы одной национальной системы права и сталкиваемся с другими национальными правовыми системами: возникает коллизия законов. При этом для ответа на вопрос о том, как такая коллизия должна быть разрешена, каждая национальная система права решает для себя, имеет ли для нее смысл ее собственная применимость и имеет ли смысл исключение применимости иностранного права. В том случае, если любой из этих вопросов решается положительно, национальная правовая система с помощью определенной коллизийной нормы или иных средств (публичный порядок, императивные нормы в коллизийном смысле, обратная отсылка и т.д.) объявляет применимой себя, а не иностранное право. Однако такое объявление происходит только при наличии определенного основания, которым является “заинтересованность” правовой системы быть применимой. Такая “заинтересованность” может оправдываться различными факторами: теснотой связей между национальной правовой системой и правоотношением, публичным порядком такой системы, особой императивностью ее предназначенных для применения норм. Но в том случае, если такой “заинтересованности” не существует, правовая система объявляет применимым иностранное право: “...когда по мысли туземного конфликтного законодателя образовалась привязка данного правоотношения... к туземному материальному праву... то это значит пока только, что... образовался конфликт; ...если конфликт раз-

решен в пользу иностранного закона, то это значит, что конфликтный законодатель не считает, что привязка к его территории настолько существенна, что из-за нее стоило разрывать привязку к иностранному законодательству”⁶². Таким образом, применительно к рассматриваемой нами ситуации возникает вопрос: в случае с внешнеэкономической сделкой имеет ли российское право “заинтересованность” в применении нормы о двух подписях? Бесспорно, что до момента отмены монополии внешней торговли такая “заинтересованность” существовала: норма о двух подписях являлась одной из гарантий успешного функционирования этой монополии. Но после отмены монополии эта норма потеряла свое особое значение и свою особую императивность. Она перестала относиться и к нормам публичного порядка. Следовательно, можно утверждать, что ввиду отмены монополии внешней торговли российское право потеряло всякий интерес к применению такой нормы в отношении внешнеторговых сделок. А это может значить только одно: в том случае, если внешнеторговая сделка заключается в иностранном государстве, где не установлена обязательность правила о двух подписях, а их отсутствие не влияет на действительность сделки, российское право может совершенно безболезненно объявить себя некомпетентным регулировать данный вопрос, а признать применимым иностранное право, согласно которому сделка будет действительна⁶³. В результате использования предлагаемой техники, даже если и признавать норму о двух подписях действующей, отпадает сама необходимость ее применения⁶⁴. Если же считать в любом случае применимым не иностранное, а российское право, то это будет означать, что обеспечение применения российского права оправдывается просто стремлением его применять, и ничем иным, вне зависимости от того, действительно ли такое применение необходимо или оправданно для интересов российского права. Между тем такое стремление характерно только для правовых систем, исповедующих территориализм, ставящих себя выше всех других систем права, относящихся к ним с пренебрежением и при этом находящихся на низких ступенях развития, к которым российское право отнести не хотелось бы.

Но отказ российской правовой системы быть применимой для ответа на вопрос о действительности внешнеторговой сделки с одной подписью возможен и необходим также и в том случае, когда сделка заключается на территории России. Несмотря на то, что в данном случае коллизия с иностранным правом не возникает, можно утверждать, что возникает коллизия с *lex mercatoria*, по которому такая сделка будет также действительной. Конечно, такой подход не свободен от проблем, поскольку существуют различные точки зрения на *lex mercatoria* и не все считают его отдельной нормативной системой, аналогичной национальным системам права и обла-

дающей свойством применимости. Тем не менее, даже если и не считать *lex mercatoria* сформировавшейся нормативной системой, при регулировании национальной правовой системой международного торгового оборота последняя не может исходить только из своих собственных положений и игнорировать принципы права международной торговли. Более того, развитие международной торговли возможно только в том случае, если национальные системы права будут признавать приоритет права международной торговли над собой в тех ситуациях, когда они не имеют никакой “заинтересованности” в своем применении. Рассматриваемая ситуация как раз и представляет собой “чистый” случай необходимости признания российским судом приоритета над собой права международной торговли, даже если российский суд намерен считать правило о двух подписях действующим.

И последнее, что можно отметить в отношении рассматриваемого дела. Конечно, из позиции Судебной коллегии, Верховного Суда и заместителя Председателя Верховного Суда еще не следует, что норму Постановления Совета Министров СССР № 122 о двух подписях следует считать сохраняющей силу и в настоящий момент и что внешнеэкономические сделки с одной подписью, заключаемые сегодня, противоречат публичному порядку Российской Федерации. Но не может не вызывать опасений та неожиданная неточность и двусмысленность, с которой обошелся Верховный Суд в отношении очень сложного понятия “публичный порядок”, да еще применительно к проблеме порядка подписания внешнеэкономических сделок. Одна из первых судебных попыток использования данного сложного понятия оказалась не совсем удачной. Сегодня российское международное частное право стоит перед очень сложной задачей переосмысления многих установившихся в нем принципов и подходов, и любой, пусть даже наполовину верный, шаг может весьма негативно повлиять на решение этой задачи, не говоря уже о возможности появления многочисленных неприемлемых последствий в практической области, в частности в ухудшении положения российских субъектов права на мировом рынке.

P.S. 28 октября 1997 г. Судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда вторично рассмотрела ходатайство ОАО “Экспортлес” о разрешении принудительного исполнения решения Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма. Принудительное исполнение этого решения было разрешено, при этом в определении о таком разрешении было указано: “...суд не находит, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку Российской Федерации”.

¹ Автор выражает признательность юристу ОАО "Экспортлес" Л.С. Михайловой, предоставившей ему материалы дела.

² СП СССР.— 1978.— № 6.— Ст. 35. Данное постановление установило необходимость подписания внешнеэкономической сделки, совершаемой "советскими организациями", всегда двумя лицами, причем согласно статье 45 ГК РСФСР 1964 года несоблюдение этого предписания влекло недействительность внешнеэкономической сделки. Подробнее о таком порядке подписания см. Костин А.А. Советское законодательство о форме внешнеэкономической сделки и последствия ее нарушения // Торгово-экономические связи и вопросы международного частного права. Сборник научных трудов.— М., МГИМО, 1990.— С. 21—28.

³ Речь идет о Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) (Ведомости Верховного Совета СССР.— 1960.— № 46.— Ст. 421).

⁴ Следует отметить, что в связи с рассматриваемым делом возникает и ряд других моментов, в частности вопрос о применимости российского валютного регулирования, однако на них автор останавливаться не будет по причине их автономного характера.

⁵ Поскольку они были подписаны не двумя, а одним лицом, являющимся, как правило, единоличным исполнительным органом российского юридического лица.

⁶ Отметим и следующий нюанс: если какая-либо из таких сделок будет признана иностранным арбитражным решением недействительной ввиду нарушения при ее заключении применимого Постановления Совета Министров СССР № 122, то последствия ее недействительности также будут определяться по российскому праву, что повлечет за собой двустороннюю реституцию. В том случае, если иностранное лицо обратится в российский суд с ходатайством о признании и приведении в исполнение такого иностранного арбитражного решения с целью осуществления реституции, очевидно, что отказать в признании и в приведении в исполнение такого решения по мотивам их противоречия публичному порядку России суд не сможет. Следовательно, распространение Верховным Судом России своих взглядов, анализируемых в настоящей статье, на практике будет иметь следствием стремление иностранных контрагентов не настаивать в международном коммерческом арбитраже и иностранных судах на исполнении сделки с российским лицом, а, напротив, признать ее недействительной, ибо только так они смогут хоть как-то добиться защиты своих интересов на территории России. Излишне говорить, насколько это противоречит принципу права международной торговли *pacta sunt servanda*.

⁷ В дальнейшем, однако, мы будем исходить из того, что позиции, выраженные в определении Верховного Суда и в письме заместителя Председателя Верховного Суда, совпадают.

⁸ "Неопределенность категории публичного порядка... ныне возводится в один из принципов международного частного права" (Лунц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть.— М., 1973.— С. 309).

⁹ Как об этом говорится в статье 158 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года.

¹⁰ Как об этом говорится в статье 12 Договора между СССР и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Москва, 1984 г.).

¹¹ “Подразумевается, что знак не может рассматриваться как противоречащий публичному порядку по той единственной причине, что он не соответствует какому-либо положению законодательства о знаках, за исключением случая, когда само это положение касается публичного порядка” (подпункт 3 пункта *b* статьи 6-quinquies Конвенции по охране промышленной собственности) (Париж, 1883 г.) (по состоянию на 14 июля 1967 г.).

¹² Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве.— Пг., 1916.— С. 73—74.

¹³ Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.— М., 1996.— С. 37—41.

¹⁴ Там же.— С. 38.

¹⁵ Богуславский М.М. Международное частное право.— М., 1994.— С. 206—207.

¹⁶ Пункт 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 “О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств” гласит: “...установить, что на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению” (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.— 1991.— № 51.— Ст. 1798).

¹⁷ Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.— С. 38—39.

¹⁸ “Несоблюдение формы внешнеторговых сделок и порядка их подписания (статья 565) влечет за собой недействительность сделок”.

¹⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.— 1990.— № 21.

²⁰ Следует отметить, что М.Г. Розенберг допускает противоречие, когда, с одной стороны, он утверждает, что норма Постановления № 122 о двух подписях не действует в связи с объявлением применения Основ, несмотря на то что формально ввиду объявления Основ применимыми это постановление не было отменено, а с другой стороны, говорит о том, что ошибочно мнение об утрате Постановлением № 122 силы ввиду принятия закона РСФСР “О предприятиях и предпринимательской деятельности” (который наделил предприятие правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность, а руководителя предприятия наделил правом заключать договоры единолично, не упоминая при этом об особом порядке подписания), поскольку в перечне отмененных в связи с принятием этого закона актов Постановления № 122 не упоминается (Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.— С. 400).

²¹ Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.— С. 39.

²² “Несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет недействительность сделки” (пункт 3 статьи 162 ГК РФ).

²³ “Форма внешнеторговых сделок, совершаемых советскими организациями, и порядок их подписания, независимо от места совершения этих сделок, определяются законодательством Союза ССР”.

²⁴ Правила об особом порядке подписания внешнеэкономических сделок появились в законодательстве СССР еще в 30-е годы: постановление ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1930 г. "О порядке подписания сделок и выдаче доверенностей на совершение операций по внешней торговле" (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР.— 1930.— № 56.— Ст. 583); постановление ЦИК и СНК СССР от 26 декабря 1935 г. "О порядке подписания сделок по внешней торговле" (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР.— 1936.— № 1.— Ст. 3).

²⁵ *Розенберг М.Г.* Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.— С. 40—41. Именно такая аргументация была использована, например, Международным коммерческим арбитражным судом при ТПП РФ в деле № 239/1994, решение от 27 ноября 1995 г. (*Розенберг М.Г.* Практика Международного коммерческого арбитражного суда.— М., 1997.— С. 165).

²⁶ *Зыкин И.С.* Форма и порядок подписания внешнеэкономических сделок // Государство и право.— 1993.— № 9.— С. 90—96.

²⁷ *Lex est ratio summa, quae jubet quae sunt utilis et necessaria, et contraria prohibet* (Закон есть совершенство здравого смысла, который диктует, что есть полезное и необходимое, и запрещает им противоположное).

²⁸ Само собой разумеется, что предлагаемые в настоящей работе формулировки способа объявить указанное постановление недействующим являются далеко не совершенными и могут быть заменены на более точные.

²⁹ Достаточно вспомнить отношение основоположника советского государства к этому вопросу и тот факт, что этот принцип был непосредственно закреплен в Конституции СССР.

³⁰ *Луц Л.А.* Курс международного частного права. Особенная часть.— М., 1975.— С. 49.

³¹ Российская газета. — 1991. — 19 нояб.; Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.— 1991.— № 47.— Ст. 1612.

³² "...Установить, что на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению" (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.— 1991.— № 51.— Ст. 1798).

³³ Конечно, абстрактно рассуждая, надо признать, что утрата силы одной конкретной нормой не должна автоматически влечь отсутствие противоречия публичному порядку, поскольку публичный порядок может выражаться не только в такой норме, но и в другой конкретной норме или же в каком-либо принципе законодательства. Но ничего подобного в нашем случае не имеется, и поэтому наш вывод является справедливым без каких-либо оговорок.

³⁴ Как известно, существуют две концепции публичного порядка: "позитивная" и "негативная". Первая родилась во французском праве, вторая — в германском. Под "позитивным" публичным порядком понимается совокупность особо важных законов, имеющих такое значение для данной правовой системы и общества, что они должны применяться всегда и ко всем

правоотношениям, в том числе с наличием иностранного элемента. В том случае, если встает вопрос о применении иностранного закона применительно к правоотношению, на которое эти особо важные законы распространяются, в применении иностранного права всегда отказывается и применяются законы “позитивного” публичного порядка, благодаря их особому значению, независимо от свойств иностранного права. Когда же встает проблема разрешения приведения в исполнение иностранного решения, прежде всего внимание уделяется вопросу о том, не пострадает ли действие этих особо важных законов от исполнения иностранного решения, а не вопросу о содержании самого исполнения. “Во французской доктрине концепция публичного порядка имела... значение совокупности некоторых французских законов, которые в силу особой важности применяются даже в тех случаях, когда французская коллизионная норма отсылает к иностранному праву. Речь шла о действии определенного рода законов французского права, вытесняющих применение норм... иностранного права независимо от свойств этих последних” (*Луиц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть.*— С. 307). Под “негативным” публичным порядком также понимается совокупность некоторых особо важных законов, которые, однако, исключают применение иностранного права и возможность исполнения иностранного решения не благодаря своим собственным свойствам как особо важным, а благодаря негативным свойствам самого иностранного права или содержания исполнения иностранного решения, негативным с точки зрения законов “негативного” публичного порядка. Соответственно, когда встает проблема разрешения приведения в исполнение иностранного решения, прежде всего внимание уделяется содержанию истребуемого исполнения, вопросу о том, будет ли оно являться негативным для законов публичного порядка места исполнения. Если при “позитивной” концепции “публичный порядок понимается как совокупность... материально-правовых норм, устранивающих в силу особых свойств действие иностранного закона...” (*Луиц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть.*— С. 312), то при “негативной” концепции “речь идет о свойствах иностранного закона, которые делают этот закон неприменимым...” (там же). Итак, разница между двумя концепциями — в расставляемых ими акцентах: либо на положительных свойствах закона суда, либо на негативных свойствах иностранного закона или содержания исполнения иностранного решения, разрешение на которое испрашивается.

³⁵ Могут указать, что если норму о двух подписях рассматривать как относящуюся к нормам публичного порядка, то отказать в разрешении на приведение в исполнение иностранного арбитражного решения можно и при использовании “негативной” концепции публичного порядка: достаточно констатировать, что с точки зрения российского закона, содержащего эту норму, такое решение обладает негативными характеристиками, поскольку при его вынесении не была соблюдена эта норма о двух подписях. Принципиально с этим спорить трудно: хотя “позитивная” и “негативная” концепции публичного порядка используют различную технику, они имеют ряд совпадающих моментов и, что самое важное, преследуют одну и ту же цель неприменения иностранного права или отказа в приведении в исполнение иностранного решения. Невозможно противопоставлять их друг другу абсолютно. Но равным образом невозможно отрицать, что

в зависимости от конкретных обстоятельств достижение указанной цели может оказаться более легким или затруднительным в зависимости от используемой юридической техники. Так вот, в рассматриваемом случае такой цели достичь гораздо легче, делая акцент на особом статусе нормы о двух подписях и затем отыскивая факты, указывающие на нарушение этого статуса, чем обнаружить, что само по себе испрашиваемое исполнение представляет собой обычное взыскание долга, и только затем сослаться на статус нормы о двух подписях и сделать то же самое, что и в первом случае.

³⁶ “Иностранное право не применяется в случаях, когда его применение противоречило бы основам советского правопорядка (публичному порядку)” (ст. 158 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.). Аналогичная норма содержится в Семейном кодексе (ст. 167). Отдельно следует отметить, что современной тенденцией развития международного частного права является все более широкое распространение института применения императивных норм права суда и права третьего государства (императивных не в смысле внутреннего регулирования, а в смысле коллизионного регулирования) или, как их иногда называют, законов прямого регулирования. «“Законы прямого регулирования” — это предписания внутригосударственного права (как публичного, так и частного), представляющие особый интерес для национального сообщества... Сфера их действия определяется с учетом цели их принятия. Они применяются непосредственно (“прямо”), то есть без посредства коллизионной нормы... Это законы, регулирующие те вопросы, в которых общественный интерес превалирует над индивидуальными частными интересами. Они отражают сферу государственных интересов...» (Иссад М. Международное частное право.— М., 1989.— С. 65). Представляется, что эта тенденция является отражением процесса “сжатия” “позитивной” концепции публичного порядка, выделения ее части в отдельный институт международного частного права. В результате в публичном порядке все большее значение начинают играть не правовые нормы сами по себе, а моральные нормы и принципы, господствующие в данном обществе, и понятие “публичный порядок” приобретает все большее моральное наполнение. Такая тенденция также могла бы быть учтена в настоящем деле, но следует отметить, что институт применения императивных норм закона суда отечественному праву не был известен, и сегодня положение не изменилось (однако в проекте части третьей ГК РФ этот институт присутствует). По этой причине в российском праве процесс все большей “морализации” публичного порядка не начинался, и, исходя из этого, мы не будем рассматривать отдельно вопрос об отнесении нормы о двух подписях к институту императивных норм, но будем рассматривать вопрос об отнесении этой нормы к нормам “позитивного” публичного порядка.

³⁷ Частично это признавалось и советской доктриной международного частного права (Луиц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. — С. 329).

³⁸ Хотя в законодательстве это также не было закреплено: “В советском законодательстве оговорка о публичном порядке (в негативном варианте...) получила четкую формулировку...” (Луиц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть.— С. 326).

³⁹ Луиц Л.А. Курс международного частного права. Особенная часть.— С. 56.

⁴⁰ Луиц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть.— С. 330.

⁴¹ Брун М.И. Указ. соч. — С. 29.

⁴² “Следует отметить, что случаи применения оговорки о публичном порядке к внешнеторговым отношениям в нашей практике вообще не имели места...” (Богуславский М.М. Указ. соч. — С. 95). Кабатова Е.В. также отмечает в отношении нормы отечественного законодательства о публичном порядке: “Мне не известны случаи использования этой статьи на практике” (Основы гражданского законодательства и проект Закона о международном частном праве // Журнал международного частного права.—1993.— № 2.— С. 7).

⁴³ В книге “Международное право. Библиография. 1917—1972 гг.” (М., 1976) указываются только три статьи по вопросу о публичном порядке и ни одной монографии. В последующих библиографиях не указывается вообще ни одной статьи на эту тему. Дореволюционные же работы М.И. Бруна (Публичный порядок в международном частном праве.— Пг., 1916) и А.А. Пиленко (Очерки по систематике частного международного права.— Пг., 1915) преданы забвению.

⁴⁴ Прежде всего Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года.

⁴⁵ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.—1993.— № 32.— Ст. 1240.

⁴⁶ Доктрина международного коммерческого арбитража, а также судебная практика различных государств почти единодушно исходят из того, что ошибка арбитража в применении права или оценке фактов не может являться основанием для отмены арбитражного решения или отказа привести его в исполнение, если только они не таковы, что нарушают публичный порядок государства суда. См. *A.J. van den Berg. The New York Arbitration Convention of 1958.*—Deventer—Boston, 1994.— P. 269—273.

⁴⁷ “При выдаче исполнительного листа судья проверяет, не противоречит ли решение третейского суда закону...” (ст. 18 Положения о третейском суде) (приложение № 3 к ГПК РСФСР); “Если при рассмотрении заявления о выдаче приказа на принудительное исполнение решения третейского суда будет установлено, что решение не соответствует законодательству либо принято по неисследованным материалам, арбитражный суд возвращает дело на новое рассмотрение в третейский суд, вынесший решение” (ст. 26 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров, утверждено Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1).

⁴⁸ Утверждено указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1980 г. № 3062-X (Ведомости Верховного Совета СССР.—1980.— № 42).

⁴⁹ Единственным выходом из этого в сложившихся условиях является широкое толкование категории “публичный порядок”, что, конечно же, совсем нежелательно.

⁵⁰ В отношении решений иностранных судов об этом говорится, в частности, в пункте 14 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ "Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации" (текст обзора опубликован в "Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации".—1995.— № 10): "Рассматривая вопрос о допущении исполнения на территории Российской Федерации решения иностранного суда, следует иметь в виду, что суд Российской Федерации не обладает компетенцией на пересмотр решения".

⁵¹ Преамбула закона "О международном коммерческом арбитраже".

⁵² Но следует учитывать, что данный вывод базируется на абстрагировании от всех остальных спорных моментов рассматриваемого дела и принятия во внимание только двух проблем: порядка подписания внешнеторговой сделки и публичного порядка.

⁵³ Еще раз повторим, что если не сделать этот вывод, то никаких формально-логических и формально-юридических оснований считать сегодня данную норму недействующей не имеется.

⁵⁴ Поскольку они были подписаны не двумя, а одним лицом, являющимся, как правило, исполнительным органом российского юридического лица.

⁵⁵ Кстати говоря, применительно к судебным решениям действует разумный принцип: "Не может быть отменено правильное по существу решение суда по одним лишь формальным соображениям" (ст. 306 и 330 ГПК РСФСР). Но он вполне применим и к рассматриваемому вопросу о необходимости наличия двух подписей.

⁵⁶ Невозможность избежать злоупотреблений. Излишняя жесткость санкции, неадекватность механизма регулирования, проблематичность заключения сделки между отсутствующими, невозможность применения к физическим лицам — предпринимателям и т.д. (*Зыкин И.С.* Форма и порядок подписания внешнеэкономических сделок // Государство и право.—1993.— № 9.— С. 91—92).

⁵⁷ Там же.— С. 91.

⁵⁸ Российская газета. — 1996. — 28 нояб.

⁵⁹ Данная норма находится в полном соответствии с частью 3 пункта 1 статьи 160 ГК РФ.

⁶⁰ Если только это, например, не договор мены или не договор дарения индивидуально-определенной вещи.

⁶¹ Или опять-таки двумя, если функции главного бухгалтера исполняет лично руководитель организации.

⁶² *Брун М.И.* Публичный порядок в международном частном праве.— С. 55—56.

⁶³ Вкратце отметим, что если внешнеэкономическая сделка заключается российским лицом в иностранном государстве, то в этом случае невозможно обосновывать применение Постановления Совета Министров СССР № 122, даже если считать его действующим, ссылаясь на личный статус российского юридического лица. Такое обоснование экстерриториального применения нормы о двух подписях было характерно для советского права (*Лунц Л.А.* Курс международного частного права. Особенная часть.— С. 56). Весьма специфические черты механизма монополии государства на внешнюю торговлю, в частности тот факт, что внешнеторговые объединения являлись не более чем частями такого механизма, действительно позво-

ляли утверждать, что вопрос о порядке подписания внешнеторговых сделок относится к сфере личного статуса советских внешнеторговых объединений (но считать такой подход с правовой точки зрения совершенно безупречным нельзя). Однако после отмены монополии внешней торговли, даже если считать норму Постановления Совета Министров СССР № 122 действующей, относить вопрос о подписании внешнеэкономических сделок к личному статусу российских юридических лиц просто невозможно.

⁶⁴ Но следует отметить, что это возможно только в случае, если квалифицировать порядок подписания внешнеэкономической сделки как не относящийся к форме сделки. В том случае, если мы относим этот вопрос к форме сделки, то в действие вступает российская односторонняя коллизийная норма части 2 пункта 1 статьи 165 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года о применимости к внешнеэкономическим сделкам российских субъектов права всегда только российского права.

Статья поступила в редакцию в ноябре 1997 г.

К ПОДПИСАНИЮ ДОГОВОРА С “ДЕ БИРС”

А.Е. Беляев*

В начале 1996 года в “Diamond World Review” появилась статья “Diamond law adopted by Duma”, в которой сообщалось, что 17 ноября 1995 г. Государственная Дума приняла рамочный закон для золотодобывающей и алмазной промышленности страны. Сообщалось, что Совет Федерации отклонил ряд статей и закон находится на доработке¹. Доработка длилась до 1998 года. Правда, после принятия Советом Федерации закон “застрял” в Администрации Президента Российской Федерации. 26 марта 1998 г. после вторичного принятия Федеральным Собранием Президент подписал закон. Алмазная промышленность, находясь в чрезвычайно трудных условиях, получила долгожданную законодательную поддержку.

Само понятие “алмазная промышленность” традиционно включает в себя геологическое изучение и разведку месторождений алмазов, алмазодобычу, огранку и обращение алмазов и бриллиантов (кроме сделок физических лиц с ювелирными изделиями). Закон “О драгоценных металлах и драгоценных камнях” от 4 марта 1998 г. впервые законодательно устанавливает и понятие “драгоценные камни”. В соответствии со ст. 1 драгоценными являются природные

*Соискатель кафедры международного права МГИМО(У) МИД РФ.

алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг. Алмаз имеет, как и драгоценные камни вообще, одну особенность: при минимальных количестве занятых и финансовых вложениях его стоимость путем огранки увеличивается в несколько раз². Об особых свойствах алмазов говорится и в ст. 10 закона “О драгоценных металлах...” Но для сохранения особых свойств алмазов и прежде всего высокой стоимости требуется стабильность на рынке алмазов. С 30-х годов эта стабильность поддерживается Центральной сбытовой организацией компании “Де Бирс”³. Практически абсолютная монополия ЦСО строилась на глобализации деятельности компании. В 1992 году предложение алмазного сырья превысило спрос. В 1996 году Австралия (33 % мировой добычи) приняла решение о самостоятельном маркетинге сырья. Но и сегодня ЦСО контролирует около 70% мировой торговли алмазами, из которых $\frac{1}{4}$ добывается в России.

В середине 90-х годов была предпринята попытка выработки политики, альтернативной единому каналу сбыта “Де Бирс”. По словам бывшего председателя комитета РФ по драгоценным металлам и драгоценным камням Е. Бычкова, два-три года назад было намерение создать с крупнейшими алмазодобывающими странами что-то вроде алмазного ОПЕК и договоренность об этом была достигнута с президентами Намибии и Ботсваны и вице-президентом ЮАР. Сейчас уже имеется правовая база для международного сотрудничества России и субъектов РФ в этой специфической области, которая так и не получила своего Совета по экспорту алмазов. Объяснений неудачи попытки Е. Бычкова договориться без государственной концепции вряд ли стоит искать.

В целях обеспечения экономических, научных и социально-культурных интересов Российской Федерации (п. 1 ст. 24 закона “О драгоценных металлах...”) проекты использования и обращения драгоценных камней проходят обязательную экономико-правовую экспертизу (п. 2). Данные договоры подлежат обязательной ратификации (п. 3).

Аналогичный порядок действует в отношении договоров субъектов Федерации. Путем двусторонних переговоров было достигнуто соглашение с правительством Намибии, и 31 марта 1998 г. министр финансов РФ и министр горнодобывающей промышленности и энергетики Намибии подписали межправительственное соглашение по развитию алмазных комплексов двух стран. Текст соглашения свидетельствует и о понимании нецелесообразности конфронтации с “Де Бирс”. Соглашение содержит положение: стороны воздержатся от действий, способных нанести ущерб стабильности мирового алмазного рынка. За лаконичной формулировкой фактически стоит: стороны признают, что “Де Бирс” использует свои резервы,

может вызвать падение цен на любом рынке, где будет проводиться политика, отличная от единого канала сбыта. Говорить о готовности южноафриканского концерна хотя бы обсуждать возможность отказа от единого канала не приходится. Нельзя не видеть и другое: за “Де Бирс” стоит Англо-Американская корпорация, которая занимает ведущие позиции в мире по добыче золота и платины, сама “Де Бирс” имеет возможности получения кредитов более чем у 30 международных банков. Компания “Алмазы России—Саха”, которую называют российской “Де Бирс”, имеет практически только замерзшие кимберлитовые трубки. Таким образом, говорить о политике, альтернативной “Де Бирс”, затруднительно.

Возвращаясь к соглашению с Намибией, следует отметить возможность диалога “Россия — Намибия (“Де Бирс”)”. Стороны договорились координировать свою политику на рынке алмазного сырья, оказывать друг другу помощь в подготовке кадров, создать совместные российско-намибийские предприятия по геологоразведке и разработке алмазных месторождений. Учитывая долгосрочное сотрудничество правительства Намибии с “Де Бирс”, навряд ли придется ожидать освоения значительных месторождений в Намибии, которые составят конкуренцию “Де Бирс”. Реально можно говорить о возможности вливания российских капиталов в Намибию и сотрудничестве на технологическом и других уровнях с совместным предприятием Намибии и “Де Бирс” — “Намдеб”. Россия проявила интерес к возможной добыче драгоценных металлов и драгоценных камней на участках недр континентального шельфа, что нашло свое отражение в законе “О драгоценных металлах и драгоценных камнях” (ст. 2). “Де Бирс” — единственная в мире компания, осуществляющая добычу алмазов с континентального шельфа Намибии на глубине до 200 метров. Кроме того, данное соглашение (Россия—Намибия) открывает возможность привлечения “черного бизнеса” в Россию, что несомненно скажется благоприятно на российской экономике. Важным является создание межправительственной рабочей группы для координации деятельности в рамках соглашения.

Особо надо отметить достижение договоренности о сотрудничестве в области обработки алмазного сырья. Компания “Де Бирс” традиционно проводит политику недопустимости добычи и огранки алмазов в одной стране. Исключение составляет Россия. При успешной реализации соглашения с Намибией можно будет говорить о продвижении к формированию единой политики государств — участников правоотношений в алмазной промышленности, отличной от политики “Де Бирс”.

Россия в силу своего уникального положения требует концепции для переговоров как со странами, добывающими алмазы, так и со странами — производителями бриллиантов. Пока можно констати-

ровать только формирование политики России в отношении согласованных действий государств по алмазному сырью. Упор на это делается и в Минфине РФ. Потребность создания межгосударственного многостороннего консультативного органа по алмазам очевидна. Но для участия в таком органе России опять необходима государственная концепция развития алмазо-бриллиантового комплекса. Учитывая перспективу подписания договора о сотрудничестве в области алмазов с Анголой, можно говорить о создании прочной международно-правовой базы такой концепции.

Законом "О драгоценных металлах и драгоценных камнях" от 4 марта 1998 г. предусмотрена при государственной монополии на регулирование экспорта необработанных алмазов (п. 3 ст. 10) возможность экспорта алмазов и юридическими лицами. Стороной, подписавшей 21 октября 1997 г. договор с "Де Бирс", была компания "Алмазы России—Саха". Теперь продажа большей части российских алмазов будет осуществляться и осуществляется в соответствии со ст. 20 закона, то есть как алмазов, не проданных в приоритетном порядке государству. Порядок вывоза для реализации на внешнем рынке устанавливается Президентом РФ.

Если говорить об импорте, то по договору с "Де Бирс" 1997 года российские гранильные предприятия могут покупать алмазов на 100 млн. долл. США в год. Российский экспорт в рамках продаж "Де Бирс" составляет порядка 1 млрд. долл. США в год. Интересен пример Израиля, где стоимостные выражения импорта сырья и экспорта бриллиантов примерно равны.

В перспективе развития Архангельского алмазного месторождения уже сейчас внимание привлекают положения нового закона о запрещении создания предприятий по добыче алмазов на территории РФ, в органах управления которых иностранным гражданам (в том числе путем косвенного участия) принадлежит большинство (ст. 4), а также запрете геологического изучения, разведки и добычи алмазов на условиях договоров о разделе продукции (ст. 25). Также на перспективу возможна в соответствии с международными договорами и общепризнанными нормами международного права добыча алмазов с континентального шельфа РФ.

6 мая сего года продолжились переговоры "Де Бирс" с российскими партнерами. "Де Бирс" предложила новую форму партнерства в непривычной для нее области: маркировки бриллиантов. Речь идет о нанесении микронных размеров кода на каждый бриллиант. Опасения вызывают возможность монополии на оценку и анализ всего сегмента крупных бриллиантов и привязка контроля опять к одной фирме. В остальном переговорный процесс проводится без неожиданностей. Что даст России предполагаемая трехлетняя пролонгация договора, покажет будущее.

В заключение хотелось бы удивиться разговорам о слабости и неспособности “Де Бирс” быть ядром алмазной промышленности мира и необходимости “Алмазы России—Саха” как ядра российской алмазной промышленности, что может лишь усугубить кризис и свидетельствует о продолжении политики отраслевой конъюнктуры в отрыве от того, что нашло свое отражение в законе “О драгоценных металлах...”: “Государственная политика направлена на стимулирование добычи и производства драгоценных металлов и драгоценных камней, развитие рынка этих ценностей и их рационального использования для социально-экономического развития Российской Федерации”.

¹ Diamond World Review.— № 90.— P. 12.

² В Израиле 10 тыс. человек производят (гранят) бриллианты более чем на 15 млн. долл. США в день, что составляет $\frac{1}{4}$ всего израильского экспорта.

³ Почти 20 лет ЦСО продавала только ангольские и конголезские алмазы после падения на них в 1932 году цен и продуманного закрытия рудников “Де Бирс”.

Статья поступила в редакцию в апреле 1998 г.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Степанов*

В XX веке значительно изменилась структура производительных сил. Был совершен рывок в развитии экономических систем. В настоящее время динамические характеристики макросистем являются определяющими параметрами существования как отдельных государств, так и человечества в целом. Качественно и количественно развиваются внешнеэкономические связи. Это отражается в появлении транснациональных субъектов предпринимательской деятельности, ведущих операции во многих государствах. Уже сейчас транснациональные корпорации играют существенную роль на мировой экономической сцене. И судя по всему, зависимость экономической системы от финансового состояния транснациональных кор-

* Магистр права (Российская школа частного права), соискатель кафедры гражданского права МГУ.

пораций будет возрастать. Кроме того, следствием развития внешне-экономических связей является увеличение количества субъектов, размещающих свои активы и, соответственно, взаимодействующих с кредиторами в разных странах. Объективным фактором рыночной модели развития является то, что некоторые из вышеперечисленных субъектов, в том числе транснациональные корпорации и банки, становятся неплатежеспособными (ситуация, называемая трансграничной несостоятельностью).

К сожалению, в настоящее время существует правовая неопределенность при разрешении ситуаций трансграничной несостоятельности (отсутствует единообразная схема регулирования), и на практике в большинстве случаев возбуждаются отдельные производства, или, в зависимости от политической и правовой близости стран и конкретного состава заинтересованных сторон, предпринимаются бессистемные попытки урегулирования долгов другими способами. Как правило, в результате такой правовой неопределенности время разбирательств затягивается, структура активов распыляется и они теряют системные качества. В итоге страдают не только ущемленные несправедливым обращением кредиторы, но и мировой экономический организм в целом, что сказывается на уровне международной торговли¹. Кроме того, значительно снижаются возможности по применению реабилитационных моделей.

Каковы причины этой правовой неопределенности? Дело в том, что подходы национальных законодательств к регулированию обычной несостоятельности (не трансграничной) имеют значительные отличия. Это обусловлено историческими, культурными, философскими, национальными, экономическими факторами.

Главная проблема заключается в том, что в настоящее время государства, регулируя вопросы несостоятельности, по-разному оценивают задачи национальных законодательств о несостоятельности. Например, интересы кредиторов наиболее сильно защищены в английском законодательстве. И, соответственно, возможностей для применения реабилитационных процедур там меньше всего. И хотя в 1986 году была введена процедура управления, ее можно скорее рассматривать как модель для будущих возможных изменений английского законодательства. Основной тенденцией германского законодательства о несостоятельности является движение к модели, включающей реабилитационные процедуры. Американская система, ставшая предметом изучения во всем мире и способствовавшая появлению английской процедуры управления и германского плана восстановления платежеспособности, менее либеральна по отношению к кредиторам, чем английская и германская, и больше защищает интересы должника с целью возможной реабилитации. Французское регулирование вопросов несостоятельности своей основной

задачей считает оздоровление предприятий в ущерб интересам кредиторов.

Цели регулирования разные. Соответственно, права кредиторов несостоятельного лица и управляющих разные. Использование основных механизмов несостоятельности — системы приоритетов, очередности, зачета взаимных требований, специальных условий недействительности сделок, отказа от исполнения текущих контрактов — тоже разные. Кроме того, государственная политика в отношении защиты прав своих кредиторов и признания иностранных судебных решений имеет существенные отличия.

Интеграционные процессы экономического пространства, новые структурные свойства экономических макросистем и их динамические параметры требуют скорейшего создания правового механизма для решения проблем регулирования трансграничной несостоятельности. На первом этапе должна быть решена задача по установлению режима правовой определенности, то есть такого режима, при котором лица, чьи интересы затрагиваются трансграничной несостоятельностью, могли бы четко представлять свои права и обязанности и соотносить их с правами и обязанностями других участников производства или производств. После того как будут созданы условия для выполнения этой задачи, можно приступать к разработке схем урегулирования, предусматривающих справедливое обращение со всеми кредиторами и использование реабилитационных моделей.

Для дальнейшего развития межнациональной экономики на новой качественной ступени необходимо иметь четкие правила регулирования трансграничной несостоятельности. И поэтому, несмотря на столь существенные отличия подходов внутригосударственных законодательств о несостоятельности, правовое сообщество вынуждено искать решения в виде конвенций о трансграничной несостоятельности регионального и мирового уровней.

В данной работе будут анализироваться проекты региональных конвенций (европейской и СНГ) и проекты для ООН (комитета J и комиссии UNCITRAL). Основное внимание будет уделено проекту СНГ. Остальные проекты используются для сравнительного анализа. В рамках экономического пространства СНГ развивается комплекс противоречивых процессов (например, дезинтеграция и интеграция). Уровень сотрудничества, пройдя нижнюю точку, опять увеличивается. В странах СНГ происходит реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве). И уже сейчас необходимо выработать согласованную концепцию подхода к трансграничной (в пределах СНГ) несостоятельности. Так или иначе, придется идти по трудному пути, по которому сейчас идут и комиссия Европейского сообщества, и комиссия UNCITRAL. В качестве прогноза можно

добавить, что скорее всего через не слишком большой промежуток времени (30—50 лет) Европейское экономическое сообщество придет к модели, которая будет похожа на предлагаемую модель для СНГ.

1. Теории единого производства и параллельных территориальных производств

В настоящее время существуют два основных метода регулирования трансграничной несостоятельности. Первый базируется на использовании теории единого производства, второй — на теории параллельных территориальных производств. В соответствии с положениями теории единого производства все основные процедуры и главные процессуальные действия должны проходить в одном месте (в доминиции должника или в месте ведения основного бизнеса). По теории параллельных территориальных производств в отношении одного субъекта проходят независимые территориальные производства параллельно в нескольких государствах.

К преимуществам модели единого производства Филип Р. Вуд² относит следующие факторы³ (с небольшими дополнениями от автора):

- снижение судебных издержек на проведение процедур;
- все кредиторы принимают участие в процедурах на равных условиях (в соответствии с положениями одного применяемого закона);

- все имущественные права собираются в одном месте;
- действия кредиторов легко контролировать;
- кредиторы могут предполагать применимое право в случае несостоятельности контрагента (право доминиции или места основного ведения бизнеса).

К недостаткам относятся:

- задачи местного законодательства о несостоятельности могут значительно отличаться от законодательства иностранного (основного) производства;

- местным кредиторам придется участвовать в процедурах в соответствии с положениями иностранного права;

- кредиторам придется нести дополнительные расходы на участие в иностранном производстве (проблема с кредиторами с небольшими размерами исков);

- возможны проблемы определения места основного ведения бизнеса;

- в стране единого производства могут применяться ограничения на расчеты с нерезидентами;

- активы, которые в случае территориального производства могли быть распределены среди кредиторов данной территории, могут

быть использованы в едином производстве для удовлетворения требований из налоговых или трудовых обязательств государства единого производства.

Можно предложить шкалу метода регулирования трансграничной несостоятельности в зависимости от степени использования теорий единого производства или параллельных территориальных производств. В начале шкалы находится схема максимально возможного использования теории единого производства, а в конце — схема максимально возможного использования параллельных территориальных производств. Для создания механизма регулирования трансграничной несостоятельности можно использовать промежуточное значение шкалы, сочетающее элементы схемы единого производства и схемы параллельных территориальных производств, что на практике и происходит. Безусловно, несмотря на отмеченные выше недостатки, более прогрессивной моделью является схема единого производства. Но, к сожалению, степень правового доверия в вопросах трансграничной несостоятельности пока недостаточна для полного применения теории единого производства. Исторический опыт позволяет понять, что юристы-теоретики большей частью выступали за использование теории единого производства, однако ситуация в области межгосударственных отношений, а также подходы национальных законодательств к вопросам регулирования трансграничной несостоятельности большей частью заставляли применять теорию параллельных территориальных производств. И все же отдельные проявления принципов теории единого производства можно увидеть в положениях национальных законов, посвященных вопросам признания иностранных производств.

Германия. Предусматривается, что германские суды могут признавать иностранные судебные решения в отношении активов, находящихся на территории Германии⁴. Это возможно в тех случаях, когда германский суд признает компетенцию иностранного суда принимать такие решения, а также если признание иностранных судебных решений не противоречит основным принципам германского права. Иностранец имеет право оспорить сделку, которую можно оспорить по иностранному праву, но нет оснований оспорить эту сделку по германскому праву⁵. Эта вышеприведенная часть ст. 102 соответствует теории единого производства.

Однако признание иностранного судопроизводства не исключает открытия в Германии отдельного производства о несостоятельности, которое будет ограничено активами, находящимися внутри Германии. Это — проявление теории территориальных производств. Для открытия такого производства достаточно факта наличия иностранного судопроизводства⁶.

США. Суд по заявлению иностранного представителя может возбудить дополнительное к иностранному производству о несостоятельности, принудительно исполнить судебное решение в отношении должника, создать право обеспечения или принудительно взыскать предмет обеспечения, передать иностранному представителю имущество несостоятельного лица⁷. При вынесении вышеуказанных решений суд должен руководствоваться следующими принципами:

- справедливое обращение со всеми истцами;
- защита американских кредиторов от предвзятого подхода и неудобств в иностранном производстве;
- предотвращение незаконного, предпочтительного и мошеннического обращения с имуществом, находящимся во владении должника;
- распределение вырученного имущества по правилам Bankruptcy Code;
- вежливость;
- желательна возможность нового старта для физического лица.

Следует отметить, что вспомогательное производство имеет важные отличия от обычного самостоятельного производства, которое может быть открыто по заявлению кредиторов, должника и зарубежного (назначенного иностранным судом) представителя в отношении тех же активов. Вспомогательное производство о несостоятельности ограничивается пределами конкретного штата, и поэтому задача сбора активов серьезно усложняется. Кроме того, в рамках вспомогательного производства нельзя использовать некоторые способы признания недействительности сделок. Также нельзя применять схему *debtor in possession* (должника во владении)⁸. При уже открытом вспомогательном производстве должник или кредиторы могут ходатайствовать об открытии самостоятельного производства. Как поступить в каждой конкретной ситуации, решает суд.

Англия. В английском праве предусмотрена возможность возбуждения производства о несостоятельности в отношении компаний, инкорпорированных в другой стране⁹. Основания для открытия производства: компания ликвидируется или прекращает деятельность; компания неплатежеспособна; судебная ликвидация несостоятельного лица будет совершаться в интересах справедливости.

В ст. 426 *Insolvency Act* предусматривается признание иностранных судебных решений, принятых в соответствующей стране в связи с несостоятельностью какого-либо лица¹⁰. Однако английские авторы отмечают, что формулировка “соответствующая страна” относится только к странам Содружества¹¹.

Практика показывает, что английские суды признают полномочия иностранного представителя, иногда требуя некоторых формаль-

ных действий (особенно в отношении недвижимого имущества). Иностранное производство о несостоятельности не приводит к автоматической остановке всех процессуальных действий против несостоятельного лица в Англии. Однако английские суды стараются не допускать несправедливых действий отдельных кредиторов¹². В большинстве случаев в Англии открывается полное или дополнительное (по отношению к иностранному производству) судопроизводство о несостоятельности для защиты интересов местных кредиторов. В каждом конкретном случае в зависимости от размера и типа активов, от вида кредиторов страны, в которой открыто иностранное производство, принципа взаимности и некоторых других факторов английские суды применительно ко всему комплексу перечисленных обстоятельств решают вопрос о начале процедуры в той или иной форме.

Франция. Французское законодательство предусматривает возможность открытия параллельного производства о несостоятельности независимо от наличия иностранного производства¹³. Иностранные кредиторы могут заявлять свои требования и участвовать во французском производстве (при этом учитывается размер полученного ими в иностранном производстве).

Следует отметить, что такое сочетание теории единого производства и теории параллельных территориальных производств можно найти в большинстве национальных законодательств. Однако практика показывает, что в настоящее время для защиты интересов национальных кредиторов суды способствуют возбуждению независимых производств о несостоятельности.

Россия. Новый Закон о несостоятельности (банкротстве) предоставляет российским и иностранным кредиторам, участвующим в производстве, равные права. Кроме того, решения иностранного суда могут быть признаны в России на принципе взаимности. Следует отметить, что в настоящее время имеется одна весьма существенная проблема в области регулирования трансграничной несостоятельности. Российское процессуальное законодательство не допускает возбуждения производства о несостоятельности в отношении лица, инкорпорированного не в России. Такая правовая конструкция является односторонней и архаичной. И в будущем, по мнению автора данной статьи, необходимо расширить юрисдикционные полномочия российских судебных органов.

Как уже отмечалось выше, несмотря на разные позиции государств по вопросам регулирования несостоятельности (не трансграничной) и подходы к проблемам трансграничной несостоятельности, международное сообщество вынуждено стремиться к подписанию региональных и мировых конвенций о трансграничной несостоятельности. Некоторые такие попытки будут обсуждаться в данной статье.

В настоящее время в странах СНГ проходит широкомасштабная реформа национального законодательства о несостоятельности. Резонно предположить, что через некоторое время государства СНГ также будут стремиться к созданию механизма регулирования трансграничной несостоятельности внутри СНГ. В этой статье будет предложена модель такого механизма, основанная на максимальном использовании теории единого производства (причины такого решения будут обсуждаться в параграфе 5 данной статьи).

2. Обзор некоторых случаев мировой практики

Обзор некоторых случаев мировой практики весьма интересен, так как позволяет посмотреть на варианты практических решений и лучше понять возможное направление усилий мирового юридического сообщества.

А. Компания «Maxwell Communication Corporation» (МСС) была инкорпорирована в Англии и имела свыше 400 дочерних отделений. Большая часть этих отделений находилась в США. После того как МСС оказалась не в состоянии выполнить кредитные обязательства, в Англии в отношении нее было возбуждено производство о несостоятельности. Почти 75 % активов МСС находились в США, и поэтому МСС подала в США добровольное заявление для открытия реорганизационных процедур несостоятельности (по главе 11 Bankruptcy Code — USBC). Открытие процедур в Англии и в США произошло с разницей в один день. Через четыре дня в Лондоне были назначены управляющие, а в Нью-Йорке — экзаменатор¹⁴ для совместной работы с МСС. Их задачи состояли в изучении обстоятельств дела и предложении схемы для наиболее справедливого удовлетворения требований всех кредиторов. В судебном решении американского суда указывалось¹⁵, что

— управляющие и экзаменатор будут действовать совместно в расследовании активов, обязательств и финансового состояния МСС, снижать дублирование усилий;

— управляющие и экзаменатор будут прилагать совместные усилия для целей реорганизации по главе 11 Bankruptcy Code и процедуры управления по Insolvency Act;

— управляющие и экзаменатор будут пытаться достигать согласия между всеми участвующими лицами.

Приблизительно то же имели в виду представители английского суда, подписавшие протокол с английской стороны¹⁶. В протоколе определялся список компаний, находящихся под совместным управлением, а также указывалось, что в отношении других дочерних компаний холдинга МСС стороны не будут инициировать ликвидационные процедуры по главе 7 USBC без взаимного согласования.

Схема предполагала, что управляющие, назначенные в Лондоне, будут представлять руководство компании в Англии и США. А экзаменатор будет выполнять функции, предусмотренные главой 11 Bankruptcy Code¹⁷. С американской стороны это выглядело как проявление вежливости в таких сложных правоотношениях. Английская и американская системы отличаются большим своеобразием. Но, несмотря на это, удалось совместить схожие правовые конструкции (реорганизацию по праву США и процедуру управления по праву Англии). Это стало возможным также потому, что английские кредиторы не смогли заблокировать процедуру управления, так как у них не было права плавающего обеспечения на все активы МСС.

Объединенная группа должна была решить проблемы несовместимости законодательств по следующим позициям:

— в США при реорганизации существует дата отсечения требований (требования, которые без уважительной причины не были заявлены до этой даты, не будут участвовать в распределении), а в Англии требования, заявленные с опозданием, могут приниматься во внимание. Чтобы решить эту проблему, было принято компромиссное решение: иски, заявленные английскими кредиторами с опозданием, не будут приниматься, если такое опоздание было результатом умышленного, или недостаточной степени заботливого поведения;

— в Англии кредиторам, не имеющим прав обеспечения, при проведении процедуры управления начисляются проценты на неудовлетворенные требования. В американской реорганизации подобное не предусмотрено. Поэтому было принято решение начислять всем кредиторам проценты по ставке 15% в год. В процессе урегулирования долгов МСС управляющим и экзаменатору приходилось сглаживать и другие проблемы, связанные с несовместимостью нормативного регулирования несостоятельности (пересчет на национальную валюту, разные подходы к критериям оспоримости сделок и т.д.).

Одним из главных факторов, способствующих проведению согласованных действий, стало желание американской и английской сторон совершить оздоровление МСС. Серьезными факторами были близость правовых систем, а также, как отмечалось выше, невозможность для английских кредиторов заблокировать реабилитационные процедуры. В итоге получилось смешение территориального принципа и принципа универсальности (с большей долей территориального).

В США был утвержден план реорганизации по главе 11 USBC, а в Англии согласована схема урегулирования долгов. Причем стороны решили, что английские активы МСС лучше продать, а американские — реорганизовать.

Б. US Lines (USL). USL — это транспортная морская компания. Когда она попала в затруднительное финансовое положение, ее активы составляли 1,25 млрд. долл., а пассивы — 1,27 млрд. Представители USL подали заявление об открытии реорганизационных процедур по главе 11 USBC в США. Открытие этих процедур предусматривает по американскому праву приостановление любых действий в отношении активов должника (в какой бы стране мира они ни располагались). Обязательства USL перед английскими кредиторами составляли 2,4 млн. фунтов, а активы, находящиеся в Англии, — 270 тыс. фунтов. Английский суд удовлетворил требование английских кредиторов об аресте активов USL в Англии. Американский управляющий заявил, что активы USL в Англии в соответствии с главой 11 USBC должны быть переведены в США для реорганизационных процедур. Однако английский суд отказал в разрешении на перевод активов, мотивировав это тем, что он выдал бы такое разрешение, если бы производились не реорганизационные, а ликвидационные процедуры в отношении USL и, кроме того, если бы активы USL собирались из всех стран в единый ликвидационный процесс и всем кредиторам обеспечивалось одинаковое обращение. А так как такой уверенности ни у кого нет, то “активы USL блокируются в Англии в качестве обеспечения требований английских кредиторов”¹⁸. После такого решения английского суда управляющие USL были вынуждены заключить с английскими кредиторами отдельные соглашения, для того чтобы иметь возможность продолжения реорганизации USL в США.

В. BCCI (Bank of Credit and International). BCCI оказался в трудном финансовом положении в 1991 году. На момент закрытия существовали BCCI SA, инкорпорированный в Люксембурге, BCCI Overseas, инкорпорированный на Каймановых Островах, BCCI Holding, инкорпорированный в Люксембурге. BCCI создал проблемы во всем мире, так как банк проводил активные операции более чем в 70 странах. Процедуры несостоятельности в отношении BCCI были возбуждены в Англии, Люксембурге и на Каймановых Островах. Государственные банки стран, в которых действовал BCCI, стали контролировать финансовые потоки BCCI (и в некоторых странах открывать ликвидационные процедуры в отношении отделений BCCI). В 1992 году в Англии, Люксембурге и на Каймановых Островах были открыты конкурсные производства в отношении BCCI и назначены конкурсные управляющие. Основные акционеры BCCI Holding находились в Саудовской Аравии. Заинтересованные стороны предложили “инвестиционное соглашение” между акционерами и кредиторами (по которому в обмен на дополнительные инвестиции со стороны акционеров кредиторы снижали суммы своих исков), но оно не было утверждено люксембургским судом.

Также было предложено соглашение об объединенной процедуре урегулирования долгов ВССИ. Этим соглашением предусматривалось, что

- выручка от реализации активов, собранная ликвидаторами, будет передаваться в место основной процедуры;

- все кредиторы, чьи иски будут приняты, получат одинаковое обращение;

- будут производиться ликвидационные процедуры отделений ВССИ в других странах (кроме Люксембурга и Каймановых Островов). Эти процедуры будут являться дополнительными по отношению к процедурам, производимым в Люксембурге или на Каймановых Островах.

Соглашение об объединенной процедуре урегулирования долгов состояло из основного соглашения (между ликвидаторами Люксембурга, Каймановых Островов и Англии); дополнительных соглашений между ликвидаторами Люксембурга и других стран, привязанных к Люксембургу, в качестве дополнительных процедур и, соответственно, между ликвидаторами Каймановых Островов и другими ликвидаторами; соглашения между ликвидаторами BCCI SA и BCCI Holding (это соглашение было необходимо, так как кроме проблемы несостоятельности BCCI существовала проблема неопределенности в принадлежности активов либо BCCI SA, либо BCCI Holding, и поэтому было принято решение об объединении активов и кредиторов BCCI SA и BCCI Holding). Суды Англии, Люксембурга и Каймановых Островов дали указание ликвидаторам заключить соглашение об объединенной процедуре урегулирования долгов.

Во всех вышеприведенных примерах попыток практического решения проблем трансграничной несостоятельности были затрачены значительные правовые и материальные ресурсы из-за аморфности в области регулирования трансграничной несостоятельности. В настоящее время успешное заключение соглашений о взаимодействии и проведение объединенных процедур — это скорее исключение, чем правило. Для преодоления этих трудностей необходимо иметь международное соглашение о регулировании трансграничной несостоятельности.

3. Международные соглашения о трансграничной несостоятельности

А. История попыток регулирования

Страны, имеющие прочные экономические связи, вынуждены были стремиться к разработке и принятию международных соглашений о несостоятельности. И поэтому первые соглашения заключались на двусторонней основе или в узком кругу стран. Кроме того,

важным фактором была близость культурных и правовых традиций. Эти выводы подтверждаются списком международных соглашений в области несостоятельности¹⁹: Северная (Nordic) конвенция 1933 года, Кодекс Бустаменте 1928 года, Соглашения Монтевидео 1889 года, Германо-Австрийский договор 1975 года, Франко-Швейцарская конвенция 1869 года, Франко-Бельгийская конвенция 1899 года, Франко-Итальянская конвенция 1930 года, Франко-Монакская конвенция 1950 года, Франко-Австрийская конвенция 1979 года, Бельгийско-Голландское соглашение 1925 года, Бельгийско-Австрийское соглашение 1969 года, Германо-Голландское соглашение 1962 года.

В основном первые соглашения между странами придерживались в большей степени традиций международного частного права и, соответственно, принципа единого производства. Поэтому в большинстве таких соглашений предусматривается взаимное признание иностранных судебных решений, признание юрисдикции домицилия или места основного ведения бизнеса (реже), признание полномочий иностранного ликвидатора (управляющего). Если же предпринимались попытки достичь соглашения между большим количеством стран (например, в Монтевидео), то, как правило, сразу начинал проявляться принцип параллельных территориальных производств.

В настоящее время ведется работа по подготовке проектов конвенций о трансграничной несостоятельности комиссиями Европейского сообщества и UNCITRAL. Также интересен для анализа проект комитета J.

Б. Проект Европейской конвенции

Сразу после образования Европейского экономического сообщества государства-участники попытались заключить конвенцию о трансграничной несостоятельности. Работа над проектом началась в 1960 году. В соответствии с разработками предусматривалось взаимное признание производства о несостоятельности (принцип единого производства). Также предполагалось, что возбуждение производства о несостоятельности в одном из договаривающихся государств запрещает открытие аналогичных производств в других государствах²⁰. Однако, как отмечает Манфред Балыц²¹, этот проект оказался слишком амбициозен (предложенная модель не соответствовала реальному положению вещей), и, соответственно, между государствами не было достигнуто согласия.

Следующим этапом на пути к Европейской конвенции стала Стамбульская конвенция 1990 года, открывая для подписания в 1990 году. Ее основными идеями являлись²²:

(1) взаимное признание, но не иностранных производств, а полномочий ликвидатора (особенно в отношении сбора активов);

(2) второстепенные процедуры банкротства могут быть открыты в других договаривающихся государствах, в которых должник имеет существенные активы, и эти процедуры предназначены для удовлетворения требований обеспеченных и приоритетных кредиторов, наемных работников, налоговых органов и прочих кредиторов, находящихся в данном государстве, иски которых возникли в связи с деятельностью должника в данном государстве.

В соответствии с положениями Стамбульской конвенции, если иностранный ликвидатор хотел получить доступ к активам в другом государстве, то он должен был опубликовать сообщение, указывающее на наличие своих полномочий, и о своем намерении предъявить иски к должнику на территории этого государства. После такой публикации все кредиторы, наемные работники, налоговые органы могут заявлять иски в течение двух месяцев в индивидуальном порядке. По истечении этих сроков иностранный ликвидатор вправе осуществлять свои полномочия в отношении оставшихся активов.

В Стамбульской конвенции значительно усиливалось использование схемы параллельных территориальных производств, уровень поставленных задач был низок. Кроме того, ничего нового и полезного по сравнению с предыдущим положением в случае принятия этой конвенции вряд ли произошло бы. Видимо, это и было основной причиной ее неподписания государствами Европейского экономического сообщества.

В 1995 году был разработан новый проект Европейской конвенции о несостоятельности. Основные задачи нового проекта конвенции²³:

(1) использовать принцип единого производства в разумном раз-
мере;

(2) создать единую систему, при которой договаривающиеся государства имели бы четкие обязанности;

(3) совместить систему вторичных процессов по банкротству с принципом единого производства;

(4) четко определить границы юрисдикций центрального и вторичных производств;

(5) гармонизировать спорные правила, которые мешают управлению при несостоятельности;

(6) учитывать то обстоятельство, что в законодательстве договаривающихся государств имеется тенденция к использованию реабилитационных процедур;

(7) создать более эффективную и слаженную систему кооперации в рамках единого развивающегося европейского рынка.

Разработчики пытались по возможности сохранить использование теории единого производства и в то же время предложить приемлемую для всех договаривающихся государств (с точки зрения

защиты интересов национальных кредиторов) схему урегулирования долгов несостоятельного лица. В результате получилась комбинация схемы единого производства и в гораздо большей степени — схемы параллельных территориальных производств. Центральное производство открывается в месте основного ведения бизнеса. Открытие вторичного производства возможно в другом государстве, если там имеется отделение несостоятельного лица, и это производство ограничивается активами, находящимися в этом государстве²⁴. Вторичное производство может быть возбуждено раньше центрального, если:

- по праву государства вторичного производства условия для открытия наступили, а в государстве центрального производства еще нет;

- в государстве вторичного производства об открытии процедур несостоятельности ходатайствует кредитор, инкорпорированный или имеющий зарегистрированное представительство в этом государстве или иск которого следует из деятельности должника в данном государстве.

Одно из основных проявлений теории единого производства: ликвидатор центрального производства имеет право требовать приостановки вторичного производства, если это может способствовать максимизации активов или необходимо для выработки мирового соглашения.

В конвенции в вопросе вида открываемых процедур и их трансформации одной в другую используется подход нового германского закона о несостоятельности (*Insolvenzordnung*)²⁵. Все процедуры начинаются как ликвидационные, а затем в зависимости от обстоятельств могут трансформироваться в реабилитационные. Кроме того, возможно заключение мирового соглашения. Применение такой схемы (особенно обязательное требование для вторичных производств быть ликвидационными) связано с желанием разработчиков не допустить конкуренции прореабилитационных национальных законодательств с прокредиторскими. В проекте конвенции предусмотрена возможность использования всех известных ЕЭС процедур несостоятельности (кроме специальной французской процедуры досудебного урегулирования).

Если в конвенции не указано иное, то применимое право — это право государства, возбудившего процедуры несостоятельности (т.е. в конкретном государстве применяется его национальное право). При открытии производств о несостоятельности в договаривающихся государствах право обеспечения активами, находящимися за пределами договаривающихся государств, этими производствами не затрагивается²⁶. Если имеются встречные требования должника и иностранного кредитора, то используются правила Европейского

соглашения о зачете встречных требований. В данном случае разрешается иск со стороны конкурсной массы к кредитору, даже если национальное право такой зачет запрещает.

Специальные правила предусмотрены для определения применимого права по отношению к текущим контрактам, опротестованию сделок, раскрытию информации, регулированию финансовых сделок и сделок с ценными бумагами. Иностранные производства о несостоятельности автоматически взаимно признаются договаривающимися государствами.

Любой кредитор может заявить иск в любом иностранном производстве²⁷. Кроме того, налоговые органы и органы социального обеспечения имеют такое право. Активы в каждом конкретном иностранном производстве распределяются по полной схеме до удовлетворения требований всех заявивших кредиторов. Оставшееся имущество передается центральному ликвидатору (обычно имущества не остается).

Конвенция недавно была открыта для подписания. Для ее принятия в течение полугода все государства должны были подтвердить свое участие. Это сделали все, кроме Англии (которая пыталась участие в конвенции обусловить своими экономическими проблемами²⁸). Анализ конвенции позволяет сделать вывод, что разработчики из всех сил способствовали реальному принятию конвенции и в то же время стремились сохранить за собой то, что хоть как-то связывало их с теорией единого производства.

В. Проект Соглашения о трансграничной несостоятельности, подготовленный комитетом J

По проекту управление и сбор активов должны координироваться центральным форумом (форум — это судопроизводство) в месте основного ведения бизнеса²⁹. В каждом производстве (за исключением центрального) удовлетворяются требования только обеспеченных и приоритетных кредиторов по правилам национального права. Оставшиеся активы переводятся в центральный форум. Обычные кредиторы должны заявлять иски в центральном форуме (они имеют право оформлять документы на своем языке). Освобождение должника от обязательств, сделанное в центральном форуме, признается во всех договаривающихся государствах. Полномочия представителей, официально назначенных в иностранных производствах, признаются во всех договаривающихся государствах. Обеспеченные и приоритетные кредиторы, получившие частичное удовлетворение в одном из форумов, не будут иметь права участвовать в дальнейшем распределении до тех пор, пока другие такие же кредиторы не получат аналогичного удовлетворения своих требований. Допустимость иска решается в соответствии с национальным законодательством.

К сожалению, не совсем ясны положения о применимом праве при распределении выручки в центральном форуме (видимо, это право государства центрального форума), а также об опротестовании сделок.

По сравнению с европейским проектом здесь гораздо больше выражена теория единого производства (приблизительно одинаковое использование схемы параллельных территориальных производств и схемы единого производства).

Г. Проект комиссии UNCITRAL

В преамбуле проекта говорится, что целями соглашения являются:

- сотрудничество между судами и компетентными органами;
- большая юридическая определенность;
- справедливое и эффективное урегулирование случаев трансграничной несостоятельности для обеспечения защиты интересов всех кредиторов и должника;
- защита и максимальное повышение стоимости активов должника;
- содействие сохранению находящихся в тяжелом финансовом положении предприятий в целях защиты инвестиций и неуминения рабочих мест.

Из вышеприведенного перечня задач данный проект полностью решает только две первые. В решении третьей и четвертой задач проект оказывает содействие, а к последней задаче почти не имеет никакого отношения. Предлагаемое соглашение будет эффективно лишь в таких ситуациях, когда большинство кредиторов находится в одном государстве, а активы распределены в нескольких. В этом случае многие способы, предлагаемые проектом, будут весьма полезны, а задачи, перечисленные в преамбуле, могут стать выполнимыми. Если же активы и кредиторы распределены равномерно (по удельному критерию) в нескольких государствах, то соглашение будет регулировать в основном информационный обмен между судами и компетентными органами, а также предоставление информации иностранным кредиторам. Такой вывод можно сделать, проанализировав подход проекта к возбуждению независимых производств.

Параллельное производство может быть возбуждено в другом государстве, если там находятся активы должника. По проекту все кредиторы имеют право участвовать в иностранных производствах. И кроме того, всем известным кредиторам должна быть предоставлена информация о таких производствах. Однако так как участие кредитора в иностранном производстве может быть осуществлено только по его собственной инициативе, то и расходы должен нести он сам. Следовательно, кредиторы с небольшими исками отсекают-

ся от участия в иностранных производствах. В соглашении не решена также проблема совместимости требований кредиторов из разных государств. При определении порядка распределения установлены нижние рамки для ранжирования требований иностранных кредиторов (однородные требования иностранных кредиторов не могут иметь более низкой очередности, чем необеспеченные требования местных кредиторов). Такой подход является нечетким и кажется слишком декларативным. В проекте соглашения используется конструкция места основного ведения бизнеса, однако в системе, предлагаемой проектом, уровень применения конструкции крайне низок. В качестве одного из основных замечаний следует указать, что проект соглашения создает не механизм регулирования трансграничной несостоятельности, а большей частью информационную среду (за исключением случаев крайне неравномерного распределения активов). И поэтому управляющим из разных государств, которые захотят либо организовать реабилитационную процедуру, либо провести общую ликвидационную процедуру, придется самим разрабатывать механизм урегулирования.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что проект соглашения основывается в первую очередь на теории параллельных производств. Его главная задача — обеспечить правовую определенность в системе параллельных производств. Некоторые проявления теории единого производства можно увидеть в положении о признании полномочий иностранного представителя и о судебной помощи. В чем-то этот проект напоминает стамбульский проект Европейской конвенции.

В заключение можно сказать, что такой подход соглашения во многом является отражением уровня готовности государств к правовому сотрудничеству в области трансграничной несостоятельности. В целом проект оставляет хорошее впечатление (в частности, положения, посвященные судебной помощи и признанию полномочий иностранного представителя), хотя, конечно, требует доработки.

4. Модель регулирования трансграничной несостоятельности в СНГ

В предыдущих разделах статьи были рассмотрены некоторые региональные и мировые модели регулирования трансграничной несостоятельности. Все они в той или иной степени сочетают схему параллельных территориальных производств и схему единого производства. Такое сочетание отражает объективную реальность. С одной стороны, как уже отмечалось выше, законодательства стран — участниц проектируемых соглашений предназначены для решения разных задач. И, что не менее важно, используют разные спосо-

бы выполнения таких задач. Кроме того, одним из факторов применения схемы параллельных территориальных производств является взаимное неверие государств в возможность справедливого обращения со всеми кредиторами в иностранном производстве.

С другой стороны, объективные потребности мировой экономической системы (например, необходимость правовой определенности, сохранения возможности реструктуризации работающего бизнеса) заставляют государства искать варианты использования схемы единого производства. И проект Европейской конвенции, и проект комитета J, и проект комиссии UNCITRAL являются результатами правового компромисса.

Перед тем как перейти к обсуждению предлагаемой модели для СНГ, целесообразно кратко обрисовать политико-экономическую структуру СНГ. В недалеком прошлом государства, входящие в СНГ, являлись республиками одного государства — СССР и имели стройную, абсолютно совместимую систему законодательства. Хотя и после распада СССР происходили дезинтеграционные процессы, и сейчас еще видны некоторые проявления, наметился перелом в сторону интеграции (в экономике, политике и праве). Яркий пример этому — совместные усилия рабочих групп государств СНГ по созданию модельного гражданского кодекса СНГ и по реформированию национальных гражданских законодательств. В настоящее время в странах СНГ идет работа по подготовке законов о несостоятельности (банкротстве).

В мае 1997 года в Тбилиси под руководством доктора юридических наук В.В. Витрянского прошел семинар на тему “Разработка модельного закона о банкротстве для стран СНГ”. Этим семинаром был разработан проект модельного закона, который одобрило большинство участников семинара из всех стран СНГ и Монголии. Поэтому можно надеяться, что законодательства о банкротстве в пределах СНГ не будут сильно различаться. На основании вышесказанного автор данной статьи считает, что для решения проблем трансграничной несостоятельности в СНГ следует использовать модель, базирующуюся на теории единого производства. Далее в статье будут предложены два варианта такой модели.

А. Проект Соглашения СНГ “О трансграничной несостоятельности (банкротстве)”

Основная задача такого соглашения — создание рабочей схемы единого производства для обеспечения равного и справедливого обращения со всеми кредиторами и сохранения возможности реабилитации транснационального предприятия. Кроме того, соглашение подобного типа укрепит экономическое пространство СНГ и повысит степень доверия государств СНГ друг к другу.

Можно представить ситуацию: все государства СНГ имеют законодательство о несостоятельности, базирующееся на модельном Законе СНГ “О несостоятельности (банкротстве)”. Должник, инкорпорированный в Армении и осуществляющий деятельность в Грузии, Армении, Туркмении и России, стал неплатежеспособным. Большая часть его активов и большинство его кредиторов находятся в Армении. Предположим, что в СНГ ратифицировано соглашение, основанное на схеме единого производства. Тогда во всех четырех государствах возбуждаются производства и назначаются управляющие. Вслед за этим утверждается место центрального производства — Армения (будем считать, что определение места центрального производства споров не вызвало). Так как местом центрального производства будет являться Армения, то применимый закон — это закон Армении, регулирующий вопросы несостоятельности. Затем формируется комитет управляющих под председательством управляющего центральным производством. Местные управляющие на определенном этапе выполняют те же действия, что и в обычном производстве (формирование реестров требований, меры, блокирующие индивидуальные действия кредиторов, собирание активов, проведение собраний кредиторов). После этого они передают полученные данные центральному управляющему и совместно с ним (в качестве консультантов) на заседании комитета управляющих разрабатывают предложения по плану проведения внешнего управления или по ликвидации либо по заключению мирового соглашения. Затем на собраниях кредиторов план, предложенный комитетом управляющих, обсуждается и по нему высказывается мнение, которое передается центральному управляющему.

Центральный управляющий передает протоколы собраний кредиторов в суд центрального производства о несостоятельности, и суд на основании обстоятельств дела и, принимая во внимание мнение кредиторов, выносит решение о применении процедуры внешнего управления или об открытии конкурсного производства либо об утверждении мирового соглашения. Все решения суда центрального производства признаются автоматически. Кредиторы всех государств имеют равные права на участие в центральном производстве. Причем фактически это участие осуществляется и через управляющих.

Какие могут возникнуть проблемы? Во-первых, может возникнуть спор о месте центрального производства. В качестве вариантов можно рассмотреть место инкорпорации должника и место основного ведения бизнеса. Конечно, для производства о несостоятельности лучше подходит место основного ведения бизнеса. Однако в настоящее время нет однозначного подхода в определении места основного ведения бизнеса. Если имеется спор о месте основного ведения бизнеса,

то можно предложить считать местом основного ведения бизнеса государство, в котором активов должника больше, чем в других государствах. Кроме того, необходимо точное определение требований для того, чтобы они были совместимы. Так как участие кредиторов в производстве зависит от вида принадлежащих им требований. Поэтому определения требований должны быть совместимы.

Б. Предложения по проекту Соглашения СНГ "О трансграничной несостоятельности (банкротстве)"

Второй вариант основан на использовании специально созданного международного (в рамках СНГ) соглашения, регулирующего все вопросы международного банкротства. Что-то похожее на формирующееся сейчас право Европейского экономического сообщества, но для СНГ. Такое соглашение должно вобрать в себя почти все положения модельного Закона СНГ о несостоятельности (банкротстве) или, например, российского Закона о несостоятельности (банкротстве). Кроме того, в нем должны быть специальные положения, в чем-то аналогичные тем, которые обсуждались в проекте Соглашения для СНГ (см. предыдущий параграф). Схема действия этой модели такова: если были открыты производства или одно производство о несостоятельности (банкротстве) в отношении субъекта, ведущего транснациональные предпринимательские операции в государствах СНГ, то тогда (при наличии определенных условий) по принципу применимого права происходит отсылка к Соглашению СНГ "О трансграничной несостоятельности (банкротстве)".

Какие проблемы можно решить принятием такого соглашения (закона)? Во-первых, можно окончательно увязать все спорные вопросы, во-вторых, это хорошая возможность обойти все потенциальные процессуальные нестыковки законодательств, в-третьих, снимаются вопросы взаимного недоверия, в-четвертых, создается система правовой определенности, в-пятых, начинает формироваться право СНГ.

Конечно, не все неплатежеспособные предприятия с деятельностью в разных государствах СНГ надо пропускать через специальные процедуры трансграничной несостоятельности. Целесообразно использовать определенные условия, при которых могут начинаться процедуры. Например, общий размер активов или кредиторской задолженности (причем конкретно в каждой стране).

6. Выводы

В настоящее время правовое сообщество активно изучает проблемы трансграничной несостоятельности. Как уже было отмечено выше, это связано с объективными потребностями развития мировой и региональной экономики. Конец XX века характеризуется тем,

что, во-первых, скорость всех общественно-экономических процессов значительно возросла, а во-вторых, четко проявляются интеграционные тенденции (стадия укрупнения капитала на межгосударственном уровне). Кроме того, сейчас экономика многих государств зависит от доверия крупных инвестиционных образований. А они, в свою очередь, стремятся иметь гарантии своих вложений, опираясь, в том числе, и на правовую определенность. Поэтому в последнее время активизировались усилия по разработке международных соглашений о трансграничной несостоятельности в рамках ООН и Европейского Союза. В данной статье был сделан анализ основных принципов регулирования трансграничной несостоятельности и конкретных схем их использования.

Наиболее близка к подписанию Европейская конвенция о трансграничной несостоятельности. То, что в ней весьма узко используется теория единого производства, связано с реалиями сегодняшней ситуации, существующей в законодательстве о несостоятельности в странах Европейского Союза. Но так как внутри ЕЭС происходит стремительная экономическая интеграция, то можно прогнозировать сближение позиций законодательств о несостоятельности и, соответственно, более широкое использование теории единого производства в последующих соглашениях.

Проект соглашения, подготовленный комиссией UNCITRAL, базируется в основном на теории параллельных производств. В данной статье был отмечен ряд недостатков этого проекта. Проект, подготовленный комитетом J, концептуально более прогрессивен, чем проект комиссии UNCITRAL, однако пока он сыроват и годится только в качестве первого приближения.

Для СНГ было предложено полное использование схемы единого производства. При этом учитывались следующие преимущества применения схемы единого производства:

- во-первых, сохранение возможности реабилитации и реструктуризации предприятий (без распыления активов);
- во-вторых, гарантии справедливого обращения со всеми кредиторами (истцами);
- в-третьих, такая модель имеет сильные интегрирующие качества;
- в-четвертых, соглашение (закон) о едином производстве может подтолкнуть государства СНГ к созданию правового пространства, аналогичного праву ЕЭС.

Принятие такой модели соответствует стратегическим интересам СНГ. Кроме того, взяв за основу такую модель, СНГ может оказаться впереди с точки зрения правовой зрелости и правовой культуры.

С другой стороны, можно предположить, что будет происходить, если для регулирования трансграничной несостоятельности в СНГ

за основу будет взята не теория единого производства, а теория параллельных территориальных производств. Тогда вполне возможна ситуация: субъект, ведущий активные операции в России, а также в одном из государств СНГ (назовем это государство F), становится неплатежеспособным. Причем подавляющее большинство кредиторов находится в России, а активы должник успевает перевести в государство F, где у него мало кредиторов. После этого возбуждаются параллельные производства в России и государстве F. И в итоге выходит, что российские кредиторы получают гораздо меньше, чем кредиторы государства F (если не будут участвовать в иностранном производстве). Также вполне возможно, что такое поведение должников будет стимулироваться краткосрочными интересами некоторых государств СНГ. Поэтому для внутриэкономических связей СНГ использование схемы параллельных производств может стать сильным дестабилизирующим и дезинтегрирующим фактором.

Конечно, принятие соглашения, основанного на схеме единого производства, — это сложный политический, экономический и правовой процесс. Но если центристские тенденции сохранятся, то с большой долей вероятности можно ожидать, что в той или иной форме будет использоваться модель, в чем-то аналогичная предложенной. Такое же предположение можно сделать и в отношении будущей конвенции Европейского сообщества о трансграничной несостоятельности.

Российский подход к проблеме трансграничной несостоятельности вне СНГ, основанный на принципе взаимности, вполне соответствует реалиям сегодняшнего дня. Если проект конвенции о трансграничной несостоятельности, подготовленный комиссией UNCITRAL, будет доработан и готов к подписанию, то России следовало бы участвовать в этой конвенции, так как она в основном предназначена для информационного обмена и правовой поддержки. В настоящее время главной проблемой, связанной с трансграничной несостоятельностью, является необходимость изменения процессуального законодательства, для того чтобы иметь возможность возбуждать производство дел о несостоятельности в отношении нерезидентов.

¹ Charles D. Booth. Recognition of Foreign Bankruptcies: An Analysis and Critique of the Inconsistent Approaches of United States Courts // American Bankruptcy Law Journal. — 1992.

² Филип Р. Вуд — солиситор Верховного Суда Англии, профессор Лондонского университета.

³ Philip R. Wood. Principles of International Insolvency. — L., 1995. — P. 228.

⁴ П. 1 ст. 102 вводного закона к Insolvenzordnung.

⁵ П. 2 ст. 102 вводного закона к Insolvenzordnung.

⁶ П. 3 ст. 102 вводного закона к Insolvenzordnung.

⁷ § 304 US Bankruptcy Code.

⁸ Philip R. Wood. Principles of International Insolvency.— P. 262.

⁹ Ст. 220 Insolvency Act, 1986.

¹⁰ Christopher K. Grierson. Concurrent Insolvency Jurisdiction. Current Developments in International and Comparative Corporate Insolvency Law. — Oxford, 1994.— P. 583.

¹¹ Charles J. B. Flint. Corporate Insolvency and Rescue: the International Dimension. Cross-border Insolvency.—Boston, 1993.— P. 5.

¹² Christopher K. Grierson. Concurrent Insolvency Jurisdiction. Current Developments in International and Comparative Corporate Insolvency Law.— P. 584.

¹³ Philip R. Wood. Principles of International Insolvency.— P. 264.

¹⁴ Экзаменатор (examiner) — специальное лицо, назначаемое по решению суда для контроля действий должника при применении схемы debtor in possession (должника во владении).

¹⁵ Christopher K. Grierson. Concurrent Insolvency Jurisdiction. Current Developments in International and Comparative Corporate Insolvency Law.— P. 592.

¹⁶ Протокол был разработан управляющими и экзаменатором для создания механизма судебного сотрудничества.

¹⁷ Evan D. Flaschen. The Role of the Examiner as Facilitator and Harmonizer in the Maxwell Communication Corporation International Insolvency. Current Developments in International and Comparative Corporate Insolvency Law. — Oxford, 1994.— P. 625.

¹⁸ Christopher K. Grierson. Concurrent Insolvency Jurisdiction. Current Developments in International and Comparative Corporate Insolvency Law.— P. 592.

¹⁹ Philip R. Wood. Principles of International Insolvency.— P. 291.

²⁰ Manfred Balz. The European Union Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal.—1996.— № 70.— P. 492.

²¹ Manfred Balz — председатель (1989—1995) Комиссии по подготовке проекта конвенции о трансграничной несостоятельности Европейского экономического сообщества.

²² Manfred Balz. The European Union Convention on Insolvency Proceedings. American Bankruptcy Law Journal.—1996.— № 70.— P. 493.

²³ Manfred Balz. The European Union Convention on Insolvency Proceedings. American Bankruptcy Law Journal.—1996.— № 70.— P. 495.

²⁴ П. 2 ст. 3 проекта Европейской конвенции о трансграничной несостоятельности 1995 года.

²⁵ Manfred Balz. The European Union Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal.—1996.— № 70.— P. 500.

²⁶ Ст. 5 проекта Европейской конвенции о трансграничной несостоятельности 1995 года.

²⁷ Ст. 32 проекта Европейской конвенции о трансграничной несостоятельности 1995 года.

²⁸ Manfred Balz. The European Union Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal.—1996.— № 70.— P. 529.

²⁹ П. А проекта Соглашения "О трансграничной несостоятельности".

Статья поступила в редакцию в январе 1998 г.

Право международных договоров

ОГОВОРКИ И ЗАЯВЛЕНИЯ В ДОГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.И. Спивакова*

Ежегодно Российская Федерация заключает десятки международных договоров по самым различным направлениям сотрудничества. Все большее место среди них в последние годы занимают договоры, создаваемые в рамках Содружества Независимых Государств. Зачастую как российская сторона, так и ее партнеры принимают тот или иной договор с оговорками либо заявлениями. Так, в 1996 году на одобрение Совета Федерации Российской Федерации были направлены 50 международных многосторонних и двусторонних договоров, из которых шесть были представлены с оговорками либо заявлениями, сделанными Правительством Российской Федерации либо Государственной Думой Российской Федерации. Внесение оговорок и заявлений, как правило, было вызвано нечеткостью формулировок соглашений. При этом в ряде случаев происходила подмена понятия “заявление” понятием “оговорка”, что вело к отклонению федеральных законов о ратификации указанных договоров.

Еще больше вопросов возникает при внесении оговорок и заявлений нашими партнерами по СНГ. Зачастую наши партнеры делают такие оговорки к подписываемым документам, которые ставят реализацию последних в зависимость от их внутреннего законодательства. Достаточно сослаться на Конвенцию об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, подписанную в Москве 21 октября 1994 г. Так, например, при подписании Конвенции Азербайджанская Республика записала свое особое мнение, в соответствии с которым “Азербайджанская Республика принимает участие в Конвенции “Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам” в том объеме и в тех пределах, которые не противоречат Конституции и национальному законодательству Азербайджанской Конституции”. Украина, в свою очередь, также сделала оговорку, что будет применять Конвенцию “с учетом

*Кандидат юридических наук, консультант Правового управления Аппарата Совета Федерации Российской Федерации. Подробнее об авторе см. в № 2 нашего журнала за 1998 год.

законодательства Украины". Подобные оговорки, по нашему мнению, несовместимы с целью договора — унифицировать регулирование обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в странах Содружества, и, следовательно, подпадают под запрет, действующий в международном праве.

Все сказанное выше делает актуальной попытку разобраться с юридической сущностью понятий "оговорка" и "заявление".

Впервые нормы, регулирующие порядок внесения оговорок, юридических последствий оговорок и возражений против них были кодифицированы Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года¹. Уже в ст. 2 Конвенции, касающейся толкования терминов, содержится пункт *d*, в котором приводится следующее определение понятия "оговорка":

"... "оговорка" означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному договору".

То есть в соответствии с данным определением "оговорка" — это то же заявление, но имеющее целью исключить или изменить юридическое действие договора.

Следующим важным моментом, вытекающим из юридической природы понятия "оговорка", является то, что она может быть внесена только на стадии подписания, ратификации и присоединения, то есть не может быть принята государством после вступления договора в силу.

Российская и зарубежная наука международного права уделяют достаточно внимания проблеме внесения оговорок².

Институт оговорок в международном праве известен с XIX века. В начале XX века проблеме оговорок уделила внимание Конференция латиноамериканских государств по договорному праву 1938 года³. 28 мая 1951 г. Международный Суд вынес консультативное заключение, которым признал допустимость оговорок к международным договорам⁴.

Были и противники оговорок, пытавшиеся запретить их или обусловить согласием других государств — участников многостороннего договора. Западные юристы пытались доказать, что оговорки затрагивают целостность соглашения в международном договоре. Так, французский юрист А. Гро заявил, что институт оговорок якобы разрушает целостность юридического режима, установленного договором. Итальянец Р. Аго утверждал, что оговорки делают иллюзорной универсальность договора. Американский юрист Г. Бриттс предложил установить, что оговорка считается действительной толь-

ко в том случае, если она принята $\frac{2}{3}$ государств, участвовавших в конференции, принявшей договор⁵.

Однако вопрос об оговорках был признан международным сообществом важным, и он стал предметом обсуждения Комиссии международного права ООН и собственно Венской конференции ООН по праву договоров 1968—1969 годов.

В меморандуме (объяснительной записке) по вопросу об оговорках к многосторонним договорам, распространенном делегацией СССР на Венской конференции 9 апреля 1969 г., совершенно правильно отмечалось, что “право на оговорку дает возможность стать участником договора государствам, которые принимают основные положения договора, его объект и цели, но в силу различных причин не могут согласиться с отдельными, часто второстепенными положениями договора”⁶. Тем самым право на оговорку способствует расширению круга участников договора, что, в свою очередь, ведет к его более широкому применению.

В Венской конвенции о праве международных договоров оговоркам посвящен Раздел 2, который регулирует вопросы формирования оговорок; принятия оговорок и возражения против них; юридические последствия оговорок и возражений против них; снятия оговорок и возражений против оговорок; процедуры внесения оговорок.

Так, ст. 19 Венской конвенции о праве международных договоров четко оговаривает случаи, когда оговорки не могут формулироваться:

- данная оговорка запрещена договором;
- договор предусматривает, что можно делать только определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит, и
- в случаях, когда оговорка несовместима с объектом и целями договора.

Из сказанного выше следует, что акт подписания, ратификации или присоединения с оговоркой имеет существенные юридические последствия. В отношении государства, сделавшего оговорку, договор действует только в том измененном объеме, который вызван оговоркой. Оговорка применяется только к отношениям между сделавшим ее государством и теми участниками договора, которые ее приняли. Она совершенно не отражается на правах и обязанностях остальных участников договора. Для государств, отвергнувших оговорку, никакие обязательства из нее не вытекают, эти государства либо сохраняют свои правоотношения с государством, сделавшим оговорку, в рамках тех статей договора, которые она не затрагивает, либо вовсе могут отказаться от договорных отношений со страной, которая с оговоркой вступила в договор. В тех случаях, когда в самом договоре оговорки разрешены, они, естественно, не нуждаются в официальном принятии.

Примером оговорки, допущенной самим международным договором, является оговорка, сделанная Российской Федерацией при ратификации Конвенции ООН по морскому праву 1982 года и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции ООН по морскому праву 1994 года⁷, о том, что она не принимает обязательные процедуры разрешения споров, связанных с толкованием или применением статей Конвенции, которые касаются делимитации морских границ, споров, связанных с историческими заливами, и некоторых других. Эта оговорка полностью соответствует положениям п. 1 ст. 298 этой Конвенции, которая предусматривает возможность выбора процедур.

При рассмотрении вопроса о внесении оговорок необходимо принять во внимание неоднократные указания Президента Российской Федерации о том, что, “как правило”, к двусторонним договорам оговорки не делаются.

Рассмотрим эту проблему подробнее. В течение подготовительной работы по разработке Венской конвенции речь шла об оговорках только к тому, как государство делает их к многосторонним международным договорам. Все предложения представителей нашей страны сводились также к тому, что государство имеет право делать оговорки к многосторонним договорам. Однако в окончательном варианте ст. 2 из текста было убрано определение “многосторонние”. Из текста остальных статей, касающихся оговорок, следует, что речь в них идет именно о многосторонних соглашениях. Например, п. 2 ст. 20 гласит: “Если из ограниченного числа участвовавших в переговорах государств и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми его участниками...”. В силу этого указанные статьи остались неподходящими к особенностям двусторонних договоров. По мнению представителей науки международного права, “оговорка к двустороннему договору есть не что иное, как новое предложение в ходе переговоров двух государств”. Принятие оговорки, естественно, порождает какие-то юридические действия за рамками договора в отношении всех (двух) его участников, и оговорка в таком случае может рассматриваться как поправка к этому договору. Однако международная практика не знает случаев внесения поправок в договор на стадии подписания, ратификации и присоединения к договору.

В этих условиях представляется нецелесообразным обращаться к институту оговорок при принятии двусторонних договоров. Если оговорка к многостороннему договору открывает путь присоединения к нему (а это главный аргумент в пользу оговорок), то в отношении двустороннего договора оговорка, как правило, теряет указанное функциональное значение.

В этих условиях вполне отвечал бы интересам России и обеспечивал бы скорейшее прохождение ратификации договоров запрет в действующем законодательстве на оговорки к двусторонним договорам.

Проблемой является и очень тонкая грань между оговорками и заявлениями. К сожалению, принятый в 1995 году Федеральный закон Российской Федерации "О международных договорах Российской Федерации"⁸ хотя и содержит определение понятия "оговорка", но не дает определения "заявление" и, более того, вообще не содержит раздела о толковании международных договоров, которое и происходит, как правило, посредством формулирования заявлений, хотя такой раздел и содержится в Венской конвенции о праве международных договоров.

В российской, как и в советской, юридической литературе мало уделено внимания вопросу принятия заявлений государств при подписании, ратификации и присоединении государств к международным договорам.

Договорная практика знает следующие виды заявлений:

- заявления, содержащие политическую оценку договора в целом либо его отдельных статей;
- заявления с указанием на процедуру реализации соглашения государством-заявителем с указанием ответственных;
- толковательные заявления.

Все эти заявления не влекут за собой юридических последствий и, возможно, по этой причине не привлекали особого внимания российских ученых. Однако очень часто при формулировании заявлений в силу нечеткости формулировок идет, как указывалось выше, подмена понятий "оговорка" и "заявление". Ниже попытаемся рассмотреть особенности указанных выше заявлений.

Государства широко используют выступления с заявлениями политического характера при подписании, присоединении и ратификации международных договоров. Ярким примером такого рода является заявление, сделанное СССР при присоединении к Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, гласящее:

"В Советском Союзе устранены социальные условия, порождающие преступления, предусмотренные Конвенцией. Однако, учитывая международное значение борьбы с этими преступлениями, Правительство Советского Союза решило присоединиться к Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принятой на IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 декабря 1949 г."

Заявления подобного рода не изменяют юридического последствия подписанного документа ни в отношении государства-заявителя, ни в отношении его партнеров.

Менее всего споров вызывают заявления государств, содержащие внутреннюю процедуру реализации того или иного договора с указанием соответствующих органов, ответственных за эту реализацию.

Наиболее типичным примером является заявление, сделанное Государственной Думой при принятии Федерального закона “О ратификации Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче”, подписанного в Москве 26 июня 1995 г. В этом заявлении устанавливается, что для целей Договора “компетентными органами со стороны Российской Федерации в соответствии со статьей 6 Договора являются Генеральная прокуратура Российской Федерации и Министерство юстиции Российской Федерации”¹⁰. Заявления такого рода не влекут последствий для собственно Договора.

Наибольшее число споров по вопросу юридической природы заявлений возникает по заявлениям, касающимся толкования договоров.

Вопрос о толковании договоров, в том числе и толкования, сделанного в форме заявления государства при подписании, присоединении и ратификации, был предметом дискуссий на конференции по разработке Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Разработчики указанной Конвенции, признавая право государств на оговорки, вместе с тем выделили вопросы толкования договоров в отдельный раздел. Правовые нормы, относящиеся к толкованию договоров, составляющие самостоятельный раздел, по мнению ряда юристов, могут считаться декларирующими действующее право. Отсюда следует вывод, что любые толковательные заявления не должны выходить за рамки, определенные Конвенцией. В частности, это касается следующего. При толковании договора стороны могут использовать не только собственно текст договора, который является “отправной точкой для толкования”, но и

а) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

б) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору, то есть документы, которые имеют непосредственное отношение к заключению толкуемого договора и которые были сформулированы участниками (либо участником) указанного договора.

С другой стороны, во внимание могут приниматься:

а) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений;

б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования;

в) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

Что касается двух первых положений, то они в ходе договорной практики, как правило, не вызывают сложностей. Больше возникает

спорных моментов при обращении к “соответствующим нормам международного права”.

Это означает, что договор следует толковать с учетом норм международного права, применяемых в отношениях между сторонами. Новый договор, как и новый закон в сфере внутригосударственного права, это, по образному выражению, “просто новая частица юридической материи, которая попадает в океан права”.

Этот подход подтверждает и заключение Международного Суда о том, что “толкование и применение международных документов должно производиться в рамках общей правовой системы, превалирующей в момент толкования”.

Вместе с тем — и это существенная черта метода, предложенного Комиссией международного права и принятого конференцией, — не относящиеся к договору материалы, то есть документы, которые не были предметом специального соглашения сторон, такие как подготовительные материалы договора и обстоятельства, сопутствующие его заключению, квалифицируются как “дополнительные средства толкования”. Так, ст. 32 гласит: “Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения ст. 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со ст. 31:

а) оставляет значение двусмысленным или неясным или

б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными”.

При оценке указанных выше положений можно согласиться с известным уругвайским юристом Э.Х. де Аречага, когда он утверждает, что положения Конвенции, посвященные толкованию договоров, которые, кстати, были основаны на практике Международного Суда, “представляют собой изложение некоторых основных принципов, которые могут считаться не просто общими положениями, а нормами международного права в этой области, применимыми ко всем договорам вне зависимости от их природы и содержания”¹¹.

При этом в науке международного права также утверждалось, что когда речь идет о толковательных заявлениях, то они оговорками не являются, так как не имеют целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений международного договора. Такие декларации не изменяют размера обязательств, устанавливаемых международным договором, а только определяют, каким образом одно из договаривающихся государств будет толковать положения договора и как оно намеревается их выполнять.

По нашему мнению, этот подход и нашел свою поддержку на Венской конференции по праву международных договоров, когда

подавляющее большинство ее участников решило не включать толковательные заявления в число оговорок при определении этого термина в ст. 2 Венской конвенции.

Вместе с тем недостаточно четкое формулирование статей в ходе разработки проектов договоров делает в ряде случаев необходимым обращаться к процедуре формулирования заявлений по толкованию отдельных статей проекта либо текста в целом (далее: толковательных заявлений). Так, например, при определении районов, на которые распространяется Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество, в отношении России дается их полный и четкий перечень: "территория, включая внутренние и территориальные воды, воздушное пространство над ними, а также континентальный шельф и исключительная экономическая зона". Канада же для целей Соглашения означает всю территорию и любую область за пределами территориальных морей, в отношении которой Канада обладает правами на разведку и разработку ресурсов морского дна, его недр и находящиеся над ними море и воздушное пространство в соответствии с международным правом. Совершенно очевидно, что отказ от использования общепринятых понятий в отношении морских пространств в определенной ситуации может быть использован как признание российской стороной необоснованного расширения указанных районов за общепризнанные международным правом пределы. В связи с этим совершенно обоснованным выглядит предложение Правительства России при ратификации Соглашения сделать толковательное заявление следующего содержания:

"Российская Федерация заявляет, что Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Канады об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество, подписанное в городе Оттава 5 октября 1996 года, не затрагивает определение компетенции прибрежного государства в пределах морских пространств, прилегающих к его территориальному морю, которая регулируется в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву"¹².

Подобное заявление не влечет юридических последствий для собственно договора, но уточняет, в каких пределах Россия признает ширину зон Канады не просто по международному праву, а в рамках Конвенции ООН по морскому праву.

Вместе с тем договорная практика свидетельствует о том, что иногда бывает очень трудно различить толковательное заявление и оговорку. Так, польский юрист Р. Сафаж утверждал, что в широком

смысле оговорка включает и "так называемые толковательные декларации"¹³.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо очень аккуратно подходить к формулированию толковательных заявлений. Для этого необходимо, чтобы толковательное заявление:

- строго соответствовало вышеуказанным положениям Венской конвенции о праве договоров, то есть основывалось на строго определенном перечне договоров и дополнительных средств толкования;

- не изменяло либо исключало юридическое действие договора ни в отношении государства-заявителя, ни в отношении его партнеров;

- четко определяло статью (статьи) договора, к которой оно относится;

- не имело юридических последствий для других международных договоров.

Любой отход от вышесказанного приводит к тому, что под использованием термина "заявление" к договорам делаются оговорки, что влечет за собой отклонение федеральных законов о ратификации на различных уровнях. Так, например, заявление Государственной Думы Российской Федерации следующего содержания: "Российская Федерация исходит из того, что упоминаемое в статье Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке комплектования и прохождения военной службы гражданами Республики Таджикистан в Пограничных войсках Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан*, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан, будет иметь силу для Российской Федерации только в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации" — совершенно справедливо было отклонено Президентом Российской Федерации по следующим формальным признакам.

Это заявление исключает определенные положения Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан, подписанного в Москве 25 мая 1993 г.¹⁵ Следовательно, это заявление является оговоркой и, более того, оговоркой к третьему договору. Оговорка же к действующему договору противоречит ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров, которая предполагает возможность оговорок только на стадии подписания, ратификации, принятия либо присоединения.

* Подписано 30 марта 1994 г. в Душанбе¹⁴.

Кроме того, заявление противоречит ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, поскольку ставит федеральный закон выше международного договора.

Иногда государства делают заявления по оговоркам, внесенным другим государством. В таком случае на договор такое заявление имеет только опосредованное влияние при признании сделанной по договору оговорки. С другой стороны, если заявление содержит признание оговорки, то здесь налицо переговорный процесс по поводу изменения отдельных положений договора, и такое заявление не может рассматриваться как не имеющее юридических последствий. Доказательством служит приведенное в качестве примера югославским юристом В. Деганом Соглашение между США и Швейцарией о сотрудничестве, торговле и выдаче 1850 года¹⁶. При его принятии США сделали оговорку, в отношении которой Швейцария сделала заявление о внесении в оговорку поправки, которую сенат США принял с новой оговоркой. Процесс внесения оговорки и ответное заявление по ней совершенно справедливо рассматриваются как новые переговоры, так как в результате были изменены отдельные первоначальные статьи договора.

В случае же заявления об отказе признать оговорку могут наступить юридические последствия только в случае двустороннего договора, когда сторона, сделавшая оговорку, принимает договор при условии ее признания, то есть при этом договор не состоится.

В этих условиях в настоящее время появилась настоятельная необходимость внесения соответствующих дополнений в Закон "О международных договорах Российской Федерации".

Так, п. 2 ст. 2 можно было бы сформулировать следующим образом: «"Оговорка" означает одностороннее заявление, сделанное при подписании, ратификации, утверждении, принятии многостороннего договора или присоединении к нему...» и далее по тексту.

Кроме того, было бы целесообразно включить в Закон дополнительную статью, касающуюся толковательных заявлений. При этом она могла бы быть сформулирована следующим образом:

"При подписании, ратификации, утверждении, принятии международных договоров Российской Федерации или присоединении к договорам могут быть сделаны заявления в целях толкования терминов договора в его контексте, а также в свете объекта и целей договора.

При этом учитываются:

— любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

— любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками;

— нормы национального законодательства, касающиеся возможной процедуры реализации договора.

Предложения о принятии заявления, осуществляемом в форме федерального закона, представляются в порядке, установленном статьей 16 настоящего Федерального закона, в остальных случаях — в порядке, предусмотренном в статье 9 настоящего Федерального закона”.

¹ Doc. A/Conf. 39/27, May 23, 1969.

² См. *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. — М.: Международные отношения, 1980. — С. 182—194; Курс международного права. — Т. IV. — М.: Наука, 1968. — С. 156—161 и др.

³ American Journal of International Law. — 1951. — Vol. 45. — P. 145—148.

⁴ I.C.J. Reports, 1951.

⁵ См. подробнее *Тункин Г.И., Нечаев Б.И.* Право договоров на XIV сессии Комиссии международного права // Советское государство и право. — 1963. — № 2. — С. 101—102.

⁶ Doc. A/Conf. 39/L.3. — P. 29—30.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 9. — Ст. 1013.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 29. — Ст. 2757.

⁹ Цит. по Международное право в документах. — М.: Юридическая литература, 1982. — С. 117.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2957.

¹¹ *Де Аречага Э.Х.* Современное международное право. — М.: Прогресс, 1983. — С. 70.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 9. — Ст. 1025.

¹³ *Szafarz R.* Zastrzezenia do traktatow wielostronnych. — Warszawa, 1974. — S. 21.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 35. — Ст. 4133.

¹⁵ Бюллетень международных договоров. — 1994. — № 11. — С. 12—22.

¹⁶ *Degan V.D.* Reserve i interpretativne izjave uz dvostrane medunarodne ugovore // Jugoslovenska Revija Medunarodno pravo. — 1973. — № 1. — S. 238—253.

Статья поступила в редакцию в ноябре 1997 г.

Морское право

РЕЖИМ МОРЕПЛАВАНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПРОЛИВАХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.А. Константинов*

Дальневосточные проливы (Лаперуза, Сангарский, Корейский и др.), соединяющие Охотское, Японское и Желтое моря между собой и с Тихим океаном, имеют чрезвычайно важное значение для международного судоходства. Поэтому к указанным проливам вполне применимо выработанное отечественной наукой общее понятие международного пролива, наиболее полно и точно сформулированное П.Д. Барабой: "Международные проливы — это соединяющие открытые моря и океаны (или две части одного и того же открытого моря) проливы, которые на протяжении длительного исторического периода служат мировыми водными путями, используемыми для международного судоходства, и вследствие этого являются открытыми для беспрепятственного прохода любых судов на основе принципа равенства всех флагов"¹.

В зарубежной литературе встречаются самые разнообразные определения пролива вообще и международного пролива в частности. Так, например, датский юрист Э. Брюэль понимает под проливом в географическом смысле сужение моря до некоторой ограниченной ширины между районами суши, соединяющее два моря, а А.К. Жудро, рассматривая международный пролив, отмечает, что главным признаком последнего является его использование в течение длительного времени для международного судоходства².

Анализ данных и иных определений позволяет сделать вывод о том, что различные авторы пытаются выделить одну из нескольких составляющих понятия международного пролива и представить ее в качестве основополагающего элемента этого понятия. В действительности же определение международного пролива, безусловно,

*Преподаватель кафедры международного права Московской государственной юридической академии, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

должно быть комплексным, включающим в себя, по крайней мере, два основных признака: географическое положение пролива, разделяющего две части суши, в качестве связующего звена между двумя частями морского пространства, а также использование его для международного судоходства.

Такая позиция нашла свое подтверждение и в решении Международного Суда ООН, где отмечалось, что решающим критерием определения международного пролива является географическое расположение последнего, в силу которого он соединяет две части открытого моря, и тот факт, что он используется для международного судоходства³. М.Л. Лопатин в связи с этим выделяет географический, функциональный и юридический (связь правовой квалификации проливов с юридической природой составляющих эти проливы вод) элементы содержания общего правового понятия международного пролива⁴.

Если географический элемент определения международного пролива представляется достаточно ясным, то его функциональная составляющая получила различное толкование в доктрине международного морского права. Поскольку интенсивность судоходства в каждом конкретном проливе неодинакова, некоторые ученые считают необходимым разделить проливы на универсальные (представляют интерес для всех или большинства государств мира) и региональные (представляют интерес лишь для государств определенного региона). От такого деления зависит и правовое регулирование указанных проливов, которое должно осуществляться соответственно на универсальном или региональном уровне.

Другая группа ученых не проводит различия между проливами в зависимости от степени интенсивности международного судоходства, считая тем самым, что любой пролив, соединяющий отдельные части Мирового океана, уже в силу данного факта представляет необходимый минимум интереса для международного судоходства. Таким образом, эти ученые ставят во главу угла географический элемент, не придавая первостепенного значения функциональному элементу и не рассматривая их в совокупности⁵.

Именно поэтому с целью уточнения содержания функционального элемента понятия международного пролива Э. Брюэль и предложил учитывать такие факторы, как количество проходящих через пролив судов, их общий тоннаж, принадлежность этих судов к широкому или ограниченному кругу государств, а также некоторые другие моменты, справедливо полагая при этом, что для отнесения морского пролива к категории международного должно иметь место его всеобщее использование для целей судоходства⁶.

Встречаются классификации проливов и по иным основаниям, в частности в зависимости от их правового режима (исторические проливы, проливы архипелагов, международные проливы и т.д.)⁷.

Исторически, под влиянием широкой заинтересованности государств в свободе мореплавания в открытом море, сложилась устойчивая практика свободного прохода судов всех флагов через проливы, ведущие из одного открытого моря в другое, что постепенно стало признаваться в качестве обычной нормы международного права⁸. Причем в данном случае речь идет, бесспорно, об обычной норме, сформировавшейся в результате длительной практики, что некоторые представители отечественной науки, в частности И.И. Лукашук, выделяют в самостоятельную группу (вид) обычных правовых норм, противопоставляя ее другой группе таких норм, созданных в результате признания нескольких или даже одного предшествующего акта⁹.

Факт наличия правовой нормы о праве судов всех государств использовать указанные проливы для беспрепятственного судоходства был подтвержден в решении Международного Суда ООН от 9 апреля 1949 г. по делу об англо-албанском инциденте в проливе Корфу, полностью перекрываемом территориальными водами Греции и Албании. Суд пришел к выводу, что “в соответствии с международным обычаем государства вправе без предварительного разрешения прибрежного государства проводить свои военные корабли через проливы, используемые для международного судоходства и соединяющие две части открытого моря, при условии, что такой проход является мирным”¹⁰.

Несмотря на это, вопрос о правовом режиме судоходства через конкретные проливы был и есть предметом регулирования в специальных международных соглашениях. Последние, по нашему мнению, можно разделить на два вида:

а) международные договоры, заключаемые с единственной или с одной из главных целей урегулировать правовой статус и порядок судоходства через пролив, которые детально регламентируют указанные вопросы (Копенгагенский трактат 1857 г. о режиме Балтийских проливов; Конвенция о режиме проливов 1936 г. (имеются в виду Черноморские проливы); Буэнос-Айресский договор 1881 г. о режиме Магелланова пролива и т.п.);

б) международные договоры, заключаемые с целью урегулирования широкого круга вопросов, которые в общей форме регламентируют правовой статус и порядок судоходства через пролив (Портсмутский мирный договор 1905 г. между Россией и Японией, касающийся режима проливов Лаперуза и Татарского; Соглашение между Японией и рядом европейских государств 1895 г., касающееся режима Тайваньского пролива, и т.п.).

Нашей позиции во многом созвучна и несколько иная классификация международных договоров о проливах, в соответствии с которой выделяются международные договоры, устанавливающие право-

вой режим пролива (договоры, указанные в пункте а), а также договоры, подтверждающие уже действовавший и признанный режим свободы прохода через пролив и устанавливающие не правовой статус самих проливов, а режим прилегающих к ним территорий (договоры, указанные в пункте б)¹¹.

Как явствует из приведенной выше классификации, режим судоходства через дальневосточные проливы определяется либо международными договорами, относящимися ко второму виду, либо отсутствием таковых вообще, что означает применение к этим проливам правового режима, установленного нормами общего международного права.

Пролив Лаперуза, соединяющий Японское и Охотское моря, расположен между островами Сахалин и Хоккайдо. Этот пролив имеет огромное значение как для плавания вдоль тихоокеанского побережья нашей страны, так и для сообщений с портами Охотского моря, Сахалина и Камчатки. Несмотря на то что зимой пролив замерзает, он является лучшим и наиболее доступным проходом из Японского моря в соседние моря. Однако вследствие частых и густых туманов, сильных морских течений и изобилия подводных рифов и камней навигационные условия в районе пролива чрезвычайно сложны.

На основании Договора между Россией и Японией от 25 апреля (7 мая) 1875 г. (Петербургский трактат) через пролив Лаперуза проходила государственная граница двух государств. Статья 1 Петербургского трактата гласила: "Его Величество Император Японский, за Себя и Своих наследников, уступает Его Величеству Императору Всероссийскому часть территории острова Сахалина (Крафто), которую он ныне владеет, со всеми верховными правами, истекающими из этого владения, так что отныне означенный остров Сахалин (Крафто) весь вполне будет принадлежать Российской Империи и пограничная черта между Империями Российской и Японской будет проходить в этих водах через Лаперузов пролив"¹².

До окончания второй мировой войны режим пролива в общей форме определялся Портсмутским мирным договором, заключенным между Россией и Японией 23 августа (5 сентября) 1905 г. как результат завершения войны с участием этих государств. Статья 9 указанного договора гласила: "Российское Императорское Правительство уступает Императорскому Японскому Правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущество, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлениям дополнительной статьи 2, приложенной к сему договору.

Россия и Япония взаимно соглашались не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений. Равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском”¹³.

Положения Портсмутского мирного договора были подтверждены Русско-Японской (общеполитической) конвенцией от 31 января (13 февраля) 1907 г. и Конвенцией об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. В последней содержалось упоминание о том, что “СССР соглашается, что договор, заключенный в Портсмуте 5 сентября 1905 г., остается в полной силе” (ст. 2)¹⁴. Несмотря на это, уполномоченный СССР Л.М. Карахан в ноте от 20 января 1925 г. указал, что “признание его правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора”¹⁵.

Тем не менее Япония в нарушение названных международных соглашений 7 октября 1937 г. издала закон о сохранении военной тайны, объявив зоной, запретной для мореплавания, воды около южной оконечности Сахалина и Северного Хоккайдо¹⁶. 28 июня 1938 г. поверенный в делах СССР в Японии Сметанин вручил министру иностранных дел Японии Угаки ноту в связи с задержанием и арестом команды советского судна “Рефрижератор № 1”, потерпевшего аварию в проливе Лаперуза 31 мая 1938 г. при следовании из Владивостока в Охотское море.

В ноте указывалось на нарушение японской стороной ст. 9 Портсмутского мирного договора и ст. 11 Конвенции 1925 г., вследствие чего Правительство СССР заявило протест и ожидало, что Правительство Японии примет необходимые меры для восстановления в проливе Лаперуза и на его берегах режима, установленного Портсмутским мирным договором, и предпишет местным японским властям немедленно освободить “Рефрижератор № 1” вместе с его капитаном и командой, а также прекратить начатое против капитана судебное дело. Объяснения Японии сводились к тому, что “Рефрижератор № 1” оказался в запретной зоне, а также к тому, что в районе мыса Носяку-Нисоки находится укрепленный район¹⁷.

В заявлении народного комиссара иностранных дел Литвинова японскому послу Того от 25 ноября 1938 г., сделанном в ходе переговоров по поводу заключения советско-японской рыболовной конвенции, еще раз было указано на препятствия, чинимые Японией свободному плаванию советских судов в проливе Лаперуза со ссылкой на имеющиеся там военные зоны¹⁸. В ответе японского пра-

вительства от 8 декабря 1938 г. на вышеуказанное заявление Литвинова отмечалось, что запретные зоны в проливе Лаперуза не должны препятствовать свободной навигации советских судов. На это Литвинов заявил, что при отсутствии права возводить военные сооружения на берегах пролива там не должно быть запретных зон, но что он, во всяком случае, принимает к сведению заверение правительства Японии в том, что впредь не будет чиниться препятствий свободному плаванию советских судов в проливе¹⁹.

Однако в период второй мировой войны порядок судоходства через пролив Лаперуза еще более усложнился. Начиная со второй половины 1941 года Япония установила морские оборонительные зоны в проливе и требовала, чтобы за пять суток до прохода судов посылалось специальное предупреждение с указанием названия судна, даты прохода и направления движения. Кроме того, японское морское командование было наделено полномочиями осматривать проходящие через пролив суда²⁰.

Советские корабли подвергались обстрелу и бомбардировке, задерживались на пути следования через пролив Лаперуза. 31 декабря 1941 г. советский посол в Токио заявил протест правительству Японии по поводу обстрела, бомбардировки и потопления советских кораблей. Всего за 1941—1945 годы было захвачено и потоплено 18 судов нашего государства²¹.

Огромное стратегическое значение пролива Лаперуза подтверждается еще и тем, что в период второй мировой войны он широко использовался советскими судами для транспортировки столь необходимых для нашей страны грузов, главным образом из США.

Так, 25 августа 1941 г. посол Японии в Москве Татекава сделал народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову заявление о том, что отправка Соединенными Штатами во Владивосток купленных Советским Союзом материалов создает для Японии весьма деликатное и затруднительное положение, поскольку эти материалы (нефть, бензин и др.) провозят вблизи японской территории, ввиду чего правительство Японии просит, чтобы Советское правительство обратило серьезное внимание на это обстоятельство, в особенности на вопрос о путях и способах этих перевозок.

В ответ на указанное заявление правительство СССР подчеркнуло, что попытки воспрепятствовать осуществлению нормальных торговых отношений между Советским Союзом и США через дальневосточные советские порты оно могло бы рассматривать не иначе, как недружелюбный по отношению к СССР акт²².

После окончания второй мировой войны и поражения Японии Портсмутский мирный договор утратил силу, вследствие чего все установленные японскими властями ограничения для судоходства в проливе были отменены, однако каких-либо новых международно-

правовых соглашений, касающихся режима пролива Лаперуза, заключено не было. Это обстоятельство побудило наше государство поставить вопрос о статусе данного и некоторых других проливов на Сан-Францисской конференции, созванной с 4 по 8 сентября 1951 г. с целью заключения мирного договора с Японией. В выступлении главы советской делегации А.А. Громыко на Конференции 5 сентября 1951 г. предлагалось дополнить главу 3 проекта мирного договора с Японией, представленного США и Великобританией, новой статьей:

“1. Проливы Лаперуза (Соя) и Немуро по всему японскому побережью, а также Сангарский (Цугаро) и Цусимский должны быть демилитаризованы. Эти проливы будут всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы, указанные в пункте 1 настоящей статьи, должны быть открыты для прохода лишь тех военных судов, которые принадлежат державам, прилегающим к Японскому морю”²³.

Поскольку данное предложение СССР не было поддержано на Конференции, режим судоходства через пролив Лаперуза и иные вышеуказанные проливы регулируется не специальными договорами, а нормами общего международного права — сначала Конвенцией о территориальном море и прилегающей зоне 1958 года и Конвенцией об открытом море 1958 года, а в настоящее время — Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (далее: Конвенция 1982 г.).

Как известно, часть III Конвенции 1982 года, регламентирующая правовой режим проливов, используемых для международного судоходства, выделяет четыре категории таких проливов в зависимости от их географического положения, вследствие чего эти проливы подчиняются действию различных правовых режимов.

1. Режим транзитного прохода применяется к проливам, используемым для международного судоходства между одной частью открытого моря или исключительной экономической зоны и другой частью открытого моря или исключительной экономической зоны (ст. 37 Конвенции 1982 г.), за исключением случая, когда пролив образуется островом государства, граничащего с проливом, и его континентальной частью, если в сторону моря от острова имеется столь же удобный с точки зрения навигационных и гидрографических условий путь в открытое море, или в исключительной экономической зоне (п. 1 ст. 38 Конвенции 1982 г.).

2. Режим мирного прохода применяется к проливам, расположенным между частью открытого моря или исключительной экономической зоны и территориальным морем другого государства, а также к проливам, которые исключены из сферы применения режима транзитного прохода согласно п. 1 ст. 38 (ст. 45 Конвенции 1982 г.).

3. Специальный режим применяется к проливам, проход в которых регулируется в целом или частично давно существующими и

находящимися в силе международными конвенциями, которые относятся специально к таким проливам (п. с ст. 35 Конвенции 1982 г.).

4. Режим свободы судоходства применяется к проливам, в которых имеется столь же удобный с точки зрения навигационных и гидрографических условий путь, проходящий в открытом море или в исключительной экономической зоне (ст. 36 Конвенции 1982 г.).

Необходимо отметить, что режимы транзитного и мирного прохода применяются в соответствии с п. b ст. 35 Конвенции 1982 года только к судам, следующим через территориальные воды припроливного государства, тогда как в случае их следования через исключительную экономическую зону или открытое море применяются положения Конвенции, регламентирующие соответственно правовой режим указанных морских пространств.

Ширина пролива Лаперуза составляет 23 мили²⁴. Специалисты подсчитали, что если все прибрежные страны установят 12-мильную ширину своих территориальных вод, как это было признано большинством государств на Третьей Конференции ООН по морскому праву и закреплено в Конвенции 1982 года, то свыше 100 международных проливов, широко используемых для международного судоходства, в том числе и рассматриваемые нами дальневосточные проливы, могут оказаться перекрытыми территориальными водами²⁵.

Однако в некоторых проливах законодательство Японии ограничивает ширину своих территориальных вод. Так, ст. 1 Закона Японии № 30 о территориальных водах от 2 мая 1977 г. устанавливает, что ширина территориальных вод Японии составляет 12 морских миль. Тем не менее п. 2 Дополнительных условий, которые являются неотъемлемой частью настоящего закона, предусматривает: "В настоящее время условия статьи 1 не должны применяться к проливам Лаперуза (на картах Соя Кайкио) и Цугару, или Сангарский (на картах Тугару Кайкио), Восточному проходу Корейского пролива (на картах Тусима Кайкио—Хигаси Суидо), Западному проходу Корейского пролива (на картах Тусима Кайкио—Ниси Суидо) и проливу Осуми (на картах Осуми Кайкио) (включая морские районы, прилегающие к этим водам и считающиеся их составными частями с точки зрения навигационного курса, обычно принимаемого судами, здесь и далее именуемые "специальными районами")".

Территориальные воды в специальных районах представляют собой морские районы, простирающиеся от исходной линии на 3 морские мили в сторону открытого моря и до линий, соединяющих с указанными границами"²⁶.

Границы специальных районов и положение вышеуказанных линий определены ст. 3 и 4 Постановления Кабинета министров Японии № 210 от 17 июня 1977 г. о введении в действие Закона о

территориальных водах, а также таблицей-приложением к данному Постановлению²⁷.

Таким образом, пролив Лаперуза полностью не перекрывается территориальными водами России и Японии, в силу чего часть его вод шириной около 8 миль подчиняется режиму свободы судоходства.

История мореплавания в некоторых других дальневосточных проливах во многом напоминает ситуацию с проливом Лаперуза.

Сангарский пролив (пролив Цугару) соединяет Японское море с Тихим океаном и разделяет японские острова Хоккайдо и Хонсю. Это единственный незамерзающий пролив в северной части Японского моря, являющийся кратчайшим путем из Владивостока, Находки и других портов Приморья в Тихий океан.

Если до второй мировой войны в данном проливе действовал режим свободы судоходства, то в период войны Япония объявила пролив, являвшийся в то время ее территорией, морской оборонительной зоной. Это означало полное закрытие пролива для доступа в него иностранных (главным образом советских) судов, что являлось грубым нарушением обычно-правовой нормы международного права о свободе судоходства через проливы, соединяющие две части открытого моря, а также советско-японского Пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.²⁸ Закрытие Сангарского пролива вынудило советские суда пользоваться другим, менее доступным и более опасным Корейским проливом²⁹.

Как уже отмечалось, вопрос о статусе Сангарского пролива поднимался советской делегацией на Сан-Францисской мирной конференции наряду с обсуждением проблем правового статуса иных проливов, что, к сожалению, не повлекло за собой включение этих положений в Сан-Францисский мирный договор.

В настоящее время (как и ранее) режим судоходства через Сангарский пролив не урегулирован каким-либо специальным международным договором. Образующие часть пролива территориальные воды Японии подчиняются режиму, установленному вышеуказанными нормативными актами этого государства.

Поэтому Сангарский пролив, ширина которого составляет около 10 миль³⁰, не перекрывается полностью территориальными водами Японии и имеет небольшую полосу морского пространства, в котором действует режим свободы судоходства.

Корейский пролив соединяет Японское море с Восточно-Китайским и Желтым морями и делится островом Цусима на два прохода — проход Крузенштерна и проход Броутона. В литературе западную часть пролива от острова Цусима до побережья Кореи иногда именуют Корейским проливом, а восточную часть от острова Цусима до побережья Японии — Цусимским проливом³¹.

Специальных международных соглашений, регламентирующих режим судоходства в Корейском проливе, как в прошлом, так и в настоящее время не заключалось.

В период второй мировой войны Япония всячески препятствовала свободному судоходству советских судов через пролив, что выражалось в установлении запретных зон и морских оборонительных районов в проливе, задержании, осмотре и потоплении судов нашего государства, а также в иных неправомерных действиях, аналогичных тем, которые были рассмотрены выше по отношению к плаванию в других проливах.

Хотя Корейский пролив и не был полностью закрыт для доступа в него советских судов, который осуществлялся с помощью специально установленных фарватеров для плавания, при проходе по указанным фарватерам несколько советских судов были потоплены. Так, 1 февраля 1942 г. был потоплен пароход "Ангарострой", а 17 февраля 1943 г. — торговые суда "Ильмень" и "Кола"³².

Даже после окончания второй мировой войны режим судоходства через Корейский пролив не стал полностью свободным и безопасным. Некоторые районы пролива американскими, японскими и южнокорейскими властями неоднократно объявлялись зонами, запретными или опасными для плавания, а также зонами проведения военных учений. В 1950 году, в период существенного обострения политической ситуации вокруг Кореи, вопрос о порядке судоходства через Корейский пролив встал особенно серьезно.

В ноте посла США в СССР министру иностранных дел СССР от 4 июля 1950 г. сообщалось, что Президент США отдал приказ о морской блокаде корейского побережья, которая устанавливалась немедленно.

В ответной ноте МИД СССР посольству США от 6 июля 1950 г. блокада Кореи рассматривалась как "новый акт агрессии", в силу чего Правительство СССР будет считать Правительство США "ответственным за все последствия этого акта и за весь ущерб, который может быть причинен интересам Советского Союза в связи с проведением упомянутой блокады"³³. Подробнее позиция СССР по поводу ситуации вокруг корейского вопроса была изложена в заявлении заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко об американской вооруженной интервенции в Корею³⁴. Указанная морская блокада распространялась и на прилегающую к корейскому побережью часть пролива.

Южнокорейские власти вопреки нормам международного права поставили под свой контроль воды в пределах так называемой линии Ри (Ли Сын Мана), проходящей в ряде мест на удалении более 60—100 миль от корейского побережья, где осуществлялись контроль за рыболовством, а также наблюдение за судоходством и полетами

самолетов. В проливе такая линия проходила в четырех милях к западу от острова Цусима³⁵.

Ширина пролива составляет более 50 миль³⁶. Поэтому за пределами территориальных вод Японии и Республики Корея воды пролива представляют собой район открытого моря (исключительной экономической зоны), где осуществляется свобода судоходства в соответствии с Конвенцией 1982 года. Внешняя граница территориальных вод Японии определяется на основании вышеуказанных нормативных актов этого государства, а Республики Корея — Законом о территориальном море и прилежащей зоне № 3037, опубликованным 31 декабря 1977 г., с поправками, внесенными Законом № 4986, опубликованным 6 декабря 1995 г., а также Президентским декретом № 9162 об обеспечении применения Закона о территориальном море и прилежащей зоне от 20 сентября 1978 г., с поправками, внесенными Президентским декретом № 13463 от 7 сентября 1991 г. и № 15133 от 31 июля 1996 г. (ст. 3)³⁷.

Тайваньский пролив, отделяющий остров Тайвань от “основного Китая”, соединяет Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. Режим мореплавания в проливе был установлен Соглашением между Россией, Францией, Германией и Японией, заключенным посредством обмена нотами между полномочными представителями указанных государств в сентябре—октябре 1896 г. и касающимся возвращения полуострова Фын-тянь (Ляодун) и мореплавания в Формозском (Тайваньском) проливе.

В соглашении указывалось на то, что “Правительство его величества императора Японии признает за Формозским проливом значение большого международного морского пути и что посему этот пролив находится вне сферы его исключительного контроля или пользования. Правительство его величества императора Японии обязуется не уступать никакой державе островов Формозы и Пескадорских”³⁸.

После обострения политической ситуации вокруг Тайваня режим судоходства через пролив осложнился. Тайваньские власти 5 апреля 1958 г. опубликовали специальное извещение, в котором было изложено требование, чтобы иностранные суда, следующие через Тайваньский пролив, пользовались проходом между островом Тайвань и Пескадорскими островами. От судов требовалось, чтобы они держались к востоку от середины Тайваньского пролива. Суда, проходящие вдоль западного побережья Пескадорских островов, должны были заранее сообщать об этом тайваньским властям³⁹.

Наименьшая ширина пролива составляет около 70 миль⁴⁰. Это означает, что за пределами территориальных вод КНР воды Тайваньского пролива представляют собой район открытого моря (исключительной экономической зоны). Статья 3 Закона КНР о тер-

риториальных водах и прилежащей зоне от 25 февраля 1992 г. устанавливает, что ширина территориальных вод Китая простирается на 12 морских миль. Поэтому за внешней границей указанных вод действует режим свободы судоходства и любые (в том числе и вышеназванные) ограничения этого режима являются нарушением норм международного права.

Каких-либо специальных международных соглашений о режиме Тайваньского пролива в настоящее время не существует. Проход через данный пролив на современном этапе осложнен тем, что в морях Юго-Восточной Азии широкое распространение получило пиратство, представляющее собой уголовное преступление международного характера, нарушающее свободу судоходства как одну из составных частей свободы открытого моря (ст. 100—107 Конвенций 1982 г.).

В заключение необходимо подчеркнуть, что Тайваньский пролив, в отличие от рассмотренных выше дальневосточных проливов, является стратегически менее значимым проливом, поскольку к востоку от острова Тайвань имеется вполне удобный с точки зрения навигационных и гидрографических условий путь для плавания по Восточно-Китайскому и Южно-Китайскому морям.

Как мы видим, все рассмотренные нами проливы не перекрываются полностью территориальными водами прибрежных государств. Это означает, что за пределами этих вод простирается исключительная экономическая зона этих государств. Статьи 33 и 73 Конвенции 1982 года, соответственно, в отношении прилежащей и исключительной экономической зоны предоставляют прибрежным государствам определенные права по обеспечению выполнения своих законов и правил, что может нарушить беспрепятственный проход иностранных судов через пролив.

Как известно, при транзитном или мирном проходе через территориальные воды прибрежного государства не должно быть никакого приостановления этого прохода (ст. 44 и п. 2 ст. 45 Конвенции 1982 г.). Чтобы избежать ситуации, при которой государство в своей исключительной экономической зоне получило бы больше прав по контролю за судоходством иностранных судов в проливе, чем в своих территориальных водах, образующих пролив, С.В. Молодцов указал, что в проливах шириной даже более 24 миль не могут устанавливаться прилежащие зоны, а судоходство в пределах исключительной экономической зоны в проливе должно строиться на основании принципа свободы судоходства в качестве обычно-правовой нормы общего международного права⁴¹.

На эту проблему обращали внимание и другие исследователи⁴².

Представляется, что позиция С.В. Молодцова наиболее полно и точно отражает главную мысль изложенных в Конвенции 1982 года

положений о свободе судоходства через проливы, используемые для международного судоходства, независимо от вида образующих их вод. Однако данный вопрос пока еще остается спорным и для его окончательного разрешения необходимо дополнение Конвенции 1982 года уточняющей нормой по указанной проблематике.

¹ См. Океан, техника, право.— М., 1972.— С. 21.

² См., например, *Лопатин М.Л.* Международные проливы и каналы: правовые вопросы.— М., 1985.— С. 13—14.

³ Подробнее см., например, *Калинкин Г.Ф.* Режим морских странств.— М., 1981.— С. 56.

⁴ См. *Лопатин М.Л.* Указ. соч.— С. 14.

⁵ Подробнее см. Там же.— С. 19.

⁶ Подробнее см. *Bruel E.* International Straits.—Vol 1/1.— London, 1947.— P. 42—43.

⁷ См., например, *Международное морское право. Учебное пособие.*— Л., 1969.— С. 147—148; *Океан, техника, право.*— С. 16—17.

⁸ См., например, *Курс международного права (в семи томах).*— Т. 5.— М.: Наука, 1992.— С. 79.

⁹ Подробнее см. *Лукашук И.И.* Обычные нормы современного международного права // *Московский журнал международного права.*—1994.— № 2.— С. 26.

¹⁰ Цит. по *Молодцов С.В.* Правовой режим морских вод.— М., 1982.— С. 166.

¹¹ См. *Лопатин М.Л.* К вопросу о современном правовом режиме международных проливов // *Проблемы современного международного права. Сборник статей. Отв. ред. проф. Л.А. Моджорян.*—Вып. 6.— М., 1979.— С. 105—121.

¹² См. *Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права.*— Т. 1.— СПб., 1889.— С. 393—394.

¹³ См. *Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774—1906).* Введ. и прим. проф. В.Н. Александренко.— Варшава, 1906.— С. 565.

¹⁴ См. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)* / Сост. Э.Д. Гримм.— М., 1927.— С. 213.

¹⁵ Там же.— С. 217.

¹⁶ Подробнее см. *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений.— М., 1962.— С. 190.

¹⁷ См. *Известия.*— 1938.— 2 июля.

¹⁸ См. *Известия.*— 1938.— 8 дек.

¹⁹ См. *Известия.*— 1938.— 10 дек.

²⁰ Подробнее см. *Военно-морской международно-правовой справочник.*— М., 1956.— С. 140—141.

²¹ Подробнее см. *Кутаков Л.Н.* Указ. соч.— С. 375—376.

²² См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы.— Т. 1.— М.: ОГИЗ, 1946.— С. 157—158.

²³ См. Правда.—1951.— 7 сентября.

²⁴ См., например, *Бараболя П.Д., Иванашенко Л.А., Колесник Д.Н.* Международно-правовой режим важнейших проливов и каналов.— М., 1965.— С. 57.

²⁵ Подробнее см. *Узунов Д., Бараболя П.* Проблема международных проливов на III Конференции ООН по морскому праву // *Морской сборник*.—1977.— № 8.— С. 86.

²⁶ См. Сборник договоров и законодательных актов зарубежных государств по вопросам мореплавания.— Т. 3, книга первая.— М., 1989.— С. 297.

Примечание. В некоторых отечественных источниках вместо термина “специальный район” употребляется термин “объявленный район”, а также дается несколько иная редакция указанного закона в целом, что, однако, никоим образом не влияет на суть рассматриваемых вопросов (см., например, *Сборник законодательных актов зарубежных государств по вопросам режима прибрежных вод*.— Ч. 2.— М., 1980.— С. 311—312).

²⁷ См. Сборник договоров и законодательных актов зарубежных государств по вопросам мореплавания.— С. 297—301.

²⁸ См., например, *Дипломатический словарь* (в трех томах).— Т. 3.— М., 1986.— С. 369—370.

²⁹ Подробнее см. *Кутаков Л.Н.* Указ. соч.— С. 376.

³⁰ См. Военно-морской международно-правовой справочник.— С. 141.

³¹ Подробнее см. *Бараболя П.Д., Иванашенко Л.А., Колесник Д.Н.* Указ. соч.— С. 60.

³² См. Военно-морской международно-правовой справочник.— С. 142.

³³ См. Правда.— 1950.— 7 июля.

³⁴ См. Правда.— 1950.— 4 июля.

³⁵ Подробнее см. *Международное морское право. Учебное пособие*.— С. 162—165.

³⁶ См. Военно-морской международно-правовой справочник.— С. 142.

³⁷ См. Сборник договоров и законодательных актов зарубежных государств по вопросам мореплавания.— Т.3, книга первая.— С. 181—187.

³⁸ См. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке.— С. 103.

³⁹ Подробнее см. *Бараболя П.Д., Иванашенко Л.А., Колесник Д.Н.* Указ. соч.— С. 64.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Подробнее см. *Молодцов С.В.* Указ. соч.— С. 190, 193.

⁴² См. *Киселев В.А., Саваськов П.В.* Режим международных проливов и Конвенция ООН по морскому праву // *Советский ежегодник морского права*. 1985.— М., 1987.— С. 28—37; *Русина Н.Я.* Режим судоходства в проливах, используемых для международного судоходства, по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. // *Конвенция ООН по морскому праву и международное судоходство / Сборник научных трудов под ред. А.Л. Колодкина*.— М., 1986.— С. 65—78.

Статья поступила в редакцию в январе 1998 г.

Международное ядерное право

БЕЗЪЯДЕРНЫЕ ЗОНЫ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ РЕГИОНАЛИЗМ?

В.А. Романов*

Около двух лет назад, рассматривая в рамках своей разоруженческой повестки дня вопрос о безъядерных зонах в различных районах мира, международное сообщество в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН с удовлетворением констатировало, что Договор об Антарктике, Договор Тлателолко, Договор Раротонга, Бангкокский договор и Договор Пелиндаба “обеспечивают постепенное освобождение от ядерного оружия всего Южного полушария и прилегающих районов, охватываемых этими договорами”. Ассамблея призвала участвующие в договорах государства “использовать пути и средства сотрудничества для укрепления статуса Южного полушария и прилегающих районов как пространства, свободного от ядерного оружия”¹.

Таким образом, признано, что в процессе создания безъядерных зон достигнут важный рубеж: свободным от ядерного оружия становится практически одно полушарие. Это, конечно, является крупным достижением в решении задачи предотвращения распространения ядерного оружия и создания политико-правовых преград к его размещению на половине поверхности Земли.

Но при всей важности достигнутого подобного рода ограничения на ядерное оружие не могут распространяться лишь на Южное полушарие, половину земной поверхности. Процесс региональной денуклиаризации все больше должен охватывать и Северное полушарие, особенно его конфликтные районы. Международный режим нераспространения ядерного оружия, частью которого стало создание региональных безъядерных зон, по самому своему назначению только и может быть режимом универсального охвата. Характерно,

*Чрезвычайный и Полномочный Посланник, профессор кафедры международного права МГИМО(У) МИД РФ.

что в одном из своих решений состоявшаяся в 1995 году Конференция по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия, превратив его в бессрочный договор, указала также, что “приветствовала бы создание дополнительных зон, свободных от ядерного оружия, ко времени проведения Конференции по рассмотрению действия ДНЯО в 2000 году”². В этом контексте все больше внимания привлекают к себе два крупных региона: Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ) и Центральная Азия. Речь идет о создании в ЦВЕ пространства, свободного от ядерного оружия, а в Центральной Азии — безъядерной зоны.

* * *

Как указывал в своем выступлении на Международной конференции в Минске, посвященной перспективам создания такого пространства (1997 г., апрель), Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, эта идея имеет “непростую историю”³.

Впервые предложение о создании “безъядерного пояса” от Балтийского до Черного моря было высказано Белоруссией в 1990 году на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С некоторыми модификациями оно то возобновлялось, то затухало и в последующие годы.

На Конференции по рассмотрению действия и продлению Договора о нераспространении ядерного оружия Белоруссия вновь выдвинула свою идею. Ее поддержала Украина. В Стокгольмской декларации 1996 года Парламентской ассамблеи ОБСЕ было заявлено о полезности создания безъядерных зон в регионе ОБСЕ⁴.

Заметной вехой в разработке концепции безъядерного пространства и некоторых его политико-правовых параметров явилась организованная МИД Белоруссии и Белорусским университетом уже упомянутая Минская конференция. В ней участвовали делегаты от 26 стран, а также от ООН, МАГАТЭ, секретариата СНГ и некоторых неправительственных организаций. По своему уровню и содержанию она вышла за рамки обычного обмена мнениями в научно-практическом плане. Конференция стала форумом обоснования и продвижения концепции создания безъядерного пространства в ЦВЕ, в частности как одной из мер противодействия выдвиганию натовского ядерного оружия из района нынешней территориальной сферы действия альянса на восток и нейтрализации попыток вовлекать его новых членов в реализацию прежде всего антироссийских и антибелорусских проявлений ядерной стратегии НАТО.

Как указал в своем выступлении на конференции министр иностранных дел России Е.М. Примаков 8 апреля 1997 г., идея создания безъядерного пространства “является не только отражением и своеобразным продолжением общемирового процесса, но она направле-

на, я хочу это особо подчеркнуть, на особый район — на Центральную и Восточную Европу”. Один из главных аспектов белорусской инициативы, продолжал министр, заключается во включении предлагаемого безъядерного пространства в общую структуру европейской безопасности. Разрабатываемая в рамках ОБСЕ Хартия европейской безопасности не может обойти разоруженческие вопросы, и среди них в первую очередь сокращение ядерного арсенала на континенте. “Вот здесь именно и может найти применение идея превращения Центральной и Восточной Европы в безъядерное пространство”⁵, — резюмировал российский министр взаимосвязь между безъядерным статусом определенного пространства и системой безопасности в регионе, частью которой оно является, иначе говоря, новое функциональное назначение безъядерного статуса.

С заявлением в поддержку создания в ЦВЕ пространства, свободного от ядерного оружия, выступил на конференции посол Китая в Белоруссии, и таким образом поддержка прозвучала со стороны двух ядерных держав.

Что касается позиции западных стран, А.Г. Лукашенко, сопоставляя известные сентябрьские 1995 года и декабрьские 1996 года решения НАТО, высказался в том плане, что “есть определенные подвижки” в позиции альянса по вопросу о ядерном оружии в Европе⁶. Как уже отмечалось в “Московском журнале международного права”, в “Основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО”, подписанном в 1997 году, нашло свое выражение и политическое обязательство о невыдвигении на восток ядерного оружия с территории нынешних членов альянса. При этом важен нюанс: речь идет не о продвижении ядерного оружия на их территорию, а о невыдвигении его с территории нынешних членов альянса. Характерный штрих: польский участник Минской конференции (из неправительственного общества “Польша – Восток”) отметил в своем выступлении, что причастность Польши к рассмотрению вопроса о безъядерном пространстве в ЦВЕ могла бы осложнить ее вступление в НАТО; иное дело — польское отношение к вопросу о безъядерном пространстве после вступления в альянс. В связи с этим, хотя польская внешняя политика в немалой степени изменилась по сравнению с тем, что она отстаивала в конце 50-х годов, на память невольно приходит завоевавшее немалый авторитет предложение Польши 1957 года (известное как “план Рапацкого”), предусматривавшее создание безъядерной зоны в Центральной Европе.

По вопросам содержания статуса пространства, свободного от ядерного оружия, в ЦВЕ и кругах охватываемых им государств вырисовываются — это показала и Минская конференция — лишь предварительные соображения.

Прежде всего, конечно, возникает вопрос: в чем смысл замены уже устоявшегося в международной практике понятия “безъядерная зона” термином “безъядерное пространство”? Как считает один из белорусских аналитиков, “термин “пространство” придает гибкость белорусскому предложению, позволяет обсудить с потенциальными участниками и заинтересованными государствами юридические и политические основы реализации этой идеи, не привязываясь к стереотипам, связанным с безъядерной зоной”. По его мнению, наиболее рациональным и перспективным является сочетание политических и юридических обязательств, дополнение содержания пространства новыми элементами безопасности.

Далее речь идет о том, чтобы в безъядерное пространство в ЦВЕ входили несколько групп государств. Первая, “основная” – Белоруссия, Украина, Молдова, государства Вышеградской группы, страны Балтии, Румыния, Болгария – составляла бы “ядро этого пространства и имела бы наиболее полные обязательства по безъядерности”, исходя из стандартных параметров безъядерных зон с некоторыми уточнениями. Вторая группа – Швеция, Финляндия, Австрия, государства бывшей Югославии, Албания – “могла бы присоединиться к тем обязательствам первой группы, которые отвечали бы их интересам”. Она могла бы также взять на себя “политические безъядерные пространства”. В третью группу могли бы войти Норвегия, Дания, Германия, которые могли бы внести “вклад в безъядерное пространство в силу особенностей своего законодательства или международных договоренностей в отношении ядерного оружия альянса и союзнических обязательств”.

Существенным компонентом статуса безъядерного пространства явилось бы наличие у его участников обязательств “не предпринимать каких-либо шагов в области обычных вооружений или военной деятельности, способных провоцировать ответные меры ядерных государств”⁷.

В целом это видение проблемы территориальных пределов безъядерного пространства в ЦВЕ включает моменты ее реалистической постановки, но вместе с тем содержит и элементы завышенных пожеланий, которые могут только осложнять дело. Непростую и достаточно деликатную проблему поднял на конференции известный шведский специалист по военно-политической и разоруженческой проблематике Я. Правитц – о возможности включения в безъядерное пространство российского эксклава на Балтике – Калининградской области. Его обзор “A Nuclear – Weapon – Free Zone in Central and Eastern Europe” содержит в целом благоприятный для белорусской инициативы анализ⁸. Затрагивался на Минской конференции и вопрос о том, должен ли режим безъядерного пространства распространяться на прилегающие к ЦВЕ морские акватории.

Идея создания безъядерной зоны в Центральной Азии была высказана Узбекистаном в выступлении его Президента И. Каримова на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи в 1993 году.

В феврале 1997 года президенты Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана подписали в Алма-Ате Декларацию, в которой призвали все заинтересованные страны поддержать эту идею, уточнив, что зона охватывала бы пять названных стран. В целях дальнейшего продвижения этой инициативы в сентябре 1997 года в Ташкенте была проведена Международная конференция "Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия". Конференция носила весьма представительный характер: в числе присутствовавших и выступавших были участники от ОБСЕ, Европейского Союза, Организации Исламская конференция, Организации по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке. Генеральный секретарь ООН направил конференции личное послание.

Свои позиции в отношении создания центральноазиатской безъядерной зоны высказали присутствовавшие на Ташкентской конференции представители трех ядерных держав. С российской стороны была подчеркнута неизменность принципиального отношения России к зонам, свободным от ядерного оружия. О поддержке со стороны США в принципе создания безъядерных зон говорил представитель посольства США в Узбекистане, который отметил, что США приветствуют желание государств Центральной Азии предпринять шаги, ведущие к региональному сотрудничеству и безопасности, одним из элементов чего была бы безъядерная зона. Китайский посол в Ташкенте заявил, что его страна "ценит и поддерживает инициативу" создания центральноазиатской безъядерной зоны, которая "должна иметь четкие географические границы", а входящие в ее состав государства "не должны отказываться от выполнения своих обязательств под каким-либо предлогом, включая военные союзы"

В итоге Ташкентской конференции было подписано Заявление министров иностранных дел Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана, в котором говорится "о необходимости объявления Центральной Азии зоной, свободной от ядерного оружия, как важнейшего элемента укрепления ядерной безопасности". В нем содержится призыв к постоянным членам Совета Безопасности ООН и всем государствам поддержать инициативу создания такой зоны и оказать этому "всяческое содействие". Заявление завершается просьбой к соответствующим органам ООН создать группу экспертов ООН с участием региональной группы экспертов "для рассмотрения форм и элементов подготовки и осуществления договора о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного ору-

жия". Подписавшие заявление министры сочли уместным выразить в нем удовлетворение тем, что страны, добровольно взявшие на себя обязательства по участию в безъядерных зонах, составляют значительную часть мирового пространства и являются "творцами новой культуры ядерной безопасности".

Международное сообщество не замедлило позитивно отреагировать на центральноазиатскую инициативу. В резолюции 52/38 "Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии" Генеральная Ассамблея ООН указала, что создание безъядерных зон в различных районах, "включая Центральную Азию", поможет укреплять мир и стабильность как на региональном, так и на глобальном уровне "и в интересах безопасности государств в Центральноазиатском регионе". Она призвала все государства поддерживать инициативу, направленную на создание такой зоны, приветствовала предложение Киргизии провести в 1998 году в Бишкеке совещание экспертов по вопросам создания зоны и поручила Генеральному секретарю ООН оказать содействие центральноазиатским странам в подготовке "формы и элементов" соглашения о создании зоны, повторив, таким образом, фразеологию обращенной им ранее к ООН просьбы¹⁰.

Работа над содержанием и формулами обязательств по договору о центральноазиатской безъядерной зоне впереди, но уже сейчас обращает на себя внимание попытка ее инициаторов придать концепции зоны некое экологическое измерение. Еще на Минской конференции о перспективах создания безъядерного пространства в ЦВЕ делегация Узбекистана распространила тезисы "Строительство безъядерной зоны в Центральной Азии", в которых подчеркивалось, что "содержание центральноазиатского проекта будет пропущено через призму экологического состояния региона". В связи с этим в тезисах говорилось о том, что территория Центральной Азии находится в зоне техногенных экологических катастроф, таких их источников, имеющих "длительное негативное воздействие на людей и окружающую среду, как Аральское море и Семипалатинский полигон"¹¹.

Выступая в ходе Ташкентской конференции, представитель Казахстана высказался за разработку экологического протокола к договору о центральноазиатской безъядерной зоне, а равно и за объявление безъядерной зоной также акватории Каспийского моря.

Остается все же неясным, какова же могла бы быть экологическая составляющая режима безъядерной зоны в Центральной Азии, в чем конкретно она могла бы выражаться в отношении обязательств и взаимоотношений государств – участников зоны и государств ее гарантов. Открывая конференцию, президент Узбекистана подчеркивал, что зона будет иметь более широкий, чем традиционно при-

нятый, смысл, и высказался за то, чтобы были выработаны действенный механизм физической защиты расщепляющихся материалов и меры по сотрудничеству в области хранения, контроля и учета ядерных материалов, обеспечению их безопасности. Это, конечно, имеет и экологический аспект, но к нему не сводится. В Заявлении министров иностранных дел пяти центральноазиатских государств содержится призыв к другим странам “оказать содействие в реабилитации территорий, в том числе загрязненных радиоактивными отходами”. Весь вопрос в том, как бы привнесение в режим безъядерной зоны такого рода экологической составляющей, имеющей к тому же и явно меркантильную окраску, не осложнило становление главных компонентов режима зоны, а они по необходимости не могут не быть и традиционными, не создало искусственных помех формированию соответствующих договоренностей и предоставлению гарантий. Время покажет...

Пока же важно то, что процесс выдвижения инициатив по созданию безъядерных зон продолжает развиваться, напоминая чуть ли не цепную реакцию. Выступая на конференции в Ташкенте, министр иностранных дел Азербайджана Г. Гасанов сообщил, что он уполномочен Президентом этой страны Г. Алиевым “обратиться к странам региона воздержаться от ядерных разработок для какого-либо военного использования”.

* * *

Как видно, страны СНГ, как те, что заинтересованы в создании безъядерного пространства в ЦВЕ, так и те, которые обсуждают строительство безъядерной зоны в Центральной Азии, стремятся внести в их безъядерный статус что-то новое и нетрадиционное по сравнению с тем, что предусмотрено режимом уже существующих безъядерных зон, основные параметры которых были сформулированы еще Договором Тлателолко и сводятся в итоге к нераспространению ядерного оружия в пределах соответствующего региона. Но Договор Тлателолко был заключен еще до того, как был выработан рассчитанный на универсальное применение Договор о нераспространении ядерного оружия. Строго говоря, в силу этого договора все другие государства, за исключением пяти ядерных держав, весь мир, кроме их территорий, могли бы в принципе рассматриваться в качестве безъядерного пространства или зоны. Новый элемент, который применительно к соответствующим районам внесли региональные договоры о безъядерных зонах и который отсутствует в Договоре о нераспространении, — это недопустимость размещения иностранного ядерного оружия в пределах государств — участников Договора о зоне, что, кстати, корреспондирует установке Договора о нераспространении на то, что именно региональные договоры должны

заключаться с целью обеспечения “полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях”. И эта новелла региональных договоров имеет, конечно, важное значение для уменьшения ядерной угрозы. Но за этим и некоторыми другими исключениями региональные договоры, последовавшие за Договором Тлателолко, оказались как бы обреченными в значительной мере на своего рода дублирование обязательств по ДНЯО.

У государств, только еще намеревающихся встать на путь заключения региональных договоров о безъядерных зонах, есть поэтому уникальная возможность обогатить свои будущие договоры рядом новых элементов, в том числе в отношении обязательств по обеспечению ядерной безопасности, например в том плане, как об этом говорил Президент Узбекистана Каримов, по предотвращению нападений на мирные ядерные объекты и их защите, по пресечению контрабанды ядерных материалов и т.п., — всю эту изобретательность следует проявлять прежде всего самим заинтересованным государствам.

В связи с этим нельзя не коснуться вопроса о гарантиях государствам, входящим в состав зон. Новые моменты в этом отношении уже обозначились в международной практике.

В начале 90-х годов в процессе выполнения и применения Договора о нераспространении возникла проблема удаления ядерного оружия с территорий Белоруссии, Казахстана и Украины, где оно размещалось еще во время существования СССР и где оно утратило правооснования оставаться с его распадом и провозглашением названными странами своей независимости. Государством, продолжившим участие СССР в Договоре о нераспространении в качестве ядерной державы, стала Россия, из чего исходило и решение Совета глав государств СНГ от 6 июля 1992 г. о продолжении Россией участия в этом договоре в качестве государства, обладающего ядерным оружием, включая осуществление функций депозитария ДНЯО. По Лиссабонскому протоколу 1992 года (Протокол к Договору об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений — СНВ-1) Белоруссия, Казахстан и Украина приняли на себя ряд обязательств в качестве правопреемников бывшего СССР по договору СНВ-1, в том числе обязательство присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия “в качестве государств-участников, не обладающих ядерным оружием”¹². В 1993—1994 годах это присоединение произошло.

Во время Будапештской встречи СБСЕ/ОБСЕ в декабре 1994 года на высшем уровне лидеры трех государств — депозитариев Договора о нераспространении (России, США и Англии) подписали с руководителями Белоруссии, Казахстана и Украины отдельные, но по существу идентичные меморандумы о гарантиях безопасности этим освободившимся от бывшего советского ядерного оружия странам.

В каждом из трех меморандумов содержатся обязательства трех ядерных держав предоставить гарантии безопасности в связи с присоединением (Белоруссии/Казахстана/Украины) к Договору о нераспространении. Эти гарантии идут значительно дальше тех, которые в апреле 1995 года были предусмотрены в связи с установлением бессрочного характера действия Договора о нераспространении в отношении безопасности неядерных государств — его участников от применения против них ядерного оружия или угрозы такого применения.

По существу своего содержания гарантии трем — это гарантии вообще от насильственных посягательств на эти страны, гарантии нового качества. В соответствии с ними Россия, США и Великобритания подтвердили свои обязательства:

— в соответствии с принципами Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе “уважать независимость и суверенитет и существующие границы” (Белоруссии/Казахстана/Украины);

— воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости каждой из трех названных неядерных стран, при том что “никакие их вооруженные силы не будут применены против (Белоруссии/Казахстана/Украины), кроме как в целях самообороны или каким-либо образом в соответствии с Уставом” ООН;

— в соответствии с принципами Заключительного акта “воздерживаться от экономического принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление (Белоруссией/Казахстаном/Украиной) прав, присущих ее суверенитету, и таким образом обеспечить преимущества любого рода”;

— “добиваться незамедлительных действий Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по оказанию помощи (Белоруссии/Казахстану/Украине) как государству — участнику Договора о нераспространении, не обладающему ядерным оружием, в случае, если (Белоруссия/Казахстан/Украина) “станет жертвой акта агрессии или объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия”;

— не применять самим — и это специально оговорено в отношении Белоруссии/Казахстана/Украины — ядерное оружие против любого государства — участника Договора о нераспространении, “не обладающего ядерным оружием, кроме как в случае нападения на них, их территории и зависимые территории, на их вооруженные силы или их союзников такого государства, действующего вместе с государством, обладающим ядерным оружием или связанным с ним союзным соглашением” — именно к этому сводятся гарантии, предоставленные в заявлениях ядерных держав 1995 года в связи с

установлением бессрочного характера Договора о нераспространении и санкционированные Советом Безопасности в резолюции 984 (1995).

В каждом меморандуме предусмотрено, что все три неядерные страны и Россия, США и Великобритания “будут консультироваться в случаях возникновения ситуации, затрагивающей вопрос относительно этих (т.е. вышеизложенных. — *Авт.*) обязательств”. В нем также указывается, что он выработан, “учитывая обязательство (Белоруссии/Казахстана/Украины) об удалении всех ядерных вооружений с ее территории в установленные сроки”¹³.

Заявление правительства Китая о гарантиях безопасности Украине от 4 декабря 1994 г. и его же Заявление о гарантиях безопасности Казахстану от 8 февраля 1995 г., с одной стороны, носят более общий характер, а с другой — идут дальше в отношении обязательств по неприменению ядерного оружия. “Правительство Китая, — говорится в Заявлении, — неизменно заявляло, что Китай ни при каких обстоятельствах не обратится к применению или угрозе применения ядерного оружия против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия. Эта принципиальная позиция применяется и к Украине”¹⁴. Применительно к Казахстану это обязательство названо также “безусловным”, а позиция трактуется не только как принципиальная, но и как “неизменная”.

В обоих заявлениях указывается, что правительство Китая призывает все другие ядерные державы “взять на себя аналогичное обязательство, с тем чтобы способствовать укреплению безопасности всех государств, не обладающих ядерным оружием, включая Украину и Казахстан.

Более обще и скупое сказано в обоих заявлениях о гарантиях от невоенных мер принуждения. В заявлении, адресованном Украине, отмечается, что “правительство Китая неизменно выступало против практики оказания политического, экономического или иного давления в международных отношениях. Оно заявляет, что споры и разногласия должны урегулироваться мирным путем в рамках консультаций, проводимых на равноправной основе”. Далее, со ссылкой на предшествующие китайско-украинские документы, сказано, что “Китай заявляет о своем признании и уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины и выражает готовность к дальнейшему развитию отношений дружбы и сотрудничества между Китаем и Украиной на основе пяти принципов мирного сосуществования”¹⁵. В заявлении по Казахстану содержится в основном аналогичная, но более краткая формула.

В отличие от меморандумов трех ядерных держав — депозитариев ДНЯО, оформленных, по сути дела, как их соглашения с каждой

из гарантированных трех неядерных стран, китайские документы не выражают какой-либо договоренности и представляют собой односторонние заявления правительства Китая, упоминающие Украину и Казахстан.

Известно о гарантиях безопасности, предоставленных Украине и Францией, что подтвердил украинский представитель на Конференции по разоружению 9 февраля 1995 г.¹⁶

* * *

В повестке дня ООН давно стоят вопросы о создании зон, свободных от ядерного оружия, в районах Ближнего Востока и Южной Азии, которыми Генеральная Ассамблея занимается с 1974 года.

Политические трудности, существующие в этих регионах, не дают возможности достичь договоренностей о создании таких зон, хотя некоторые промежуточные шаги в этом направлении предпринимались. Испытания ядерного оружия, проведенные летом 1998 года, осложнили обстановку в регионе.

Странам Ближневосточного региона предложено в решениях ООН, впредь до создания безъядерной зоны, не разрабатывать, не производить, не испытывать и не приобретать каким-либо иным путем ядерное оружие и не размещать на своих территориях или на территориях, находящихся под их контролем, ядерное оружие или ядерные взрывные устройства. Вместе с тем со стороны ООН приняты и более адресные меры. В резолюции 52/41 "Риск ядерного распространения на Ближнем Востоке", принятой на 52-й сессии, Генеральная Ассамблея ООН призвала Израиль, который является единственным государством в регионе, не ставшим участником Договора о нераспространении, присоединиться к этому договору. Ему предложено "не разрабатывать, не производить, не испытывать и не приобретать каким-либо иным образом ядерное оружие и отказаться от обладания ядерным оружием", а также поставить все свои не находящиеся под гарантиями ядерные установки под полномасштабные гарантии МАГАТЭ "в качестве важной меры укрепления доверия" среди государств региона и как шага к укреплению мира и безопасности.

В резолюции констатируется, что распространение ядерного оружия в Ближневосточном регионе "представляло бы серьезную угрозу международному миру и безопасности"¹⁷.

Конечно, конфликтность межгосударственных отношений в регионах, о которых идет речь, будет продолжать и впредь сдерживать процесс создания в них безъядерных зон. Но не может не возникнуть вопрос: а не явятся ли их денюклиаризация и ее договорное оформление фактором, снижающим остроту конфликтности и облегчаю-

шим урегулирование конфликтов? Ведь устранение с созданием безъядерных зон взаимных опасений по поводу возможного обладания ядерным оружием было бы само по себе важным обстоятельством, улучшающим политический климат в регионе и снижающим давление ядерного фактора на взаимоотношения государств, тем более что и со стороны ядерных держав есть возможность повлиять на ситуацию в плане эвентуального расширения гарантий, которые они дают неядерным государствам как участникам режима нераспространения ядерного оружия. Видимо, те расширенные гарантии, которые даны Белоруссии, Казахстану и Украине, могли бы являться индикатором того, что могло бы быть предпринято применительно к Южной Азии да и Ближнему Востоку со стороны ядерных держав.

В повестке дня ООН, а также и Конференции по разоружению давно уже стоит вопрос “Заключение эффективных международных соглашений о гарантиях государствам, не обладающим ядерным оружием, против применения или угрозы применения ядерного оружия”. Форумы самих таких государств, в частности одиннадцатая Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Картахене (Колумбия) в октябре 1995 года, призывают Конференцию по разоружению безотлагательно достичь договоренности в отношении такой международной конвенции. ООН, признавая, что в рамках конференции по разоружению “были отмечены трудности с выработкой общего подхода, приемлемого для всех”, вместе с тем неизменно констатирует, что на конференции “не высказано принципиальных возражений в отношении идеи”, касающейся конвенции¹⁸.

Как уже отмечалось, меморандумы, подписанные Россией, США и Англией с Белоруссией, Казахстаном и Украиной, являются международными соглашениями о гарантиях безопасности этим странам как государствам, не обладающим ядерным оружием. Встает вопрос, не могут ли явиться эти меморандумы с точки зрения своего содержания прообразом той международной конвенции, о необходимости заключения которой настойчиво говорится в решениях ООН? Если после окончания военно-политического противостояния в мире и с переходом к новому качеству международных отношений — их неконфронтационности и многополярности — проблема нераспространения ядерного оружия все больше выдвигается на одно из первых мест в международной повестке дня — а это так, то для достройки международного режима нераспространения и заключения конвенции о гарантиях безопасности неядерным странам стоило бы использовать тот наработанный в виде упомянутых меморандумов материал, который уже “завезен на строительную площадку”.

¹ Организация Объединенных Наций. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на пятьдесят первой сессии. — 1996. — Нью-Йорк. — Том I. — С. 78—79.

² Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation // Issue Review. — 1997. — March. — No 11. — P. 11.

³ Перспективы создания в Центральной и Восточной Европе пространства, свободного от ядерного оружия. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 8 апреля 1997 г., Минск. Мimeoграфированный текст, распространенный на конференции.

⁴ Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1996. — Сент.—ноябрь. — Первый выпуск. — С. 81.

⁵ Перспективы создания... Выступление министра иностранных дел Российской Федерации Е.М. Примакова 8 апреля 1997 г., Минск. Мimeoграфированный текст, распространенный на конференции.

⁶ Перспективы создания... Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

⁷ Санников А. Безъядерное пространство в центре Европы как фактор стабильности//Белорусский журнал международного права и международных отношений. — С. 80—81.

⁸ Ibid. Issue Review. — No 10. — February 1997.

⁹ Ядерный контроль. — 1997. — Окт.—ноябрь. — С. 48.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мimeoграфированный текст, распространенный на конференции в Минске.

¹² Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. — 1992. — Т. XV. — № 4. — С. 205.

¹³ Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. — 1995. — Т. XVIII. — № 1. — С. 233—235.

¹⁴ Там же. — С. 236.

¹⁵ Там же. — С. 237.

¹⁶ Там же. — С. 232.

¹⁷ Programme for Promoting Nuclear Non-Proliferation. Newsbrief. — Number 40. — 4th Quarter 1997. — P. 28.

¹⁸ Ibid. — P.23.

Статья поступила в редакцию в июле 1998 г.

Международное гуманитарное право

СЕРЬЕЗНЫЕ НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ БОРЬБЫ С НИМИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.Ю. Калугин*

В настоящее время в международных отношениях продолжают существовать источники войн и вооруженных конфликтов. Войны и вооруженные конфликты порождают определенные правоотношения как между воюющими сторонами, так и между не участвующими в конфликте сторонами. Значение международно-правового регулирования данных отношений посредством правил ведения войны постоянно возрастает. Это объясняется стремлением если не исключить войну из сферы международного общения, то снизить трагические последствия вооруженных конфликтов путем формулирования правил, ограничивающих воюющих в выборе средств и способов ведения военных действий, обеспечивающих защиту лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать участие в боевых действиях (гражданское население, раненые, больные, военнопленные и т.п.).

Кроме того, очень существенным моральным фактором для стороны, ведущей боевые действия, являются поддержка населением своей страны и позитивное отношение со стороны мирового сообщества. Такое отношение возможно только при соблюдении международно-правовых законов и обычаев войны, которые в концентрированном виде содержатся в такой отрасли международного публичного права, как международное гуманитарное право. К его главным договорам присоединилось большинство государств мира.

Однако присоединение к договорам является лишь первым шагом. Требуются усилия для претворения норм международного гуманитарного права в жизнь, для применения их на практике. И здесь главная ответственность за обеспечение эффективной реализации международного гуманитар-

* Секретарь Комиссии по имплементации международного гуманитарного права при Совете министров Республики Беларусь.

ного права ложится на государства, которые должны принимать соответствующие меры, в первую очередь на национальном уровне. Одной из таких мер является пресечение нарушений международного гуманитарного права, включая ввод в действие национального законодательства, необходимого для предотвращения таких нарушений и при необходимости для обеспечения наказания за совершение преступлений, связанных с нарушением законов и обычаев войны.

Республика Беларусь как участница абсолютного большинства международных договоров по защите жертв войны (например, для Беларуси четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. вступили в силу с 3 февраля 1955 г., а Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г. — с 23 апреля 1990 г.) обязана обеспечить реализацию принятых на себя международных обязательств, в том числе и в области пресечения нарушений международного гуманитарного права путем трансформации этих положений в национальное законодательство.

Со второй половины XIX века в доктрине международного права считается общепризнанным, что существуют такие преступные действия или преступное бездействие, связанные с нарушением законов и обычаев ведения войны, за совершение которых международное право возлагает на виновных лиц уголовную ответственность. Эти воззрения начали складываться на основе подходов, которые первоначально формулировались во внутригосударственном законодательстве. Например, в Инструкции полевым войскам США от 24 апреля 1863 г., подготовленной известным юристом Фрэнсисом Либером, говорилось о том, что солдаты, виновные в совершении нарушений права войны, должны подвергаться судебному преследованию независимо от того, принадлежат они к вооруженным силам США или являются пленными противника.

Первые попытки создания международной системы ответственности за нарушение права войны были предприняты после окончания первой мировой войны. 11 ноября 1918 г. была сформирована Союзническая комиссия для установления ответственности «военных преступников» (данный термин был использован впервые). В Версальском мирном договоре предлагалось привлечь к ответственности кайзера Вильгельма II и других обвиняемых в военных преступлениях граждан Германии, а также создать международный суд и национальные суды для процессов над военными преступниками всех видов. Указанные предложения не были воплощены в жизнь: кайзер в это время спасался бегством в Голландии, которая отказалась его выдать, а те немногие из предполагаемых военных преступников, которые подверглись судебному преследованию, были или оправданы, или получили чисто символическое наказание¹.

Реальное воплощение этих воззрений в нормы международного права об уголовной ответственности отдельных лиц за нарушение права войны произошло в ходе и после второй мировой войны. Уже в нотах НКВД СССР от 25 ноября 1941 г., 6 января и 27 апреля 1942 г. Советское правительство потребовало «суровой ответственности и наказания преступного фашистского правительства Германии за его разбойные действия»². Положения об уголовной ответственности отдельных лиц были сформулированы и закреплены в решениях Московской (1943 г.), Крымской (1945 г.) и Потсдамской

(1945 г.) конференций. Так, в решениях Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии говорилось, что германские офицеры, солдаты и члены гитлеровской партии, которые имеют какое-либо отношение к зверствам, убийствам и казням в странах, захваченных германскими вооруженными силами, "будут доставлены обратно в страны, где совершены их ужасные преступления, для того, чтобы они подверглись обвинению и наказанию по законам этих стран"³. В решениях Крымской конференции от 11 февраля 1945 г. ее участники взяли на себя обязательства "подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию"⁴; в решениях Потсдамской конференции закреплялось обязательство государств арестовывать и предавать суду военных преступников и тех "кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления"⁵.

Конкретно нормы об уголовной ответственности отдельных физических лиц были сформулированы в уставах и приговорах Международных военных трибуналов для суда над главными немецкими и японскими военными преступниками. Так, ст. 6 Устава Международного военного трибунала, прилагаемого к Соглашению между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран "оси" от 8 августа 1945 г. устанавливала:

"Следующие действия, или любые из них, являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства и истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, неоправданное военной необходимостью, и другие преступления;

с) Преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет"⁶.

В приговоре Международного военного трибунала над главными немецкими военными преступниками был подтвержден принцип индивидуальной

уголовной ответственности за совершение агрессии, за нарушение законов и обычаев войны, а также были отвергнуты попытки защиты немецких военных преступников прикрыться доктриной государственного акта и свести дело к ответственности лишь государства как такового.

Так, в приговоре Нюрнбергского трибунала по вопросу личной ответственности провозглашено:

“Давно уже было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства... самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством. Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может оставаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву”.

Нюрнбергский и Токийский процессы имели огромное значение для дальнейшего развития международного права. Принципы, изложенные в Уставах и Приговорах этих трибуналов, были подтверждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3(1) от 13 февраля 1946 г. и 95 (1) от 11 декабря 1946 г. и стали общепризнанными принципами международного права.

Дальнейшее развитие и закрепление эти принципы нашли в Конвенциях о предупреждении геноцида и наказании за него, Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним от 8 июня 1977 г. и других международных договорах. Кроме того, ранее ряд запрещенных действий перечислялся в Положении о законах и обычаях сухопутной войны, прилагаемом к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., обычный характер которых был подчеркнут в приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала, а Республика Беларусь присоединилась к Гаагским конвенциям 6 июня 1962 г., подтвердив обязательность для себя этих положений.

Рассмотрим более подробно положения международных договоров, касающиеся некоторых нарушений международного гуманитарного права, которые рассматриваются как серьезные нарушения. При этом необходимо отметить, что не все нарушения международного гуманитарного права влекут за собой уголовную ответственность, а только те, которые в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 года и другими международными договорами должны пресекаться в уголовном порядке. Также в Женевских конвенциях 1949 года и других международных договорах не употребляется выражение “военные преступления”, когда говорится о “серьезных нарушениях” их постановлений, но не подлежит сомнению, что при этом имеются в виду именно военные преступления и за их совершение предусматривается личная ответственность как за нарушение законов и обычаев войны. Эта терминологическая неясность объясняется стремлением подчеркнуть обязательство договаривающихся государств пресекать запрещаемые акты и наказывать за них.

Из международных договоров, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов и ограничение методов и средств войны, однозначно вытекает, что серьезные нарушения подлежат наказанию. Однако сами по

себе эти договоры не определяют конкретных мер наказания и не предусматривают непосредственного учреждения трибунала для судебного преследования правонарушителей.

Так, в ст. 49 I Женевской конвенции, ст. 50 II Женевской конвенции, ст. 129 III Женевской конвенции (далее: ЖК I, ЖК II, ЖК III и т.д.) содержится норма, общая для этих международных договоров и предусматривающая, что

“Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений, и каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду. Она сможет также, если она этого пожелает, передать их в соответствии с положениями своего законодательства для суда другой заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороне в том случае, если эта Договаривающаяся Сторона имеет доказательства, дающие основания для обвинения этих лиц”.

Сходные нормы содержатся и в других международных договорах. Например, в ст. 28 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей от 14 мая 1954 г., в ст. 14 Протокола 2 к Конвенции о запрещении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие.

Как видно из приведенных положений, эти обязательства принимать необходимые меры для пресечения нарушений Конвенций являются составной частью более общего обязательства, которое содержится в ст. 1 всех Женевских конвенций 1949 года и требует от государств “соблюдать” и “заставлять соблюдать” положения этих договоров. Это обязательство носит одновременно превентивный и исправительный характер.

В этих обязательствах ясно говорится о том, что государства обязаны ввести в действие уголовное законодательство, предназначенное для наказания лиц, виновных в совершении серьезных нарушений. Они обязаны также разыскивать лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений, и либо предавать их своему суду, либо передавать для суда другому государству.

Как правило, уголовное право того или иного государства применяется только к тем действиям, которые совершаются на его территории или его гражданами. Международное гуманитарное право обладает в этом смысле более широкой сферой применения. Оно обязывает государства разыскивать и наказывать всех лиц, совершивших серьезные нарушения, независимо от их гражданства и места совершения преступления. Этот принцип, именуемый универсальной юрисдикцией, является ключевым фактором обеспечения эффективности пресечения серьезных нарушений. Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что, несмотря на необходимость выдачи лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права, в соответствии с принципом “aut dedere aut judicare”, ее не следует рассматривать как альтернативное решение, принимаемое во всех случаях. Выдача, в частности, своих граждан является исключительным событием, так как не всегда может быть сделана просьба о выдаче и не всегда у государства есть убедительные доказательства, дающие основания для обвинения этих лиц. Таким образом, государства-учас-

тники во всех случаях должны применять собственное уголовное законодательство, в котором должна быть предусмотрена ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права.

Исходя из анализа положений международного гуманитарного права, можно выделить перечень серьезных нарушений, которые в соответствии с обязательствами государств должны запрещаться национальным законодательством и за совершение которых должно предусматриваться наказание. Международное гуманитарное право не содержит конкретных положений о классификации серьезных нарушений, которая могла бы послужить основанием для их типизации, в международных нормах указываются лишь те виды преступлений или правонарушений, которые по своей природе и жестокости не могут остаться безнаказанными со стороны государств. Любая дальнейшая классификация является делом самих государств с единственной обязанностью предусматривать их в своем законодательстве в той форме, как они определяются в источниках международного гуманитарного права, или в отличной форме, но имеющей сходное содержание.

В связи с этим классифицировать серьезные нарушения международно-гуманитарного права достаточно сложно, и мы дадим их перечень с указанием международных договоров, положениями которых они предусматриваются.

Впервые такие нарушения были сформулированы в Положении о законах и обычаях сухопутной войны, прилагаемом к Гаагской конвенции 1907 года, и к ним относятся:

- употребление отравленного оружия или других видов оружия, способных причинять излишние страдания;

- необоснованное разрушение городов и селений или их разграбление, если эти действия не вызываются военной необходимостью;

- нападения каким бы то ни было способом на незащищенные города, селения, жилища или строения или их бомбардировки;

- разграбление частного или общественного имущества;

- вероломство;

- приказ не оставлять никого в живых;

- убийство или нанесение увечья неприятелю, который, сложив оружие или не имея больше средств защищаться, безусловно сдался;

- незаконное использование парламентского или национального флага, военных знаков и форменной одежды неприятеля, равно как и отличительных знаков, установленных Женевской конвенцией.

События второй мировой войны и стремление человеческого сообщества предотвратить повторение катастроф, ассоциируемых с деяниями нацистов, побудили государства к формулированию норм, запрещающих подобные действия и предусматривающих ответственность за их совершение. Дальнейшее развитие институт пресечения нарушений международного гуманитарного права получил в Женевских конвенциях 1949 года, Дополнительных протоколах к ним 1977 года и других международных договорах, регулирующих вопросы применения средств и методов ведения войны. Следует отметить, что в Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I перечисляются все военные преступления, упоминаемые в списках военных преступлений ранее принятых документов, в частности тех, на

основании которых было составлено Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран "оси"⁸.

Женевскими конвенциями 1949 года определяются следующие серьезные нарушения:

- преднамеренное убийство;
- пытки и бесчеловечное обращение;
- биологические эксперименты;
- преднамеренное причинение тяжелых страданий;
- причинение серьезного увечья или нанесение ущерба здоровью (предусмотрены ст. 50 ЖК I, ст. 51 ЖК II, ст. 130 ЖК III, ст. 147 ЖК IV);
- незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью (ст. 50 ЖК I, ст. 51 ЖК II, ст. 147 ЖК IV);
- принуждение военнопленного или покровительствуемого лица служить в вооруженных силах неприятельской державы;
- лишение военнопленного или покровительствуемого лица прав на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренное Конвенциями (ст. 130 ЖК III, ст. 147 ЖК IV);
- незаконное депортирование или перемещение покровительствуемого лица;
- незаконный арест покровительствуемого лица;
- взятие заложников (ст. 147 ЖК IV).

К серьезным нарушениям, определяемым в Дополнительном протоколе I 1977 года, относятся:

нанесение ущерба, путем какого-либо преднамеренного и неоправданного действия или упущения, физическому или психическому состоянию здоровья и неприкосновенности лиц, находящихся во власти противной стороны, или интернированных, задержанных или каким-либо образом лишенных свободы в результате вооруженного конфликта; в частности, имеются в виду нанесение физических увечий, проведение медицинских или научных экспериментов, удаление тканей или органов для пересадки, а также какая бы то ни было медицинская процедура, которая не требуется по состоянию здоровья указанного лица и не соответствует общепринятым медицинским нормам, применяемым при аналогичных с медицинской точки зрения обстоятельствах к гражданам стороны, производящей эту процедуру, которые не лишены свободы в какой бы то ни было форме (ст. 11);

К серьезным нарушениям относятся также действия, когда они совершаются умышленно и являются причиной смерти или телесного повреждения или ущерба здоровью (п. 3 ст. 85):

превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц в объект нападения;

совершение нападения неизбежного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам;

совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмер-

ных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам;

превращение необороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения;

совершение нападения на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях;

вероломное использование отличительной эмблемы Красного Креста, Красного Полумесяца или других защитных знаков.

К серьезным нарушениям относятся также действия, когда они совершаются умышленно и в нарушение Конвенций и Протокола:

перемещение оккупирующей державой части ее собственного населения на оккупируемую ею территорию или депортация или перемещение всего или части населения оккупированной территории в пределах этой территории или за ее пределы;

неоправданная задержка репатриации военнопленных или гражданских лиц;

применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации;

превращение ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые являются культурным или духовным наследием народов и которым предоставляется особая защита, в объект нападения, в результате чего им наносятся большие разрушения, когда такие объекты не находятся в непосредственной близости от военных объектов и не используются противной стороной для поддержки военных усилий;

лишение лица, пользующегося защитой Конвенций и Протокола I, права на беспристрастное и нормальное судопроизводство.

Кроме того, в положениях Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г., Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10 декабря 1976 г., Конвенции о запрещении или ограничении конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 г., Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г., Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. также определяются ряд серьезных нарушений международного гуманитарного права, связанных с применением недозволённых средств и методов ведения войны.

Как отмечалось выше, в соответствии с п. 1 ст. 49, 50, 129, 146 всех четырех Женевских конвенций 1949 года государства-участники должны ввести в свое законодательство положения, устанавливающие эффективные уголовные наказания для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения Женевских конвенций. Вышеназванные серьезные нарушения принято именовать военными преступлениями. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь не содержит

данного понятия и устанавливает уголовную ответственность только за “воинские преступления”. При этом воинскими преступлениями признаются предусмотренные Уголовным кодексом преступления против установленного порядка несения воинской службы, совершенные военнослужащими Вооруженных Сил Республики Беларусь, а также военнообязанными во время прохождения ими сборов.

В главу 16 “Воинские преступления” Уголовного кодекса включены некоторые составы преступлений, которые по сути представляют собой серьезные нарушения международного гуманитарного права.

Статья 255 УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за похищение на поле боя вещей, находящихся при убитых и раненых (мародерство).

Установлена уголовная наказуемость и за совершение разбоя, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий (ст. 256); за дурное обращение с военнопленными, имевшее место неоднократно или сопряженное с особой жестокостью, или направленное против раненых и больных, а равно за небрежное исполнение обязанностей в отношении больных и раненых лицами, на которых возложены лечение и попечение о них, при отсутствии признаков более тяжкого преступления (ст. 257).

Дурное обращение с военнопленными, содержащее признаки более тяжких преступлений (убийство, тяжкие телесные повреждения, изнасилования и т.д.), не охватывается ст. 257 УК РБ и подлежит квалификации по совокупности по другим статьям Кодекса.

Также в ст. 258 предусматривается наказание за ношение в районе военных действий знаков Красного Креста или Красного Полумесяца лицами, не имеющими на то права, а равно злоупотребление в военное время флагами или знаками Красного Креста или Красного Полумесяца или окраской, присвоенной транспортным средствам санитарной эвакуации.

Как уже отмечалось, действующее уголовное законодательство Беларуси не предусматривает ответственности за совершение военных преступлений и определяет ограниченный перечень составов воинских преступлений, которые по своему содержанию содержат уголовную ответственность за совершение серьезных нарушений международного гуманитарного права. Анализ законодательства Республики Беларусь на предмет соответствия нормам международных договоров, определяющих серьезные нарушения международного гуманитарного права, позволяет сделать вывод о неполной реализации принятых обязательств.

В настоящее время Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь принят в первом чтении проект Уголовного кодекса Республики Беларусь, который предусматривает достаточно широкий перечень новелл, призванных обеспечить реализацию международных обязательств в части введения в действие законодательства, необходимого для пресечения тех или иных нарушений международного гуманитарного права.

С законодательной точки зрения включение во внутригосударственное право той или иной нормы, необходимой для пресечения нарушений международного гуманитарного права, возможно при решении двух проблем:

речь идет об определении состава преступления (процедуре признания на национальном уровне общественно опасными нарушений международного гуманитарного права) и о том, в какой форме и куда следует его включать в национальное законодательство.

Существует несколько способов, с помощью которых законодатель может включать в национальное уголовное законодательство меры наказания за серьезные нарушения международного гуманитарного права. Во-первых, это применение существующего общего национального уголовного законодательства и военно-уголовного законодательства (система двойного определения состава преступления). Во-вторых, путем общего определения состава преступления с ссылкой на соответствующие положения международного гуманитарного права. В-третьих, путем частного определения состава преступления, когда воспроизводятся текст положений международных договоров либо приводятся отдельные определения действий, которые квалифицируются как преступные. И наконец, в-четвертых, сочетание этих способов. Анализ положений проекта Уголовного кодекса показывает, что при его разработке было использовано сочетание вышеуказанных способов, за исключением двойного определения состава преступления.

Так, в проекте Уголовного кодекса содержится глава 19 “Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев войны”. Глава состоит из семи статей, предусматривающих уголовную наказуемость за совершение общественно опасных деяний, связанных с нарушением законов и обычаев войны. Особенностью является то, что в проекте составы преступлений, содержащиеся в указанных статьях, составляют новый вид уголовно наказуемых деяний — военные преступления, субъектом которых могут быть как военнослужащие, так гражданские лица. Это позволит осуществлять правосудие как военным судам, так и судам общей юрисдикции.

Рассмотрим подробнее, составы каких преступлений предусматриваются в этой главе проекта Уголовного кодекса.

Статьями 131 и 132 устанавливается уголовная ответственность за вербовку, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение и использование наемников для военных действий против другого государства или противодействия законному осуществлению права народов на самоопределение, признанного международным правом, а также уголовная наказуемость наемничества.

Статья 133 определяет уголовно наказуемым производство, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт запрещенных международными договорами Республики Беларусь средств массового уничтожения или иных запрещенных средств ведения войны либо составляющих к ним, а равно проведение исследований, направленных на изготовление или применение таких средств. Статья 134 соответственно запрещает применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международными договорами Республики Беларусь, особо выделяя наказуемость применения оружия массового поражения, запрещенного таким договором.

Статьи 135 и 136 содержат составы преступлений, связанные с нарушениями законов и обычаев войны, а также норм международного гуманитарного права. Так, ст. 135 предусматривает уголовную наказуемость за совершение умышленного убийства лиц, сдавших оружие либо не имеющих

средств защиты, раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, медицинского и духовного персонала, военнопленных, гражданского населения на оккупированной территории или в районе боевых действий, иных лиц, пользующихся во время военных действий международной защитой, за причинение тяжкого вреда здоровью лицам, названным выше, истязание, проведение над ними, даже с их согласия, медицинских, биологических и других экспериментов, использование этих лиц для прикрытия своих войск или объектов от военных действий, захват и удержание таких лиц в качестве заложников, угон гражданского населения для принудительных работ. Также в соответствии со ст. 135 противоправно принуждение лиц, пользующихся покровительством Женевских конвенций 1949 года, к службе в вооруженных силах противника, переселению, лишение их права на независимый и беспристрастный суд, ограничение права этих лиц на защиту в уголовном судопроизводстве.

Статья 136 определяет перечень нарушений международного гуманитарного права, за совершение которых проект Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность. К таким нарушениям отнесены:

- применение оружия, средств и методов ведения войны, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие;

- умышленное причинение обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде;

- нападения на строения, оборудование, транспортные формирования, транспортные средства, а также персонал, обладающие с защитной целью отличительными знаками Красного Креста и Красного Полумесяца;

- использование голода среди гражданского населения в качестве ведения военных действий;

- вербовка детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста, в вооруженные силы или разрешение им принимать участие в военных действиях;

- отдание приказа не оставлять никого в живых;

- произвольное и производимое в большом масштабе разрушение или присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью;

- превращение не обороняемых местностей и демилитаризованных зон в объект нападения;

- превращение в объект нападения ясно опознаваемых исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, находящихся под особой защитой, при отсутствии военной необходимости;

- нарушение соглашений о перемирии, о приостановлении военных действий или местных соглашений, заключенных с целью вывоза, обмена или перевозки раненых и умерших, оставленных на поле сражения.

И наконец, ст. 137 проекта Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность за умышленное использование вопреки международным договорам во время военных действий знаков Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Льва или Красного Солнца, а равно охранных знаков для культурных ценностей либо иных знаков, охраняемых международным правом, а также пользование государственным флагом или государственными отличиями неприятеля, нейтрального государства, флагом или знаком международной организации.

Кроме того, наряду с противоправными деяниями, предусматриваемыми Разделом IV, в проекте Уголовного кодекса содержится ряд новелл, позволяющих обеспечить реализацию положений ст. 88 Дополнительного протокола I о сотрудничестве в вопросах уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления, равно как и в вопросах выдачи военных преступников. Так, в соответствии с частью третьей ст. 6 проекта Уголовного кодекса уголовное законодательство Республики Беларусь применяется независимо от уголовного права места совершения деяния в отношении следующих преступлений: геноцид (ст. 127), преступления против безопасности человечества (ст. 128), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 134), нарушения законов и обычаев войны (ст. 135), преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 136), а равно в отношении иного преступления, совершенного вне пределов Республики Беларусь, подлежащего преследованию на основании обязательного для Республики Беларусь международного договора. Статьей 7 определяется возможность выдачи лиц, совершивших преступления вне пределов Республики Беларусь и подлежащих преследованию на основании обязательного для Республики Беларусь международного договора.

Согласно ст. 84, освобождение от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности не применяется при совершении преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступлений.

Безусловно, введение в проект Уголовного кодекса Раздела IV "Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления" является важным шагом, направленным на реализацию гуманитарных обязательств Беларуси. Вместе с тем необходимо отметить ряд недостатков, которые возможно было бы учесть при доработке в Парламенте проекта указанного Кодекса.

Как уже отмечалось, в соответствии с положениями Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола I государства обязаны преследовать в уголовном порядке лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов. В связи с этим представляется, чтобы в уголовном законодательстве Республики Беларусь была в полном объеме предусмотрена уголовная наказуемость за совершение общественно опасных деяний, определяемых как серьезные нарушения.

Вместе с тем глава 19 проекта Уголовного кодекса не предусматривает ответственности за совершение ряда военных преступлений, определяемых в четырех Женевских конвенциях и Дополнительном протоколе I, в частности за совершение нападения на гражданское население или на отдельных гражданских лиц; совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам; совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение явится причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб

гражданским объектам, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить; совершение нападения на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать непосредственное участие в военных действиях; перемещение оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию; неоправданная задержка репатриации военнопленных и гражданских лиц.

Кроме того, проект Уголовного кодекса не содержит общего положения, вытекающего из п. 2 ст. 86 Дополнительного протокола I и обеспечивающего ответственность начальника за совершение подчиненным лицом серьезных нарушений международного гуманитарного права в той мере, в какой этот начальник знал или должен был знать о нарушении и не принял необходимых мер для предупреждения или пресечения.

Представляется не совсем удачным формулирование в виде общей отсылки диспозиции части первой ст. 134 проекта Уголовного кодекса. На практике данная норма будет вызывать много проблем в силу того, что не содержит указания ни о конкретных, запрещенных международных договором, средствах и методах ведения войны, ни о самих международных соглашениях, предусматривающих подобные положения. Кроме того, ряд международных договоров наряду с запретом применения определенных средств ведения вооруженной борьбы в период вооруженных конфликтов содержат нормы, запрещающие производство, накопление и распространение запрещенных средств ведения войны как в военное, так и в мирное время. Там же предусматриваются положения о контрольных механизмах реализации договоров. Примером таких договоров могут служить конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и др.

Статьей 137 проекта предусматривается уголовная наказуемость умышленного использования во время военных действий знаков Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Льва и Красного Солнца. Думается, что ограничение ответственности за неправомерное использование защитных эмблем только периодом военных действий является не вполне обоснованным и отвечающим положениям международного гуманитарного права. Подход об уголовной наказуемости незаконного использования эмблем Красного Креста и Красного Полумесяца в мирное время, закрепленный в ст. 198 действующего уголовного закона, более оправдан и позволяет обеспечивать уважение и защиту данных знаков от различного рода злоупотреблений.

Работа над проектом Уголовного кодекса, и в частности над Разделом VI "Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления", является принципиально новым, важным этапом формирования уголовного законодательства, не только направленным на реализацию гуманитарных обязательств Беларуси, но и имеющим большое предупредительное значение, призванным обеспечить необходимые гарантии для гражданского населения и лиц, не принимающих или прекративших принимать участие в боевых действиях. Законодательное закрепление наказуе-

мости всех серьезных нарушений Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1977 года позволит Республике Беларусь в полной мере и эффективно выполнить свои международные обязательства в области пресечения военных преступлений.

¹ *Jose Louis Fernandez Flores. L'empêchement des violations du droit de guerre// Revue internationale de la Croix-Rouge. — 1991. — Mai—Juin. — № 789. — P. 264.*

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций. — Вып. XI. — М., 1955. — С. 48.

³ *Арцибасов И.Н. Международное право. Учебное пособие. — М., 1989. — С.333.*

⁴ Тегеран—Ялта—Потсдам. Сборник документов. — М., 1967. — С. 143.

⁵ Там же. — С. 345.

⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов (в семи томах)/Под общей редакцией Р.А. Руденко. — Т. 7. — М., 1957—1961. — С. 122.

⁷ Там же. — С. 366.

⁸ *Yves Sandoz. Penal Aspects of International Humanitarian Law // International Criminal Law. — Vol. I. Crimes. Cherif Bassiouni. — N.Y., 1986. — P. 225.*

г. Минск

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 г.

Вопросы территории

УЧАСТИЕ ЛАТВИИ В ДЕЛИМИТАЦИИ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ (политико-правовые и исторические аспекты)

И.И. Бергхольцас*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Политические аспекты

Латвийская Республика — государство на берегу Балтийского моря, приобретшее в конце XX века второй раз независимость, является членом ООН, а также ассоциированным членом Европейского Совета. Опыт существования первой Латвийской Республики (1918—1940 гг.) свидетельствует, что она за короткий исторический период достигла значительного прогресса в развитии экономики, культуры, науки, просвещения и мореходства, а также в установлении демократических институтов в обществе и занимала видное место среди государств Европы. Она согласно так называемому пакту Молотова—Риббентропа (СССР — Германия) от 23 августа 1939 г. попала в зону влияния СССР¹, а в 1940 году потеряла свою независимость, став одной из республик СССР — Латвийской Советской Социалистической Республикой.

В Декларации Верховного Совета Латвийской ССР от 4 мая 1990 г. “О восстановлении независимости Латвийской Республики” заявлено, что государственную территорию Латвии представляют четыре области (Видземе, Курземе, Латгале и Земгале) с границами, определенными на основе международных договоров, и на всей территории восстанавливается действие Сатверсме (Конституции), принятой 15 февраля 1922 г.² Таким образом, прошло семь лет, как определенная часть сухопутной территории и морской среды Балтийского региона находится под суверенитетом Латвийской Республики, а над другой частью морского пространства Балтийского моря ею осуществляются суверенные права на разработку природных богатств (в экономической зоне).

В процессе развития государственности в Латвии с первых дней восстановления здесь независимости особо актуальными проблемами стали опре-

* Профессор, доктор права Балтийского русского института, г. Рига.

деление сухопутных, водных и воздушных границ, их делимитация и демаркация, а также установление пограничного режима. Решение данных проблем связано не только с соблюдением принципов международного права (неприкосновенность государственной территории, нерушимость государственных границ и др.), но и с установлением пределов территориального верховенства Латвийской Республики на принадлежащей ей территории, с природными богатствами в окружающей среде и соответствующей национальной юрисдикцией, что имеет очень важное значение для развития экономики и обеспечения благоприятных материальных условий жизни общества. В настоящее время решение проблем государственных границ — важная составная часть внутренней и внешней политики Латвийской Республики.

История свидетельствует о том, что территория прежней Латвии с первых веков нашей эры была объектом многочисленных политических и экономических экспансий чужеземцев, территориальные проблемы раньше были и в настоящее время остаются важнейшими государственными проблемами. Тот факт, что в течение семи лет так и остались неотрегулированными многие важные вопросы государственных границ и юрисдикции Латвийской Республики, свидетельствует о том, что следует вести переговоры с Литовской и Эстонской республиками, Королевством Швеции, Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Их важность недооценивается правительством Латвии. Недавние инциденты, связанные с использованием природных богатств морской среды, незаконное передвижение через границу, факты контрабандного провоза различных товаров, содержание беженцев — все это влияет не только на экономику государств, но и на уровень престижа политики.

Стратегические аспекты

С древнейших времен территория теперешней Латвийской Республики — части Балтийского региона с весьма удобным географическим положением — имела важное стратегическое значение в различных аспектах: военно-политическом, экономическом, внешнеторговом и др. В течение семи столетий латышский народ и проживающее на территории нынешней Латвийской Республики население находились под господством немецкого дворянства и бюргерства. Латышам приходилось участвовать в военных походах, и место их обитания часто было театром военных действий, объектом военно-политических и экономических экспансий со стороны соседних государств (Германии, Швеции, России, Литвы, Польши) и даже находящихся вовсе не по соседству (например, Франции). Здесь в военно-политических, экономических и стратегических целях строились замки, дороги, укреплялись города и другие населенные пункты, сооружались военные базы.

Территория Латвии со своим морским побережьем, городами, портами, реками и озерами, благоприятными природно-климатическими условиями с давних времен представляла собой особый интерес для торговцев разных стран, регионов и континентов как “мост” с Востока на Запад и Юг Европы

и в обратном направлении, поэтому здесь сложился ряд торговых путей (например, знаменитая Янтарная дорога, а также дорога “из варяг в греки”). Северные страны (Швеция, Финляндия, Норвегия) использовали территорию Латвии в качестве места торговли, а ее торговые пути служили им для направления своих купцов в Центральную и Южную Европу. Заключались специальные договоры, и во время войн торговцев не трогали.

Удобное географическое положение и в настоящее время играет важную роль в экономике Латвийской Республики. Только мореходство Латвии в наши дни, когда констатируется сильный спад сельскохозяйственного и промышленного производства в связи с переходом с так называемой “плановой” экономики в “рыночную”, дает около четверти всех доходов в бюджет страны. Важное стратегическое значение имеют для Латвии и экспортируемые из России нефть и газ. Наличие на территории Латвии ряда аэродромов, разветвленной сети автомагистралей и железных дорог, воздушных линий представляет серьезный потенциал в военно-стратегическом плане, что имеет значение при рассмотрении проблем европейской безопасности.

Исторические аспекты

Первые государственные образования на территории теперешней Латвии имели место в конце XII — начале XIII века, в то время как предки балтийских племен появились здесь в конце третьего — начале второго тысячелетия до нашей эры, потеснив финно-угорские племена. В очерке Римберта “Житие святого Анегара” (около 875 г.) можно найти упоминание о Курсе — королевстве, состоявшем из пяти городских владений и двух городов. В документах и хрониках XIII века указано, что в Латгалии были следующие княжества: Ерсика, Талава, Атзеле и Кокнесе. А княжество Земгале в то же время включало в себя семь земель (Добеле, Жагаре, Спарнене, Тервете, Добе, Силене, Упмале). В Курс входили девять земель: Ваннема, Вентава, Бандава, Приемаре, Цеклис, Мегава, Дзинтаре, Пилсатс и др. Имела три свои территории народность ливы (даугавские, гауйские, приморские). Статистические данные о численности населения в пределах нынешней территории Латвии свидетельствуют, что здесь в XIII веке проживало около 200 тыс. человек.

В Латвии самыми мелкими единицами административно-территориального деления были замковые округа (приходы), села и участки (пагасты). В XI—XIII веках здесь жили народности разного этнического происхождения, говорящие на разных языках: ливы, курши, земгалы, селы, латгалы и эсты. Так, ливы населяли местность вдоль Рижского залива, распространяясь на восточный берег реки Даугавы, курши — в юго-западной части Латвии и на приморской территории теперешней Литвы, земгалы — в теперешних районах Латвии — Добеле, Елгава, Бауски, а на юге они распространились на часть территории современной Литвы, селы — вдоль левого берега Даугавы, латгалы — по правому берегу Даугавы, эсты (extones, eistes) — в основном на территории теперешней Эстонии³.

Большое значение для древних народностей Латвии имела местная и транзитная торговля, на развитие которой благоприятное влияние оказывал

торговый путь по Даугаве с выходом в Балтийское море, а также по реке Гауя и по суше через Южную Эстонию к русским землям и их торговым центрам (Полоцк, Псков).

Таким образом, в конце XII — начале XIII века территория Латвии соприкасалась с землями Литвы, а также Полоцкого и Новгородского княжеств Руси. На расстоянии примерно 150 км от Курземе в Балтийском море был остров скандинавов Готланд — крупный торговый центр. Два государственных образования — Ерсика и Кокнесе — в раннем феодальном обществе были опорными пунктами Полоцкого княжества. Они развивались под влиянием русской государственности, сохраняя свои местные особенности. Курс как государственное образование существовал с элементами рабовладельческого и феодального строя.

В XIII веке агрессия немецких рыцарей на территорию Латвии оборвала процесс развития общественно-политического строя и государственности. Захваченные земли древних латышей были разделены между Ливонским орденом (ответвление Тевтонского ордена) и Рижским архиепископом. Оккупированные территории современной Латвии и Эстонии получили название Ливония⁴ — Земля святой Марии, которая формально подчинялась так называемой Священной Римской империи германской нации.

В Ливонии образовалось шесть феодальных государств германского образца, представляя собой определенную группу церковно-феодальных государств (конфедерацию).

Государство Рижского архиепископа (1201—1563 гг.) занимало 18 400 кв. км. Предполагается, что в городе Риге в начале XIII века проживало около 1 тыс., в 30-х годах указанного века — уже 2 тыс. жителей, а в первой половине XIV века — около 7 тыс. В 1225 году Рига получила права города. Государство Тартуского (Дерптского) епископства (1211—1582 гг.) состояло из двух фортов и имело территорию 17 200 кв. км, а государство Курляндского епископства (1234—1583 гг.) — 4 500 кв. км. Таким образом, государства-епископства занимали территорию более 40 тыс. кв. км.

Государство Ливонского ордена с территорией 67 тыс. кв. км охватывало $\frac{2}{3}$ от Курса, всю Земгале, $\frac{1}{3}$ от Видземе и Латгале, большую часть Эстонии. Здесь находились города-порты: Клайпеда, Лиепая, Вентспилс, Даугавгрива, Пернава, Таллинн (Ревель) и Нарва.

Дания, участвовавшая в завоевании Балтийского края (1219—1227 гг. и 1234—1346 гг.), завладела двумя провинциями в Северной Эстонии — Гарьей и Вирой (Harij—Viru), но в 1346 году они были проданы государству Ливонского ордена.

Маленькие феодальные государства Ливонии имели свои границы. В 1421 году был создан общий сословно-представительный орган всей страны — ландтаг, состоящий из четырех курий и выражающий интересы немецких привилегированных сословий. В это время Ливония занимала территорию в 108 тыс. кв. км.

В 1225 году Риге были представлены права города Висбю (на острове Готланд). Позднее они были дополнены и переделаны. В конце XIII века Рига заимствовала статус города Гамбурга. Одиннадцатая книга переработанных Рижских статусов, заимствованная в большей своей части из Гамбургского, содержала морское право (van scheprechte).

После Ливонской войны (1558—1583 гг.) конфедерация немецких церковно-федеральных государств в Балтии перестала существовать и на правах колониальных владений на левом берегу Даугавы образовалось Курляндское и Земгальское герцогство — вассальное государство польско-литовского короля, а на правом берегу — Ливонская провинция, или Задвинское герцогство, — колония государства Речи Посполитой (*Provincia Livoniae Transdunensis*), в которую вошли часть территории Видземе, Латгале и южная часть Эстонии (северная часть Эстонии принадлежала Швеции). После польско-шведской войны (1600—1629 гг.) Польша имела небольшую часть Эстонии (северная часть Эстонии по-прежнему принадлежала Швеции), а также Латгале, так называемую Польскую инфлантию (*Livonia Polonica*).

Шведское колониальное управление в Балтии (1629—1721 гг.) осуществлялось после Альтмарского перемирия (1629 г.) в Лифляндии (Видземе) с Ригой до реки Айвиексте. С 1561 года шведы правили северной частью Эстонии, а еще с 1645 года — островами Сааремаа и Муху, перешедшими к Швеции от Дании.

В XVIII веке земли Балтии отошли к России и здесь была образована особая административно-территориальная единица Российской империи — Прибалтийский (Остзейский) край, состоящий из двух губерний: Эстонской и Лифляндской. В 1792 году присоединением к Российской империи Курляндского герцогства и Пильтенского округа была образована третья губерния — Курляндская. Польская инфлантия (Латгале) не входила в Прибалтийский (Остзейский) край, она была присоединена к Витебской губернии Российской империи.

РЕШЕНИЕ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ ГРАНИЦ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С ЛИТВОЙ И ЭСТОНИЕЙ

Небольшой остров Роню в Балтийском море принадлежал Курляндскому герцогству. Согласно Оливскому мирному договору (1660 г.), он отошел к Швеции и был составной частью Рижской губернии, которая с 1630 года считалась особой административно-территориальной единицей (Шведская Видземе). После Северной войны (1700—1721 гг.), согласно Ништадтскому мирному договору (фактически уже в 1710 г.), к Российской империи отошла Рижская губерния, которая с середины XVIII века имела название Лифляндской губернии, и таким образом остров Роню принадлежал Российской империи. После образования в 1918 году независимых государств — Литовской, Латвийской и Эстонской республик — вначале сухопутной границей считалась граница бывшей Курляндской губернии Российской империи. Эта граница не совпала с этнографическими границами, поэтому возникли споры между Латвией и Эстонией. Так, в городе Валка (по-эстонски — Валга) — его пересекает река — проживало сравнительно много латышей. Для решения спора о границе был образован третейский суд, руководимый английским полковником Таллентом. Согласно решению данного суда, $\frac{1}{2}$ города Валка и остров Роню остались у Эстонии, а другая половина города передавалась Латвии. Данное решение было ратифицировано в Эстонии в 1920 году⁵.

В августе 1920 года Латвийская Республика договорилась о границе с Россией, а в 1929 году граница была определена практически на месте.

Для урегулирования границ с Литвой в 1921 году были образованы отдельные комиссии двух государств (например, литовскую комиссию возглавлял бывший президент А. Сметона), которые на своих конференциях, при посредничестве шотландского профессора Симпсона, определили границу, близкую к границе Курляндской губернии. От населенного пункта Швентой Палангское взморье и некоторые усадьбы литовцев, находившиеся в бывшей Курляндской губернии, то есть на территории Латвийской Республики, были переданы Литве, а Латвия получила несколько сел из бывшей Ковенской губернии Российской империи (в Земгале). Согласно конвенции между Литвой и Латвией по установлению границы в натуре от 14 мая 1921 г., в результате определения новой государственной границы между соседними государствами к территории Латвийской Республики было присоединено 290 кв. км, а Литвы — 183 кв. км площади. Таким образом, Латвия получила на 107 кв. км больше государственной территории, чем Литва. Общая длина латвийско-литовской сухопутной границы составляла 487 км.

Продолжением сухопутной границы прямая линия в сторону моря представляла формальную морскую границу между государствами. Вышеуказанные договоренности о государственных границах между этими Балтийскими государствами были достигнуты после встречи представителей Литвы и Латвии на третейском суде в 1920 году на Кавказе, решения которого позднее безупречно выполнялись правительствами⁶. 30 июня 1930 г. Декларация Латвии и Литвы окончательно определила сухопутную границу. Из сказанного следует, что решением третейского суда установленная граница между Латвией и Литвой с начала 20-х годов больше никаких серьезных инцидентов и взаимных претензий практически до начала 90-х не вызывала. Не поднимались вопросы и по поводу морских границ и рыболовства.

В 20-е годы XX в. в Балтийском и Северном морях проявился разный подход прибрежных государств к практике установления национальным законодательством пределов своих территориальных вод.

Так, Норвегия и Швеция свой суверенитет в территориальных водах осуществляли в пределах 3 морских миль, так как Великобритания и Германия не хотели признать другого статуса во время первой мировой войны: В то время Дания в отношениях с Германией, Великобританией и Голландией имела ширину территориального моря в 3 морские мили, а со Швецией — 4 морские мили. Германия, Голландия и Великобритания на основе взаимных международных договоров определили 3-мильную ширину территориальных вод.

Литовская Республика в международных отношениях в рассматриваемое время не имела в международно-правовом порядке установленной и признанной официально соседями границы территориальных вод. В связи с тем что на территории Литвы были в силе законодательные акты царской России, в частности Законы призов от 27 марта 1895 г. и 8 июня 1908 г., ширина территориальных вод определялась в 12 морских миль. Однако в них юрисдикция Литвы осуществлялась по-разному: суды Клайпедского края на практике считали ширину территориальных вод в 3 морские мили, а пограничная полиция — 12 морских миль.

СОСТОЯНИЕ МОРСКИХ ГРАНИЦ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1991 ГОДУ

Решение проблем делимитации морских пространств бывшим СССР, составной частью которого была Латвия

Вопросы делимитации морских границ в бывшем Советском Союзе до начала 90-х годов были в компетенции высших органов государственной власти СССР и Латвийской ССР. Однако практически они решались первыми из указанных институций, так как принимались во внимание главным образом интересы союзного государства в целом, а затем только отдельных республик. Особого интереса высшие органы государственной власти СССР (Верховный Совет СССР, его Президиум) в решении этих проблем в Балтийском море, как мне представляется, не имели, потому что рыболовный, транспортный и военный флот главным образом был сконцентрирован на побережье ряда других морей и океанов с более значительным экономическим и военным потенциалом и значимостью, чем на Балтике. Уловы здесь по сравнению с получаемой продукцией в других регионах СССР были небольшими. Об этом свидетельствует тот факт, что, например, вопросы делимитации морских пространств (по установлению рыболовных зон) со Швецией решались десятилетиями. В то время для Латвии данная проблема имела большое экономическое значение, так как здесь находился ряд рыболовных хозяйств, рыбообрабатывающих предприятий, рыболовных портов и других производственных объектов.

Если с вопросами определения внутренних вод и территориального моря — отдельных зон морских пространств в Балтийском море — не было проблем при осуществлении государственного суверенитета, то Латвия как прибрежное государство, имеющее границу с экономической зоной Швеции, продолжительное время не могла полностью использовать свои суверенные права на ресурсы, главным образом на рыбные. В 60-х годах, когда стала конкретно решаться проблема создания экономических зон в районах открытого моря, непосредственно прилежащих к территориальному морю, для защиты экономических интересов прибрежных государств она была актуальна как для СССР в целом, так и для Латвии в частности. Однако Латвия международно-правовое воздействие по вопросам рыболовства практически стала ощущать после принятия в 1973 году Конвенции о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и проливах Бельты, что имело существенное значение в определении экономических (рыболовных) зон в Балтийском море.

Данная конвенция в целях рационального использования и охраны рыбных ресурсов предусматривала распределение между странами-участницами общего улова, или рыболовного усилия, по объектам, видам, районам и срокам промысла.

В 1974 году были приняты Правила рыболовства в Балтийском море, предусматривающие разделение Балтийского моря на 11 секторов, и многие меры по охране живых ресурсов⁷.

Соглашение между правительствами СССР и Королевства Швеция о взаимных отношениях в области рыболовства и Протокол к этому соглаше-

нию от 22 декабря 1977 г. были подписаны в Стокгольме и вступили в силу в СССР 24 января 1980 г.⁸ Общемировая тенденция установления экономических зон, или зон рыболовства, вопросы ведения рыбного промысла на Балтике требовали более подробного международно-правового регулирования. Указанным соглашением были решены вопросы права вести рыбный промысел в районах, подпадающих под юрисдикцию сторон за пределами 12 морских миль, предусмотрены обязанности судов и экипажей при ведении промысла. Срок действия был определен десятью годами. Однако границы районов ведения сторонами рыбного промысла не были установлены.

С Литвой и Эстонией таких проблем не существовало, так как государственное управление рыболовством осуществлялось централизованно Министерством рыбного хозяйства СССР из Москвы. Соседние республики имели исторические традиционные места лова рыбы, единые для Балтийских республик правила рыболовства. Морские границы официально между ними не были определены.

Когда СССР после второй мировой войны заключил ряд соглашений с Финляндской Республикой⁹, ГДР, ПНР по вопросам сотрудничества в области рыбного хозяйства, рыболовства, разграничения экономической зоны, рыболовной зоны и континентального шельфа на Балтике, в частности в Финском заливе и северо-восточной части моря, а примерно с 1978 года начался процесс расширения своих рыболовных зон всеми государствами региона, в Балтийском море практически через несколько лет не стало международных пространств. Исключением была так называемая "серая зона", которая просуществовала много лет из-за того, что не было соответствующего соглашения между СССР и Королевством Швеция о делимитации морских пространств в Балтийском море.

"Серая зона" в Балтийском море представляла собой морские пространства к востоку от острова Готланд, не попавшие в сферу правового регулирования экономических зон двусторонними договорами, на основе которых осуществлялись суверенные права государств на разработку и разведку живых и иных ресурсов. Она составила 10 тыс. кв. км. В этой зоне стали неконтролируемо ловить рыбу рыбаки не только стран Балтийского региона, но и других регионов, причиняя ущерб рыбным ресурсам и экономике прибрежных государств. Ряд рыболовных хозяйств Латвии десятилетиями тратили значительные финансовые ресурсы на искусственное разведение ценных промысловых рыб (например, для восстановления запасов балтийского лосося), однако результатами такой деятельности пользовались часто те, кто совсем не принимал участия в поддержании и увеличении живых ресурсов Балтийского моря.

"Серая зона" была "ликвидирована" только в 1988 году, когда на основании Соглашения о разграничении рыболовной зоны и экономической зоны Швеция и СССР разделили ее между собой: 75% площади спорных морских пространств отошло под юрисдикцию Швеции и 25% — СССР. Явная уступка в пользу Швеции основывалась на принципе справедливости, учитывая тот фактор, что Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) с 1977 года приобрело право лова рыбы в Северном море и тем самым Швеция лишилась этого традиционного региона промысла. Для Швеции

квоты, установленные международными соглашениями с Норвегией и Данией, значительно сократили выловы. Она считала, что имеет право на рыболовную зону, равную 45% всей площади Балтийского моря, а ее квота должна составлять 200 тыс. т, то есть быть равной среднему вылову рыбы за последние годы во всех районах, включая Северное море¹⁰.

После указанного соглашения между СССР и Швецией другие правовые акты не подписывались, поэтому вопросы границ и экономических (рыболовных) зон перешли в "наследство" от бывшего СССР Латвии, объявившей в 1991 году полную независимость. Однако Латвия не является правопреемницей СССР. Таким образом, существующие в наше время морские границы были определены, когда Латвия имела статус союзной республики, свою государственную территорию, частью которой были территориальные воды, и экономическую рыболовную зону, граничащую с экономической зоной Швеции.

В этот период был в силе и ряд внутригосударственных нормативных актов, определяющих экономическую зону, регулирующих рыболовство в ней и др. Министерство рыбного хозяйства СССР приказом № 366 от 5 августа 1980 г. по согласованию с правительствами России, Эстонии, Литвы и Латвии утвердило и ввело в действие с 1 января 1981 г. Правила рыболовства во внутренних водоемах бассейна Балтийского моря и Временные правила по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в прилегающих к побережью СССР районах Балтийского моря для советских промысловых судов, организаций и граждан, а также Временные правила ведения иностранного рыбного промысла в морских районах Балтийского моря, прилегающих к побережью СССР¹¹.

Эти подзаконные ведомственные правовые акты были приняты в соответствии с основополагающим законодательным актом — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1976 г. "О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР"¹², который был утвержден и вступил в силу в условиях, когда многие государства, в том числе и соседние, установили у своих берегов экономические или рыболовные зоны шириной до 200 морских миль.

В 1984 году Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об экономической зоне СССР" были определены принципы установления экономических зон в СССР, предусмотрены многие меры в целях сохранения и национального использования живых и других ресурсов и защиты экономических интересов государства в морских районах, прилегающих к побережью СССР¹³. Им также были отменены вышеуказанные нормативные акты, принятые в 1976—1978 годах и предусматривающие введение временных мер.

В Указе "Об экономической зоне СССР" в соответствии со ст. 55 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года дано понятие экономической зоны и определено, что она не должна превышать 200 морских миль. Ее ширина отсчитывалась от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, и в ней СССР осуществлял свои суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения морской среды, а также разведки, сохранения и воспроизводства рыбных и других живых ресурсов и др.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 28 февраля 1984 г. "Вопросы экономической зоны СССР" охрана экономической зоны была возложена на Комитет государственной безопасности СССР, органы рыбоохраны Министерства рыбного хозяйства СССР¹⁴. В следующем году Правительство СССР приняло Положение о защите и сохранности морской среды в экономической зоне¹⁵.

ИНТЕРЕСЫ ЛАТВИИ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ ПОСЛЕ РАСШИРЕНИЯ СССР СВОЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЫБОЛОВНОЙ ЗОНЫ

В 1976 году Швеция представила меморандум по поводу распределения национальных рыболовных квот в Балтийском море в Комиссию по рыболовству в Балтийском море, созданную в 1973 году в соответствии с положениями Гданьской конвенции о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и проливах Бельты. В позиции Швеции отмечалось: 1) расширение рыболовных зон не противоречит международному и морскому праву; 2) расширение будет способствовать охране живых ресурсов от перелова и защите рыболовных прав государств, так как расширение экономических зон в других морях может вызвать концентрацию рыболовства на Балтике; 3) она имеет право на рыболовную зону, составляющую 45% всей Балтики, и квота (200 тыс. *т*) должна составлять то количество рыбы, которое она вылавливала в Северном море и в других районах.

В 1978 году в Балтийском море Швеция расширила в одностороннем порядке рыболовную зону за 12-мильный предел, заняв тем самым около 40% всего моря (здесь ей приходилось 35% всего улова на Балтике), а соседствующая с ней Финляндия объявила, что ее зона — это 20% общей акватории Балтийского моря¹⁶.

В 1988 году Латвия из общего вылова Литвы, Латвии, Эстонии и двух областей Российской Федерации (Калининградской и Ленинградской) занимала первое место (на ее долю падала почти треть улова). Она наряду со Швецией и Финляндией принимала активное участие в широкомасштабном искусственном разведении и зарыблении моря, в основном балтийским лососем, поэтому ей политика Швеции в области установления рыболовных зон доставляла особое беспокойство.

Кроме того, в "серой зоне", например, в первой половине 1978 года было установлено около 170 не принадлежащих государствам Балтийского региона судов, ведущих промысел. 429 судов вообще не были идентифицированы. Улов этих судов исчислялся, вероятно, сотнями тонн лосося и тысячами — трески и других пород рыб. Таким образом, соглашения СССР и Швеции 1988 года и более ранние в то время в какой-то мере отрегулировали не только вопросы рыболовства, но и границы экономических (рыболовных) зон, а это имело положительное значение и для Латвии. Однако в 90-х годах появились другие факторы, которые вызвали необходимость пересмотра соответствующих границ на море между Латвией и Литвой, Латвией и Эстонией, Латвией и Швецией, определить их соответствующими международно-правовыми актами.

МЕСТОРОЖДЕНИЯ НЕФТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК НОВЫЙ ФАКТОР ПРИ РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ МОРСКОЙ ГРАНИЦЫ С ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Вопрос о нефти и морских границах между Латвией, Литвой и Швецией возник после приобретения независимости Латвией в 1991 году, когда американская фирма "Amoco Overseas Exploration Company" (далее: "Амосо") и шведская фирма ОРАВ купили пакет лицензий для разведки нефти и бурения скважин в экономической зоне Швеции вдоль границ экономической зоны Латвийской Республики, установленной еще во время существования СССР. Проведенные исследования "Амосо" показали, что определенные запасы нефти могут быть и в экономической зоне Латвии. По мнению латвийских специалистов, на сухопутной территории и в морской среде в пределах юрисдикции Латвийской Республики потенциальные геологические запасы нефти могут составлять около 120—150 млн. т, в том числе можно быстро получить около 42 млн. т. Самый большой фонтан нефти на скважине недалеко от города Кулдига давал 3 тыс. л в сутки¹⁷.

В связи с тем что Латвия в 1991 году подписала Протокол о намерениях по разведке нефтяных ресурсов и подготовила проект лицензионного договора с фирмой "Амосо", возник и обострился спор с Литвой о морских границах: литовская сторона не согласна с фактической морской границей с Латвией. Она проходит от крайней точки сухопутной территории на побережье по карте параллельно широте. Литва также желает иметь определенную границу с экономической зоной Швеции. В литовской печати появились сообщения о том, что литовская сторона желает иметь такую границу со Швецией длиной не менее 10 морских миль¹⁸.

В 1994 году министры иностранных дел Литвы и Латвии договорились, что оба государства не будут предпринимать никаких действий до определения сторонами морских границ. В мае 1995 года президенты и премьеры Литвы и Латвии подписали в Майшогале (Литва) меморандум, согласно которому было решено, что по вопросу о границе стороны будут руководствоваться Конвенцией о территориальном море 1958 года, а разделительная черта экономической зоны пройдет по параллели, координаты которой — 55° 55' и 30" на границе экономической зоны Швеции. В меморандуме говорилось о недопустимости вести переговоры с третьими странами по вопросам о континентальном шельфе¹⁹.

Правительство Латвии без учета ранее достигнутых с Литвой договоренностей 31 октября 1995 г. подписало договор о разведке нефти с "Амосо". Согласно договору, "Амосо" проведет разведку возможных месторождений нефти на латвийском шельфе, непосредственно прилегающем к обнаруженному в Швеции месторождению "Далдерс". Площадь исследований не превышает 1% площади всего шельфа Латвии. Если будет обнаружена нефть, предусмотрены дополнительные исследования. Договор должен быть ратифицирован в Сейме Латвии. В договоре имеется норма, устанавливающая, что его введение связано с определением морских границ между Латвией и Литвой. Литовская сторона категорически протестовала против заключенного договора с "Амосо", и в настоящее время трудные перегово-

ры о морских границах между государствами проходят "с нуля" в связи с тем, что он был одобрен Сеймом Латвии.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОРСКИХ ГРАНИЦ С ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Латвийская Республика приняла в 1992 году Закон о государственной границе, и в нем указано, что морская граница будет определена отдельным договором с Эстонией. Подписанный 20 марта 1992 г. в городе Валка договор между Латвией и Эстонией о восстановлении государственной границы также предусматривал, что вопрос о морской границе будет рассмотрен на основе отдельного двустороннего договора. Однако 24 марта 1993 г. Эстония приняла закон о границах морской акватории, которым в одностороннем порядке установила границу в Ирбенском проливе и Рижском заливе с оговоркой, что граница в Рижском заливе может быть изменена во время переговоров с Латвией.

Эстонская сторона считала, что в Рижском заливе граница в 1919—1940 годах не была определена, и она ее установила согласно принципам Женевской конвенции 1958 года о территориальном море и прилежащей зоне и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Данный вопрос является спорным, так как базовые линии, которые соединяют остров Рухну (по-латышски — Роню) с остальной территорией Эстонии, длиннее 24 морских миль. Кроме того, латвийская сторона представляла морские карты, изданные в период с 1919 по 1940 год в Латвии, Эстонии, Финляндии и Германии, на которых граница в Рижском заливе четко отмечена. Однако эти важные доказательства не принимались эстонской стороной во время переговоров во внимание. Суда латвийских рыбаков, осуществляющих лов рыбы в морских районах, которые в соответствии с границами 1940 года находились на территории Латвии, подвергались задержанию. Около острова Рухну (Роню) находятся традиционные места ловли рыбы рыбаками Латвии, поэтому возникший спор причинил ущерб экономическим интересам Латвийской Республики. Латвия в начале 1995 года предложила Эстонии объявить Ирбенский пролив и Рижский залив историческими, которые находились бы в общем пользовании двух стран. Однако данное предложение было отклонено. Переговоры делегаций Латвии и Эстонии по вопросам установления морских границ продолжались с 1991 года, как и инциденты между латышскими рыбаками и патрульными кораблями военно-морских сил Эстонской Республики, осуществляющими функцию охраны морской границы, утвержденной в одностороннем порядке.

7 марта 1995 г. Эстония своей нотой отвергла меморандум Латвии, согласно которому сторонам предлагалось воздерживаться от действий против лова в спорной территории до заключения договора о морской границе. Мотивировалось это предложение тем, что необходимо заключить договор между Латвией и Эстонией о рыболовстве. Латвийская сторона заявила, что если не будет найдено компромиссное решение по данному спору, то Латвия готова обратиться в Международный Суд²⁰.

В 1996 году было достигнуто соглашение между правительствами Латвии и Эстонии о морской границе между двумя государствами и принят

соответствующий закон (Zinotajs. — 1996. — № 19). Принимались во внимание международно-правовые вопросы добычи нефти в экономической зоне, результаты геологических исследований и оценка потенциала нефтяных запасов, определены основные стратегические направления по их исследованию, а также добыче на 1995—1996 годы. Было предусмотрено продолжить оценку потенциала нефтяных запасов государства с учетом региональных связей всего Балтийского нефтяного бассейна, совершенствовать геологическую и геофизическую разведку, определяя общее количество неосвоенных в хозяйственном смысле перспективных запасов недр земли (геотермальная энергия, газ, конкреции и др.). Планируется определить приоритетность их исследований, осуществить лицензирование и конкурсы для исследования нефтяных запасов с учетом геологического, экологического и экономического риска, привлекая к этой деятельности не только зарубежные, но и предпринимательские общества Латвии. Ряд мер будет осуществляться для расширения международного сотрудничества с государственными структурами, фирмами и организациями Дании, Швеции, США и других стран. Предусматривались меры по оценке заключенных международных договоров, связанных с исследованием и добычей нефти.

По стратегическим направлениям деятельности в этой области геологическая служба Латвийской Республики предусмотрела осуществление ряда мероприятий, направленных на то, чтобы в ближайшие годы Министерство охраны среды и регионального развития, а также Министерство экономики разработали правовые акты по вопросам лицензирования добычи полезных ископаемых, подготовки специалистов, ускорения определения морских границ Латвии, геолого-экономическому обоснованию тех районов и объектов, которые подлежат лицензированию, и др.²¹

Таким образом, фактор обнаруженных месторождений нефти в экономических зонах Латвийской Республики и Шведского Королевства сыграл негативную роль, замедлив процесс делимитации морских пространств в Балтийском море между Латвией и Литвой, а также Латвией и Швецией.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ ЛАТВИЙСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Декларация Верховного Совета Латвийской ССР о восстановлении независимости Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. определила действие Сатверсме (Конституции) от 15 февраля 1922 г., в которой содержалось положение о том, что, согласно международным договорам, составными частями государственной территории Латвии являются Видземе, Латгале, Курземе и Земгале (ст. 3 Сатверсме²²). 20 декабря 1990 г. Верховный Совет Латвии принял закон “О государственной границе Латвийской Республики”, затем 1 октября 1991 г. — его дополнения и изменения. В силе были Правила Кабинета министров № 29 от 11 января 1994 г. “О государственной границе Латвийской Республики”, имеющие силу закона (приняты в порядке ст. 81 Сатверсме). В конце 1994 года был принят новый закон о государственной границе Латвийской Республики.

Вышеуказанные правила предусмотрели, что государственную границу Латвийской Республики определяют двусторонние соглашения и ратифицированные межгосударственные договоры, заключенные до 16 июня 1940 г., а также и позднее с соседними государствами. Ее к тому же определяют и двусторонние соглашения о восстановлении или установлении границ. Места, где государственная граница не соответствует заключенным до 16 июня 1940 г. межгосударственным договорам, признаются временной демаркационной линией, на которую распространяются нормы указанных правил до заключения нового договора.

Закон предусматривает, что государственная граница в Балтийском море устанавливается внешней границей территориальных вод, а в Ирбенском проливе и Рижском заливе — на основе двусторонних соглашений с Эстонской Республикой. Закон также предусматривает, что Ирбенский пролив и Рижский залив являются внутренними водами Латвийской и Эстонской республик, а конфигурация государственной границы в Рижском заливе определяется на основе межгосударственного договора между этими двумя странами.

Территориальные воды установлены на расстоянии 12 морских миль от максимального набега береговой линии (за исключением Ирбенского пролива и Рижского залива), а внутренние воды представляют собой воды портов Латвии, разграниченные прямой линией, которая соединяет расположенные на противоположных сторонах пункты находящихся там гидротехнических или каких-либо других объектов, которые созданы на наиболее отдаленном в сторону моря расстоянии. В Ирбенском проливе и Рижском заливе это воды, которые разграничиваются линией, соединяющей южную сторону Лoadского рога и середину Овишского рога.

Закон “О континентальном шельфе и экономической зоне Латвийской Республики” от 2 февраля 1992 г.²³ опирается на международно-правовые акты, в частности Конвенцию о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и проливах Бельты и Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, хотя к последней Латвия присоединилась еще в 1991 году, но через некоторое время исключила ее из списка конвенций, к которым она присоединилась.

В ст. 3 сказано, что границы континентального шельфа и экономической зоны Латвийской Республики с Эстонской Республикой, Литовской Республикой и Королевством Швеция отвечают межгосударственным договорам, которые заключены с указанными странами. Как известно, ни с одной из указанных стран договор еще не заключен, а со Швецией даже переговоры об этом не ведутся.

Договор о восстановлении государственной границы между Латвийской Республикой и Литовской Республикой, заключенный в Биржай (Литва) 29 июня 1993 г., с приложением — Инструкцией о смешанной комиссии по восстановлению на местности государственной границы (принят в Сейме Латвии 25 мая 1995 г. и обнародован президентом 1 июня 1995 г.) предусматривает, что часть государственной границы, которая представляет морскую границу, определяет отдельный договор²⁴.

Правила Кабинета министров № 99 от 3 мая 1994 г. “О промышленном рыболовстве в территориальных морских водах, экономической зоне и

Рижском заливе" исходят из интересов рыбных ресурсов и определяют понятие "морские воды", под которыми в море понимаются территориальные воды и воды экономической зоны, а прибрежными считаются части территориальных вод и Рижского залива, находящиеся на расстоянии не более 2 морских миль от берега и глубина которых не превышает 20 м²⁵. В 1995 году был принят закон о рыболовстве²⁶.

Вышеуказанные и некоторые другие правовые акты представляют юридическую базу для делимитации морских пространств, однако необходимы дополнения ее нормами двусторонних международных договоров, определяющих конкретно морскую территорию каждого из государств.

Делимитация морских пространств актуальна не только для Латвии. Делимитация морских пространств в Балтийском море представляет сегодня актуальную международную проблему. Отсутствие подробных договоренностей об экономических (рыболовных) зонах со стороны Балтийских государств, затянувшиеся на годы переговоры Латвийской Республики с Литвой и Эстонией о морских границах являлись и являются негативными факторами в общем процессе международного сотрудничества в данном регионе Европы. Происходящие переговоры между Латвией и Литвой по проблеме установления морской границы на основе двустороннего договора напоминают торги, а не дипломатические усилия двух государств, направленные на достижение этой цели.

Нам представляется, что делимитация морских пространств с Литвой должна осуществляться с учетом многовековых добрососедских отношений и принятия во внимание ее стремления участвовать в разведке и добыче нефти, которая находится в экономических зонах Литвы и Латвии, а также на спорной территории, граничащей с Российской Федерацией (Калининградская обл.). Нельзя не учитывать и того, что в Литве находится Мажейкяйский нефтеперерабатывающий комбинат, услуги которого могут понадобиться в будущем при эксплуатации месторождений нефти. В ходе переговоров следовало бы выяснить и другие аспекты стремления Литвы иметь морскую границу со Швецией.

Латвийская Республика, как нам представляется, должна начать переговоры и со Швецией об установлении экономической зоны, так как в настоящее время ситуация уже не та, какой она была при установлении в 1988 году границ экономических зон между СССР и Швецией. Ведь тогда при их установлении принимались во внимание в основном только факторы рыболовства и охраны живых ресурсов Балтийского моря. Нефть-то находится в экономических зонах и Швеции, и Литвы, и Латвии.

Ждет детального и объективного обсуждения договор, подписанный Латвией с "Амосо" и утвержденный Сеймом. Профессор Латвийского университета Ю. Боярс в своей статье "Не допустим расхищения национальных богатств" в середине 1995 года очень резко и во многом обоснованно критиковал договор, подчеркивая, что он представляет неограниченное монопольное право "Амосо" для осуществления нефтяных работ на континентальном шельфе Латвии, у нее не будет возможности регулировать количество добычи нефти и газа, не определен механизм контроля и др.²⁷

Спорные вопросы делимитации морских пространств с Эстонской Республикой в недавнем прошлом решались на фоне разных конфликтов и

“демонстрации силы”. Чтобы в будущем избежать таких действий, необходимо более глубокое исследование вопросов установления экономических зон около островов в маленьком Балтийском море, принимая во внимание назревшую необходимость регионального регулирования этих проблем международно-правовыми мерами, то есть специальной конвенцией государств района Балтийского моря о делимитации его морских пространств. В ней могли бы быть отражены положения о континентальном шельфе и рыболовных зонах около островов Готланд, Рухну (Роню), Сааремаа и др. с учетом того, что они находятся в Балтийском море на сплошном континентальном шельфе и граница может быть установлена, не принимая во внимание “права островного шельфа”, как, например, это сделано в Бискайском заливе, где между Францией и Испанией существуют две различные границы — рыболовной зоны и зоны континентального шельфа²⁸. Определенные вопросы делимитации морских пространств и коррекции морских границ экономических зон полностью не отрегулированы между Польшей и Германией, продолжительное время они решались между Россией и Литвой. Они актуальны и для других государств региона Балтийского моря.

¹ *Truska, V. Kancevičius. Lietuva Stalino ir Hitlerio sanderio verpetuose.* — Vilnius: Mintis, 1990; СССР — Германия. 1939—1941. — Вильнюс: Мокслас, 1989.

² Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики. — 1990. — № 20.

³ См. об этом подробно: *Калнынь В.* Очерки истории государства и права Латвии в XI—XIX веках. — Рига: Звайгзне, 1980.

⁴ *Livones* — ливы.

⁵ *Latvijas kareivis.* — 1920. — 2 apr.

⁶ *Lietuvos istorija/Red. A. Šapoka.* — Kaunas, 1936. — P. 577—578.

⁷ См. более подробно: *Шаркаускене А.* Международно-правовая охрана среды Балтийского моря. — Вильнюс, 1995. — С. 84—105.

⁸ Сборник двусторонних соглашений СССР по вопросам рыбного хозяйства, рыболовства и рыбохозяйственных исследований. — М., 1987. — С. 278—282.

⁹ С Финляндией Советская Россия еще в 1920 году мирным договором установила в Финском заливе 4-мильную зону, а на побережье Мурмана — 12-мильную исключительную рыболовную зону.

¹⁰ *Шагина А.* Рыболовство в Балтийском море и проблемы его регулирования на современном этапе//Обзорная информация “Мировое рыболовство. Экономические и международно-правовые вопросы”. — Вып. 7. — М., 1978.

¹¹ Правила рыболовства в Балтийском море. — Таллинн, 1981.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 50.

¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1984. — № 9.

¹⁴ СП СССР. — 1984. — № 13.

¹⁵ СП СССР. — 1985. — № 22.

¹⁶ *Римша Е.* Современное состояние и перспективы эксплуатации рыбных ресурсов Балтийского моря//Балтийское море вчера, сегодня, завтра. — Рига: латвийский фонд “BALTICA”, 1991. — С. 48—49.

¹⁷ *Zvejnieks O. Stāvoklis Latvijas naftas resursu potenciāla izpētē un apguvē/Dienas bizness.* — 1994. — 13 janv.

¹⁸ *Jūras siena: pasiektas principinis susitarimas/Lietuvos jūreivis.* — 1994. — Nr. 48.

¹⁹ Сегодня. — 1995. — 25 окт.

²⁰ *Daudze A.* Latvijas-Igaunijas jūras robežs/Jūras vestis. — 1995. — 30 marta. — Nr. 12.

²¹ См. более подробно об этом в ранее указанной статье О. Звейниекса.

²² Ведомости. — 1990. — № 20.

²³ Zinotājs. — 1994. — Nr. 23.

²⁴ Zinotājs. — 1995. — Nr. 12.

²⁵ Zinotājs. — 1994. — Nr. 11.

²⁶ Zinotājs. — 1995. — Nr. 11.

²⁷ *Bojars J. Nepielausim Latvijas nacionalas bagatibas izlaupišanu/Neatkariga Cina.* — 1995. — 1 junijs.

²⁸ См. *Федоров П.* Морские границы. Для чего они нужны?//Диена. — 1994. — 11 июля.

г. Рига

Статья поступила в редакцию 10 октября 1997 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИЙ И НАРОДОВ В ЭФИОПИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ЭРИТРЕЯ

Лемма Хома Коче*

Теоретическая разработка принципа самоопределения наций и народов привлекала внимание многих ученых России и зарубежных стран.

Идея принципа самоопределения наций и народов возникла еще в XVII—XVIII веках. Тогда формулировка этого принципа была понятна: “одна нация — одно государство”. Принцип национальности нашел свое отражение в ряде документов в период Великой французской революции. Аббат Грегуар предложил конвенту проект декларации международного права, в котором говорилось: “Народы по отношению друг к другу независимы и суверенны, каково бы ни было количество составляющих их лиц и размер занимаемой ими территории”¹. Данный принцип может иметь разные интерпретации в зависимости от стадии общественного развития или мировой политики. То, что является актуальным на одном историческом этапе, не остается неизменным. Изменения общественных условий могут трансформировать взгляды на соответствующие явления, и это потребует изменений ранее принятых определений. Например, отождествление нации и государства нередко встречается в трудах ученых как старшего поколения, так и нынешнего. В монографической работе швейцарца Эмера де Вателя, юриста — специалиста в области международного права XVIII века, читаем: “Всякая нация, которая самоуправляет собою, в какой бы это форме ни осуществлялось, без какой-либо иностранной зависимости представляет собой суверенное государство”².

* Аспирант из Эфиопии. Кафедра государственного и международного права Казанского государственного университета.

Многие специалисты солидарны в том, что нация характеризуется общностью территории, языка, экономических связей, психического склада, культуры и самосознания³. Однако в мировой практике образования государств нередко наблюдается, когда государство состоит из нескольких народностей или национальных групп. Это не означает, что каждая нация должна образовать государственность на основе принципа национальности.

В конце XVIII века с развитием общества принцип национальности "одна нация — одно государство" потерял свою актуальность. Принцип национальности, сформулированный в эпоху восходящего развития капитализма, оказался непригодным... Принцип национальности разъединил пролетариев различных наций. Для решения национально-колониального вопроса необходима была иная основа. Такой основой в новых исторических условиях явился принцип самоопределения наций и народов. На конференции в Сан-Франциско в 1945 году делегация Советского Союза предлагала включить в Устав ООН принцип самоопределения народов и наций. Таким образом, принцип самоопределения наций и народов заменил принцип национальности⁴.

Благодаря принципу самоопределения наций и народов огромное количество стран мира получили свою независимость. Теории, разработанные учеными мира, обогащаются и подкрепляются мировой практикой. К такой практике можно отнести независимость Эритреи, которая получила мировое признание в начале 1990-х годов. Поэтому необходимо рассмотреть процесс реализации данного принципа в Эфиопии и образование государства Эритрея.

Исторические факторы, возникновение вооруженной борьбы, изменение политической обстановки, демократические процедуры, волеизъявление народа и образование государства Эритрея, а также роль международных организаций и некоторые другие являются аспектами, заслуживающими внимания, и освещены в настоящей работе.

Вооруженная борьба между Эфиопией и Эритреей явилась самой длительной борьбой за независимость в Африке и одной из мировых кампаний за самоопределение, в которые была вовлечена Организация Объединенных Наций⁵. Как внутри страны, так и за рубежом многие считали борьбу за независимость Эритреи неправомерной. Такую позицию можно объяснить несколькими причинами: 1) незнанием исторического факта; 2) искажением толкования принципа самоопределения нации и народов; 3) игнорированием требований народов.

Для объективного решения национального вопроса Эритреи играет огромную роль знание исторических фактов. Необходимо знать корни конфликтов и первопричину постановки вопроса.

На закате феодальной раздробленности шла борьба между правителями разных народов. Позднее целями объединения явились: 1) сосредоточение власти в руках одного императора и подчинение ему остальных правителей разных народов; 2) совместная борьба и защита территории современной Эфиопии от иностранных держав. Борьба за сосредоточение власти в руках императора шла во второй половине XIX века, и фактически политика сосредоточения власти в одних руках продолжалась до конца царствования императора Хайле Селассие I. А. Бартницкий и Мантиль Нечко справедли-

во дали следующую характеристику данному событию: “Объединение Эфиопии шло военным путем. Теорос II оружием заставлял отдельных феодалов подчиниться императорской власти. Подчинив страну силой оружия и задушив наиболее острые проявления сепаратизма, император пытался с помощью репрессий сохранить политическое единство государства”⁶.

Международная обстановка второй половины XIX века требовала консолидации раздробленной Эфиопии. Необходимо было объединиться и совместно бороться против общих врагов — европейских колонизаторов, в том числе и против Италии. Победа под Адуа над Италией убедила народы Эфиопии в необходимости консолидации и укрепила единство Эфиопии.

Однако после победы под Адуа и уменьшения протяженности границы, идущей по рекам Мэреба, Долеса и Нуны, будущим поколениям остались отчужденные территории Эфиопии, которые надо было возвращать путем военных конфликтов. Сначала на основе Уччилийского договора между Мениликом и Италией 1889 года, затем после победы под Адуа мирным договором 1896 года была установлена граница от побережья моря. Современная Эритрея оставалась колонией Италии до 1941 года⁷. После освобождения Эритреи от итальянской колонизации в 1941 году великие державы (Франция, Советский Союз, Соединенное Королевство и США) решили, что Эритрея должна стать протекторатом Великобритании. К этому времени появилось пять политических организаций, четыре из которых поддерживали независимость Эритреи. К концу 1940-х годов вопрос о статусе Эритреи обсуждался на международном уровне в Нью-Йорке, и в декабре 1950 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 390/A/V об объединении Эритреи с Эфиопией на основе федерализма⁸.

Данная резолюция получила практическое воплощение в жизнь в 1952 году, когда впервые в истории Эритреи были проведены демократические выборы и когда создалась федерация Эритреи и Эфиопии. После ратификации федерального акта императором Хайле Селассие правление Великобритании подошло к концу⁹. В середине 1950-х годов возникла тревожная обстановка: обмен официальных языков (тыгрынья* и арабского) и объявление амхарского языка государственным, запрет отдельных флагов и, наконец, в 1962 году прекращение указом императора № 27 федерации Эритреи с Эфиопией. Статус автономии Эритреи изменился на провинциальный¹⁰. Такие меры императора Хайле Селассие вызвали недовольство народа. В связи с этим к началу 60-х годов начал организовываться Фронт освобождения Эритреи (ФОЭ). Несмотря на существование некоторых различий между группами населения в религиозном отношении или по национальному происхождению, у него была одна цель. Таким образом, Фронт освобождения Эритреи и Народный фронт освобождения Эритреи (НФОЭ) продолжали вооруженную борьбу против двух режимов: до сентября 1974 года против монархии во главе с императором Хайле Селассие, а затем до 1991 года против военно-административного режима. Если для руководства Эфиопии важнейшим явилось сохранение территориальной целостности государства, то для освободительных движений — получение независимости.

* Тыгрынья — один из популярных языков Эритреи, на котором говорит большинство населения.

Вооруженная борьба за независимость Эритреи стала наиболее острой при Менгисту Хайле Мариаме. Национальный вопрос в Эритрее приобрел острый характер и вызвал разногласия между наиболее известными общественно-политическими группировками, в том числе между Эфиопской народно-революционной партией (ЭНРП) и Всеэфиопским социалистическим движением (ВЭСО), или МЭЙСОН (на амхарском языке)¹¹.

Эфиопская народно-революционная партия поддерживала борьбу за независимость Эритреи. "Немедленное создание народного правительства!", "Демократия без ограничений!", "Самоопределение народов!" и другие лозунги использовала ЭНРП, но сторонники правительства заявили: "Мы против отделения... В Эфиопии нет условий и оснований для отделения национальностей! Мы — за реализацию региональной автономии!"¹²

Основой раскола являлось искажение в толковании или интерпретации принципа самоопределения. Одни начисто отрицали положительную роль данного принципа, а другие не имели общих взглядов по вопросу о том, на кого он должен распространяться. В некоторых исследованиях упоминается о том, что западные юристы, такие как М. Померанс, Дж. М. Уйсдом, М. Сибер, отрицали его правовой характер и лишали его юридической силы. А другие юристы, такие как М. Делупи и И.Л. Грин, отождествляли самоопределение с сепаратизмом¹³.

По мнению Л.И. Воловой, самоопределение и сепаратизм разграничиваются по семи критериям. Согласно ее определению, сепаратизм — это выдвижение какой-либо национальной или этнической группой требований об отделении, это деятельность, направленная на создание одной из наций или этнических групп самостоятельной государственности на национальной почве или этнической основе путем выхода из состава государства без учета каких-либо правовых оснований¹⁴. Таким образом, автор относила вооруженную борьбу за независимость Эритреи к сепаратизму¹⁵. Нельзя не согласиться с данным определением. Но трудно признать, что это было характерно для Эритреи. Во-первых, на данной территории живут более восьми этнических групп, имеющих разные языки, вероисповедание, даже культуры¹⁶. Во-вторых, с 1890 по 1941 год Эритрея была оторвана от Эфиопии. В-третьих, после объединения с Эфиопией на началах федерализма император изменил статус автономии вопреки воле ее народа и лишил преимуществ, вытекающих из этого статуса. Нельзя игнорировать эти факторы и не считать их правовыми основаниями.

Однако, с одной стороны, как на ранней стадии возникновения вопроса самоопределения Эритреи, так и на стадии его разрешения Эфиопия не признала Эритрею как субъект самоопределения, а с другой — Народный фронт освобождения Эритреи не хотел отступить от намеченной цели. Обе стороны отстаивали свою точку зрения и не могли прийти к компромиссу. Г.Б. Старушенко, анализируя подобную ситуацию, подчеркивал, что "в современном мире без согласия государства нет конструктивного самоопределения"¹⁷.

Акцент делается на решающую роль государственной власти. Не отрицая роли государства, нельзя игнорировать роль народа, поскольку государство должно действовать от имени народа и защищать его интересы. Таким образом, можно прийти к выводу, что только согласие обеих сторон ведет к конструктивному самоопределению.

Принцип самоопределения и принцип сохранения территориальной целостности государства взаимосвязаны. Поэтому согласование этих двух принципов ведет к объективному решению вопроса самоопределения. Существует мнение, что во время холодной войны мировое сообщество не поддерживало отделения Эритреи по следующим причинам:

- 1) необходимость выхода к морю Эфиопии для существования этого государства;
- 2) политическая и экономическая несостоятельность самой Эритреи;
- 3) независимость Эритреи могла вызвать дезинтеграцию (распад) других африканских государств¹⁸.

Поэтому необходимо было рекомендовать иную форму реализации принципа самоопределения — предоставление особого статуса автономии и провозглашение некоторых аспектов ее реализации в конституции страны. В этом направлении были сделаны некоторые шаги. Например, Конституция 1987 года гарантировала некоторые права. “Народно-Демократическая Эфиопия является унитарным государством, в котором все национальности живут на равных правах” (п. 1 ст. 2); “Народно-Демократическая Эфиопия гарантирует реализацию региональной автономии” (п. 4 ст. 2); “Народно-Демократическая Эфиопия гарантирует равенство, развитие и уважение языков всех национальностей” (п. 5 ст. 2) и др.¹⁹

В соответствии с Конституцией 1987 года Эритрея была одной из территорий, имеющих особый статус в рамках унитарного государства. По сравнению с политическим статусом Эритреи в начале 1960-х годов, на наш взгляд, Конституция 1987 года — это шаг вперед. Однако это не удовлетворило требования Народного фронта освобождения Эритреи. Попытки мирных переговоров в 1989 году в Атланте, в 1990 году в Найроби и в 1991 году в США были неудачными. Народный фронт освобождения Эритреи решительно требовал самоопределения, вплоть до отделения.

Принцип самоопределения сложен как в теории, так и на практике. Пока не нашлось универсального рецепта, которым руководствовались бы все народы, находящиеся на разных экономических и социально-экономических этапах развития. Если не обеспечивается соблюдение национальных и социальных прав народов на границах существующих государств и если государство допускает приобретение прав одним народом за счет ущемления или игнорирования прав и интересов других, рано или поздно потребуются реализация данного принципа любым способом.

В.И. Ленин подчеркивал, что “надо решительно требовать права нации на самоопределение там, где имеются насильственные связи между нациями... не следует бояться отделения, так как оно в любом случае лучше, чем насильственное объединение вопреки воле народа”²⁰.

В ходе реализации принципа самоопределения наций и народов приоритетным является волеизъявление не всего населения государства, а коренного населения, проживающего на данной конкретной территории. В случае игнорирования мирного способа волеизъявления народа не исключается и иной способ реализации данного принципа, то есть вооруженная борьба. С.В. Черниченко отмечает: “Самый сложный вопрос — это выявление воли народа или нации. Эта воля народа может выявляться как мирным путем, так и в процессе вооруженной борьбы”²¹. Эритрея пошла по второму пути.

Вооруженная борьба Народного фронта освобождения Эритреи, Фронта освобождения Эритреи, Фронта освобождения Афара (ФОА), Демократической организации народа орома (ДОНО), Демократического движения народов Эфиопии (ДДНЭ) и других усилилась. В июне 1989 года организовался Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН), привлечший к себе несколько движений на основе коалиции. В результате жесточайшего экономического кризиса и повсеместной потери доверия народа, после серии вооруженных поражений в стране рухнул режим Менгисту Хайле Мариам.

Фактически Народный фронт освобождения Эритреи полностью контролировал столицу Эритреи два дня, после того как лидер Эфиопии Менгисту Хайле Мариам покинул страну. 27 мая было сформировано временное правительство Эритреи, и через день Революционно-демократический фронт эфиопских народов взял Аддис-Абебу под свой контроль²². Таким способом в Эритрее реализовался принцип самоопределения наций и народов. Для легализации достигнутой вооруженным путем цели необходимо было провести некоторые демократические процедуры, получить мировое признание. Для этого временному правительству Эфиопии и Эритреи нужно было решить три важнейшие задачи:

1. В соответствии с последним соглашением мирных переговоров в США получить возможность участия в лондонских переговорах в конце мая 1991 года.

2. Создать условия для многих политических организаций, которые подробно решают вопрос независимости Эритреи, обсуждают и принимают хартию временного правительства Эфиопии.

3. Организовать референдум в Эритрее.

Решение этих задач началось. 27 мая во время лондонских переговоров представители НФОЭ под покровительством США встретились с представителями временного правительства Эфиопии и пришли к соглашению о том, что временное правительство Эритреи должно организовать референдум в течение двух лет по вопросу независимости²³. Из коалиционного временного правительства Эфиопии большинство фракции Фронта освобождения Тыграя (ФОТ) поддерживало независимость Эритреи²⁴. С 1 по 5 июля 1991 г. в Аддис-Абебе состоялась Мирная и демократическая конференция, в которой приняли участие многие политические организации и присутствовали некоторые межправительственные и международные организации, включая ООН, выступавшие в качестве наблюдателей. В этой конференции участвовали представители 22 национальностей, присутствовали наблюдатели ООН, ОАЭ, США, бывшего СССР, Великобритании, Германии, Швеции, Судана, Нигерии, Кении, Италии, Франции, Джибути, Канады, Китая, ветераны мирной комиссии *ad hoc* и журналисты²⁵.

На конференции также обсуждался вопрос отношений Эритреи с Эфиопией, была принята новая хартия и были достигнуты некоторые положительные результаты. В соответствии с достигнутыми соглашениями и обращениями лидеров временного правительства ООН решила создать наблюдательную комиссию (UNOMVER*), состоявшую из 21 человека, для

*United Nations Observation Mission Verlifying the Eritrean Referendum.

проверки справедливости, демократичности и правомочности референдума в Эритрее. Кроме того, дополнительные наблюдатели были направлены в разные пункты голосования за пределами Эритреи²⁶. 7 апреля 1993 г. временное правительство Эфиопии сдало прокламацию № 22/1992 о референдуме в Эритрее. В избирательных бюллетенях был предложен следующий вопрос: “Желаете ли Вы независимости или суверенитета?”²⁷ Такой подход реализации принципа самоопределения поддерживается многими учеными. В современном международном праве при решении территориальных проблем и политического статуса государства плебисцит (референдум) стал общепринятой формой демократического волеизъявления народа. Специалисты по данному вопросу неоднократно подтверждают юридическое значение плебисцита.

При выходе из состава какого-либо государства или полного отделения и создании самостоятельного государства плебисцит должен организовываться на самоопределяющейся территории. Индийский профессор П.К. Мэнон подчеркивал роль народа и писал: “В современной практике государства с признанием права народа на самоопределение возникает вопрос возможности отделения, которое должно получить одобрение населения, проживающего на данной территории. Отделение без согласия народа может быть запрещено конституцией государств и, следовательно, быть недействительным, согласно ст. 46 Венской конвенции 1969 года о праве международного права”²⁸. Ю.Г. Барсегов пишет: “Юридическое значение плебисцита заключается в свободном выражении воли самоопределяющегося народа, в свободном определении судьбы населения и ее территории... всякая попытка насилием или несправедливостью влиять извне на результаты волеизъявления народа безусловно должна быть исключена”²⁹.

Следующие данные свидетельствуют о воле народа Эритреи. В марте было зарегистрировано более 1,1 млн. эритрейцев, проживающих как в Эритрее, так и за ее пределами: в Эритрее — 868 074, в Судане — 154 136, в Эфиопии — 66 022, в Саудовской Аравии — 43 765 и 76 000 в других странах³⁰. Голосование было осуществлено по следующим критериям: лица, родившиеся от отца или матери эритрейского происхождения, проживающие в Эритрее или за рубежом; лица, покинувшие страну вследствие войны и получившие гражданство другого государства; натурализованные лица до или после федерального периода; лица, адаптированные или по семейным связям имеющие право на участие в референдуме³¹. Референдум состоялся 23—25 апреля 1993 г. 1 098 015 человек голосовали за независимость, 1825 — против, 323 бюллетеня были признаны недействительными, то есть 99,8 % проголосовали за независимость. 24 мая было объявлено Днем независимости Эритреи. 26 мая 1993 г. Совет Безопасности резолюцией 828/1993 рекомендовал принять Эритрею в члены ООН. 28 мая в соответствии с рекомендацией Совета Безопасности Генеральная Ассамблея приняла Эритрею в ООН как независимое государство. Она стала 182-м членом ООН³².

Вооруженная борьба за независимость в Эритрее повлияла на общую политическую картину в Эфиопии. К началу 1990-х годов сформировалось чувство национального самосознания. Такая обстановка в стране привлекла внимание некоторых специалистов, таких как Р.Н. Исмагилова. После сво-

их исследований, проведенных ею непосредственно в Эфиопии в 1992 году, Р.Н. Исмагилова дала такую характеристику ситуации: "Интеграционные этнокультурные процессы были значительно более интенсивными 10—15 лет тому назад. Ныне в связи с оживлением идей этнического самосознания и национализма почти всюду наблюдается рост интереса народов к собственным культурным ценностям и замедление интеграционных процессов, более того, в ряде случаев имеет место усиление процессов дезинтеграции"³³. При подготовке проекта новой Конституции большое внимание уделялось форме государственного устройства. Для многонациональной Эфиопии наиболее подходящей формой стала форма федерализма. Такая форма на началах федерализма предпочтительна для реализации принципа самоопределения наций и народов.

В действующей Конституции, вступившей в силу 21 августа 1995 г., провозглашено, что Эфиопия имеет федеративное устройство и демократическое управление, соответственно государство называется Федеративной Демократической Республикой Эфиопией (ст. 1). В соответствии с этим и ст. 39.2 и 39.3 территория Эфиопии делится на девять регионов (штатов) по национальному признаку. В ст. 39.1 говорится, что нация, народность и народ имеют право на самоопределение, включая отделение, без каких-либо ограничений. Право нации, народности или народа на самоопределение, включая отделение, реализуется соблюдением определенных демократических процедур. В п. 4 ст. 39 действующей Конституции Федеративной Демократической Республики Эфиопии установлено, что право нации, национальности и народов на самоопределение реализуется:

а) когда требование отделения поддерживается $\frac{2}{3}$ законодательных органов данной нации, национальности или данного народа;

б) когда федеральное правительство в течение трех лет после решения Совета требующей нации, национальности или требующего народа организует референдум;

в) когда требование отделения поддерживается большинством голосов на референдуме;

г) когда федеральное государство передает власть данной нации, народности или данному народу;

д) когда в установленном законом порядке осуществляется разделение имущества.

В настоящей работе были исследованы два пути реализации принципа самоопределения нации: путь вооруженной борьбы до отделения (на примере Эритреи) и мирный путь. Почти все население страны стало жертвой этой вооруженной борьбы.

Социальный, политический и экономический кризисы продолжают в течение 30 лет. Мы не исключаем роли мировой политики в разрешении данного конфликта. Прекращение конфронтации всех блоков и приближение к созданию всеобщей системы безопасности способствовало и прекращению огня в Эритрее.

Нельзя не оценить следующие слова Германа, политического деятеля США: "... мы подчеркивали, что для решения проблемы Эфиопии нет военного способа, а только мирные и политические переговоры доведут до стабильного мира. Этого подхода также придерживался Советский Союз"³⁴. Как для Эфиопии, так и для других многонациональных государств непри-

годным путем является вооруженный путь. Провозглашенные права в ст. 1, 5, 8, 16, 39 Конституции Эфиопии 1995 года, непосредственно связанные с принципом самоопределения, являются теми мерами, которые противостоят дезинтеграции и разжиганию национальной розни.

-
- ¹ Французская буржуазная революция 1778—1794. — М.: АН СССР, 1941. — С. 53.
- ² *Эмер де Ватель*. Право народов. — М.: Юридическая литература, 1960. — С. 40.
- ³ *Аверьянов Ю.И. и др.* Политический энциклопедический словарь. — М.: "Publishers", 1993.
- ⁴ *Старушенко Г.Б.* Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского Союза. — М., 1960. — С. 31—32.
- ⁵ The United Nations and Independence of Eritrea // The United Nations Blue Book Series. — 1996. — Vol. XII. — P. 14.
- ⁶ *Бартницкий А. и Нечко Мантель*. История Эфиопии. — М., 1976. — С. 267 (пер. с польск.).
- ⁷ Там же. — С. 326—353; *Громыко Ан. А.* Африка. Энциклопедический справочник. — Т. 2. — М., 1987. — С. 578.
- ⁸ *David Pool*. Eritrean nationalism // Nationalism and Self Determination in the Horn of Africa. Ithaca Press. — L., 1983. — P. 175—181; The Birth of Nation Asmara. — 1993. — P. 11—13.
- ⁹ The United Nations and Independence of Eritrea. — P. 12; *Trevaskis G. K. N.* Eritrea in transition 1941—1952. — Oxford University Press, 1960. — P. 127.
- ¹⁰ The United Nations and Independence of Eritrea. — P. 13.
- ¹¹ *Шараев В.И.* Политические организации Эфиопии. — М., 1993. — С. 33—36; Federal Ephiopia at cross-roads by the International Transparency Commission on Africa. — London — Stockholm — New York — Addis Abeba, 1995. — P. 194—200.
- ¹² *Patrick Gilkes*. Centralism and the Ethiopian PMAG // I. M. Lewis. Nationalism and Self determination in the Horn of Africa. Ithaca press. — L., 1983. — P. 200.
- ¹³ *Волкова Л.И.* Нерушимость границ — новый принцип международного права. — Ростов, 1987. — С. 48—51.
- ¹⁴ Там же. — С. 54.
- ¹⁵ Там же. — С. 61.
- ¹⁶ *Patrick Gilkes*. Op. cit. — P. 203.
- ¹⁷ *Старушенко Г.Б.* Не только тушить, но и предупреждать конфликты // Московский журнал международного права. — 1997. — № 1. — С. 41.
- ¹⁸ The Birth of Nation Asmara. — P. 22.
- ¹⁹ The Constitution of the Peoples Democratic Republic of Ethiopia. — Addis-Abeba, 1987.
- ²⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 64—77.
- ²¹ *Черниченко С.В.* Принцип самоопределения народов // Московский журнал международного права. — 1996. — № 4. — С. 5.
- ²² The United Nations and Independence of Eritrea. — P. 16; The Horn of Africa Bulletin. — 1991. — № 5. — P. 3.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Ibid. — P. 17.
- ²⁵ Ibid. — P. 18.
- ²⁶ The United Nations and Independence of Eritrea. — P. 14.
- ²⁷ Ibid. — P. 4.
- ²⁸ *Menon P. K.* State Territory // Revue de droit International de science diplomatiques et politiques (Geneva Suisse). — 1994. — № 1. — P. 19—29.
- ²⁹ *Барсегов Ю.Г.* Территория в международном праве. — М.: Госюриздат, 1958. — С. 123.
- ³⁰ The United Nations and Independence of Eritrea. — P. 25.

³¹ The Birth of Nation Asmara. — P. 41.

³² The United Nations and Independence of Eritrea. — P. 29.

³³ Исмагилова Р.Н. и др. Труды российских историко-этносоциологических экспедиций в Эфиопии в 1990—1992. — М.: Восточная литература, 1997. — С. 119.

³⁴ The Horn of Africa Bulletin. — P. 2.

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 г.

МОЛОДЕЖНЫЕ КОНКУРСЫ

Осенью 1997 года Российской ассоциацией содействия ООН (РАСООН) совместно с Программой развития ООН (ПРООН) в РФ и Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) МИД РФ были объявлены три молодежных конкурса, посвященных знаменательной дате — 50-летию принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека.

Первый конкурс проводился с учащимися средних учебных заведений. Учащиеся, пожелавшие принять в нем участие, должны были написать доклад на тему “ООН и права человека в России”. Второй конкурс был адресован студентам высших учебных заведений, которым была предложена более сложная тема для доклада: “Права человека и пути устойчивого развития в России”. Третий конкурс приглашал молодежь в возрасте до 25 лет представить рисунок на тему прав человека размером не более 55х55 см при любой форме исполнения.

По итогам представленных докладов авторитетное международное жюри отобрало лучшие работы и пригласило их авторов на второй тур конкурса — “круглый стол”, где каждый должен был защитить устно свои идеи, изложенные в докладе.

Второй тур обоих конкурсов на написание докладов проходил 29 июня 1998 г. в ректорском конференц-зале МГИМО под руководством профессора А.В. Торкунова, председателя Российской ассоциации содействия ООН, ректора МГИМО(У). Авторитетное жюри провело с участниками конкурса два “круглых стола” (отдельно с учащимися средних школ и отдельно со студентами вузов) и подвело итоги обоих конкурсов.

Восемь учащихся средних школ — Яна Вебер из Новосибирска, Кристина Маркова из Красноармейска (Чувашская республика), Наталья Морозова из Самары, Ирина Урсегова из Екатеринбурга, Андрей Ручкин из Кандалакши (Мурманская обл.), Евгения Рыбкина из Первоуральска (Свердловская обл.), Марина Титова из Кемерово и Лариса Чичкина из Калининграда — были признаны лауреатами конкурса, и им были вручены соответствующие грамоты.

В соответствии с условиями конкурса по результатам второго тура были определены три победителя, которые премированы поездкой в Нью-Йорк с посещением штаб-квартиры ООН; это Лариса Чичкина — 1-е место, Кристина Маркова — 2-е место и Андрей Ручкин — 3-е место. Дополнительно отмечена работа Натальи Морозовой. По итогам второго тура студенческого конкурса также определены три победителя; это, соответственно, Лия Карсакова из Самары, москвичка Анна Асташина и Муслим Тамазов из Нальчика. Им по условиям конкурса были вручены денежные премии. Что касается третьего конкурса — на лучший рисунок, то, к сожалению, работа с рисунками оказалась для нас более сложной, чем работа с докладами. Мы впервые проводили конкурс рисунка, и итоги по нему пока еще не подведены.

Хотелось бы отметить, что РАСООН в рамках совместной программы с Ассоциацией содействия ООН США проводит молодежные конкурсы на лучший доклад по одной из основных программ деятельности ООН практически ежегодно. Победители нашего конкурса выезжали в США, где на балу в ООН, проводимом Американской АСООН, подводятся итоги обоих конкурсов. В прошлом году в этой программе произошел сбой, но ведется работа по восстановлению доброй традиции.

В заключение хочется выразить особую благодарность ПРООН и ее представителю-резиденту в России Филиппу Эльгуайелю за оказанную финансовую поддержку, что позволило реализовать эту программу.

Г.М. Ковриженко,
первый заместитель председателя РАСООН

Трибуна преподавателя и студента

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ПРАВА ЕС

Л.В. Бойцова*

Дисциплина права деградировала до уровня национальных юридических исследователей; границы юридических исследований ныне совпадают с политическими границами.

Разочаровывающая, недостойная форма для академической дисциплины.

Рудольф Иеринг

- Европейское правовое образование ныне является главной составной частью интеграционного процесса. Цель образования — формирование юристов с открытым сознанием. К 2000 году все европейские страны станут членами ЕС или будут очень тесно сотрудничать с этой организацией. Ныне в России предпринимаются первые шаги в направлении европеизации образования. В связи с этим нам бы хотелось поставить следующие дискуссионные вопросы:

I. Что такое европейское право и как оно соотносится с правом ЕС?

II. Каково нынешнее состояние преподавания европейского права и права ЕС в Европе?

III. Проблемы и перспективы преподавания права ЕС в России.

I. Европейское право и право ЕС

Понятием европейского права охватывается несколько правовых феноменов.

1. Общее право континентальной Европы (*jus commune*) — творение правовых школ европейских университетов, разработанное на основе римских текстов, канонического права, феодального права и международных торговых обычаев.

* Доктор юридических наук, профессор.

2. Наиболее распространенным является понимание европейского права как права Европейского Союза (до 1922 г. — права Европейского сообщества), или коммунитарного права. Оно развивается в связи с интеграцией экономики, социальной сферы, политики и культурной жизни Европейского континента в середине XX века. Коммунитарное право — это квинт-эссенция правовых норм стран Западной Европы. Общие для всех государств ЕС правовые нормы могли быть сформулированы лишь на зрелом этапе развития национальных правовых систем на основе сравнительно-правовых исследований отраслей и институтов права отдельных государств, а также конвергенции различных (часто прямо противоположных) юридических моделей решения правовых проблем. Отрасли европейского права находятся в процессе непрерывного развития. Можно выделить следующие отрасли коммунитарного права: административное право, авторское право, акционерное право, патентное право, коммерческое право, картельное право, право конкуренции, право договоров, морское право, налоговое право, предпринимательское право, таможенное право, финансовое право, сельскохозяйственное право, экологическое право, право страхования, трудовое право.

3. В широком смысле европейское право — это право, формирующееся в европейском правовом пространстве и являющее собой более объемную систему правовых институтов, чем право ЕС. Оно включает в себя не только собственно право ЕС, но и акты, принимаемые другими европейскими организациями, например Советом Европы.

II. Состояние преподавания права ЕС в странах ЕС¹

Глобализация и конвергенция современного права не вызывают сомнений. Но следует ли производить радикальные изменения в юридическом образовании в направлении его европеизации с учетом влияния права ЕС? Должны ли студенты получать образование традиционным способом, преимущественно ориентированным на национальное право? Каким должно быть соотношение традиционных и европейских юридических дисциплин в учебных планах? Становится ли важным изучение права ЕС само по себе? Ответить на эти вопросы поможет обращение к истории.

Во многих отношениях юридическое образование в XIX веке было менее провинциальным, чем во второй половине XX века. Студенты и профессора отличались поразительной мобильностью. Хорошо известные юристы прошлых веков большую часть своей профессиональной жизни проводили за рубежом. Когда латинский язык и римское право утратили свое центральное положение и были проведены национальные кодификации второй половины XIX века, образование (в том числе юридическое) стало строго национальным делом. Профессиональная квалификация, полученная в одной стране, перестала признаваться в других странах; университетские профессора утратили мобильность работать в других правовых системах. Учеба и преподавание за границей становились уделом наиболее экстравагантных умов и политических беженцев.

В рамках ЕС осознана потребность европеизации образования, но базовой “диетой” юридических факультетов пока остается национальное

право. Для юридического образования Европы 80-х годов характерна концентрация на национальных интересах. В конце 80 — начале 90-х годов сравнительное право, европейское право, международное право являлись маргинальными курсами. Юридические факультеты в Нидерландах уделяют некоторое внимание сравнению права, но эти курсы имеют небольшое значение. Сравнительное право соблазняет многих правоведов, но исследователи, специализирующиеся в области компаративистики и международного права, образуют ныне только небольшую часть научного и педагогического сообщества. В области сравнительного права делается акцент на различиях между правовыми системами, а не на поиске общих корней и принципов.

Обычно мы учим тому, чему учили нас². Другим источником образования выступает наш собственный опыт, который вносит новые элементы в образование. Третьим питающим потоком образования является наша оценка того, что требуется дать новому поколению. Тысячелетиями преобладала традиция, то есть первая и вторая тенденции. Опыт трудовых отношений, технологий и коммуникаций потребовал новых правовых норм, а практика их применения привнесла новые моменты в образование, но оно оставалось ретроспективным. Современное право является опытом прошлого. Ныне наблюдается компьютеризация образования и права. Мобильность людей в Европе возрастает, а европейская правовая система расширяется и подвергается конвергенции. Перемещение капитала становится международным, увеличивается число интернациональных браков. Соответственно растет мобильность юристов и их клиентов. Система юридического образования должна адаптироваться к будущим глобальным изменениям. Среди специалистов-правоведов все чаще звучат предложения о формировании европейской правовой школы.

Роль общего права Европы в современных учебных планах юридических факультетов характеризуется по-разному: от радикальных оценок (центральная роль) до сдержанно-пессимистических. В Европе имеется общее представление о том, какой тип образовательной системы в будущем желают европейцы, но формулирование определенных предложений для альтернативных идей вызывает затруднения.

Потребность в правовой унификации Европы высока. Ныне в фокусе внимания — общая основа права европейских стран. Правовая система европейских государств постепенно трансформируется в одну большую правовую семью с унифицированными или подобными им нормами во многих областях. Однако нельзя не учитывать, что Европа является мультикультурным и мультилингвистическим образованием и на пути правовой интеграции возникает немало проблем.

Последние десятилетия нынешнего века стали переломными для образования. Образование, полученное за границей в рамках Европы, становится все более популярным. Интересным экспериментом в этой области являются совместные юридические программы, учрежденные Королевским колледжем в Лондоне и Юридическим факультетом Университета Париж-1: студенты могут пройти четырехлетний образовательный курс в Лондоне и Париже, который дает им право практиковать в одной из двух стран. Пользуются популярностью летние курсы, организованные Международным фа-

культетом сравнительного права в Страсбурге (Франция), Лондонской школой экономики, Кембриджским университетом, Колледжем Европы. Присутствие студентов различного социального и культурного происхождения и исследователей с разнообразным академическим опытом имеет, по всеобщему признанию, освежающий и обогащающий эффект. В 1992 году 180 студентов из Лейдена обучались за рубежом и, в свою очередь, 200 иностранных студентов провели семестр или год на юридическом факультете в Лейдене. Директива об общей системе признания степеней высшего образования, полученных в результате, по крайней мере, трех лет профессионального образования, от 21 декабря 1988 г. (89/48 ЕЕС) стимулирует различные формы юридического образования государств-участников конкурировать друг с другом. Следующий этап, более важный — принятие Директивы о постоянном праве на деятельность юриста в рамках другого государства-члена. Имплементация этой директивы потребует еще более глубокого изменения обучения юристов, которое будет формировать “истинно европейского юриста”, способного работать на территории всей Европы.

Прогрессу европейского образования способствуют многочисленные встречи заинтересованных лиц и организаций. В 1991 году на конференции, посвященной перспективам развития общего права Европы и соответствующего этому процессу образования (в городе Маастрихте — самом “европейском” из всех европейских городов), 250 юристов-участников (академических ученых и практиков) из различных государств Европы обсуждали пути формирования европейской правовой школы. В октябре 1994 года в Университете Metz (Франция) была проведена конференция, поддержанная Комиссией ЕС, на которой обсуждалось, какой тип юристов требуется для завтрашней Европы. Примерно 190 делегатов участвовали в этой конференции, представляя все государства — члены ЕС. Дискуссии касались проблем европейского измерения учебного плана, сотрудничества между европейскими факультетами, студенческой мобильности в Европе. В октябре 1995 года состоялась Европейская конференция по обучению юристов завтрашнего дня, главной темой которой была интернационализация юридического образования.

Научный комитет Комиссии ЕС включает представителей академической науки государств-членов и некоторых руководителей высших юридических служб в европейских институтах. Комитет финансирует образовательные программы. Наиболее известны две программы академических обменов: европейская программа “Европейская схема действий для мобильности студентов” — “Эразмус” (“European Action Scheme for Mobility of University Students” — “Erasmus”), инициированная Советом министров ЕЭС в 1987 году, и программа “Трансевропейская схема мобильности университетского обучения” — “Темпус” (“Trans-European Mobility Scheme for University Studies” — “Tempus”). Студенты получают грант по программе “Эразмус”, если они учатся в течение по меньшей мере трех месяцев в университете за рубежом. Условие приемлемости гранта — признание университетом части сданных экзаменов. Условием участия в “Темпусе” является связь полученных знаний со степенями студентов-гостей. В соответствии с этой программой студенты проводят как минимум четыре месяца

в признанном университете в другом государстве — члене ЕС. Программа “Эразмус” в принципе имела временную природу, но огромный успех обусловил решение ЕС продлить ее еще на пять лет. Продолжение программы, вероятно, приведет к ассимиляции юридического образования в различных государствах-членах. Одним из элементов программы “Сократ” является обмен персоналом высших учебных заведений. Тем не менее участники международных образовательных программ (“Эразмус”, “Леонардо”) ограничены физическими, экономическими факторами и языковыми барьерами. Благодаря программе “Эразмус” создано европейское сообщество студентов, но пока еще не создано сообщество профессоров. Некоторые европейские исследователи полагают, что необходима общая программа юридического образования для всей Европы.

Одной из тенденций современного юридического образования является стремление параллельно изучать иностранное право и язык и получение степени “law and language degree”. Ныне эта система введена в 21 европейском университете³.

Все без исключения государства ЕС признают право ЕС, по крайней мере в качестве факультативного предмета. В Дании предмет *“Международное право и право ЕС”* преподается в рамках публичного права как обязательный предмет. Страна поощряет обучение за рубежом в течение одного года. Во Франции на четвертом году обучения студенты слушают лекционный курс *“Право ЕС”*, хотя преподавание критиковалось как “все еще ограниченное”. Лишь на нескольких факультетах предмет изучался в первом цикле (2-годичном курсе вслед за зачислением в высшие учебные заведения). Реформа 1993 года усиливает обучение *“Праву ЕС”*. В Италии и Португалии также преподается *“Право ЕС”* (в Португалии в течение семестра). В Португалии *“Праву ЕС”* обучаются не только студенты, но и высшие государственные служащие (начиная с министров). В Италии сравнительное право является обязательным предметом. В Великобритании *“Право ЕС”* — один из семи базовых предметов, необходимых для получения любой правовой степени, чтобы отвечать требованиям абитуриента для следующей стадии правового обучения. В Шотландии солиситорам и адвокатам преподается предмет *“Право ЕС”*. Барристеры проходят специальные курсы *“Международная торговля”* и *“Конкурентное право ЕС”*. Для солиситоров *“Право ЕС”* — всеобъемлющий предмет, но также позволена специализация по теме *“Коммерческое право ЕС”*. В Великобритании влиятельный Консультативный комитет лорда-канцлера по юридическому обучению и поведению после проведения исследования представил заключение о том, что европейское право является интегральной, влиятельной частью внутреннего права. Комитет также признал настоятельную потребность в изучении центральных концепций и методов гражданского (римского) права в сравнении с общим (англосаксонским) правом.

Академия европейского права в Трире (Германия) обеспечивает углубленные курсы (семинары и лекции) по европейскому и коммунитарному праву для практикующих юристов. Их особенностью являются ориентация на практику, обмен опытом и точками зрения на проблемы европейского права. Специализированные группы (такие, как Европейская группа адвокатов и Группа барристеров) с особым интересом относятся к европейско-

му праву. Они организуют лекции, семинары и обмен визитами, которые углубляют понимание других европейских систем и права ЕС.

Поиски оптимальной системы обучения праву ЕС продолжаются. В настоящее время обучение праву ЕС в странах Европы длится не более одного года (правилом является семестр). В США, где каждый штат имеет собственную правовую систему, самые крупные правовые школы предлагают 3-годичные курсы для студентов всех штатов. Затем в течение одного года студенты изучают право своего штата. Эксперты высказывают следующее предложение. В Европе национальные правовые системы очень разнообразны, поэтому обучение праву своего государства должно длиться не менее двух-трех лет. Соответственно обучение общему европейскому праву будет продолжаться один-два года. Двухлетний период, возможно, выглядит слишком амбициозно. Университеты лелеют свою независимость, и принудительное введение дополнительных предметов или новых структур учебных планов вряд ли целесообразно. Конечно, все европейские университеты вряд ли воспримут это предложение. Несколько престижных правовых школ (четыре-пять) могут сделать первый шаг и принять экспериментальную программу (которая, очевидно, потребует экстрарасходов) в течение пропедевтического года. В этот период студенты осваивают определенный способ мышления, идеи, правовые понятия Европы, различия и сходства правовых систем, а затем изучают право ЕС.

Остаются открытыми следующие вопросы: структура образовательного учреждения, в котором преподается европейское право; юридическая форма этого учреждения (частное или публичное); принадлежность учреждения ЕС (ЕС принадлежит, например, Европейский университетский институт во Флоренции) национальным государствам или независимость его от всех иных структур (так называемая "европейская правовая школа"). Требуется решения вопрос о том, какую степень — магистра или бакалавра — получает студент, успешно завершивший обучение в европейской правовой школе. Немецкие авторы считают, что изучение европейской правовой школы реалистично только в форме постуниверситетских учебных программ. Поэтому европейская правовая школа имеет перспективы вне нынешней государственной системы образования⁵.

Обучение праву ЕС в Нидерландах

Голландцы преуспели в организации европейской системы образования в своих университетах, хотя Нидерланды не имплементировали Директиву об общей системе признания степеней высшего образования, полученных в результате, по крайней мере, трех лет профессионального образования.

Для юридического образования Голландии характерна инновационность учебного плана. Краеугольным камнем образовательного процесса является европейское (коммунитарное) право, а в академической среде поощряется развитие европейской правовой школы. Так, четыре факультета Свободного университета Амстердама учредили междисциплинарные программы для голландских и иностранных студентов, целью которых является создание "международных классных комнат". Каждый факультет вправе модифицировать программу и предложить новые курсы.

Присутствие студентов различного социального и культурного происхождения и исследователей с разнообразным академическим опытом имеет, по всеобщему признанию, “освежающий” и “обогащающий” эффект. Все курсы, предлагаемые в рамках названной программы, касаются политических, юридических, экономических аспектов европейской жизни. Таким образом, европейское развитие изучается в мультидисциплинарном контексте. Студенты могут выбрать один или несколько курсов либо участвовать в комплексной программе. В последнем случае они получают сертификат об успешном окончании курсов, в котором содержится перечень сданных предметов. Студенты, не получившие сертификат, вправе запросить у администрации документ, подтверждающий, что они прослушали лекционные курсы. Сертификат выдается, если студент “заработал” 16 кредитов, распределенных, по крайней мере, среди трех дисциплин. Студенты университетов, которые сотрудничают со Свободным университетом, не оплачивают обучение на курсах европейского права. Остальные студенты-иностранцы платят 250 гульденов за каждый курс, а сертифицируемые студенты — 1000 гульденов за полный курс европейского права.

Применяются единые критерии оценки уровня знаний студентов с использованием таблицы европейских кредитов. Методы оценки знаний студентов различны. Как правило, экзаменационная итоговая оценка складывается из нескольких оценок, полученных студентами при выполнении разных видов работ. Вариации могут быть самыми разнообразными:

- письменное эссе (50%) плюс его устная презентация (20%) плюс собственноручный экзамен (30%);

- статья (50%) плюс письменное эссе (50%);

- письменные задания (50%) плюс письменный финальный экзамен, статья;

- дискуссия по изученной литературе или статье;

- 12-страничная статья или 6-страничная статья, комбинированная с устным экзаменом;

- устный или письменный экзамен.

На юридическом факультете Свободного университета Амстердама студенты-иностранцы изучают следующие предметы европейского правового цикла:

“Историческое введение в европейскую правовую науку”;

“Европейское право потребителей”;

“Компьютерное право и правовая информатика”;

“Введение в право ЕС”.

Экономический факультет предлагает программы:

“Право международных и финансовых отношений”;

“Европейские экономические отношения”.

Факультет социальных и гуманитарных наук обеспечивает курсы:

“Европейские коммуникации”;

“Международная сравнительная социальная политика”;

“Организация сотрудничества и безопасности Европы: история и перспективы”.

Свободный университет контактирует не только с научными учреждениями, но и с учреждениями ЕС. Экскурсии в Брюссель (в учреждения

ЕС — Совет министров, Европарламент), организуемые для иностранных студентов и преподавателей, дают возможность ощутить атмосферу функционирования системы органов ЕС.

Программа курса “Европейское право потребителей” в Свободном университете Амстердама

В программе сообщаются сведения о лекторах (с указанием номеров контактных телефонов). Предусматривается письменный экзамен по предмету. Указывается тематика лекций с тезисным изложением основных вопросов. Это:

1. Приветствие, объяснение рабочих методов. Обзор “Европейского права потребителей”.

2. Ответственность производителей. Директива и ее имплементация в национальное право.

3. Несправедливые условия в потребительских контрактах. Директива и ее имплементация в национальное право.

4. Директивы, относящиеся к рекламе.

5. Изделия из других стран. Маркировка, описание происхождения.

В программе курса формулируются также следующие темы статей-докладов, которые, как предполагается, готовят студенты из двух различных стран:

1. “Исключение и ограничение ответственности”.

2. “Контракт *timesharing* (использование одного или нескольких объектов недвижимости в течение определенного времени)”.

3. “*Package travelling*”.

4. “Защита интересов потребителя с помощью Директивы о продуктах питания в рамках ЕС”.

5. “Продажа на расстоянии”.

6. “Ответственность производителей машин”.

Студенты проявляют самостоятельность и готовят сообщения с оригинальными названиями и модификациями предложенных тем. Например: “Десять случаев рекламы, вводящей в заблуждение”; “Ответственность производителей и медицина”; “Влияние Директивы о несправедливых условиях контрактов от 5 апреля 1993 г. в Нидерландах и Португалии”; “Ответственность производителей и безопасность продуктов”.

Предполагается, что при написании статей студент соблюдает требования относительно размера и стиля статьи.

Рекомендуется литература (хрестоматия, статьи, написанные студентами, которые отобраны преподавателем как обязательные, монографии и научные статьи). Лектор предлагает использовать книги библиотеки кафедры (студенты с удовольствием реализуют эту возможность).

Предлагается специальное письменное описание порядка проведения экзамена (на двух языках — английском и голландском, учитывая, что курс посещает значительное число студентов-голландцев).

Во время экзамена разрешается использовать хрестоматию, в которую включены Директивы о правах потребителей. Экзамен длится два

часа. Максимальное число баллов — 100. Для сдачи экзамена достаточно 58 баллов. Требования к ответам — краткость, использование норм и казусов. Вопросник включает четыре раздела: первый раздел содержит три вопроса, второй, третий и четвертый — по два вопроса. Сообщается о времени проверки экзаменационных работ.

В программе курса *“Введение в европейское право”* рекомендуется изучение двух учебников (один из них — *“Курс европейского права”*, а второй — *“Сборник казусов”*). Курс читается на английском языке. Предусмотрен домашний письменный экзамен (вопросник, включающий восемь вопросов), единый для всех студентов. Читаются лекции на следующие темы:

1. *“Основания европейской интеграции и отношения между правом ЕС и национальным правом”*.
2. *“Институт принятия решений”*.
3. *“Внутренний рынок”*.
4. *“Средства, используемые в ЕС”*.
5. *“Компетенция ЕС”*.
6. *“Государственная помощь”*.
7. *“Внешние отношения”*.

Некоторые европейские эксперты предлагают следующие варианты преподавания трудового и социального права ЕС:

1. Европейское трудовое и социальное право может преподаваться в качестве материального элемента существующего курса европейского права в учебном плане студентов последних курсов.

2. Введение специального курса европейского трудового и социального права на последних курсах обучения.

3. Организация летних специальных школ по европейскому трудовому и социальному праву. Примерами таких школ являются университеты в Сине (Италия), Сегеде (Венгрия), Болонье (Италия).

4. Университетское образование может быть продлено еще на один год для получения специализации в области европейского трудового и социального права. Это возможно сделать в рамках национальной системы или сообщая с иностранными университетами.

5. Отдельные национальные или международные институты учреждаются для дополнения национального образования или исследований в области социального и трудового права. Существуют модели таких институтов (Европейский университетский институт во Флоренции, Институт трудового права и промышленных отношений в Европейском Союзе в Трире).

6. Создание новой европейской правовой школы, которая будет иметь европейскую структуру и методологию.

Обучение трудовому и социальному праву Европы не должно ограничиваться студентами и охватывать служащих профсоюзов и менеджеров, которые желают обновить или изменить сферы специализации.

III. Проблемы и перспективы преподавания права ЕС в России

Особенностью преподавания права ЕС в России является то, что оно будет осуществляться в стране, которая не является членом ЕС, и пер-

спективы вступления в этот Союз являются достаточно отдаленными. Поэтому независимо от появления новых предметов европейской ориентации и смещения акцентов в сторону общего европейского права национальная правовая система будет играть доминирующую роль в обучении праву.

Интерес рядовых граждан (да и юристов-профессионалов) к праву ЕС является в лучшем случае умеренным, поскольку усложненные технические проблемы ЕС далеки от повседневных интересов людей. Экономическое поведение российских граждан европеизировалось в несколько большей степени, чем социальное поведение, однако степень этой европеизации несопоставимо мала по сравнению с государствами — членами ЕС. Поэтому на первом этапе нужно оправдать и объяснить Европу в глазах российских граждан и создать среду для образования “в духе ЕС”, а затем развивать европейский метод и европейскую систему преподавания права.

Большинство европейских правовых систем происходят от римского права и находятся ныне под влиянием сравнимых социальных и технических факторов. Напротив, правовая система России развивалась в уникальных исторических обстоятельствах, поэтому европейские правовые принципы до сих пор, несмотря на конвергенцию права во всем мире, с трудом приживаются на российской правовой почве. Соответственно приспособление отечественной правовой системы и образования к грядущим требованиям будет происходить значительно медленнее и сложнее по сравнению с другими государствами.

Обучение европейскому праву, вероятно, затронет ограниченное число студентов. В России опыт обучения европейскому праву имеется главным образом в МГИМО.

Учебный план

1. В учебном плане нужно акцентировать *транснациональные и европейские элементы в национальных курсах права* и, кроме того, преподавать европейское (национальное) право.

2. В наше время нет людей, которые знают в деталях законодательство той или иной отрасли права (например, законодательство о социальном обеспечении или об охране окружающей среды, будь то национальное или европейское право). Европейское юридическое образование не может охватывать все аспекты позитивного права. Оно должно обучать определенному *способу мышления*. Студентам требуется научиться оценивать проблемы, рассматривать все стороны конфликта, применять определенные общие принципы и техники в праве для законотворчества и применения права.

Юридическое образование должно в какой-то мере дистанцироваться от деталей национальных систем права, что сделает менее уязвимым приобретение знаний, которые мгновенно стареют, становятся правовой историей после росчерка пера законодателя. Это предполагает проведение строгой линии между базовыми принципами и юридическими деталями. Энциклопедические знания одной-единственной правовой системы ныне имеют меньшее значение в практической работе юриста, чем *способность мыслить поверх юридических барьеров*.

3. Панорама главных юридических дисциплин, преподаваемых на юридических факультетах, в других образовательных учреждениях, должна зна-

чительно видоизмениться и включать такие дисциплины, как *“Сравнительное право”*, *“Философия права”*, *“Права человека”*, *“Сравнительное введение в судебные системы”*. Общетеоретические и философско-правовые дисциплины пока не занимают надлежащего места в учебных планах, хотя могут успешно выполнять интеграционную функцию в правовой системе.

Юристы, которые ныне получают образование, будут профессионально активными главным образом в XXI веке, когда значительная часть материального права, которое они изучали, станет правовой историей. Приспособление к новому праву потребует глобальной правовой культуры, для приобретения которой невозможно обойтись без сравнительного права. Сравнительное право — важный ингредиент транснационализации юридического образования. Большая часть эволюций и изменений в праве происходит на основании сравнительного изучения различных правовых систем. Сравнительное право необходимо для приобретения глубокой правовой культуры и гибкости правового мышления. Цель образования — улучшение понимания между юристами, формирование унифицированного европейского правового мышления, а не механическая передача знаний о технических деталях права. Современное общество нуждается не столько в юристах, которые могут профессионально дискутировать по различным юридическим проблемам, сколько в юристах, которые имеют знания для обсуждения различных юридических порядков. Независимо от избрания той или иной формы обучения праву ЕС, в конце первого-второго года обучения настоятельно необходим краткий вводный сравнительно-правовой курс, подобный курсу профессора Цвайгерта и профессора Кётца. Полагаем, что этот курс проложит дорогу специализированным курсам по праву ЕС или общему праву Европы.

Современные учебники сравнительного права призваны продемонстрировать относительную ценность знаний позитивного права. Они должны находиться вне национальных систем права и развивать собственную систему. Однако большинство из существующих курсов сравнительного права обеспечивают общее введение в сравнительное право, дают обзор главных правовых систем мира или описывают характерные черты права отдельных государств. Очень редки труды, в которых отдельные институты — право контрактов, компаний или административного права и процедуры — обсуждаются в сравнительной перспективе.

4. Необходимы юристы, которые знают принципы, исторические предпосылки, судебные методы и взаимоотношения правовых и других аспектов общественной жизни. Требуется сделать акцент на изучении правовых методов, преподавать курс *“Правовые методы”* (этот курс может включать следующие элементы: системы права, правоприменительную практику, библиографию, законодательные материалы, исследование и написание работ, координацию практики и законодательства; задачи юристов; информацию о системе образования). В области нормотворчества обществу лучшим образом служат юристы, которые могут конструировать новое законодательство логичным и сравнительным образом. Если структура всего европейского законодательства будет подобной, юрист в состоянии использовать его более эффективно. Поэтому требуется *унифицированное обу-*

чение законодательной (нормотворческой) технике. В юридическом образовании искусство права более важно, чем факты. В отличие от действующих норм права, это искусство является сходным во всех европейских странах.

5. Возрастает потребность в юристах, которые знакомы с двумя или тремя европейскими правовыми системами. **Знание зарубежных правовых систем** — необходимое условие обучению праву ЕС.

6. Обучение праву ЕС важно начать с изучения **“Основ европейского права в целом, общих элементов европейского права”** (что не менее важно, чем обучение праву Европейского Союза, т.е. коммунитарному праву), а не отдельных специальных предметов, отраслей европейского права, которых насчитывается уже не один десяток. Право ЕС “молодо”, поэтому лучшим вариантом на этом этапе является чтение курса, посвященного общим аспектам европейского права⁶.

Можно пойти и по иному пути, предлагая в лекционных курсах, посвященных национальному праву, развернутую информацию сравнительно-правового характера, уделяя внимание глобальной европеизации национального права. Этот экстенсивный путь имеет ряд недостатков, в том числе невозможность оценки степени европеизации лекционных курсов. Его достоинством является то, что учебная программа не подвергается революционным изменениям. Кроме того, специализированные исследования, которые необходимы при подготовке особых европейских курсов, требуют напряженных многолетних усилий.

Другим вариантом являются отказ от лекционных курсов и проведение семинаров по нескольким основным темам или дискуссионных занятий, подобных правовым классам в американских университетах.

Возможные курсы:

1. Курсы, полностью посвященные праву ЕС.
2. Курсы, отражающие влияние права ЕС на национальное законодательство.
3. Проблемные курсы.

Примерная тематика курсов, посвященных праву ЕС

“Роль национальных судов в имплементации права ЕС”.
“Национальные Конституции и право ЕС”. **“Использование континентальной техники и методологии в странах общего права (Ирландия, Великобритания) в связи с членством в ЕС”.** **“Динамика европейской интеграции”.** **“Европейские и национальные политические институты: противоречия и взаимодействие”.** **“Проблемы и пределы политизации ЕС”.** **“Сравнительное европейское право и право ЕС”.** **“Институты ЕС и право ЕС”.** **“Взаимодействие институтов ЕС и национальных муниципалитетов (регионов)”.** **“Формы институционального объединения национальных и европейских структур”.** **“Институциональная структура и процедура принятия решений в ЕС”.** **“Европейское частное право (европейское контрактное право, европейское право собственности)”.** **“Контроль картелей и монополий в ЕС (антимонопольное право ЕС)”.** **“Патентное право ЕС”.** **“Европей-**

ское административное право". "Некоторые проблемы европейского уголовного права". "Правовое обеспечение свободы движения лиц, товаров и услуг в ЕС". "Механизм защиты прав человека в ЕС". "Гармонизация права в ЕС (на примере частного и коммерческого права)". "Материальное и процессуальное право ЕС: общая характеристика". "Продуктовая ответственность в ЕС". "Ответственность за нарушение права ЕС". "Применение европейскими и национальными судами Брюссельской конвенции 1968 г.". "Юрисдикция и исполнение решений по гражданским коммерческим делам".

Учебники и учебные материалы

Новые учебные программы с курсами европейского права потребуют новых учебников и учебных материалов (документов, казусного права, переводов соответствующего законодательства европейских стран). Первым этапом является подготовка сборников материалов, на основе которых могут быть созданы учебники. Особенностью учебников европейского права является то, что их содержанием выступает не позитивное национальное право, а общие европейские основания той или иной отрасли европейского права. В качестве составной части учебников могут служить хрестоматии, включающие источники европейского права (постановления и директивы, относящиеся к различным сферам европейского права), а также кодифицированное законодательство государств — членов ЕС. Возможно издание хрестоматий с комментариями, являющихся основой для лекционных факультативных курсов, которые затем могут стать обязательными.

Написание учебников должно финансироваться и осуществляться мини-авторскими коллективами, включающими двух-трех преподавателей. Организация конкурсов учебников поможет обеспечить их высокий академический уровень.

Лучшие европейские книги по юриспруденции требуют перевода на русский язык. Образование без переводных учебников по европейскому праву не даст результата. Можно предложить для перевода и последующего издания книги, о которых речь пойдет ниже.

Продолжительность обучения праву ЕС

На первом этапе обучения праву ЕС целесообразно отвести преподаванию *"Основ права ЕС"* не более семестра, а затем постепенно углублять преподавание.

Возможно, что вследствие особенностей своего предмета обучению праву ЕС должно предшествовать полное юридическое образование или, по крайней мере, базовое образование. Кроме того, студент должен быть способен понимать лекции и соответствующую юридическую литературу, по крайней мере, на двух иностранных языках⁷.

Методы обучения праву ЕС:

1. Course Magistral — доктринальный, дедуктивный метод. Он практикуется в странах, где юристы полагают, что кодексы дают ответ на правовые

проблемы. На основе кодексов демонстрируются или устанавливаются принципы и показывается, как их использовать при возникновении правовых споров. Профессора, как правило, не оспаривают юридические ценности, выраженные в кодексах или статутах. Учебные курсы излагаются без активного участия студентов (это монолог лектора).

2. Критический, индуктивный метод преподавания. Принципы (если они имеются) устанавливаются путем наблюдения за тем, как разрешаются конкретные дела. Преподаватель показывает аудитории, какой вклад вносят проблемы и дела в развитие права и как право открыто для новых решений. Критический подход к действующему праву является нормой. Демонстрируется, что достижение различных результатов определяется применяемым методом и отстаиваемыми ценностями. Преподавание сопровождается активным участием студентов в дискуссиях. Казусное обучение европейскому праву осуществляется на примере европейских судов и национальных судов. Немецкое дело Solange в Германии и бельгийское дело Fromagerie "Le Ski" были переведены на несколько языков.

Современный метод обучения праву характеризуется отходом от инструменталистского метода познания правовой действительности и обращением к ныне маргинальному проблемно ориентированному методу, который имеет дело со значением и пониманием. Именно этот проблемный метод, как оппозиционный традиционному, используется в Маастрихте. Традиционный метод обучения (как казусный, так и доктринальный) имеет то преимущество, что он зависит от установившейся юридической традиции.

Кадровая проблема

Постепенно растет число юристов в области сравнительного права. Их знания необходимы для развития европейского права. Но могут ли они быстро переориентироваться на преподавание основ европейского права? Но могут ли они быстро переориентироваться на преподавание основ европейского правового порядка? Возможно, на государственном уровне эта проблема решилась бы скорее, если предусмотреть специализацию в области научных исследований европейского права и политики. В западных университетах уже давно присваиваются степени профессоров европейского права и профессоров европейской политики.

Международные связи

Целесообразно расширять сотрудничество с зарубежными вузами, которые предлагают обучение ЕС, обмен преподавателями и студентами, сравнить учебные программы и, возможно, получить финансирование.

Некоторые выводы

1. "Традиционное образование, которое получают на факультетах права разных стран, в наши дни должно быть дополнено" — это высказывание французского компаративиста Рене Давида ныне как никогда актуально. Через 30—40 лет студенты из Европы столкнутся с образованием, которое

будет главным образом ориентировано на правовые нормы, идентичные или практически одинаковые во всех европейских странах. Молодые юристы, которые придут на смену нынешним выпускникам, будут профессионалами нового стиля. Современное образование в этой перспективе покажется провинциальным. В будущем курсы европейского права будут преподаваться межнациональному студенческому сообществу интернациональным преподавательским составом.

2. Независимо от появления новых предметов европейской ориентации и смещения акцентов в сторону общего европейского права, национальные правовые системы будут продолжать играть доминирующую роль в обучении праву.

3. Европеизация образования зависит в первую очередь от намерений политиков и правительства, но, как показывает опыт зарубежных стран, иницилирующая роль университетов часто превалировала в этом процессе.

4. Трудно побудить коллег и администрацию к коренным изменениям силой одних своих аргументов. Они произойдут, когда европейская политическая и экономическая интеграция достигнут стадии, незамедлительно требующей иного типа юридического образования, европейского юриста.

Академических ученых разочаровывает то, что они всегда опаздывают. Однако исследователь всегда впереди времени, когда он вносит вклад в систему прошлого развития и пытается представить его в момент, когда оно может быть полезным для будущего развития.

¹ Lonbay. Training Lawyers in the European Community. The Law Society. — L., 1990.

² См. Schermers H.G. Legal Education in Europe//Common Market Law Review. — 1993. — Vol. 30. — No 1. — P. 9—16.

³ Coldsmith P. Globalization: The European experience//Journal of Legal Education. — 1996. — Vol. 46. — No 3. — P. 317—321.

⁴ The European Union and Member States: Towards Institutional Fusion?/Ed. by D. Rometsch, W. Wessels. — Manchester—N.Y.: Manchester University Press, 1996.

⁵ Там же.

⁶ Lipstein K. Teaching the Common Law of Europe//Common Law of Europe and the Future of Legal Education. — Maastricht, 1992. — P. 263.

⁷ Birk R. The Teaching of Labour Law in a European Law School//Common Law of Europe. — P. 487.

Наши справки

ЛОНДОНСКИЙ И ПАРИЖСКИЙ ФИНАНСОВЫЕ КЛУБЫ

Х.Р. Шамсиев* (Душанбе)

Современные валютно-финансовые отношения, особенно отношения по урегулированию внешнего долга государств, характеризуются возрастанием роли ряда международных формирований, таких как Лондонский и Парижский клубы.

Так, 6 октября 1997 г. Внешэкономбанк (ВЭБ) СССР урегулировал порядок погашения внешнего долга бывшего СССР перед кредиторами — членами¹ Лондонского клуба, что характеризовалось в периодической печати как вступление России в названный Клуб².

Лондонский клуб — международное формирование кредиторов из числа коммерческих банков и финансовых институтов, в рамках и по некоторым правилам которого обсуждаются и принимаются решения о порядке реструктуризации (консолидация, конверсия, рефинансирование), погашения и обслуживания внешних государственных долгов. Лондонский клуб, как и другие подобные ему формирования, именуется также неформальной организацией.

Начало деятельности Клуба приходится на вторую половину 70-х годов. Наиболее удачными примерами его деятельности считаются урегулирование внешнего долга развивающихся стран в 80-е годы и последняя реструктуризация внешнего долга бывшего СССР.

Учредительные документы, правила и процедуры Клуба не опубликованы, что предполагает, как утверждают наблюдатели, их отсутствие в письменном виде. Представляется, что основные правила и процедуры, регулирующие поведение сторон в рамках Клуба, основываются на джентльменских (т.е. устных) соглашениях, и некоторые из них согласуются кредиторами при выборе их совместного представителя и определении его полномочий.

В Лондонском клубе интересы кредиторов представляются общей структурой, называемой Советом, Управленческим комитетом или Банковско-консультативным консорциумом (далее: БКК). В рамках Клуба функционируют также рабочие органы с техническими полномочиями. Принципиальным вопросом является, участвует ли Клуб как таковой в реструктуризации долга или только в его рамках происходит обсуждение и заключение сделок по урегулированию внешнего долга.

* Стажер Института государства и права РАН.

Если исходить из того, что свидетельством этих правоотношений является участие представителей сторон в переговорах, подписании предварительных соглашений и окончательных сделок по реструктуризации долга, то в практике Клуба еще нет примеров, где в качестве стороны выступал бы сам Клуб как таковой. В связи с этим возникает другой вопрос: является ли БКК органом Клуба или договорным органом, представителем кредиторов? Это, на наш взгляд, орган, представляющий на основе соглашения интересы кредиторов. Подписанию соглашения в рамках Клуба обычно предшествует долгий период проведения переговоров и подписания предварительных соглашений о порядке урегулирования внешнего долга, согласования рабочих документов, в частности документов по сверке размера и структуры долга.

Наглядным примером тому служит реструктуризация долга бывшего СССР. Вступая в правоотношения по реструктуризации внешнего долга, БКК заключает определенные сделки, которые подлежат одобрению кредиторами. Хотя в рамках Клуба БКК согласует с должником общие условия реструктуризации долга, однако как предварительные, так и окончательные соглашения подписываются кредиторами на двусторонней основе.

В рамках Клуба по результатам переговоров могут быть приняты решения, которые оформляются двусторонними соглашениями с должником. Такие соглашения предусматривают: полное или частичное списание внешнего долга (очень редко); консолидацию внешнего долга, когда краткосрочные и среднесрочные внешние долговые обязательства превращаются в долгосрочные (например, долг бывшего СССР консолидирован на 25 лет); конверсию внешнего долга, когда долговые обязательства превращаются в различные ликвидные обязательства, такие как ценные бумаги, объекты собственности, товарные поставки, обмен с внешним долгом третьей страны, обратный выкуп долга (например, договор об обмене долговых обязательств между ВЭБ и кредиторами предусматривает конверсию основного долга в бездокументарные ценные бумаги, а проценты по внешнему долгу — в документарные облигации); рефинансирование (когда кредиторы для погашения текущих требований по основной сумме предоставляют новые кредиты с длительным сроком погашения).

Реструктуризация задолженности бывшего СССР членам Лондонского клуба была осуществлена ВЭБ СССР путем заключения Договора о реструктуризации, Договора об обмене долговых обязательств и заключаемых на их основе и в их исполнение других соглашений. Это следует из п. 1 Положения "О некоторых вопросах налогообложения, связанных с урегулированием задолженности бывшего СССР иностранным коммерческим банкам и финансовым институтам, объединенным в Лондонский клуб кредиторов"³, утвержденного Министерством финансов и Госналогслужбой Российской Федерации 1 октября 1997 г., где прямо предусмотрено: "В связи с реструктуризацией Внешэкономбанком СССР задолженности бывшего СССР..." Данная и другие формулировки названного Положения и отсутствие ссылок на то, что ВЭБ СССР осуществил реструктуризацию от имени РФ, которая является правопреемницей по долгам бывшего СССР, могут служить основанием для перевода долга РФ (как правопреемницы бывшего СССР) ВЭБ СССР. Однако возможность того, что в Положении "забыли" указать этот факт, весьма маловероятна, что позволяет сделать

определенные гипотетические размышления. Гипотетические, поскольку условия конфиденциальности приводят к скудности информации, базирующейся в основном на второстепенных источниках, что, в свою очередь, приводит к возможному неправильному толкованию.

По сравнению с ранее имеющимися правоотношениями по внешнему долгу, где участвовали РФ (как правопреемница), частные банки и финансовые институты, которым для привлечения государства к ответственности по теории об абсолютном иммунитете⁴ был необходим отказ государства (РФ) от присущего ему иммунитета, при нынешнем состоянии названных правоотношений иностранные кредиторы приобрели возможность предъявления иска не только к ВЭБ СССР, но и, согласно теории о "сквозной ответственности", к государству (РФ) как собственнику и имеющему возможность существенного влияния на деятельность ВЭБ СССР. Обращает внимание и не совсем типичное правовое положение ВЭБ СССР.

В переговорах с государствами-должниками по погашению или пересмотру условий их долгов и при подписании и исполнении соглашений члены Клуба вступают не только в частнопроводимые правоотношения, их соглашения могут иметь определенные правовые последствия для публично-правовых отношений. Так, соглашения, заключаемые в рамках Лондонского клуба, характерны тем, что их исполнение помимо внешнего долга может повлиять на такие правоотношения международного валютно-финансового права, как международно-правовые отношения по урегулированию платежного баланса государства-должника, международная кредитоспособность, платежеспособность, валютные резервы, выполнение валютно-финансовых обязательств и др. Конкретным примером выполнения государством публично-правовых обязательств является принятие вышеупомянутого Положения от 3 октября 1997 г., за три дня до подписания и за два месяца до вступления в силу Договора о реструктуризации⁵.

Поскольку основным принципом реструктуризации является принцип "равного подхода" ("equal treatment"), то Клуб сотрудничает с Парижским клубом и другими кредиторами, не входящими в клубы.

Парижский клуб — это международное формирование государств-кредиторов, в рамках и по правилам которого обсуждаются требования и принимаются решения о порядке реструктуризации, погашения и обслуживания внешних государственных долгов. Не рассматриваются кредиты частных лиц, кредиты международных финансовых организаций, кредиты для военных целей и кредиты сроком меньше одного года. Учредительные акты, правила и процедуры этого Клуба не опубликованы и во многом основываются на джентльменских соглашениях. Начало деятельности Клуба приходится на 1956 год, когда обсуждался вопрос о реструктуризации внешнего долга Аргентины. По неофициальным данным, некоторые технические правила и процедуры инкорпорированы в определенный сборник техническими органами Клуба. Их наличие не влияет на правосубъектность Клуба, поскольку инкорпорированные акты Клуба никак не могут служить учредительными документами. Это означает, что Клуб не правосубъектен ни по национальному праву, ни по международному праву. Техническими органами (если их уместно так назвать в данном случае) являются Президент и Секретариат из числа сотрудников Минфина Франции. Условия реструкту-

ризации о переносе сроков погашения, рефинансировании и предварительные условия начала процесса по реструктуризации долгов являются едиными, а правила реструктуризации (за исключением технических правил) определяются *ad hoc*, что означает отсутствие норм обычного международного права в таких случаях.

Для начала переговоров в рамках Клуба должник должен находиться на грани банкротства и добровольно заявить об этом, принять программу экономической стабилизации, предложенную им и обычно одобренную МВФ, финансируемую в основном с использованием таких механизмов, как механизм финансирования структурной перестройки, механизм расширенного финансирования, механизм расширенного доступа, или через специальные механизмы финансирования для обслуживания внешнего долга; разрешить правовые вопросы с иными кредиторами, если последние могут повлиять на обсуждаемые в рамках Клуба проблемы; не должен допустить дискриминацию кредиторов.

После выполнения должником вышеперечисленных условий кредиторы могут дать согласие на начало переговоров в рамках Клуба, заметив, что все кредиторы, входящие в Клуб, должны участвовать в этом переоформлении долга. По итогам переговоров подписывается протокол (*Agreed Minutes*), который содержит информацию о всех условиях, кроме процентов, однако носит рекомендательный характер.

Детальное урегулирование внешнего долга осуществляется в рамках двусторонних соглашений кредитора с должником. Так же как и в Лондонском клубе, здесь может быть принято решение о реструктуризации в любой из ее форм: конверсия, консолидация, рефинансирование, полное или частичное списание. Хотя действия Клуба не ограничиваются предписаниями, а направлены на обсуждение и принятие решений по конкретному должнику, однако практика Клуба выработала определенные возможные результаты. Не весь объем внешнего долга подлежит реструктуризации. Для того чтобы соглашение вступило в силу, должник обязан оплатить примерно 20% из подлежащего реструктуризации объема. Вопрос о процентной ставке по реструктуризируемому долгу не предусматривается в протоколе, а регулируется в соглашении, и эта ставка обычно выше, чем по предыдущим соглашениям.

По условиям соглашений платежи осуществляются по жесткому графику, однако не должны ущемлять финансовые инвестиции страны-должника. Контингент членов Парижского клуба не постоянен и в основном состоит из стран — участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Решения Клуба принимаются на основе консенсуса. Таким образом, Парижский клуб от своего имени не заключает сделки ни со странами-должниками, ни со странами-кредиторами. В заседаниях Парижского клуба участвуют МВФ, МБРР и ЮНКТАД, которые дают членам Клуба заключения (*Statements*) об экономическом положении страны-должника. Правовая природа таких заключений с точки зрения международного права является неоднозначной и требует детального исследования.

В рамках Клуба могут заключаться межгосударственные валютно-финансовые соглашения. В связи с этим возникает вопрос о том, может ли

государство-должник принимать новые нормы валютного контроля, с тем чтобы улучшить свою платежеспособность и восполнить валютные резервы. Протокол Клуба не может рассматриваться как международный договор и поэтому не может служить основанием для введения норм валютного контроля ни общего характера, ни конкретно регулирующих осуществление валютных операций по выполнению обязательств, вытекающих из международных кредитных договоров, ставших предметом урегулирования в рамках Парижского клуба. Основанием введения таких норм в данном случае могут быть одобрение МВФ программы стабилизации, где предусмотрено введение норм валютного контроля, и международный договор, заключенный в качестве совместных мер в случае объявления Фондом валюты государства-должника, согласно ст. VII Соглашения о МВФ, дефицитной.

Нормы валютного контроля, соответствующие Соглашению о МВФ, подлежат экстерриториальному применению согласно правилам ст. VIII, раздела 2b, п. 1 этого соглашения, который предусматривает: "Валютные контракты, вовлекающие валюту любой страны-члена в оборот и противоречащие правилам валютного контроля этой страны-члена, действующим или установленным в соответствии с настоящим Соглашением, не подлежат судебной защите на территории любой страны-члена". Правомерное применение данной нормы для экстерриториального применения норм валютного контроля, соответствующих Соглашению о МВФ, позволяет странам-должникам улучшить свою платежеспособность и в дальнейшем выполнять обязательства по внешнему долгу. Странам-кредиторам такое применение позволяет добиваться выполнения международного договора, заключенного в порядке совместных мер для повышения эффективности правил валютного контроля, и пополнения образовавшегося дефицита валюты страны-должника в авуарах МВФ.

Определенное значение также имеет Токийский клуб — международное формирование, в рамках которого проводится урегулирование коммерческой задолженности. Однако этот Клуб по своему значению и объемам урегулированной задолженности заметно уступает Лондонскому и Парижскому клубам.

Появление в международном праве таких международных формирований, которые по своей правовой природе не являются международными организациями, международными конференциями или предварительными ступенями их образования, является не новым. На существование таких международных формирований, как "параорганизаций"⁶, указал профессор Г.М. Вельяминов, который, собственно, и дал название данному формированию и обосновал некоторые отличительные признаки данных международных формирований от таких субъектов международного права, как международные организации и международные конференции. Вышеизложенная краткая характеристика Парижского клуба может служить основанием считать это международное формирование международной параорганизацией.

¹ Использование категории членства в отношении Лондонского и Парижского клубов является условным.

² См. Рушайло П., Арсеньев В. Прием в Английском клубе//Деньги. — 1997. — № 38 (144). — С. 8—11; Маковская Е. Искусство вылезать из петли//Эксперт. — 1997. — № 39. — С. 12—14.

³ Текст Положения см. Партнер (приложение к газете “Экономика и жизнь”). — 1997. — № 47. — С. 17.

⁴ См. Хлестова И.О. Проблема юрисдикционного иммунитета иностранного государства в работе Комиссии международного права//Советский ежегодник международного права. 1988. — М.: Наука, 1989. — С. 183—194.

⁵ См. также Постановление Правительства РФ от 7 февраля 1996 г. № 113 “Об урегулировании задолженности бывшего СССР иностранным коммерческим банкам, объединенным в Лондонский клуб кредиторов//Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 7.

⁶ Вельяминов Г.М. Социалистическая интеграция и международное право. — С. 113—114; 118—119; Богуславский М.М. Международное экономическое право. — М., 1986. — С. 137.

Статья поступила в редакцию в январе 1998 г.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ЕБРР

В июле 1988 года в Европейском банке реконструкции и развития (ЕБРР) был избран на четыре года новый президент — Хорст Келер. Он вступил в должность 1 сентября с.г.

Известному экономисту из Германии 55 лет. Его единогласно поддерживали управляющие центральными банками стран—акционеров ЕБРР.

ЕБРР был создан в 1991 году с целью оказания содействия странам Восточной и Центральной Европы, а также Содружества Независимых Государств в переводе с плановой экономики на рыночную. Авуары этой финансовой организации сейчас достигают 20 млрд. экю. Ее членами являются 58 стран, а также Европейский инвестиционный банк и Европейское сообщество.

Новый глава ЕБРР обладает уникальным опытом: в прошлом он работал как в государственном, так и в частном секторах экономики Германии. Находясь на одном из высших руководящих постов экономики Германии в начале 90-х годов, он оказался в центре событий, связанных с преобразованиями в хозяйственной жизни стран Восточной и Центральной Европы. Участвовал в разработке финансовой политики объединенной Германии, помогал советскому правительству в реструктуризации внешнего долга СССР.

Последняя его должность перед назначением в международную организацию — председатель Германской ассоциации банков сбережений. На этом посту он не раз поддерживал предложения о предоставлении России займов на стабилизацию рубля.

Вступая в новую должность, Хорст Келер объявил, что среди главных приоритетов ЕБРР он видит помощь странам бывшего соцлагеря с целью их скорейшей интеграции в мировое сообщество.

(Соб. инф.)

Хроника

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

25—26 ноября 1997 г. в Москве в Государственной Думе состоялся международный семинар — “круглый стол” “Проблема обеспечения прав граждан на доступ к правовой информации”. С российской стороны в его работе приняли участие депутаты Государственной Думы, представители Администрации Президента Российской Федерации, работники Правового управления Аппарата Государственной Думы, Аппарата Конституционного Суда РФ, члены Верховного Суда РФ и Арбитражного Суда Российской Федерации, представители Министерства юстиции РФ, представители органов законодательной и исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации, видные российские ученые правоведы, юристы-практики, представители средств массовой информации, правозащитных организаций. Совет Европы на семинаре представляли руководящие работники его Секретариата, а также группа экспертов.

Открывая семинар, Первый заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.А. Рыжков отметил, что необходимо создание системы, при которой граждане могли бы свободно, открыто, в доступной форме знакомиться с правовыми актами, с правовой системой в Российской Федерации, и что одна из важнейших задач государства — присоединение России к Совету Европы — накладывает дополнительные обязательства на деятельность российского законодателя. И здесь можно выделить также проблему обеспечения прозрачности в деятельности государственных органов, включая и законодательную деятельность. Он отметил также, что законопроекты, которые широко затрагивают интересы россиян, должны уже на стадии их разработки опубликовываться и быть доступны для общественного обсуждения. В разрешении этих и других важных проблем большим подспорьем является и мировой зарубежный опыт. Приведение российского законодательства и общественной практики в соответствие с важнейшими нормами и стандартами Совета Европы, такими как Декларация “О праве доступа к информации”, Конвенция Совета Европы “О защите личности в отношении автоматической обработки персональных данных”, — задача ближайшего времени для российского законодателя.

Далее выступил начальник Правового управления Аппарата Государственной Думы доктор юридических наук, профессор В.Б. Исаков. Он обратил внимание на следующее: невозможно создать демократическое об-

щество и правовое государство, в котором не была бы гарантирована свобода доступа граждан к правовой и любой другой социально значимой информации, не была бы обеспечена свобода продвижения каждого в информационном поле. А с другой стороны, и это тоже очень важно, не была бы защищена "информационная жизнь" общества и личности от грубого разрушительного вторжения. Какие аспекты этой проблемы выведены законодателем на конституционный уровень? Основополагающее значение имеет часть четвертая ст. 29 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Кроме того, Конституция содержит еще более десяти норм, относящихся к юридическому механизму защиты права на доступ к правовой информации. Вместе с тем информация, полученная из Верховного Суда Российской Федерации, показывает, что граждане указанным механизмом защиты почти не пользуются.

В контексте обсуждения права граждан на доступ к правовой информации выступающий коснулся наиболее сложного и спорного аспекта этой темы — предела данного права. Право граждан на доступ к правовой информации, как и любое социальное право, не может быть беспредельным. Каковы его границы, кто и как эти границы устанавливает? Речь идет о тех социальных ограничениях, которые общество устанавливает в законодательстве в связи с использованием данного права. Прежде всего информация, в том числе и правовая, может быть предметом права собственности. Между тем в России существует опасная застарелая болезнь — неуважение к собственности вообще, а в особенности к собственности интеллектуальной. Второе ограничение на доступ к правовой информации — это защита граждан от вторжения в их частную жизнь. Третье ограничение доступа к правовой информации связано с понятиями государственной и коммерческой тайны.

С интересом было встречено сообщение А.К. Симонова, президента Фонда защиты гласности, организации, которая очень много сделала для того, чтобы гласность информации стала действительно реальностью в нашей стране. В нем он, в частности, обратил внимание на то, что до сих пор ни один юридический вуз России не готовит специалистов по информационному праву и по праву средств массовой информации, специальности такой нет. По мнению автора, складывающаяся ситуация по данному вопросу является чрезвычайно опасной.

Выступление доктора юридических наук, профессора А.Ф. Сухарева касалось особой роли правоохранительных органов в реализации конституционных положений и международных обязательств России в сфере обеспечения доступа к правовой информации.

На проблеме систематизации законодательства, создания Свода законов заострил внимание директор Института законодательства и сравнительного правоведения Л.А. Окуньков. Он рассказал о действиях, предпринимаемых институтом для того, чтобы поднять на государственный уровень всю работу по систематизации российского законодательства. Для этого необходима также четкая федеральная целевая государственная программа, государственная воля Президента, Парламента, Правительства Российской Федерации в целях ее реализации.

Следует отметить высокий уровень докладов, представленных экспертами Совета Европы. Выступление руководителя Отдела гражданского законодательства Аппарата лорда-канцлера Великобритании г-на Дэвида Глэдвела касалось общих вопросов доступа граждан к правовой информации. Директор федеральной канцелярии Администрации Премьер-министра Австрии г-жа Вольтрат Котчи в своем выступлении остановилась на проблемах, связанных с официальным опубликованием правовых актов и сборников, обеспечивающих доступ граждан к правовой информации. Она отметила, что традиционная форма опубликования не отвечает в полной мере требованиям новых технологий. Поэтому в Австрийской Республике ведется работа над тем, чтобы иметь официальную систему публикаций, предусматривающую опубликование всех законов как с разъясненным и исправленным текстом, так и отдельно с поправками. Г-жа Вольтрат Котчи отметила, что нужно предоставлять соответствующие услуги, позволяющие людям знать, каков закон, каким он был, как он изменялся.

Выступление Генерального директора по правовым вопросам Кабинета Премьер-министра Швеции г-на Бенгт-Аке Нильссона касалось проблем компьютерного доступа граждан европейских стран к правовой информации.

Обзор различных аспектов, в отношении которых участники "круглого стола" достигли согласия и определенного результата, сделала г-жа Дерте Катрин Фикье, руководитель Сектора директората Совета Европы по правовым вопросам. Доступ к правовой информации должны иметь как граждане, так и другие лица, чья профессия связана с правовой деятельностью (профессиональные юристы). Граждане должны получать правовую информацию в легкодоступной форме. Профессиональные же юристы должны получать самые последние, надежные и полные сведения.

По мнению г-жи Фикье, это особенно важно в государстве, которое совершенствует свое законодательство и строит свою новую юрисдикцию в области права. Конституция Российской Федерации предусматривает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Знания о международном праве, международных договорах имеют чрезвычайно важное значение. Знания о соответствующем иностранном законодательстве также представляются очень важными в плане разносторонних связей с иностранными государствами. В связи с этим наилучший подход в доступе граждан к правовой информации будет заключаться в создании надежных официальных публикаций. Данные публикации должны быть доступны для всех, как правило в библиотеках, и должны быстро обновляться.

Компьютеризованные системы с полными данными и обновленными сведениями будут также представлять практический интерес. Необходимо активизировать деятельность средств массовой информации в ознакомлении граждан с вопросами действующего законодательства. Для общественности можно издавать брошюры по темам, связанным с вопросами прав и обязанностей граждан. Обучение молодого поколения знанию гражданских прав и обязанностей и разъяснение их статуса в соответствии с законодательством представляются весьма важными с точки зрения обеспечения реализации их обязательств перед обществом.

С заключительным словом выступил руководитель делегации Совета Европы, Директор по правовым вопросам Совета Европы г-н Ги де Вель. Он отметил, что семинар проходил в полезных, откровенных и содержательных дискуссиях. Правовая информация, по его мнению, необходима для обеспечения доступа к справедливости, и особенно теперь, когда ряд конвенций Совета Европы уже изучается Государственной Думой. Речь идет о Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и Протоколов к ней. Г-н Ги де Вель положительно воспринял пожелание Совету Европы лучше обеспечивать распространение своих правовых документов.

Остановившись на конкретных вопросах сотрудничества Совета Европы с российскими организациями, он отметил, что в рамках программ сотрудничества с Россией создано несколько рабочих групп, которые состоят из российских экспертов и экспертов других членов Совета Европы. Ведется обучение стажеров, в том числе и из Российской Федерации.

Семинар еще раз показал высокий авторитет российской юридической школы, в связи с чем Совет Европы видит в российской стороне равноправного партнера, способного к плодотворному сотрудничеству по вопросам, связанным с правовой реформой и правами человека.

Ш.Х. Ислямов,
советник Отдела международного права
Правового управления Аппарата Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации

Статья поступила в редакцию в январе 1998 г.

Книжная полка

НЕЖДАНОЕ, НО ПРИЯТНОЕ СОБЫТИЕ

(“Международное право — International Law”. — журнал 1/98/1. Январь—апрель. Председатель редакционного Совета И.П. Блищенко.)

Российская да и мировая юридическая общественность уже привыкла к тому, что уже несколько лет в постсоветской России выходит “единственный и неповторимый” журнал по вопросам международного права — “Московский журнал международного права”. И вот сюрприз — фактически аналогичный журнал. И к тому же два первых лица в нем (И.П. Блищенко и В.П. Пархитко) — члены редколлегии первого журнала.

В Слове к читателю редколлегия нового журнала постаралась убедить юридическую общественность, что такая ситуация вполне нормальна и даже исправляет абсурдность положения, когда эта общественность, изголодавшаяся по информации, вынуждена была довольствоваться всего одним специальным журналом по вопросам международного права.

Открывается журнал впечатляющей презентацией его такими выдающимися людьми, как Е.М. Примаков, в то время министр иностранных дел Российской Федерации; В.М. Лебедев, Председатель Верховного Суда Российской Федерации; В.М. Филиппов, ректор Университета дружбы народов; А.В. Торкунов, ректор Московского государственного института (Университета) международных отношений МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации.

Поскольку журнал учредил (совместно с Информационным центром ООН и посольством Королевства Нидерландов в Москве) конкурс на почетные звания — награды лауреата премии Гуго Гроция (дана краткая справка о жизни этого великого юриста), эти лауреаты далее и называются: Ю.М. Колосов — звание “Международное признание”, Г.Б. Старушенко — звание “Заслуженный Российский ветеран международного права”, И.П. Блищенко — звание “Лучший в России юрист-международник”, М.А. Королев — звание “Лучший в России начинающий юрист-международник”, А.Ю. Галямтинова — звание “Лучшая в России начинающая юрист-международник”.

Затем под рубрикой “Учебные и научные центры” сообщается информация об Институте международного права при Российском университете дружбы народов, который (Институт) стал одним из основателей журнала.

Раздел “Теория” открывается статьей И.И. Лукашука “Международно-правовая концепция России”. Как подчеркивает автор, он касается только

одного аспекта международно-правовой доктрины России: примата общепризнанных принципов и норм международного права — международных договоров — над нормами российского права в контексте статьи 15, п. 4, и статьи 17 Конституции РФ и института гарантии имплементации международных норм в национальную правовую систему. В весьма короткой статье (пять с небольшим страниц) автору удастся поставить ряд проблемных вопросов, над которыми предстоит еще думать отечественным теоретикам да и самому Игорю Ивановичу.

В порядке перечисления это следующие вопросы: перед каждым государством стоит задача разработки внешнеполитической и международно-правовой концепции, каковой может быть лишь концепция политики члена мирового сообщества; основные принципы включены в правовую систему России; следует однозначно ставить “на высшую ступень” общепризнанные принципы и нормы международного права о правах и свободах человека, в чем непоследовательны даже высшие суды (в том числе Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ); практика высших органов государства призвана выяснить, установлен ли в Конституции лишь приоритет применения, а не общий приоритет нормы международного договора в случае, если нормой закона установлено иное; следует определить правовое значение писем Президента РФ в данной сфере высшим государственным органам, которые (письма) не могут отменить положение закона, но и не могут игнорироваться; должны совершенствоваться формы воздействия Конституционного Суда на законодателя, который, к сожалению, “порой весьма своеобразно понимает требование учитывать нормы международного права”.

А.Х. Абашидзе, ставший в последние годы ведущим отечественным юристом в вопросах защиты прав меньшинств, предлагает читателю свою статью “В чем суть проблемы меньшинств”. Автор сразу предупреждает, что “по данной проблеме имеется больше вопросов, чем ответов”. Но, судя по содержанию и тону статьи, у самого автора таких вопросов нет, а у других, как полагает А.Х. Абашидзе, они “рождены неправильным пониманием этих проблем и неправильным толкованием основополагающих положений международных концепций о правах человека”. В чем же заключается их правильное понимание и толкование самим автором?

Во-первых, анализу подвергнут феномен “меньшинства” с акцентом на такие понятия, как “защита меньшинства” и “равенство и недискриминация”. Принципиальным является положение о том, что универсальные механизмы по правам человека недостаточны в данной области и без специальных положений, обязывающих государства не только воздерживаться от вмешательства в осуществление коллективных прав меньшинств, но и обеспечивающих активную поддержку со стороны государств осуществлению таких прав, меньшинства всегда будут в худшем положении в сравнении с остальным населением страны. Автор убежден, что указанный феномен следует рассматривать не в качестве этнического или биологического порядка, а как феномен социального порядка, который берет свое начало в модели национального государства.

Автор полагает, что в современном международном праве сложился принцип под названием “принцип по предупреждению дискриминации и защите меньшинств”, и раскрывает его содержание.

Г.П. Жуков выступает со статьей “Проблемы ограничения и запрещения военного использования космоса”.

Первым автор ставит следующий вопрос: “Россия — правопреемник СССР по обязательствам ограничения использования космоса в военных целях”. Автор подчеркивает сложность ситуации, связанную с тем, что, кроме России, Украины и Белоруссии, ни одна из бывших советских республик не присоединилась к действующим многосторонним международным соглашениям по космосу. Вместе с тем отмечается позитивность международно-правового урегулирования соответствующих проблем в рамках СНГ, связанных, кроме прочего, с определением правового статуса аэродрома “Байконур”. Последний, как известно, стал собственностью Казахстана, но передан на 20 лет в аренду России при совместном его использовании обоими государствами.

Краткому анализу подвергнут также вопрос о запрещении применения силы в космическом пространстве. Кроме общих соображений на данную тему автор выражает свое несогласие с мнением американских профессоров Купера и Алмонда о законности превентивного применения силы в космическом пространстве в ответ на военную угрозу.

Наиболее обстоятельно освещен в данной статье вопрос об ограничении использования космоса в военных целях в действующих международных договорах. Обозначена проблематика толкования таких терминов, как “компонент”, “создание”, “испытание”, “исследование”, “демонстрация”, раскрываются возможности применения Соглашения о Луне и к другим небесным телам. Отмечается, что нынешний правовой режим не регламентирует использование в военных целях спутников наблюдения, связи, управления, навигации, метеорологии. Дана оценка Закону о космической деятельности Российской Федерации 1993 года.

В заключение определены перспективы предотвращения гонки вооружений в космосе и показаны причины, по которым США в целом негативно относятся к международно-правовой регламентации противоспутниковой деятельности. Весьма сдержанно оценивает автор деятельность Конференции по разоружению применительно к космической сфере, в том числе по причине использования в ней метода консенсуса. Как полагает автор, более реально ожидать прогресса в работе Комитета по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС).

А.С. Категов и Ю.Н. Малеев посвящают свою статью теме “Правовые вопросы организации воздушного движения (ОВД) в Российской Федерации”.

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в данной сфере после распада СССР. Кроме общих, концептуальных соображений об основах современной организации воздушного движения в РФ авторы ставят вопрос о необходимости скорейшего решения международно-правовых проблем взаимодействия данной системы с аналогичными системами соседних государств, особенно в рамках СНГ.

Авторы категорически выступают против тенденции определенной “автономизации” организации воздушного движения субъектами РФ, полагая, что такая организация должна являться частью федеральной системы, носить субсидиарный характер.

Обращается внимание также на необходимость воссоздания Единой системы ОВД в России и приводятся соответствующие аргументы. (Сегодняшняя правовая ситуация в России так быстро меняется, что уже в июне 1998 года данный “вакуум” был заполнен — вышло соответствующее Постановление Правительства РФ о Единой системе и утверждена Межведомственная комиссия в данной области.)

Обстоятельна статья В.В. Похлебкина “К вопросу о двух прибалтийских проблемах, занимающих умы в России, о неумении российских государственных деятелей находить им правильное объяснение и адекватные ответы”. Уже из названия статьи следует, что автор умнее соответствующих российских государственных деятелей и в состоянии предложить верное решение проблемы правового положения “русских в Прибалтике”.

Надо сказать, что эти претензии не беспочвенны. Автор свободно ориентируется в исторических аспектах проблемы, всесторонне анализирует ее внешнеполитический и “внутрибалтийский, национально-правовой” аспекты. Убедительно показано, что в условиях, когда все развитые страны ограничивают въезд “чужого населения” процентным соотношением к коренному населению, искусственно замыкать данную проблему указанным аспектом нельзя, поскольку “русские в Прибалтике — вовсе не съехавшиеся иммигранты из других стран, а неразрывная часть коренного населения Прибалтики”, сложившегося исторически.

Автор расценивает как принятые второпях, наспех, необъективно, предвзятые соответствующие решения прибалтийских государств, которые предусматривают сейчас много не только спорного, несправедливого и просто насильственного, но и еще более скороспелого, непродуманного, а потому и более опасного. А то, что обе спорящие стороны последовательно и упорно встают на формально-юридическую позицию, не только ничего не решает, но загоняет “урегулирование” в такой тупик, что может возникнуть неразрешимый конфликт. Одной из причин этого является молчаливое согласие российской стороны с отходом Прибалтики и даже подписание беспрецедентного соглашения с лимитрофами.

Автор предупреждает об опасности искать тут “аналогии” с остальной Европой, показывает направления, по которым необходимо идти для решения проблемы.

Статье свойствен эмоциональный перебор обличительного порядка, не всегда украшающий даже журналистику. Именно на это следует списать тот факт, что автор (безусловно, выдающийся историк) обзывает “неумехами” практически всех российских государственных мужей, занимающихся проблемами Прибалтики. На самом деле одни из них умно делали и делают “свою политику” в этом вопросе, а другие исполняют приказы первых и, стало быть, тоже не дураки. (Последние, разумеется, встречаются и среди государственных деятелей, но не чаще, чем в других социальных слоях.) Лучше бы автор постарался выявить мотивы, которыми эти деятели руководствовались.

Впрочем, статья все равно производит сильное впечатление.

Петр Апраксин (Бельгия) предлагает читателю статью “О международном гуманитарном праве (МГП) и имплементации его положений на национальном уровне”.

Статья в целом носит информативный характер. Показаны различия между МГП и правами человека. Перечислены меры, необходимые для имплементации положений МГП в национальное законодательство, в том числе уголовное. Особый интерес представляют разделы о консультативной службе по МГП, о защите эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца (последней иногда злоупотребляют, что должно пресекаться и подлежать наказанию).

Д.П. Билибин, проректор Университета дружбы народов, успокаивает общественность, что данный университет вовсе не выпускает террористов и пресловутый Ильич Рамирес Санчес (или кратко Карлос) лишь недолго подвизался на подготовительном факультете, не заканчивал университет и даже практически в нем не обучался. Автор выражает уверенность, что в результате процесса в Париже против этого террориста ему будет воздано по заслугам. "Чтобы другим впредь неповадно было!"

В.П. Пархитко освещает историю со зверски убитыми представителями Международного комитета Красного Креста (МККК) в декабре 1996 года в Чечне в заметке "Этого не может быть, но это было... Этого не должно быть, но это есть".

В рубрике "Советы бизнесменам" читатель встретит полезный анализ типичных ошибок и профессиональной некомпетентности, которые встречаются при заключении договоров бизнесменами.

Мохамед Хасан (Афганистан) анализирует "Функции межгосударственных банков в области валютных операций". Весьма полезная статья, для российских банков — в особенности, которым, по наблюдениям автора, весьма трудно приходится "на Западе без создания собственных рабочих центров приступать к обслуживанию крупнейших компаний так, как это делают другие ведущие банки мира".

В рубрике "Ваш вопрос — наш ответ" интересную проблематику освещает известный юрист-международник, доктор юридических наук, профессор А.Н. Талалаев. Речь идет о том, действует или нет нератифицированный договор. Анатолий Николаевич не впервые выступает по данному вопросу в юридической литературе.

Суть разъяснений профессора А.Н. Талалаева следующая. Такой договор может действовать при строго определенных условиях, которые предусмотрены в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (ст. 25) и в национальных законах, в частности в Федеральном законе о международных договорах РФ 1993 года (ст. 23).

Указанные условия могут быть предусмотрены в самом договоре или в форме специальной договоренности сторон (например, в отдельном протоколе). Такое временное применение договора (до вступления в силу) не может быть бесконечным, и считается, что соответствующие сроки ограничены или вступлением договора в силу, или решением государства не становиться участником договора с уведомлением об этом сторон договора.

Федеральный закон о международных договорах РФ в указанной статье 23 предусматривает обязательное предоставление в Государственную Думу временно применяемых договоров, подлежащих ратификации, в срок не более шести месяцев с даты начала временного применения. Этот срок

Государственная Дума может продлить в форме закона. Вторая часть вопроса аспиранта А.М. Минкова касалась судьбы советско-американского Соглашения о линии разграничения морских пространств в Беринговом море 1990 года, которое до сих пор применяется временно, о чем стороны специально договорились. Данное соглашение вносило в Думу на предмет продления его временного применения. Дума отказала в этом. Ей, видите ли, не нравится, что по этому соглашению к США отошло около 80 тыс. кв. км морских пространств и континентального шельфа, богатых рыбой, пушным морским зверем, запасами нефти, газа, конкреций и другими видами минерального сырья.

Эгоизм Думы вообще-то мало тревожит американцев. Они еще в 1991 году провели соглашение через свой конгресс и регулярно задерживают российские рыболовецкие суда в соответствующих “американских” водах и отводят их под конвоем в порты Аляски. А как иначе: вот уже восемь лет как соглашение применяется без всякой там Думы, и это временное применение будет продолжаться до тех пор, пока Дума не откажет в ратификации. Но ведь для того, чтобы этот отказ состоялся, необходимо внести данное соглашение в Думу на ратификацию. А вот этого-то и не собирается, судя по всему, делать Комитет по международным вопросам самой Думы. Почему? Вот это как раз и непонятно.

В рубрике “Библиография” содержится рецензия В.В. Алешина на вышедшие в 1997 году две работы, посвященные чрезвычайно актуальной и болезненной проблематике: *Тишков В.А. Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение.* — М., 1997.— 309 с. (Институт этнологии и антропологии РАН) и “*Вынужденные мигранты в государствах СНГ*”/Под ред. В. Мукотеля и Э. Паина.— М., 1997.— 97 с. (Центр этнополитических и региональных исследований).

Здесь же А.Я. Капустин дает рецензию на новый журнал в Латинской Америке “Журнал Дипломатической академии Эквадора”.

Журнал печатает также такие важные международные документы, как Шенгенские соглашения, Киотский климатический протокол, Рамочная конвенция ООН об изменении климата.

В заключение (видимо, для того, чтобы читатель снял напряжение от большого аналитического и информационного груза) журнал устами Ю. Корякина (академика Нью-Йоркской академии наук США, д-ра экон. наук, д-ра физ.-мат. наук, профессора и т.д. и т.п.) сообщает читателям веселую историю, когда наши солдаты—освободители датского острова Борнхольм по ошибке вместо крепкого вина распили бутылку качественного западного бриолина.

Могу успокоить читателя, что по прочтении журнала он не окажется в сходной ситуации: букет научного и информационного “коктейля” в журнале вполне добротен. И к тому же, на двух языках сразу (русском и английском). Так что и лица, владеющие английским языком, полагаю, с удовольствием отведают его.

Вслед за важными персонами, упомянутыми в самом начале, хочу поздравить журнал с появлением на свет и пожелать всяческих успехов. Наверное, журналу предстоит еще искать “свое собственное лицо”. Процесс этот естественный. Но, судя по всему, оно очень будет похоже на лицо

И.П. Блищенко, как вы, надеюсь, запомнили, получившего Международную премию имени Гуго Гроция, как “Лучший в России юрист-международник” за 1997 год.

Ю.Н. Малеев,
доктор юридических наук,
профессор Московского государственного института
(Университета) международных отношений МИД РФ

НА БЕРГЕДОРФСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(“Что движет Россией? Запад в поисках партнера”. — М.: Международные отношения, 1997.— 126 с.)

С 30 ноября по 1 декабря 1996 г. в Москве проходило 108-е заседание Бергедорфской конференции, основанной Куртом А. Кербером в 1961 году как независимый форум для обсуждения внешнеполитических и общественных проблем. В 108 состоявшихся заседаниях участвовало более 2500 представителей из 30 европейских стран и США. Участниками конференции были главы государств и правительств, министры, ученые, профсоюзные деятели, публицисты, представители международных организаций. Кроме Бергедорфского дворца под Гамбургом заседания конференции проводились в Вашингтоне, Вене, Брюсселе, Риме, Ленинграде, Будапеште, Праге, Варшаве, Люксембурге, Цюрихе, Таллинне, Киеве, Париже, Оксфорде, Иерусалиме, Дрездене, Берлине, Бонне.

108-е заседание конференции было посвящено вопросу: “Что движет Россией? Запад в поисках партнера”. Одним из основных докладчиков был заместитель Председателя Госдумы С. Бабурин. Кроме него от России в дискуссиях приняли участие: заместитель секретаря Совета Безопасности РФ С. Губарев, Председатель НПСР и КПРФ Г. Зюганов, заместитель министра финансов РФ А. Кудрин, секретарь Совета Безопасности РФ генерал А. Лебедь, заместитель Председателя Совета Федерации РФ В. Лихачев, президент телевизионной компании НТВ И. Малашенко, советник Президента РФ Э. Паин, директор Института США и Канады РАН С. Рогов, председатель Конгресса русских общин Д. Рогозин.

Запад был представлен руководителем Реферата 240* МИД ФРГ Р. Адамом, заместителем генерального директора отдела МИД Турции Х. Акинчи, директором штаба планирования МИД Франции Ж. Андриана, старшим советником “Дойче Морган Гринфелл”, послом в отставке сэром Р. Брейтвейтом (Великобритания), начальником штаба планирования при федеральном министре обороны, вице-адмиралом У. Вайссером, федеральным президентом ФРГ в отставке Р. Вайцзеккером, профессором полити-

* Так в МИД ФРГ именуется отдел, который занимается проблемами международного разоружения и контроля над вооружениями.

ческих наук Института Восточной Европы Свободного университета Берлина К. Зегберсом, директором исследовательского института Немецкого общества внешней политики К. Кайзером, сотрудником украинского Института мировой экономики и международных отношений Е. Каминским, руководителем делегации немецкой экономики в Российской Федерации А. фон Кноопом, представителем концерна "Даймлер-Бенц АГ" в Москве А. Майер-Ландрутом, директором французского Института международных отношений Д. Моизи, директором Института общественных отношений Польши Я. Райтером, руководителем рабочей группы Россия/СНГ при исследовательском институте Немецкого общества внешней политики А. Раром, председателем правления "Батори Фонд" (Варшава) А. Смоларом, вице-президентом "Джи Пи Моган энд К°, инк." (Нью-Йорк) К. Фирметцем, президентом Парламентской ассамблеи Совета Европы Л. Фишером, руководителем делегации Комиссии Совета Европы в Москве О. Ханом, постоянным представителем ФРГ при ООН в Женеве В. Хойнком, представителем внешнеполитического комитета бундестага ФРГ К. Хорнхузом, федеральным канцлером в отставке Г. Шмидтом, послом ФРГ в Москве Э. фон Штудницем, директором Исследовательского института международной политики и безопасности ФРГ М. Штюмером, президентом Европейского движения в Нидерландах В. ван Экеленом, президентом Европейской либеральной и демократической партии У. Эллеманом-Йенсенон и действительным членом Сент-Энтони колледжа (Оксфорд) Т. Эшем.

Такой состав представителей Запада дает основание полагать, что в то время наибольший интерес к России и поиску партнеров проявляли государственные деятели и политики Федеративной Республики Германии, которая продолжала укреплять свои позиции в Европе. К этому времени правящие круги ФРГ всерьез рассматривали возможности расширения своего влияния за пределами Европы. Бонн привлекает Азия, а Россия, как известно, евроазиатская страна, кратчайший путь из Европы в Азию. Неудивительно, что именно в выступлениях немецких участников конференции наиболее полно нашла отражение позиция их страны.

И хотя бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт взял слово лишь после того, как выступили некоторые из его коллег, на наш взгляд, его выступление было наиболее интересным. "Я согласен с г-ном Брейтвейтом, — сказал Г. Шмидт, — в том, что ни США, ни Российская Федерация не подходят для членства в Европейском Союзе (ФРГ не нужны конкуренты. — *Авт.*), хотя бы из-за своих масштабов, тем более что они либо расположены на другом континенте, либо, как Россия, включают в себя крупную часть другого континента.

...Для меня Россия по-прежнему мировая держава, хотя и по другим причинам, чем США... Через 20 лет Китай станет вторым или третьим по величине народным хозяйством мира, а также одним из крупнейших в мире торговых партнеров; объем его внешней торговли превзойдет показатели США и Японии... Я считаю, таким образом, что сейчас мы имеем дело с тремя мировыми державами: США, Россией и Китаем. Ни Франция, ни Соединенное Королевство, ни Федеративная Республика Германия не принадлежат к этой категории... в обозримый период до уровня мировой державы, вероятно, поднимется и Индия... Япония тоже будет играть в мире зна-

чительную роль в качестве крупнейшей “финансовой энергоустановки”, от экспорта ее капитала будут зависеть не только гораздо менее крупные государства, но и Китай, США, Россия, а также Германия.... считаю, трем мировым державам прежде всего было бы важно научиться взаимному уважению. Оно включает в себя не только периодические двусторонние встречи и коллективное сотрудничество на дипломатическом уровне, например Организации Объединенных Наций, ОБСЕ, МВФ или Совета Европы”*.

Одной из форм взаимопонимания, по мнению Г. Шмидта, были бы ратификация пакта, предусматривающего отказ от применения силы, сотрудничество в области безопасности и другие важные положения. “Такой пакт не стоило бы ограничивать США, Россией и Западной Европой. Он должен также учитывать интересы мировой державы — Китая”. Г. Шмидт призвал участников конференции публично пропагандировать эту тему.

Однако широкий и взвешенный взгляд многоопытного политика в ходе дискуссии не получил дальнейшего развития, как, впрочем, и не менее содержательное выступление секретаря Совета Безопасности России генерала А. Лебеда, который подчеркнул, что Западу и России “целесообразно было бы сотрудничать не только в традиционно сложившихся сферах деятельности, но и на новых направлениях”. Политикам, дипломатам и юристам хорошо известно, что любое новое направление в международных отношениях тогда приобретает определенную стабильность, когда обеспечивается правовыми нормами.

Генерал А. Лебедь в качестве конкретных шагов предложил участие России в разработке многосторонних договоров о либерализации рынков телекоммуникаций и информационных технологий. Он сослался на то, что на встрече в Чикаго представителей политических и деловых кругов США и ЕС в этой области были достигнуты значительные успехи. “Достигнутые в Чикаго договоренности, — отметил А. Лебедь, — были затем закреплены в Женеве на встрече представителей деловых кругов. Россия вполне могла бы предложить свое сотрудничество в этой области. Развитие рынка услуг в области связи и телекоммуникаций необходимо не только самой России, но может быть весьма привлекательным и для иностранных инвесторов и производителей оборудования...”

Вторым вполне очевидным направлением сотрудничества, — продолжал представитель России, — может быть создание и развитие проектов в области авиационной и космической промышленности... страны ЕС могли бы принять участие в проекте по сооружению на территории России новых международных аэропортов... Россия и страны ЕС могут также принять совместное участие и в создании в АТР (Азиатско-Тихоокеанском регионе. — *Авт.*) надежной системы оповещения и предотвращения столкновения крупных космических объектов с Землей... В таком проекте, финансирование которого возможно только на международной основе, найдется место для всех — и для России, и для стран ЕС, и для США, и для стран АТР”.

Первым из основных докладчиков выступил сэр Р. Брейтвейт, начав свой доклад с фразы: “Выступая по теме “Что движет Россией? Запад в

* Все цитаты даются по протоколу № 108 Бергедорфской конференции, 1996 год.

поисках партнера", я хотел бы подробнее остановиться на второй ее части... я считаю фразу "Запад в поисках партнера" ошибочной формулировкой... западные политики придерживаются сегодня мнения о том, что Россия находится в настоящее время не в лучшем состоянии и не может рассчитывать на отношение к себе как равноправному партнеру". Авторы такого подхода, комментирует докладчик, "исходят из того, что Запад устанавливает повестку дня и диктует ответы, а Россия может выполнять условия своего членства лишь в том случае, если будет послушно следовать западным установкам".

Раскритиковав подобный подход к партнерству с Россией, сэр Брейтвейт закончил тезисом, который затем не раз повторялся в ходе дискуссии: "Считаю, что Россия имеет право требовать от своих партнеров, чтобы в ходе поиска совместных решений они вели себя соответственно, а именно руководствовались равноправными отношениями. На другой основе партнерство невозможно ни между государствами, ни в браке".

Докладчика активно поддержал директор французского Института международных отношений Д. Моизи: «Во-первых, что такое Запад? В некотором смысле можно было сказать, что за этим столом собрались одни европейцы, поскольку здесь нет американцев. (На проводившихся ранее Бергедорфских конференциях американцы были. — *Авт.*) Формулировка "в поисках партнера" подразумевает некое опекунство... Как будто мы хотим искусственно сохранить старое разделение между "нами" и "ими"... Я предложил бы другое название: "Россия и Европа в поисках себя и партнера"».

Такая постановка вопроса нашла понимание и поддержку у многих участников дискуссии. Так, директор Института США и Канады С. Рогов, который весьма критично высказался о состоянии современной системы международных отношений, заявил, что при налаживании партнерства Запада с Россией "чрезвычайно опасной была бы тенденция, при которой Россия начинает рассматриваться как страна, проигравшая холодную войну. Реальное партнерство, — продолжал российский ученый, — возможно при наличии трех компонентов. Первый — совместное определение общих интересов. Второй — совместный механизм принятия решений. И третий — совместный механизм осуществления этих решений. На мой взгляд, ни того, ни другого, ни третьего сделано нами и вами не было ... Да, Россия сегодня действительно слаба, чтобы помешать расширению НАТО. Но Россия вернется, и тогда мы все будем платить очень большую цену за те ошибки, которые совершаются сегодня".

Поиску ответа на вопрос: "Что движет Россией?" был посвящен доклад С. Бабурина, который сделал акцент на то, "что не до конца осознается ее партнерами и ее соседями". По мнению докладчика, Россия стремилась, стремится и будет стремиться к саморазвитию и с этой целью ищет партнеров для взаимной помощи, в то время как действия "многих наших партнеров напоминают действия древнего китайца, который засовывает ноги ребенка в китайские колодки для того, чтобы молодой организм сразу же развивался уродливо". Россия стремится к тому, "чтобы стать составной частью общеевропейского процесса, равноправной частью, ибо в этом мы видим возможность взаимодополняемости наших обществ".

Понимания, что для налаживания партнерских отношений одних добрых пожеланий недостаточно, участники развернувшейся дискуссии попытались определить конкретные меры и шаги, которые следовало бы сделать для реализации поставленных жизнью проблем. Рассмотрение этих проблем каждый раз в прямой либо косвенной форме ставило перед участниками конференции вопрос о расширении правового поля в отношениях Запада с Россией.

Особенностью форумов, посвященных политическим вопросам, всегда была концентрация внимания на наиболее острых текущих вопросах, нередко далеко выходящих за рамки объявленной темы. Не обошла эта особенность и данную конференцию. На этот раз наиболее “горячей” темой явилось расширение НАТО на Восток. Объясняя повышенный интерес к этой теме, Е. Кожокин отметил — это было видно в ходе войны в Югославии, — “как последовательно, одна за другой, международные организации теряли свое реноме. Неудачей закончились усилия ОБСЕ, Европейского Союза, не привели к прекращению войны и действия ООН. Успех пришел только к одной организации, которая, в том числе благодаря войне в Югославии, вышла из кризиса, который она переживала: эта организация — НАТО... На сегодняшний день НАТО обладает наиболее масштабным потенциалом для проведения операций по поддержанию и установлению мира. А эти операции превратились в важнейший инструмент международной политики в период после завершения холодной войны”.

О НАТО на данной конференции не говорил только ленивый, а таких среди участников дискуссии не оказалось, что дало повод А. Лебедю “опустить”, как он выразился, “ложку дегтя в нашу бочку меда”. “На мой взгляд, — сказал генерал, — мы существенно отклонились от заданной темы. Представители стран — членов НАТО и стран, стремящихся в НАТО попасть, НАТО хвалили. Российская сторона НАТО вежливо поругивала. Хвалила себя ОБСЕ”.

И тем не менее, несмотря на перекося, в дискуссии не раз поднимался вопрос о расширении договорной базы в отношениях России с Западом. Особенно рельефно эта проблема была обозначена в выступлениях российских участников конференции С. Бабурина, С. Караганова, Е. Кожокина, А. Лебеда и С. Рогова. Российские участники считают, что уже сейчас есть сферы международных отношений, где было бы можно приступить к разработке правовой базы. Одной из таких сфер, по мнению В. Лихачева, является “появление нового социального феномена — феномена, который определяет не только сегодняшний, но и завтрашний день Европы. Речь идет о сотрудничестве регионов, речь идет о поиске оптимальных форм межрегионального сотрудничества, речь идет о проблемах создания оптимальной международно-правовой, нормативной в целом базы для этого сотрудничества... С нашей точки зрения, назрел вопрос о принятии некоей “Декларации принципов сотрудничества регионов Европы”. А это означает, что у международников-правовиков будет немало работы. Выход на международную арену отдельных регионов существенно дополняет и в известной степени изменяет сложившуюся систему международного права. Принесет ли это пользу системе международных отношений — вопрос непростой. Пока лишь ясно одно — скучно не будет, что уже сейчас доказывает международная активность руководства Чечни”.

Е. Кожокин обратил внимание присутствовавших на то, что начался процесс проработки вопроса о создании новых структур безопасности, а это значит, что наряду с НАТО может появиться ряд союзов с участием США, России, Китая, Японии и стран АСЕАН. “Возникнут структуры, которые будут как бы взаимно уравновешивать и не позволят развиваться опасным тенденциям, которые, тем не менее, присутствуют в нашем мире, но присутствуют в большей степени не в Европе, а скорее в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке”. Одной из причин, обуславливающей необходимость появления новых структур безопасности, является, по мнению Е. Кожокина, появление на международной арене регионов, контролируемых криминальными структурами. Так, Боснию контролируют люди, занимающиеся нелегальной торговлей оружием, наркотиками, нелегальными поставками горючего. В свободную преступную экономическую зону превратилась Чечня.

Тема Чечни была поднята также в выступлениях Э. Паина, С. Бабурина, К. Зегберса. “...Опасность сегодня, — говорил Э. Пайн, — состоит в ином: в сохранении в Чечне всеобщей вооруженности населения и использовании ими оружия в криминальных целях. Сегодня число криминальных вооруженных акций в Чечне и на границах с ней, к сожалению, возрастает... Разгул преступности и терроризма в Чечне и примыкающих к ней районах представляет опасность не только для России. Как правило, терроризм не замыкается рамками одной страны... Политический терроризм идет рука об руку с криминальным, с торговлей наркотиками, оружием, с современной работорговлей”.

Вопрос о Чечне С. Бабуриным был поднят в связи с применением Западом двойного стандарта в международных отношениях, когда “в течение 1991—1993 годов не замечались изгнание с территории Чечни нечеченского населения и те зверства, которые там имели место”, сейчас же “ставятся вопросы о том, что происходит в Чечне”. Что касается К. Зегберса, то он взял под защиту позицию Запада, обвинив Россию в том, что “главные действующие лица начинали и заканчивали эту войну не из-за ситуации в Чечне, а в первую очередь потому, что в обоих случаях рассчитывали на внутрисполитические дивиденды”. Свою позицию К. Зегберс объяснил достаточно откровенно: “Нам следовало бы понять, что во многих отношениях существуют различные интересы и не все партнеры хотят достичь одной и той же цели”. Другими словами, интересы Запада и интересы России не совпадают и совпадать не будут. Непонятно, о каком поиске партнеров может идти речь? К. Зегберс был бы до конца откровенен, если бы сказал: Западу выгодно то, что невыгодно России. Как знать? Может быть, тогда проще было бы вести дискуссии, да и внешнюю политику тоже.

Непредвзятый анализ выступлений представителей Запада невольно наводит на мысль о том, что многие из участников конференции приехали в Москву отнюдь не “в поисках партнера”. Практически через все выступления западников проходила мысль о необходимости для России смириться с тем, что с ее национальными интересами на Западе никто считаться не собирается, что Запад не без злорадства наблюдает за процессами в ослабленной, а еще недавно великой стране, которую не только боялись, но и уважали.

В Европе отлично понимают, что налаживание жизни в России в значительной мере связано с ее экономическим укреплением и что именно это Западу не нужно. А. Майер-Ландрут привел любопытную цифру германских инвестиций за рубежом: “За последний год немецкие предприятия произвели за рубежом инвестиций на 52 млрд. марок. Из них на Россию пришлось “целых” 100 млн. марок”. Яснее, как говорится, не скажешь.

“Причины зарубежной сдержанности очевидны, — откровенно заявила А. фон Кнооп. — Раздутые западной прессой преступность и рэкет вовсе не играют при этом главную роль. Тысячи представителей немецких фирм, живущих в Москве, не дрожат изо дня в день за свою жизнь, на которую покушаются мафиози. Это — абсолютно неуместные искажения, в частности в немецкой прессе, создающие у читателей впечатление, будто все в этой стране вертится вокруг этой проблемы, хотя я не хочу ее недооценивать”.

Еще более откровенно высказался Г. Шмидт: “Мне представляется широко распространенным заблуждением вера политиков и дипломатов в то, что всемирный экономический обмен может осуществляться и поощряться правительствами и их бюрократиями. Кардинальное заблуждение. На деле правительства всегда предпочитают лишь мешать экономическому обмену”.

Бывшего канцлера ФРГ с необыкновенным изяществом поддержал представитель МИД ФРГ Р. Адам: “Я разделяю точку зрения, что в вопросах экономики мы в основном мыслим слишком этикетически. Не партнерство, взаимная помощь, сотрудничество являются ключевыми понятиями рыночной экономики, а конкуренция и освоение рынка. Это означает, что нам не следует упускать из виду, что на уровне экономики, а также политики речь идет не в последнюю очередь о соперничестве и трениях”.

Но ведь об этом говорил еще К. Маркс. Видимо, рано хоронить марксизм.

В.П. Филатов,

кандидат юридических наук

(подробнее об авторе см. в № 2 нашего журнала за 1997 г.)

Рецензия поступила в редакцию 30 ноября 1997 г.

РАЗРЕШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ В СНГ

(Клеандров М.И. Разрешение экономических споров в СНГ: Учебное пособие. — Издание 2-е, переработанное и дополненное. — Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 1997. — 129 с.)

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации М.И. Клеандров написал “Разрешение экономических

споров в СНГ” — учебное пособие, которое разработано автором по состоянию на 1 марта 1997 г. на основе анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств (далее по тексту — СНГ), решений Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ, практики Экономического Суда СНГ и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Здесь чувствуется огромный личный опыт в разрешении экономических споров в СНГ в условиях отсутствия механизма разрешения таковых.

С образованием на территории СССР из бывших республик суверенных государств экономические связи между ними не прекратились. Но правоотношения изменились. Экономическое взаимодействие теперь базируется на соответствующих много- и двусторонних договорах и соглашениях, национальных законодательных и иных нормативных правовых актах государств — участников СНГ. Эти обстоятельства потребовали создания и соответствующей международно-правовой базы СНГ и новых соответствующих международному статусу государств СНГ механизмов разрешения экономических споров между их хозяйствующими субъектами.

Так, в первой главе монографии анализируются правовые основы интеграции в СНГ. Автор поэтапно отслеживает историю создания СНГ, его развития; дает организационно-правовую характеристику этих этапов. Отдельной линией прослеживается изменение экономических отношений как между государствами СНГ, так и между хозяйствующими субъектами этих государств.

В главе II “Экономические споры и их участники” рассматриваются такие понятия, как “экономический спор”, “спор”, их объект, предмет. Автором подробно проанализирована общепринятая схема урегулирования экономического спора, для чего она им условно разбита на пять этапов. Выявлены сильные и слабые стороны каждого этапа, даны рекомендации.

Кроме того, во второй главе с опорой на законодательство СНГ проанализированы органы и институты Содружества как участники экономических споров, дана их правовая характеристика: статус, права, задачи, функции и т.п.; как особый вид субъектов экономического спора рассмотрены транснациональные хозяйственные объединения в СНГ, воинские части (военные организации).

Третью главу автор посвятил органам, разрешающим в СНГ экономические споры: Экономическому Суду СНГ, арбитражным, хозяйственным, экономическим судам, третейским судам и иным государственным органам, разрешающим в государствах СНГ экономические споры; организационно-правовому механизму разрешения экономических споров в следующих государствах Содружества: в Азербайджане, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдавии, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине. В названной главе, в частности, автор отмечает, что на сегодня Экономический Суд СНГ является единственным судебным органом, созданным государствами — участниками СНГ для разрешения экономических споров. Остальные органы и институты СНГ правом разрешения экономических споров не наделены. Поэтому автор подробно знакомит читателя с правовой природой Экономического Суда СНГ, с кругом межгосударственных экономических споров, подсудных ему, правами и обязанностями сторон эконо-

мического спора, обращая внимание на то, что в соответствии с Положением об Экономическом Суде СНГ "государство, в отношении которого принято решение суда, обеспечивает его исполнение".

В главе IV изложены особенности механизма разрешения экономических споров между хозяйствующими субъектами разных государств СНГ. В ней автор остановился на широком круге вопросов, от особенностей заключения экономических договоров между хозяйствующими субъектами разных государств СНГ с рекомендациями по их заключению, применению гражданского законодательства при разрешении экономических споров до исполнения решений различных органов по спорам между хозяйствующими субъектами разных государств — участников СНГ.

Пятая глава полностью посвящена особенностям механизма разрешения арбитражными судами Российской Федерации экономических споров с участием иностранных лиц из государств так называемого дальнего зарубежья.

Однако в настоящее время в СНГ еще остается ряд экономических споров, механизм разрешения которых не разработан. Таким спорам и посвящена глава VI монографии.

В конце книги автор поместил список рекомендуемой литературы по теме. В книге глубоко и всесторонне рассмотрен организационно-правовой механизм разрешения экономических споров в СНГ. Она призвана стать помощником для всех тех, кто занимается внешнеэкономической деятельностью, кто может столкнуться или уже столкнулся с невыполнением контрагентом своих обязательств по заключенным договорам в деле защиты своих нарушенных прав.

В.Ю. Федянин,
адъюнкт кафедры права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Рецензия поступила в редакцию в январе 1998 г.

Кто есть кто в нашей науке и практике

**АЛЕКСАНДРОВ
ФЕДОР ОЛЕГОВИЧ**
(Санкт-Петербург)

Родился в 1962 году в Ленинграде. В 1985 году окончил физический факультет Ленинградского госуниверситета. В течение десяти лет занимался физикой, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук, а затем перешел в гуманитарную сферу.

В 1991 году начал заниматься конфликтологией в советско-американской программе по этому вопросу. В 1993 году было создано отделение конфликтологии при ЛГУ. Он стал заведующим лабораторией этого отделения. С 1994 года — заведующий учебной частью отделения, а с 1997 года — заведующий этим же отделением.

В работе постоянно сталкивается с двумя составляющими его работы: во-первых, ростом американского влияния и, во-вторых, ростом интереса к его работе в российском обществе. Перед гуманитариями сейчас встал вопрос: как бороться с социальными взрывами в обществе, как успокаивать конфликтные ситуации, как острый конфликт перевести в приемлемый спор?

Конфликтология — новая область изучения в гуманитарных науках, новая отрасль знаний. Петербургские конфликтологи в Казани создают с помощью местных кадров Российский центр конфликтологии.

В последние годы взаимодействует с юристами-международниками, в частности стал проявлять интерес к международному гуманитарному праву.

Участвовал в ноябре 1997 года в Снегирях (Московская обл.) в семинаре по проблемам международного гуманитарного права, который проводился Международным Комитетом Красного Креста (МККК).

На вопрос редакции о том, *какое значение приобретает международное право в сфере его научно-практических интересов, в частности в конфликтологии*, Ф.О. Александров сказал, что международное право — это один из инструментов, с помощью которого можно регулировать конфликты. От систематизации этих инструментов уйти нельзя. Но одного международного права, конечно, недостаточно. Нужны и другие инструменты воздействия на конфликтующие стороны. В этом направлении уже сделано начало. К примеру, их центр конфликтологии взаимодействует в направлении урегулирования конфликтов с МККК и с Межпарламентской ассамблеей СНГ.

Начаты также первые работы в области урегулирования социально-бытовых конфликтов.

БАКОСОВ
ИСЛОМ МУКИТОВИЧ
(Ходжент)

Родился 10 апреля 1961 г. в Исфаре — старинном городе Ленинабадской области Таджикистана. В горах под Исфарой есть пещера, где, по данным ученых, жили люди раннего палеолита. В городе 18 крупных промышленных предприятий.

Окончил в 1987 году юридический факультет Таджикского государственного университета. Работал в прокуратуре Тульской области, а затем в правоохранительных органах Таджикистана.

С 1994 года перешел на преподавательскую работу в Таджикский госуниверситет.

В настоящее время на факультете права и международных отношений Таджикского государственного университета ведет

семинар “Право, бизнес и политика”. Является старшим преподавателем кафедры международного права и истории дипломатии.

Участвовал в международных семинарах преподавателей и ученых в Таджикистане, Узбекистане и России, в частности в мае 1997 года — в Ходженте, в ноябре 1997 года — в Снегирях Московской области. Обе встречи специалистов проводил Международный комитет Красного Креста.

Считает, что проблема применения международного гуманитарного права на территории Таджикистана — одна из самых важных. И улучшение всей обстановки в стране будет зависеть от того, насколько всеобъемлюще и широко будут применяться нормы международного гуманитарного права.

На вопрос редакции, *каково значение норм международного права для Таджикистана*, И.М. Бакосов сказал, что роль международного права все время повышается. Таджикистан все больше ориентируется на нормы международного права. В его университете студенты учатся уже на 4-м курсе, выпуск будет через год, в 1999 году. Стране нужны молодые кадры, и она их получит. Развитие истории идет к этому.

**ГАРАДЖАЕВ
ДЖЕЙХУН ЯСИН ОГЛЫ**
(Одесса)

Родился в 1965 году в Баку. Окончил в 1993 году Бакинский государственный университет им. М.Э. Расул-заде. Учился в 1994—1997 годах в аспирантуре Одесского госуниверситета. Защитил там же, в Одессе, диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему “Конституционные права и свободы человека и гражданина в правовых системах стран СНГ (на материалах России, Украины, Азербайджана)”.

Ведет преподавательскую работу. В Бакинском госуниверситете читал курс лекций о правах человека.

Опубликовал следующие работы:

Приобретение гражданства: сравнительно-правовой анализ (на материалах Украины и России)//Актуальные проблемы государства и права. Сборник научных трудов.— Вып. 2. — Одесса, 1995; *Защита прав граждан как членов территориального коллектива (в соавторстве)*//Юридический вестник (Одесса). — 1995. — № 2; *Механизм действия международно-правовых стандартов прав и свобод человека и гражданина в государственном (конституционном) праве (на материалах Украины и России)*//Государство и право. — 1996. — № 2; *Гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина*//Юридический вестник (Одесса). — 1996. — № 1; *Правовая информация — гарантия реализации конституционных прав и свобод человека*//Юридический вестник (Одесса). — 1997. — № 1; *Роль правовой информации о правах и обязанностях человека в интеграции Украины в мировое сообщество*//Идеология державотворення в Україні: історія і сучасність. Матеріали науково-практичної конференції 22 — 23 листопада 1996 року. — Київ: Генеза, 1997; *Пределы допустимости ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина в странах СНГ и международные стандарты*//Ganun (Баку). — 1997.— № 16.

Участвовал в международных конференциях и семинарах. В частности, в 1995 году — в Нижнем Новгороде в международной конференции “Российская правовая система и международное право”, которую проводило МВД РФ; в 1996 году — в двух семинарах в Баку, которые проводились Советом Европы и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе; в том же году — в двух семинарах в Киеве на темы “Концепция развития законодательства Украины до 2006 года” и “Идеология государственного строительства в Украине: история и современность”.

На вопрос редакции, какова основная концепция только что защищенной им диссертации, Д.Я. Гараджаев ответил: “Отношения трех стран (России, Украины и Азербайджана) должны носить универсальный характер. Надо унифицировать максимальное количество норм. Поэтому смотрю вперед вполне оптимистично. Нам всем надо развивать связи. Наука во всех странах развивается параллельно с Россией. Развивается и право, но все это делается, на мой взгляд, в рамках одной семьи народов. У них развивается и конституционное, и международное право. И мне кажется, что спор излишен по поводу того, что выше и что ниже”.

**ГИДИРИМ
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**
(Москва)

Родился 1 сентября 1941 г. в Одесской области. В 1970 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт. После окончания института работал в Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество, принимал участие в подготовке, проведении и реализации решений Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году.

С 1976 по 1979 год учился в аспирантуре Дипломатической академии МИД СССР (кафедра международного права). В 1980 году защитил кандидатскую диссертацию по теме "Юридическая природа Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе". Является доцентом кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ.

Автор ряда публикаций, среди которых преимущественно монографии и статьи. Часть публикаций (главным образом учебные пособия) переведена на персидский язык в связи с тем, что с 1981 по 1988 год неоднократно направлялся для чтения лекций в Демократическую Республику Афганистан в качестве советника-преподавателя.

Участвовал в подготовке проекта Конституции и ряда других законопроектов. Участвовал в подготовке кадров для центрального аппарата и загранпредставительств МИД ДРА, а также для местных и центральных органов власти и управления Афганистана.

С 1988 года возглавлял правовые службы ряда коммерческих структур: Международной акционерной компании "Четек" (человек, технологии, капитал), Международной акционерной телерадиокомпаниями "Мир", КБ "Кредо-Банк", АКБ "Российско-Американский инвестиционный банк". В настоящее время возглавляет юридический отдел АКБ "Диалог-Банк".

На вопрос редакции *о возможности и необходимости непосредственного применения норм международного права в от-*

ношениях между российскими предприятиями и организациями А.В. Гидирим ответил: “В связи с тем что действующее российское законодательство трудно заподозрить в четкости и стабильности в отношении ряда направлений правового регулирования коммерческой деятельности, а также в связи с тем, что российская деловая общественность лучше стала осознавать практические выгоды и преимущества, проистекающие из конституционной нормы о том, что международные договоры с участием России являются частью права России, в деловом обороте все чаще встречаются случаи, когда силу аргумента ищут не в нормативных актах РФ, а в текстах международных договоров. В качестве примера можно привести ссылки лиц, работающих с векселями, не на акты РФ, регулирующие оборот векселей, а на Конвенцию о единообразном законе о переводном и простом векселе от 1 января 1934 г. Российские судьи в подавляющем своем большинстве не в состоянии пока применять нормы международного права, и поэтому в той части судебной реформы, которая относится к подготовке судейских кадров, пора предусмотреть серьезные меры по обучению этих кадров международному праву”.

КАРАЕВ
НАЗИРДЖОН САЙДУЛЛАЕВИЧ
(Душанбе)

Родился 26 августа 1969 г. в г. Канибудам Ленинабадской области Таджикистана. В 1996 году окончил юридический факультет Таджикского государственного университета. Преподает международное право в родном университете, являясь сотрудником кафедры международного права. Прикреплен соискателем к кафедре международного права МГИМО(У) МИД РФ. Работает над темой кандидатской диссертации “Таджикистан в системе СНГ”.

В журнале Академии наук Таджикистана опубликовал статью “Механизм реализации прав человека в Таджикистане”.

Участвовал в ряде международных конференций и семинаров, в частности в Международной конференции по правам человека под эгидой ЮНЕСКО (Душанбе, май 1997 г.), в Международной конференции по проблемам молодежи (Душанбе, октябрь 1997 г.), в Международном семинаре о законодательстве Таджикистана (Душанбе, октябрь 1997 г.), в Международном семинаре по международному гуманитарному праву (пос. Снегири Московской обл., ноябрь 1997 г.).

На вопрос редакции *о перспективах изучения международного права в Республике Таджикистан* Н.С. Караев ответил следующее: "Республика Таджикистан стала полноправным субъектом международного права, и в связи с этим перед ней встала задача подготовки собственных юристов-международников, которые помогали бы стране активно и полноправно участвовать в международном общении. Таджикистан направляет свои делегации на все важнейшие заседания в рамках СНГ, на все важнейшие мероприятия в рамках ООН.

Сейчас у нас в университете появилось международно-правовое отделение, где мы готовим юристов-международников. Нам очень хочется, чтобы на международно-правовых форумах Республику Таджикистан представляли хорошо подготовленные кадры, специалисты как в области международного публичного права, так и в области международного частного права. Для этого мы и трудимся у нас в Таджикском государственном университете".

**ЛОМАГИН
НИКИТА АНДРЕЕВИЧ**
(Санкт-Петербург)

Родился в 1964 году в Ленинграде. В 1986 году окончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета. В 1989 году защитил кандидатскую диссертацию на тему "О немецкой пропаганде в годы войны и деятельности государственных органов по ее нейтрализации".

Заместитель декана факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета, доцент, кандидат исторических наук, директор Центра по изучению новых независимых государств.

В 1996 году получил диплом об окончании в городке Анн Арбор (США) школы права Мичиганского университета, в которой учился два года. В 1997 году в дополнение к историческому получил высшее юридическое образование: окончил юридический факультет своего же, Санкт-Петербургского, университета.

Имеет более 20 различных научных публикаций по истории российской внешней политики и международных отношений. Основная сфера научных интересов — внешняя политика современной России, деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе на территории бывшего СССР и разрешение споров между новыми независимыми государствами. Его научные работы опубликованы как в отечественной, так и в зарубежной печати.

Как стипендиат НАТО и Фонда Сороса работает над проектами демократизации внешней политики России. Участвует в международных конференциях, организуемых Евросоюзом, Ассоциацией славянов России и другими региональными организациями.

Один из проектов, в которых участвует и Н.А. Ломагин, — это написание и создание сборника задач (Case Study) по разрешению конфликтов на территории бывшего СССР. Базу данных авторы этого сборника получили через сеть Интернет. Хотят получить больше информации для этого сборника из стран Восточной Европы и из других государств.

Участвовал в ряде международных конференций, в частности в 1995 году — в Колумбийском университете в Нью-Йорке в конференции на тему “Российско-украинские отношения”; в 1996 году — в Питтсбурге на тему “Проблемы безопасности России”; в 1996 году — в Вашингтоне (округ Колумбия) на тему “Актуальные проблемы внешней политики России”; в июне 1997 года — в конференции Евросоюза на тему “Россия и проблемы безопасности в Европе”.

В начале ноября 1997 года приезжал на неделю в поселок Снегири Московской области, где проходил семинар Международного Комитета Красного Креста по международному гуманитарному праву, а в конце этого же месяца уже выступал в Сиэттле (США) на международной конференции по истории второй мировой войны.

Отвечая на вопрос редакции нашего журнала, *какое значение имеет международное право для Санкт-Петербурга*, И.А. Ломагин сказал: “Самое жизненное. Однако настоящих специалистов у нас не так много. И потом процесс подготовки квалифицированных кадров занимает много времени. Тем не менее в Санкт-Петербурге имеются юристы-международники, имена которых известны далеко

за пределами России, — это С.А. Малинин, Л.Н. Галенская, В.С. Иваненко и др. Потом не надо забывать, что Санкт-Петербург — это местонахождение Межпарламентской ассамблеи стран — членов СНГ. Здесь находится ее постоянный секретариат, сюда съезжаются парламентарии из стран, созданных на постсоветском пространстве. Уже одно это показывает настоятельную необходимость для нас постоянно готовить и совершенствовать систему подготовки специалистов в области и международного публичного, и международного частного права”.

Международные организации

КОНКУРС БИЗНЕС-ГОРОДОВ

Эксперты английского журнала *Fortune* провели исследование — конкурс *ad hoc*, то есть одноразовое, на выявление лучшего бизнес-города Европы. В качестве критериев принимались во внимание: уровень жизни, уровень зарплаты, уровень платы за аренду служебных помещений, уровень преступности, уровень образованности молодежи, в первую очередь, рабочей, уровень занятости населения, развитость транспортных коммуникаций и некоторые другие.

На первое место по многим показателям вышла и стала первой в общем зачете столица Ирландии — Дублин. И это несмотря на то, что и в этом городе имеются проблемы, в частности, безработица и бесконечные автомобильные пробки.

За Дублином с определенным отрывом следовали Рим, Амстердам, Лондон, Милан и другие города Европы. Города России в конкурсе не учитывались, поскольку ее бизнес пока еще слаб.

Вместе с тем, Россия и, в частности, Москва, ощущает на себе влияние превосходного ирландского бизнеса. Это и знаменитый на Новом Арбате “Ирландский Дом”, и многочисленные разбросанные по всей российской столице ирландские фирмы, и, наконец, единственный и неповторимый в своем роде парад-демонстрация бизнесменов Ирландии по главным улицам Москвы в день святого Патрика, которая проводится ежегодно и стала для российской столицы уже своеобразной традицией.

(Соб. инф.)

Полемика

В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ “МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА”

В № 4 за 1996 год “Московского журнала международного права” была опубликована статья В.В. Похлебкина “Правовые аспекты абхазской проблемы в свете исторического опыта”.

Не буду останавливаться на исторических экскурсах г-на Похлебкина (это тема отдельной статьи), хотя не может не вызвать настороженности у внимательного и непредубежденного читателя безапелляционность суждения автора без каких-либо ссылок на источники.

Я хотел бы привести лишь один тезис, выдвигаемый автором, а именно: “Ни на языковом, ни на психологическом уровне грузин и абхазец несовместимы. Обречь их на сожительство вместе — либо издевательство, либо безрассудство, и уж во всяком случае — проявление полнейшего невежества” (с. 134).

Иначе говоря, г-н Похлебкин считает издевательством, безрассудством либо полнейшим невежеством усилия международного сообщества (ООН, ОБСЕ, СНГ) по мирному урегулированию проблемы Абхазии, включая возвращение к своим родным очагам огромного числа беженцев и предоставление Абхазии самых широких полномочий в рамках территориальной целостности Грузии, то есть на основе одного из важнейших принципов современного международного права — принципа территориальной целостности государств.

Я уже не говорю о том, что подход (критерий), применяемый г-ном Похлебкиным к абхазской проблеме (языковая, психологическая несовместимость), может быть взят на вооружение определенными силами в других регионах. К чему это может привести — достаточно ясно.

Но на этом г-н Похлебкин, как и следовало ожидать, не остановился. В своей статье “К вопросу о новых принципах государственно-правового подхода в проведении национальной политики России на Северном Кавказе”, опубликованной в том же журнале в № 2 за 1997 год, он предлагает создать Северо-Кавказскую Федеративную Республику в составе Российской Федерации, включив в нее помимо республик Северного Кавказа и Абхазию (с. 150—151).

Таким образом, здесь речь идет уже не только о разжигании абхазского конфликта, но и об отторжении от Грузии части ее территории, что неизбежно приведет к острейшей конфликтной ситуации, и не только в этом регионе.

Весьма странной выглядит позиция редакционной коллегии журнала, опубликовавшей эту статью. А что касается первой статьи г-на Похлебкина, о которой упоминалось выше, то она даже получила высокую оценку редколлегии: г-н Похлебкин стал лауреатом премии “Московского журнала международного права” за 1996 год.

Разумеется, в журнале должны публиковаться материалы с различными точками зрения на ту или иную проблему. Кстати, было бы неплохо воспользоваться практикой ряда журналов, которые в одном номере публикуют для наглядности статьи авторов, придерживающихся разных подходов к одной и той же проблеме. Но есть грань, которую, на мой взгляд, переступать нельзя, тем более журналу международного права, призванному отстаивать международный порядок. Мне представляется, что не должны находить места материалы, которые направлены, прямо или косвенно, на разжигание конфликтов, создание новых, весьма опасных конфликтных ситуаций, на проповедь взглядов, сродни расистским.

И здесь возникает еще один вопрос. Насколько мне известно, направление “Московского журнала международного права” определяют редколлегия и редакционный совет, в который входят представители большинства бывших союзных республик. Однако роль редакционного совета пока достаточно формальна, и это, несомненно, слабая сторона журнала. Отсюда и возможность появления статей г-на Похлебкина. Члены редакционного совета должны не формально, а на деле участвовать в определении направления журнала, в противном случае в существовании редакционного совета нет смысла.

Очевидно, следует серьезно подумать и о целесообразности присуждения премий журнала, учитывая уже имеющийся здесь опыт (торопливость, субъективность и т.д.).

В заключение хочу сказать, что “Московский журнал международного права” за сравнительно короткое время своего существования (с 1991 г.) стал пользоваться популярностью и уважением во многих странах (не случайно началось его издание на английском языке). Это очень нужный журнал, особенно для новых государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Поэтому ему крайне важно сохранять объективность и взвешенность оценок.

24 октября 1997 г.

Р.В. Деканозов

Член редакционного совета
“Московского журнала международного права”

Статья поступила в редакцию 14 ноября 1997 г.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АБХАЗСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ДОКУМЕНТАЛЬНО ПОДТВЕРЖДЕННОГО, А НЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Современное международное сообщество государств в последние годы, а именно после окончания холодной войны и начала демократических преобразований на постсоветском пространстве, столкнулось с весьма опасным для мира и стабильности международно-правового порядка явлением — с так называемыми этноконфликтами, приобретающими, как правило, форму агрессивного сепаратизма и угрожающими суверенитету и территориальной целостности суверенных демократических государств — членов ООН и других международных организаций.

Как показывает опыт борьбы с агрессивным сепаратизмом в рамках ООН и СНГ, этим термином прежде всего определяются действия групп лиц, использующих национальные чувства своих малых народов или национальных меньшинств, проживающих в пределах суверенных независимых государств, для подрыва суверенитета и территориальной целостности этих государств путем вооруженного путча с целью создания независимого государства без учета воли остального населения данного государства, составляющего большинство; как правило, это движение тесно связано с зарубежными политическими, экономическими, а главное — с военными структурами, оказывающими сепаратистам всяческую, опять же часто открыто, морально-политическую и, как правило, полуприкрытую экономическую и военную, вплоть до интервенции, помощь.

Международное сообщество отказывается признать приобретенную такой ценой независимость, кроме борьбы колониальных и зависимых народов, и делает все, чтобы восстановить мир и порядок внутри заинтересованных государств, во всем регионе, который, как правило, вовлекается в зону конфликта.

Характерно и другое явление: готовясь к вооруженному конфликту, агрессивный сепаратизм осуществляет агрессивную идеологическую политику, не останавливаясь перед фальсификацией исторических фактов, подготавливая общественность не только к “справедливости” притязаний сепаратистов “на самоопределение, вплоть до отделения”, но и к “стерилизации” территории будущего государства, а именно к геноциду и этнической чистке в отношении “неудобного” населения.

Все эти явления, к сожалению, проявились в конфликте в Абхазии — исторически неотделимой части Грузии.

В данной статье я не буду касаться всех аспектов этой проблемы, а затрону лишь те, которые поставлены **В. Похлебкиным** в его статье “**Правовые аспекты абхазской проблемы в свете исторического опыта**” (“Московский журнал международного права”. — 1996. — № 4. — С. 122—135). Это тем более необходимо, что этот пасквиль, иначе я не могу назвать эту публикацию, опубликован в столь уважаемом и авторитетном издании, каким является данный журнал.

Для этого достаточно ознакомиться с “выводами” автора. Так, В. Похлебкин не скрывает своей главной цели: доказать право абхазского народа на создание независимого государства.

Вот так с плеча рубит В. Похлебкин и низвергает в пропасть действительно многовековой исторический опыт именно сожительства, причем теснейшего сожительства двух коренных народов Абхазии.

Но обратимся к фактам. Рассуждения В. Похлебкина содержат несколько пластов “доказательств”: 1) исторический прецедент; 2) невозможность объединенного абхазского и грузинского управления и совместного проживания народов этих стран; 3) конституционные права Абхазской Республики на легитимное государственное образование, обладающее международно-правовым статусом, завоеванным народом Абхазии в национально-освободительной борьбе в 1917—1921 годах; 4) административно-юридические основания; и наконец, 5) правовой аспект, в XX веке содержащий в себе и право наций на самоопределение вплоть до отделения в самостоятельное государство (с. 134).

Поскольку рассуждение, а скорее всего тезисное изложение важнейших исторических и правовых факторов, не содержит ни одного документального подтверждения, я вынужден прибегнуть прежде всего к документальному опровержению этих тезисов.

1. О чем свидетельствует история существования Абхазии, в чем состоит “исторический прецедент”?

Обратимся прежде всего к постулатам В. Похлебкина.

Постулат первый: “с середины VIII века, т.е. на 100 лет ранее создания Киевской Руси (знаменательное сравнение! — *Авт.*), Абхазия стала независимым государством (746 г.) и просуществовала в этом качестве непрерывно 200 лет — до 995 года. За это время Абхазия распространила свое влияние на более отсталую в экономическом и культурном отношении Имеретию (?) (Западную Грузию) и, присоединив к себе эту территорию, стала называться Абхазским царством, сохраняя этот статус до 1239 года, повысив свой статус с княжества до царства... Абхазское царство прекращает свое существование в 1239 году, потому что процветающая приморская Абхазия не захотела более тащить на своих плечах нищую, отсталую Имеретию и отделилась от нее вновь в самостоятельное княжество как удел князей Шервашидзе...”

Следовательно, Абхазия как независимое государство просуществовала непрерывно свыше 500 лет (746—1248 гг.) (а не “1239”, см. выше. — *Авт.*), продемонстрировав за полтысячи лет свою социальную, экономическую и национальную устойчивость как государства” (стр. 125).

А теперь обратимся к действительным явлениям¹. По данным археологических изысканий, в периоды Ранней и Средней, особенно Поздней Бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.) на территории Абхазии, так же как и в остальных областях Восточного Причерноморья и всей Западной Грузии, засвидетельствована общеколхская (западногрузинская) культура, в ареал которой входила территория современной Абхазии. Согласно ан-

тичным авторам (Гекатей Милетский — VI в. до н.э., Геродот — V в. до н.э., Псевдо-Скилак Кариандийский — IV в. до н.э., Страбон — I в. до н.э. и др.), среди племен, проживающих вдоль восточного побережья Черного моря, доминирующее положение занимали колхи (грузинское племя), которые, объединив местные племена, в VI веке до н.э. создали Колхидское царство (первое западногрузинское государство). Античные авторы зачастую объединяют племена, населяющие Колхидское царство, в один собирательный термин — колхи.

Первое упоминание предков абхазских племен (апсилы и абазгов) на территории Северо-Западной Колхиды относится к I—II векам н.э. (Гай, Плиний, Секунд, Флавий Арриан).

Географическое название “Абхазия” (груз. — “Апхазети”) и этноним “абхаз” (груз. — “апхазы”) идут с грузинского языка. Сами абхазы именуют себя “апсуа”, а Абхазию — “Апсны”. Время появления терминов “апсуа” и “Апсны” не установлено.

В I—II веках в горных регионах нынешней Абхазии (частично захватывая и побережье) создаются княжества абазгов и апсильов, а на побережье к западу от апсильов — княжество санигов. Они вместе с грузинским царством Лазикой (Эгриси) подчинялись Римской империи, а впоследствии — Византии.

С начала IV века Лазское царство усиливается и постепенно объединяет почти всю Колхиду (Западную Грузию), включая территорию современной Абхазии.

На рубеже VI—VII веков Византия, упразднив царскую власть в Западной Грузии, образовала к югу от реки Кодори патрициат Лазики, а на территории, расположенной севернее, — архонтат Абазгии (в грузинских источниках “эриставство Абхазии”. Груз. “эриставство” — термин, идентичный русскому “воеводство”).

С этого времени этноним “абхаз” (“абазы” византийских источников) приобретает политический оттенок и употребляется для обозначения всего населения эриставства Абхазии.

К 30-м годам VI в. усилившееся эриставство Абхазии включается в борьбу Лазики (Эгриси) против Византии и арабских захватчиков. В результате совместных усилий арабы были изгнаны из Западной Грузии.

В 80-х годах VIII в. произошло политическое объединение Западной Грузии. Вассал Византии правитель Абхазии эристав Леон I по указу императора вошел под покровительство царей Картли (восточногрузинское государство) Мира и Арчила, власть которых простиралась и на Эгриси. Эристав Абхазии Леон I, женившись на дочери царя Эгриси, фактически стал обладателем царской короны, однако царем себя не объявил.

В 80-х годах VIII в. правитель Абхазии Леон II сумел осуществить политическое объединение всей Западной Грузии. К концу века Леон II с помощью хазар (мать Леона была дочерью хазарского кагана) полностью освободился от византийской зависимости и начал борьбу за создание нового, более крупного политического образования. В этой борьбе Леон опирался наряду с абхазами и на грузинское население Западной Грузии. Эта поддержка помимо историко-культурной близости между абхазами и грузинами, их общих интересов в борьбе против византийского

владычества была обусловлена и родственными связями правящих династий Абхазии и Эгриси.

Завладев землями до Лихского хребта, Леон II принял титул царя абхазов и перенес свою резиденцию из Анакопии (ныне Новый Афон) в Кутаиси.

Новое западногрузинское государство стало называться "Абхазским царством". Его население в основном, естественно, состояло из грузин (картов, мегрелов, сванов), определенную часть составляли и абхазы. Входили в него и другие народности и племена Кавказа.

Грузинский элемент составлял большинство населения нового государства. Кроме того, он являлся более развитым в социально-экономическом и культурном отношении. И вполне понятно, почему грузинский язык получил всеобщее распространение как основной язык письменности и культуры во всем Абхазском царстве, став государственным языком.

С точки зрения административного деления Абхазское царство состояло из восьми эриставств (военно-административных единиц): Абхазского, Цхумского, Бедийского, Сванского, Рача-Такверского, Гурийского, Кутаисского и Шорапанского. Из этих восьми эриставств территорию собственно Абхазии представляли два эриставства: Абхазское и Цхумское, в которых в основном проживало собственно абхазское население. Вместе с тем здесь следует отметить и то, что на территории самой Абхазии наряду с абхазами проживали и грузины. Таким образом, к коренному населению собственно Абхазии относятся и абхазы, и грузины.

Название этого нового государственного образования в Западной Грузии — Абхазское царство, естественно, произошло от названия князей Абхазии, выступивших в роли объединителей Западной Грузии. Заметно окрепнув, Абхазское царство в IX веке сумело достичь и независимости западногрузинской церкви от Константинопольского патриаршества. Глава западногрузинской церкви — абхазский католикос, местопребывание которого находилось в Бичвинте (Пицунда), по церковно-иерархической линии был подчинен восточногрузинскому (Мцхетскому) католикосу. В связи с этим богослужение в церквях Западной Грузии вместо греческого стало вестись на грузинском языке.

Абхазское царство, что вполне естественно, включилось в борьбу за объединение всей Грузии в единое государство.

Другим сильным государством в юго-западной части Грузии было Тао-Кларджетское княжество, возникшее в начале IX века, во главе которого утвердился род Багратионов. Наивысшего расцвета Тао-Кларджетское княжество достигло при Давиде III (ум. 1001), носившем также титул курапалата Византийской империи, так как Тао-Кларджетское княжество было в зависимости от Византии. В 975 году Давид III добился утверждения правителем Картли своего приемного сына Баграта III, который происходил из рода тао-кларджетских Багратионов, был сыном правителя одной части провинции Тао, а по материнской линии приходился племянником абхазскому царю Феодосию. В 978 году Баграт III занял уже и престол Абхазского царства. Усилившись таким образом, Баграт III сумел подчинить своей власти значительную часть Грузии и стал первым царем объединенного Грузинского царства.

Инициаторами и проводниками этого объединения феодальной Грузии явились правящие круги Абхазского царства, для которых Баграт III (по линии отца — наследник тао-кларджетских владетелей, а по линии матери — абхазских царей) оказался весьма подходящей фигурой в качестве царя объединенного Грузинского царства.

Абхазское царство явилось сильным грузинским государственным образованием, сыгравшим определенную роль в политическом объединении феодальной Грузии. Поэтому и не случайно то обстоятельство, что в полной титулатуре царей объединенной Грузии на первом месте значился титул “царя абхазов”, а затем “царя картвелов”, “царя кахов” и т.д.

Таким образом, термины “Абхазия” и “абхазы” в VIII—XIII веках, как это верно заметил Э.В. Анчабадзе, имеют тройное значение. В одном случае они подразумевают собственно Абхазию и абхазов, в период же существования Абхазского царства в IX—X веках используются в качестве названия всей Западной Грузии и ее населения, а после создания единого грузинского феодального государства, то есть объединения всей Грузии (с XI в.) иногда распространялись на всю Грузию и в течение определенного исторического периода являлись синонимами понятий “грузин” (“картвели”) и “Грузия” (“Сакартвело”) вообще².

Одно важное обстоятельство: в “золотую эпоху” для Грузинского объединенного царства (XI—XIII вв.), и прежде всего в период от Давида Строителя до царицы Тамары, Грузинское (Абхазское) царство, простираясь от Черного до Каспийского морей, явило собой великую державу, с которой считалась не только вся Передняя Азия, но и Киевская Русь, Византия и даже Рим и вообще Западная Европа.

Историческим фактом является то обстоятельство, что в эпоху феодализма титулатура монархов начиналась прежде всего с перечисления исконных, родных земель, а затем содержала перечисление других приращений³. Так, российские императоры величали себя: Самодержцами Московскими, Киевскими, Владимирскими, Новгородскими, Царями Казанскими и Астраханскими... и т.д.

То же самое наблюдается и в титулатуре грузинских монархов — Давид Строитель был “царем абхазов (Западная Грузия), картвелов (сегодня Картли плюс Месхетия), эров и кахов (т. е. Кахетия), сохитии (Южная Картли)”. Георгий III прибавляет к титулу Шахинша (бывшее армянское царство) и Ширванша (Ширван — часть сегодняшнего Азербайджана) и т.д.

Если для царей объединенной Грузии, как и вообще для грузин, абхазец не был бы таким же грузином в культурном и политическом смысле, как эгр, карт, ках, тогда цари Грузии, наверное, постарались бы внести изменение в свою титулатуру.

Вряд ли кто-либо станет отрицать грузинское происхождение царицы Тамары, но и она в период своего царствования именовалась зарубежными историками “падишахов” “царицей Тбилиси и Абхазии” (персидский историк XIII—XIV вв. Ибн-Исфандияр; аналогичны упоминания, содержащиеся в трудах византийских, арабских, греческих, армянских историков, азербайджанских поэтов и писателей, например у Низами Гянджеви и Хакани).

Таковы факты.

Бросается в глаза неосведомленность В. Похлебкина об элементарных исторических процессах; пытаясь “доказать” независимое существование Абхазии и с 985 по 1239 год, он “забывает”, что в этот период абхазский владетель объединил всю Западную Грузию, далеко выходящую за пределы собственно Имеретии.

Более того, если уж он взялся за исторические прецеденты, то ему не следовало бы обеднять термин “Абхазское царство”, ограничиваясь лишь Западной Грузией, а объявить Абхазией, в его понимании, все Грузинское царство XI—XIII веков. Но он “забыл” о существовании мощного, подлинно независимого объединенного грузинского, порой именуемого абхазским, царства, известного сегодня всему миру как родина Восточного Ренессанса, давшего миру Шота Руставели, основателя “грузинской школы неоплатонизма” Иоанна Петрици, двух академий наук — в Икалто (Кахетия) и Гелати (близ Кутаиси), где преподавались философия и дипломатическое искусство. Что касается “отсталости Имеретии” (Западной Грузии, согласно версии В. Похлебкина), то историческим фактом является и то, что с VIII—IX веков греческий язык уступает место грузинскому как языку письменности, государственного делопроизводства и богослужения. В IX—X веках церкви царства Абхазии полностью вышли из подчинения Константинопольского патриархата и вошли в состав грузинского автокефального Мцхетского католикоса. Цари Абхазии упразднили греческие епархии, основав новые епископские кафедры, которые стали очагами грузинской культуры. В царстве Абхазии были созданы значительные грузинские агнографические и гимнографические произведения, на грузинском языке была составлена и хроника — “Диван абхазских царей”. В этот период расширяется строительство церквей. Все сохранившиеся памятники архитектуры, расположенные на территории современной Абхазии, имеют общегрузинский характер. С IX—X веков в Абхазии засвидетельствована грузинская эпиграфика. “Наиболее древние грузинские надписи, — пишет абхазский ученый Х. Бгажба, — засвидетельствованные на территории современной Абхазии, как лихненская, анухвская, царчинская, гумуришская, илорская... датируются в основном XI—XII веками, хотя некоторые из них могут быть отнесены и к более раннему периоду...”⁴.

Таким образом, В. Похлебкин просто-напросто “стер” с карты Закавказья XI—XIII веков Грузинское объединенное, централизованное царство, а часть его объявил “независимым Абхазским царством”.

Большее издевательство над историей Грузии и Абхазии трудно себе представить.

Ослабленное нашествиями монголо-татар (XIII в.) и Тимура (XIV в.), грузинское государство к концу XV века распалось на отдельные царства и княжества. Западногрузинские владетельные княжества — Мегрелия, Гурия, Сванети — оставались в вассальной зависимости от царства Имерети, возникшего после распада единой Грузии на “Грузии”. Степень зависимости княжеств от имеретинского царя определялась могуществом последнего. До XVII столетия Абхазия периодически находилась под властью Одишского (мегрельского) княжества. Впоследствии, усилившись, Абхазия оформилась в самостоятельное владение (“самтавро”) и, продвинув “южные

границы своего княжества от р. Кодор до р. Ингури", расширила свою территорию за счет части земель Мегрелии (территория нынешнего Очамчирского района и Гальского района — "Самурзакано"). В этот период происходит сужение понятия "Абхазия". С этого времени оно уже не употребляется для обозначения не только всей, но даже Западной Грузии, а обозначает собственно Абхазское княжество (приблизительно в пределах нынешней автономии), в котором преобладало грузинское население.

Нашествия монголо-татар, Тимура, всевозрастающая агрессия Турции (конец XVI в.), вызвавшие экономический упадок, поредение населения в стране, открыли путь новой широкой волне иммиграции на территорию нынешней Абхазии горских (адыго-чеченских) племен, смешавшихся с местным населением. Все это пошатнуло позиции христианства (часть населения приняла ислам, местами возродилось язычество), способствовало утверждению в определенной степени отличных от грузинских традиций быта и форм хозяйствования.

2. О так называемой "невозможности совместного политического и этнического проживания грузин и абхазов" и роли царизма

Внешние и внутренние политические осложнения в конце XVIII века определили стремление политических сил Грузии к союзу с могущественной единоверной Россией, интересы которой на Кавказе все четче вырисовывались в противоборстве с Турцией и Ираном. В 1783 году между Россией и Восточной Грузией был заключен Георгиевский трактат, по условиям которого Российская империя брала под покровительство Карл-Кахетинское царство. Однако Россия нарушила условия трактата и в 1801 году аннексировала Карл-Кахетинское царство. Позднее Россия постепенно присоединила и всю Западную Грузию, в том числе и Абхазию, упразднив тем самым более чем двухтысячелетнюю грузинскую государственность. В 1805 году князя Симурзакано Манучар и Леван Шервашидзе, "объявив себя подданными мегрельского князя", изъявили желание вместе с ним вступить в подданство России. Вступление Абхазии в подданство России произошло в 1810 году (характерно, что прошение князя Шервашидзе было представлено на грузинском языке). Затем Россия упразднила Имеретинское царство и все владетельные княжества, превратив их в административные единицы Российской империи. После небольшого периода "терпимой автономии" со второй половины XIX века (в 1864 г.) Абхазия была реорганизована в Сухумский отдел, а в 1883 году — в Сухумский округ и подчинилась царской администрации Кавказского наместника и местной власти Кутаисского губернатора⁵.

Понимая, какое сильное политическое и культурное влияние оказывала на Абхазию Грузия, Империя с самого начала приступила к искоренению "грузинского духа" в регионе.

Этот процесс стал всеобъемлющим после того, как абхазский народ был наказан за сопротивление гнету и связь с народами Северного Кавказа,

ведущими войну с Россией. Жестоко подавив восстание 1866 года, царизм объявил абхазов “виновным населением”, обложил их дополнительным налогом, запретил селиться в определенных районах. Кстати, грузинам, живущим за р. Ингури, также запрещалось селиться в Абхазии.

Репрессии вынудили десятки тысяч абхазов поменять родину и эмигрировать в Турцию. Из 65 тыс. родину покинуло 30 тыс., а не 400 тыс., как утверждает В. Похлебкин, и лишь половина из них впоследствии вернулась (“махаджирство”).

Тем временем активная колонизация всего черноморского побережья прогрессировала: земли раздавались военным и гражданским чинам, русским и другим колонистам.

Стремясь к всемерному ослаблению грузинского влияния и ассимиляции народов, проживающих в Абхазии, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Голицын и экзарх Алексей писали обер-прокурору Синода: “Сухумскую епархию желательно оторвать от весьма нежелательного грузинского влияния” (выделено мною. — *Авт.*). С этой целью было бы очень полезно присоединить Сухумскую епархию к Кубани. В Кубанском крае насчитывается 1 716 245 чисто русского православного населения. В этой массе легко растворится 100-тысячное многоязыковое население черноморского побережья”. Та же мысль подчеркивалась и в рапорте заместителя Кутаисского военного губернатора от 15 сентября 1887 г.: “Грузинское население в Сухумском округе служит тормозом к обрусению края (выделено мною. — *Авт.*)”⁶.

Неослабное внимание уделялось языковой политике. В связи с этим приведем высказывание небезызвестного исследователя Кавказа, апологета русификаторской политики царизма Е. Вейденбаума: “Абхазский язык, не имеющий письменности и литературы, обречен, конечно, на исчезновение в более или менее близком будущем, вопрос в том: какой язык заменит его? Очевидно, что роль проводника в населении культурных идей и понятий должен быть играть не грузинский, а русский язык. Мне кажется потому, что учреждение абхазской письменности должно быть не целью само по себе, а только средством к ослаблению, путем церкви и школы, потребности в грузинском языке и постепенной замене его языком государственным (выделено мною. — *Авт.*)”⁷.

Особое место в русификаторской политике отводилось колонизации. Председатель Тифлисского комитета по сословно-поземельным делам князь Святополк-Мирский советовал русскому правительству воспользоваться трагедией абхазского народа — “махаджирством”. Следует отметить, что от имени грузинского народа с гневным протестом против “махаджирства” выступили в грузинской (тбилисская “Дроеба”) и русской (петербургский “Голос”) периодической печати признанный лидер нации Илья Чавчавадзе, Г. Церетели, С. Месхи, И. Меунаргия, Д. Мачавариани и др. Известный грузинский журналист Л. Мchedlishvili опубликовал в газете “Дроеба” (1878. — № 192) первое художественное произведение об этой страшной трагедии абхазского народа.

В апреле 1920 года правительство Демократической Республики Грузии поставило в Верховном Совете Антанты вопрос о возвращении махаджиров на родину⁸.

Святополк-Мирский же предлагал способствовать переселению абхазов в Турцию, а на опустевшие земли по обе стороны р. Бзыби заселить казаков, положив тем самым начало русскому поселению, активному обрусению края. Характерно, что царское правительство выделяло инородцам (прежде всего русским, а также в некоторых случаях болгарам, немцам, грекам, эстонцам и др.) по 15 десятин земли, а местным абхазам и грузинам — лишь по 5 десятин и то за соответствующую мзду. Широко практиковалась и раздача крупных земельных участков (до 8 тыс. десятин) российским помещикам, высшим военным чинам и гражданским чиновникам, монастырям. Эти колонизаторские мероприятия, являясь частью самодержавной политики на Кавказе, преследовали и важнейшие военно-стратегические цели.

Если, согласно версии В. Похлебкина, Абхазия никогда не принадлежала Грузии, если все грузинское было инородным телом и не прививалось абхазам и, напротив, они веками вели освободительную войну не только “с Турцией и Россией, но и с грузинами”, то как объяснить политику царизма, направленную прежде всего на искоренение грузинского культурного и политического влияния в регионе?!

Вот как характеризовали грузино-абхазские отношения сами абхазы, а именно поручик князь Б. Эмухвари, князь М. Маршания, поручик Т. Маргани, князь К. Инал-Ипа, “избранные от всех сословий абхазского народа”, в своей записке на имя председателя Тифлиссского комитета по сословно-поземельным делам, генерал-адъютанта князя Святополка-Мирского от 23 марта 1870 г.:

“Издrevле Абхазия составляла часть бывшего Грузинского Царства... Цари грузинские никогда не исключали Абхазии из большой грузинской семьи и как до разделения царства, так и после до самого последнего времени существования своего титуловались царями Грузинскими, Карталинскими, Абхазскими, Имеретинскими и Кахетинскими. Когда грузинский царь Вахтанг VI в начале прошлого столетия, принимая издание законов, вызвал из всех провинций бывшего Грузинского Царства депутатов для содействия ему в этом труде, то между ними были и депутаты от абхазского народа, который до последнего времени сохранил у себя древнейшие грузинские обычаи.

Не менее важными свидетелями принадлежности Абхазии к Грузии могут служить кроме христианских храмов и развалины разных светских и военных построек. Просители выражали надежду, что они (абхазы) не будут **“исключены из общей семьи грузинских народов, к которой искони принадлежали”** (выделено мною. — *Авт.*)⁹.

В 1916 году Тбилиси посетила абхазская депутация в составе князей М. Шервашидзе, М. Эмухвари, А. Инал-Ипа, П. Анчабадзе и представителей крестьянства Б. Эзухбая и А. Чукбар. Они от имени абхазского народа представили прошения по экономическому и культурному развитию края и поставили вопрос о преобразовании Сухумского округа в отдельную губернию. **“Если последнее невозможно, — заявили они, — то ни в коем случае не присоединять его (Сухумский округ) к какой-либо другой губернии, кроме Кутаисской”** (выделено мною. — *Авт.*). Также настоятельно требовала депутация не отделять от экзархата Грузии Сухумскую епархию, “ко-

торая всегда являлась нераздельной частью грузинской церкви (выделено мною. — *Авт.*)¹⁰.

Беспочвенность утверждений В. Похлебкина очевидна и для 1918—1921 годов — периода существования Демократической Республики Грузии, окрещенной большевиками “меньшевистским режимом”, делавшими все, чтобы противопоставить абхазов и грузин как после Февральской революции, так и особенно после октябрьского переворота 1917 года. Ярким свидетельством этого является инспирированное большевиками обострение грузино-абхазских отношений в период существования Закавказского комиссариата и Демократической Республики Грузии (1917—1921 гг.), когда грузинский народ самоотверженно боролся за восстановление потерянной в 1801 году более чем двухтысячелетней государственной самостоятельности. Пронски большевиков в Абхазии хорошо известны. Однако вначале после неудачной попытки ряда абхазских лидеров включиться в Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, не являвшийся межгосударственным образованием, руководство Абхазии встало на путь восстановления тесных правовых связей с Грузией.

8 ноября 1917 г. состоялся съезд абхазского народа, который создал Абхазский Народный Совет (в составе АНС были представлены только абхазы), превратившийся в орган реальной власти. Съезд принял Декларацию и Конституцию Абхазского Народного Совета. 9 февраля 1918 г., то есть еще до объявления Грузии независимой республикой, в Тбилиси приехала группа членов АНС и вела переговоры с членами исполнительного комитета Национального Совета Грузии о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией. Было достигнуто соглашение, по которому Абхазии предоставлялась автономия в составе Грузии. В развитие и дополнение этого соглашения в июне 1918 года был заключен договор между правительством Демократической Республики Грузии и Абхазским Народным Советом, согласно которому внутреннее управление в Абхазии принадлежало Абхазскому Народному Совету, а при правительстве Демократической Республики Грузии учреждался пост министра по делам Абхазии¹¹.

Таким образом, автономия Абхазии была подтверждена сразу после принятия Акта независимости Грузии (16 мая 1918 г.), а Конституция Грузии, принятая в феврале 1921 года, официально узаконила автономию Абхазии. В докладной записке делегации НСА, представленной в 1919 году председателю Правительства Демократической Республики Грузии, говорится: “20 марта текущего года Народный Совет Абхазии, избранный народами Абхазии на демократических началах, на заседании своем декларировал акт о вхождении Абхазии, как автономной единицы, в состав Демократической Республики Грузии... Этим актом отныне положено прочное основание свободной жизни народов Абхазии в пределах Свободной Грузии. Отныне можем смело заявить перед лицом всего света, что демократия Грузии осуществила то, чего не могли до сих пор осуществить даже некоторые сильные государства”¹². 16 октября 1920 г. Народный Совет Абхазии принял проект Конституции автономной Абхазии, в котором еще раз подтверждалось, что Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузии как автономная единица.

Характерная деталь: в Абхазии было выработано три Конституции (проект социал-демократов, Комиссариата Абхазии и группы депутатов Народного Совета Абхазии), и все три текста начинались словами “Абхазия входит в состав Демократической Республики Грузии как автономная единица” с перечислением компетенции общегосударственных органов, к которым относились органы государственной власти Грузии¹³.

Правительство Грузии, будучи на ранней стадии восстановления грузинской государственности, пошло по другому пути, отказавшись от выработки единого текста Конституции Абхазии. Учредительное собрание Грузии приняло Конституцию Грузии (21 февраля 1921 г.) и включило в нее главу “Автономное управление”, объявляющую нераздельной частью Грузии “Абхазию (Сухумский округ)”, а также утвердило “Основное положение по управлению Абхазией”, являющейся “самоуправляющейся (автономной) единицей Республики Грузия с набором прав, предусмотренных в Конституциях Абхазии”. “Абхазский Народный Совет имеет право издания законов по всем вопросам, за исключением лишь касающихся внешней политики, войска, финансов, налоговой, денежной и таможенной систем, общих судебных установлений и Сената, гражданского и уголовного законодательства, общесоциального Законодательства, почты, телеграфа, железных и шоссейных дорог и землеустройства”¹⁴.

Я не буду сейчас анализировать весь комплекс, связанный со статусом Абхазии, отмечу лишь, что, несмотря на противоречивое отношение различных групп в Абхазии к статусу, все они сходились на “автономной единице” с весьма широкими исключительными правами.

Нельзя не отметить, что отказ Грузии придать статусу конституционную форму вызвал недовольство ряда кругов в Абхазии, настроил против грузинского правительства, просуществовавшего после этого всего несколько недель. Думается, что это было ошибкой Демократической Грузии, хотя по содер­жанию автономия была архиширокой.

То, что Абхазия в течение 1918—1921 годов рассматривалась как часть Грузии, не вызывало никаких сомнений у международного сообщества — страны Антанты признали Грузию “де-факто” (1920 г.) и “де-юре” (1921 г.) в границах, закрепленных Договором с Советской Россией 7 мая 1920 г.

К этому времени в борьбе с Деникиным и большевиками грузинская армия добилась контроля сначала на территории вплоть до Туапсе, но затем закрепи­лась на р. Псоу.

Согласно Договору от 7 мая 1920 г., “Государственная граница между Грузией и Россией проходит от Черного моря по реке Псоу...” и т.д. (ст. III).

“Россия обязуется признать безусловно входящими в состав Грузинского Государства, кроме отходящих к Грузии в силу пункта 1 статьи III настоящего договора частей Черноморской губернии, нижеуказанные губернии и области бывшей Российской Империи — Тифлисскую, Кутаисскую, Батумскую со всеми уездами и округами, составляющими отмеченные губернии и области, а также... Сухумский округ” (ст. IV).

В свете вышеизложенного становится очевидным беспочвенность утверждения о том, что Сухумский округ “был составной частью Черноморской губернии даже при советской власти, до весны 1921 года” (с. 128).

Оказывается, лишь после установления советской власти в Абхазии именно советское правительство “выделило из состава Черноморской губернии... Сухумский округ, Гагринский, Гудаутский” и другие “уезды” (там же).

Если уж господин Похлебкин взялся за “исторические прецеденты”, то он обязан был опираться на факты, а не на подброшенные, заведомо ложные сведения.

Таким образом Абхазии (Сухумскому округу) возвращался Гагринский участок, отторгнутый Империей в 1904 году и включенный в Черноморскую губернию.

Следует отметить, что данным договором Грузия выполнила обещание, данное руководителям Абхазии вернуть в родное лоно Гагринский участок и вообще восстановить старые исторические границы Абхазии при условии вхождения ее в состав Грузии как автономной единицы (февраль 1918 г.)¹⁵.

Правительство Грузии сделало все и для восстановления исторического названия региона — Абхазия.

И еще один факт: как указывалось, именно Демократическая Грузия по просьбе абхазов поставила вопрос перед Верховным советом Антанты о возвращении на родину “махаджиров”, обещая “всеми способами облегчить возвращение на родину своим разбросанным детям”¹⁶.

В свете вышеизложенного возникает вопрос: где вычитал г-н Похлебкин тезис о том, что якобы “имеются базовые историко-этнические доказательства, т.е. многовековым опытом и национальными восстаниями неоднократно подтвержденная несовместимость как абхазско-турецкого, так и абхазско-грузинского государственного объединения” (с. 122—123)? Еще более кощунственным выглядит тезис о том, что якобы до советской власти 1922 года Абхазия к Грузии “никоим образом административно не относилась, да и вообще со всем Закавказьем в целом административно никогда не была связана. ...Через три перевала она тяготела к бассейну Кубани”. И далее: “...административно-юридическим (термин-то какой! — *Авт.*) фактом тем не менее остается то, что Абхазия никогда до 1922 года ни в пределы Закавказья вообще, ни в состав Грузии в частности не входила” (с. 129).

Чего здесь больше — невежества или заказной демагогии, трудно понять, скорее всего и то и другое. Кстати, известный русский ученый-кавказовед, этнограф и языковед, автор абхазского алфавита П.К. Услар свидетельствует: “Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкессии”¹⁷.

Мы оставляем на совести г-на Похлебкина рассуждения об “агрессии” Грузии в Абхазии в 1918—1920 годах, “после чего Абхазия фактически подверглась геноциду” (с. 130), и о тех перипетиях, которые-де, мол, свидетельствуют о желании абхазского народа отделиться от Грузии, вырваться из тисков коварной “соседки”.

Мы противопоставим этой фальсификации лишь несколько документов, свидетельствующих, во-первых, о тщетных попытках большевиков России и их актива в Абхазии взорвать грузино-абхазские отношения изнутри, как одной из мин, направленных на подрыв территориальной целостности и суверенитета “меньшевистского режима” в Грузии, а во-вторых, приведем оценку правового статуса Абхазии, данную самими властями Абхазии и Грузии.

Прежде всего об “интервенции и аннексии” Абхазии Грузией в 1918—1920 годах.

В начале 1918 года сухумские большевики решили установить в Абхазии советскую власть. Не располагая соответствующими силами, они обратились к большевикам Екатеринодара (ныне Краснодар) с просьбой присоединить Сухумский округ к Черноморско-Кубанской Советской Республике и направить части Красной Армии для того, чтобы установить советскую власть в Абхазии, а затем продолжить наступление на Демократическую Республику Грузии. Возникла и другая опасность: протурецкие силы Абхазии под руководством Александра Шервашидзе в июне 1918 года в с. Цхургили, возле реки Кодори, высадили турецкий десант. Угрожала еще одна опасность: к захвату Абхазии, отделению ее от Грузии стремился генерал Деникин. Все эти силы поддерживала лишь немногочисленная часть жителей Абхазии, подавляющее же большинство населения придерживалось грузинской ориентации.

Каково было отношение к упомянутым силам АНС, являющегося тогда верховным выразителем воли абхазского народа? Совет всячески добивался предотвращения опасности со стороны как России (и большевистской, и деникинской), так и Турции. Именно по просьбе этого Совета в свое время были посланы в Абхазию вооруженные силы Грузии, которые изгнали оттуда как большевиков, так и деникинцев, обезвредили турецкий десант.

А вот как реагировала официальная Абхазия на действия грузинских войск. Поскольку некоторые члены АНС придерживались протурецкой ориентации, представитель правительства Грузии И. Рамишвили 18 июля 1918 г. на заседании АНС заявил: “Если это ориентация населения Абхазии, тогда, чтобы избежать неоправданного в данном случае кровопролития, грузинские войска оставят Абхазию”. Однако АНС еще раз подтвердил свое решение о необходимости пребывания грузинских войск в Абхазии. Выступивший на том же заседании член АНС Р. Какуба отметил: “... нет никакой необходимости уводить войска из Абхазии и повергать ее в пучину анархии”, а член АНС Д. Маршания заявил: “Ни в коем случае отряд не нужно выводить из Абхазии”. 19 июля 1918 г. председатель АНС В. Шервашидзе от имени АНС заверил И. Рамишвили в том, что “настоящий состав АНС стоит на одной платформе с грузинским правительством и изменять ему не собирается и что Совет, вступив в соглашение с Грузинской республикой, не может допустить концентрации турецких частей здесь”. А упомянутый Д. Маршания подтвердил: “...изменнических шагов с нашей стороны быть не может, так как грузинские части приглашены для оказания помощи нам в тяжелую минуту и вообще с грузинами мы жили всегда дружно”. Выступивший затем И. Маргания подчеркнул: “...демократическая часть абхазского народа не склонна к турецкой ориентации, так как она несет не демократию, а деспотизм”. 30 июля 1918 г. на заседании АНС Хабидж Ашба убеждал: “...кодорский участок не сыграет роли изменников, ибо они вполне сознают помощь, оказанную грузинским народом... Неужели мы способны на удар ножом в спину?”¹⁸.

Приведенный документальный материал свидетельствует о необоснованности утверждения об оккупации и аннексии Абхазии Демократической

Республикой Грузии. Политическая и юридическая несостоятельность этого тезиса очевидна: во-первых, Абхазия всегда была составной частью единой Грузии, а в 1918 году представляла собой автономную часть Демократической Республики Грузии, что и обзывало правительство Грузии защитить целостность территории республики и входящей в ее состав Абхазии; во-вторых, воинские части Демократической Республики Грузии были приглашены в Абхазию верховным выразителем воли абхазского народа — Абхазским Народным Советом, чтобы спасти Абхазию от большевистского переворота, от нападений со стороны Деникина и Турции¹⁹.

Тут же следует отметить и тот факт, что действия грузинских войск, подавляющих не только вторжение извне, но и местных сторонников, и прежде всего пробольшевистски настроенные движения крестьян, обострили грузино-абхазские отношения, чем умело воспользовались большевики.

3. О независимости Абхазии в 1921—1931 годах

Все это укладывалось в долгосрочную программу большевиков России и Грузии по подготовке вторжения в Грузию, вставшей на путь независимости от большевистской России, проповедовавшей диктатуру пролетариата.

И Абхазия должна была сыграть роль троянского коня.

В связи с этим приведем выдержку из статьи И. Сталина, опубликованной еще 23 мая 1918 г. в газете “Правда”: “Мы уже не говорим о героической Абхазии на побережье Черного моря, единодушно восставшей против черных банд тифлисского “правительства” и с оружием в руках отстаивающей против них Сухум”²⁰.

2 января 1921 г. члены Кавбюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров сообщали ЦК РКП(б): “Нельзя надеяться, что внутри Грузии произойдет решающий взрыв, без нашей помощи ее советизация невозможна. Повод для нашего вмешательства в дела Грузии имеется. Для этого не нужно открытое нападение на Грузию. **Имеем возможность начать движение в Абхазии...** (выделено мною. — *Авт.*)”²¹.

А вот что советует военный атташе при представительстве РСФСР в Грузии генерал-майор П. Сытин в своем докладе от 26 апреля 1921 г.: “...одной из предупредительных мер против местных шовинистов, мер, притом же имеющих общеполитический характер, должно быть оставление достаточно сильных отрядов Красной Армии РСФСР в пределах Грузии.

Второй мерой, ослабляющей грузинский шовинизм и территориально, и материально, я считал бы отделение Абхазии...

Такой акт кроме огромного его стратегического и политического значения для РСФСР передает в руки ВСНХ крупнейшие народные богатства этой страны.

Вслед за Абхазией надо обратить внимание на Мингрелию, страну... (которая) непосредственно граничит по р. Ингури с Абхазией и простирается к югу до р. Риони, это территория с устьем Риона... при котором давно спроектировано проведение порта... могущего заменить Батум, территория чрезвычайно большая в стратегическом отношении, она также может быть

подчинена непосредственному влиянию РСФСР, если и мингрельцам, как абхазцам, будет дана автономия.

Вот этот путь расчленения Грузинской республики на ряд автономных единиц — тем более подчиненных влиянию РСФСР, чем эти единицы меньше, заслуживает большого внимания... (выделено мною. — *Авт.*)”²².

11 февраля 1921 г. сначала части 11-й армии, затем 3-й, 9-й и 13-й армий РСФСР вторглись на территорию Грузии под предлогом якобы начавшегося там восстания трудящихся масс против “меньшевистского режима”. 25 февраля пал Тбилиси.

Вторгнувшись в Абхазию, большевики свергли существующую власть и провозгласили создание Абхазской Советской Социалистической Республики.

И хотя определенные силы в Москве и Сухуми проповедовали независимость Абхазии и даже толкали ее на присоединение к России на правах автономии, реальность исторических корней совместного проживания абхазов и грузин в Абхазии и многовековой принадлежности ее Грузии заставляли РКП(б) маневрировать.

Сначала в Москве с согласия абхазских и грузинских коммунистов было решено, что “сухумская парторганизация должна входить в грузинскую, Абхазия — в состав Грузинской ССР на правах автономии”. Затем тактика изменилась.

Г-н Похлебкин “восхваляет” известных партийных и государственных деятелей Е. Эшбу и Н. Лакобу за то, что они, понимая прежде всего “несовместимость абхазцев и грузин в чисто этнической области”, боролись за отделение Абхазии от Грузии, требовали ее независимости, но затем под давлением Москвы пошли на заключение с Грузией договора о союзе, в котором “юридически стороны сохраняли свой статус независимых и свои прежние наименования Абхазская ССР и Грузинская ССР” (с. 132).

А теперь обратимся к фактам. Действительно, помощь ДРГ абхазским властям в борьбе не только с интервенцией Турции, Деникина, но и с большевистскими путчами, опирающимися на значительную часть крестьянства в борьбе с “меньшевизмом”, накалила грузино-абхазские отношения, что обусловило рост национализма в определенных кругах Абхазии, подогреваемый большевиками. Складывалась сложная ситуация, и выход был найден: 4 марта 1921 г., через десять дней после взятия Тбилиси Красной Армией, было объявлено о создании Абхазской Советской Социалистической Республики.

Однако о “независимости” вопрос встал позже. 28—29 марта на совещании в Батуми представителей Кавбюро ЦК РКП(б), ЦК КП(б) Грузии и Ревкома Абхазии было решено объявить самостоятельность Абхазии до решения вопроса на съезде Советов о ее “федерации с РСФСР или СССР”, при этом партийная организация до конференции носила название Оргбюро РКП(б) в Абхазии и подчинялась Кавбюро РКП(б), а по законодательной линии для Ревкома Абхазии должны были служить материалом декреты Ревкома Грузии²³.

Вопросы “независимости” обсуждались абхазскими и грузинскими коммунистами. Так, Н. Лакоба свидетельствует: “Когда мы в марте (1921 г.)

вошли в Сухум, то сказали: чтобы вытравить национальную ненависть между трудящимися Абхазии и трудящимися Грузии, нужен маленький период времени и нужно, чтобы мы себя объявили независимой республикой. На это грузинские коммунисты согласились”²⁴.

Характерно, что, принимая декларацию “О независимости ССР Абхазии” (май 1921 г.), Ревком Грузии тогда же полагал, что “вопрос о взаимоотношениях между ССР Грузии и ССР Абхазии окончательно будет решен на первом съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов как в Абхазии, так и в Грузии”.

На первой областной партконференции в январе 1922 года Н. Лакоба, один из создателей “независимой” Абхазии, говорил: “Когда мы, ответственные работники Абхазии, сказали нашим старшим товарищам по партии, что для того, чтобы среди мелких народностей, как, например, абхазской, сохранить идею советской власти (а это очень важно), нужно на одну минуту объявить Абхазию независимой республикой, нам ответили: “Объявляйте себя независимой республикой, лишь бы это помогло сохранению советской идеи, укреплению советского строя в этой крошечной Абхазии (выделено мною. — *Авт.*)”²⁵.

О временном характере “независимости” Абхазии говорил и другой лидер абхазских коммунистов, Е. Эшба: “Мы думали, что Абхазия будет существовать как составная часть Советской Грузии, но, когда мы сюда приехали и разобрались, в какую атмосферу попали... мы единодушно остановились на том, что для изживания национальной розни необходимо хотя бы временно, до съезда Советов, объявить независимость Абхазии (выделено мною. — *Авт.*)”²⁶.

Напомним, что в целях “советской идеи и укрепления советского строя” в 20-е годы создавались и другие так называемые “независимые” республики (Ставропольская, Кубанская, Причерноморская и т.д.), которые впоследствии были преобразованы в области Российской Федерации.

Вот так выглядит “ненависть” абхазских лидеров ко всему грузинскому, их так называемое стремление отделиться от Грузии. Напротив, “независимость” Абхазии была взаимосогласована коммунистами Грузии, Абхазии и РСФСР как временная мера на пути определения статуса Абхазии в составе Грузии.

Реальность требовала от коммунистов учета интересов неабхазского населения края, составляющего большинство, в частности грузин. Безусловно, нельзя было не принимать во внимание, что Абхазия исторически была связана с Грузией как ее часть, не говоря уже о том, что на территории Абхазии и грузины составляли коренное население (около половины), а грузинский был единственным языком государственности и христианского богослужения на протяжении многих веков. Лишь в XIX веке принимаются первые попытки создания абхазской письменности на основе латинского либо русского алфавитов. Решающее значение имел также экономический фактор, учет потенциальных возможностей края в этом отношении, схожесть климатических условий и прочность хозяйственных связей Абхазии со смежными регионами Грузии.

Поэтому вполне закономерным выглядит заключение в декабре 1921 года союзного договора между Грузинской ССР и Абхазской ССР.

Имея в виду тенденции со стороны некоторых абхазских лидеров негативно оценить объединение Абхазии и Грузии, опасения того, что Абхазия ущемляется в политическом отношении и теряет независимость, Н.А. Лакоба, выступая на I Областной партконференции (8 января 1922 г.), говорил: "Вопрос тесной связи, братской связи абхазского народа с грузинским стал перед нами практически, и он осуществляется путем добровольного договора между двумя республиками. Наши экономические органы, финансы, военное дело и все, что необходимо объединить с советскими органами Грузии, — объединяется, и это должно делаться в интересах как абхазского народа, так и грузинского. Хорошо было бы, если бы это было сделано несколько месяцев тому назад, но тогда перед нами стояла задача, состоявшая в том, чтобы вытравить здесь национализм"²⁷.

В. Похлебкин утверждает: "Ни о каком вхождении Абхазии в Грузию речи не шло. В абхазском тексте (выделено мною. — *Авт.*) договора совершенно недвусмысленно говорится об объединении (усилий, ресурсов, планов, возможностей и т.д.), но не об административном вхождении или подчинении. Юридически же договаривающиеся стороны сохраняли свой статус независимых и свои прежние наименования: Абхазская ССР и Грузинская ССР" (с. 132).

Во-первых, официальное название было ССР Грузии и ССР Абхазии.

Во-вторых, объединились "не усилия, ресурсы, планы, возможности", а прежде всего государственные органы — комиссариаты: военный, финансовый, военного хозяйства и т.д. (см. выше), а "иностранные дела оставались целиком в ведении ССР Грузии" (прим. 1 к ст. 2), железные дороги передавались в ведение Закавказской железной дороги, внешняя торговля — Объединенному внешторму Грузии, Азербайджана, Армении (прим. 2).

А главное, во все краевые объединения, в частности в Федерацию Закавказских Республик, "Абхазия входит через Грузию".

Характерная деталь: В. Похлебкин так усердно пытается выдать белое за черное, что объявил себя знатоком абхазского языка. Но где он нашел абхазский текст?! Такого ведь не существует, так же как и грузинского, он был составлен только на русском языке!

Не мудрено, что В. Похлебкин вычитал то, чего нет в договоре, а лишь подразумевается: заключался союзный договор, по которому Абхазия вступала в состав Грузии, оговаривая принципы своего статуса, квалифицированные всеми, в том числе и абхазскими лидерами, как отказ от "независимости на минуту в пользу широкой автономии во внутренних делах в составе Грузии".

В. Похлебкин резюмирует: "Таким образом, в советское время, с 1921 по 1931 год, Абхазия формально-юридически сохраняла звание союзной республики, то есть страны, государственность которой фактически признавалась на международном уровне, поскольку лишь союзные республики обладали легитимным правом выхода из СССР и тем самым за ними формально-юридически признавалась возможность стать субъектами международного права" (с. 133).

Но ведь именно "формально-юридически" Абхазия не считалась союзной республикой ни со стороны партийных органов — РКП(б), Закбюро РКП(б), ни тем более Конституции СССР 1924 года. Это была

договорная республика в составе Грузии, то есть ее статус прежде всего определялся договором, я бы сказал, о вхождении Абхазии в состав Грузии на оговоренных условиях, что исключило ее из числа независимых, даже “на минуту”, государств.

Статусы союзных республик и автономных республик, даже “договорной”, отличались друг от друга в корне, и это правило строго соблюдалось как партийными, так и советскими инстанциями.

Характеризуя статус Абхазии в составе Грузии, Н. Лакоба в мае 1922 года на II областной партконференции сказал: “Мы суверенное государство, но не независимое. В этом отношении нам надо было не забывать, мы должны были сказать, что эти политические формы, объявление независимости и т.д. — чепуха, этим соблазняться не надо было. Нам нужна была вывеска, мы ее вывесили, но преклоняться перед этой вывеской не надо было (выделено мною. — *Авт.*)”²⁸.

В декабре 1925 года в своем выступлении на IV съезде Грузии Н.А. Лакоба, касаясь вопроса о создании ЗСФСР и критически относясь к прежней своей и других товарищей мысли о непосредственном вхождении Абхазии в ЗСФСР, заявил: “Абхазия представляет из себя разнородную республику, причем отдельные части этой республики еще как следует между собой не срослись. В Абхазии постановка вопроса о том, что она действительно независима и куда-то хочет уйти от Грузии, приведет к тому, что Абхазия, как карточный домик, построенный шаловливой рукой мальчика, распадается (выделено мною. — *Авт.*). Это действительное положение вещей. Об этом говорит действительность, если ее брать так, как она есть”²⁹.

Таким образом то, что не смогла сделать царская Россия, не смогла сделать и большевистская Россия, то есть разделить, разъединить Абхазию и Грузию. Даже в самые напряженные дни, в период обострения чисто этнических отношений между абхазами и грузинами, считалось невозможным “отделение навсегда” и речь шла лишь о временной независимости, “вывеске”, “на одну минуту”.

В то же время следует подчеркнуть, что Абхазия в силу исторической справедливости имела право на особый статус в составе Грузии и именно это закреплялось Договором о союзе и конституциями Грузии и Абхазии.

Важно отметить, что позиция Н. Лакобы и Е. Эшба реалистично отражала сложившуюся международно-правовую, внутригосударственную и даже партийную практику взаимоотношений РСФСР, Грузии, Азербайджана, Армении.

Ни в договорах РСФСР с Закавказскими республиками (Грузия, Армения, Азербайджан), ни в международных актах того времени с участием РСФСР, где фигурируют те же республики (например, договор с Турцией), ни в документах, исходящих непосредственно от Ленина (обращение к коммунистам Кавказа, проект организации Закавказской федерации и др.), ни в других официальных материалах того времени Абхазия не фигурирует. Следовательно, она, будучи договорной республикой и даже именуемая в Конституции Грузинской ССР 1927 года как ССР Абхазии, юридически рассматривалась как автономная часть Грузии, что и было зафиксировано в Конституции СССР 1924 года, где Абхазия упоминается как автоном-

ная республика наряду с Аджарией и автономной областью Юго-Осетии.

Известно, что Договор об образовании СССР (30 декабря 1922 г.), перечисляя стороны, не только упоминает лишь РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР, но и перечисляет государства, входящие в Закавказскую федерацию: "Грузия, Азербайджан и Армения" (преамбула).

Таким образом, говорить о существовании "четвертой союзной республики Закавказья, а позднее о члене федерации — ЗСФСР", как это делает В. Похлебкин, значит исказить историческую действительность.

Дальнейшее развитие событий было вполне логичным: происходила экономическая интеграция Абхазии в составе Грузии, менялись правовые формы политической взаимосвязи.

Следует отметить и то, что в Абхазии продолжали существовать сепаратистски настроенные силы, под давлением которых была принята Конституция (1 апреля 1925 г.) Абхазской ССР, которая так и не была обнародована и не вошла в силу, ибо, по выражению Н. Лакобы, (2 декабря 1925 г.), эта "конституционная глупость" не соответствовала реальному правовому статусу Абхазии в составе Грузии³⁰. (Характерно, что эта Конституция признавала государственным языком учреждений лишь русский язык.)

В 1926—1927 годах были приняты Конституция Грузинской ССР, Конституция Абхазской ССР, четко регламентировавшие взаимоотношения этих государств. (Характерно, что государственными языками в Абхазии признавались абхазский, грузинский и русский.)

Состоявшаяся в апреле 1930 года третья сессия ЦИК Абхазии рассмотрела вопрос о договорных взаимоотношениях между ССР Грузией и ССР Абхазией. Было отмечено, что изменения, происшедшие за десять лет в политической, хозяйственной и культурной жизни Грузии и Абхазии, требуют пересмотра договора от 16 декабря 1921 г., так как он не отражает действительных взаимоотношений и устарел, за исключением пункта, касающегося объединения Абхазии и Грузии. "В связи с тем, что договор от 16 декабря 1921 г. потерял реальное значение и, следовательно, его можно рассматривать лишь как соглашение об объединении ССР Абхазии с ССР Грузией, а действительные взаимоотношения этих республик были точно определены в их Конституциях, — необходимо признать, что наименование договорной ССР Абхазии не имеет реального содержания", — говорится в справке правительства Абхазии, подготовленной к этому моменту. Принимая во внимание вышеизложенное, третья сессия ЦИК Абхазии постановила: "Исключить из Конституции ССР Абхазии название "Договорная республика", заменив его словами "Автономная республика"». VI съезд Советов Абхазии, проходивший в феврале 1931 года, одобрил решение третьей сессии ЦИК Абхазии (апрель 1930 г.) о преобразовании договорной ССР Абхазии в автономную и решил "ввести Абхазию в состав Советской Социалистической Республики Грузии на автономных началах". В связи с этим Н.А. Лакоба на этом съезде говорил: "Вопрос о взаимоотношениях между трудящимися Грузии и Абхазии разрешен полностью... как особый вопрос, считается совершенно снятым с повестки дня"³¹.

Решения третьей сессии ЦИК Абхазии и VI съезда Советов Абхазии о преобразовании договорной республики Абхазии в автономную республику в составе Грузии одобрил VI съезд Советов Грузии (февраль 1931 г.).

Были внесены изменения в конституции Абхазии и Грузинской ССР. Абхазия стала называться Автономной Советской Социалистической Республикой, входящей в состав Грузинской ССР. Отныне их отношения получили новую правовую базу.

4. О правах абхазов и вообще Абхазии в составе Грузии накануне конфликта — августа 1992 года и фальсификации фактов

Конечно, условия “советской действительности”, когда КПСС и Правительство СССР, мастерски играя на существующих национальных противоречиях, а в нужное время и создавая эти противоречия, не могли не отразиться и на Грузии, и прежде всего на Абхазии, где успешно продолжалось “обрушение края”, начатое еще самодержавием. Достаточно сказать, что в 1989 году 77 200 из 93 000 абхазов, то есть почти 70%, свободно владели русским.

На определенных этапах Компартия Грузии и правительство пытались помешать этому процессу за счет “грузинификации”. Это были короткие периоды, сопровождаемые серьезными ошибками и просчетами, но они умело использовались Москвой и ее “союзниками” в руководстве Абхазской АССР для нового нагнетания напряженности.

За несколько последних десятилетий же Абхазская АССР являла собой республику, в которой абхазы пользовались не только равными, но и преимущественными по сравнению с грузинским и другим населением Абхазии правами.

Поэтому гипертрофировать результаты этих периодов не следует, а следует исходить из положения, сложившегося в последние десятилетия.

В составе Грузинской ССР Абхазская АССР пользовалась невиданной для советской автономии свободой и правами.

Абхазская АССР была единственной автономной республикой в бывшем СССР, в Конституции которой имелась статья о государственном языке — абхазском.

Если в 70-е годы в Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Калмыкской АССР, Адыгейской, Карачаево-Черкесской АО обучение детей коренных национальностей на родных языках не велось, то в Абхазии функционировало 25 абхазских школ, а в последнее время их было 73 (абхазских и смешанных), в которых обучались на абхазском языке свыше 4 тыс. школьников.

В городе Сухуми функционировали: Абхазский государственный университет, Абхазское национальное телевидение, вещавшее только на абхазском языке, абхазский государственный драматический театр, абхазский государственный краеведческий музей, литературно-мемориальный музей им. Д.И. Гулиа, Абхазский государственный ансамбль песни и танца, танцевальные ансамбли “Шаратын” и “Эрцаху”, государственный симфоничес-

кий оркестр, абхазская государственная хоровая капелла, вокально-инструментальный женский квартет “Гунда”, этнографический ансамбль песен и плясок долгожителей Абхазии “Нартаа” — обладатель международного (в Венгрии) приза “Золотой павлин”. Кстати, многие из перечисленных коллективов неоднократно гастролировали за рубежом, знакомя зрителей с национальной культурой абхазов.

Функционировали Союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов, государственная картинная галерея, государственная публичная библиотека, театральное общество. Издавались на родном языке художественная, историко-этнографическая литература, выпускались журналы и газеты на базе собственного Дома печати.

Помимо научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа в автономной республике функционировало более 20 научно-исследовательских учреждений. Многие из них имели союзное и мировое значение в области своих научных исследований.

По данным 1988 года, по количеству книг и брошюр, издаваемых на родном языке на каждые 10 тыс. человек в бывшем СССР, абхазы были на первом месте (4,3 наименования), а грузины — на 13—19-м местах (0,3 наименования). По тиражу же изданий абхазы уступали лишь эстонцам и латышам.

В государственных и партийных органах автономной республики абхазы преобладали.

В Верховном Совете было 57 абхазов, 53 грузина и 14 русских.

В городских и районных Советах треть всех мест принадлежала абхазам.

В Совете Министров и городском комитете партии абхазов было больше половины.

Из 12 министров восемь были абхазами.

Из восьми председателей Госкомитетов пять были абхазами.

Из восьми городских и районных прокуратур пять возглавлялись абхазами.

До 1990 года абхазы были широко представлены в высших органах власти и Коммунистической партии Грузии. Более того, в 1991 году сепаратисты смогли добиться принятия Закона, дающего в 65-местном парламенте абхазам 28 мест, грузинам — 26, остальным — 11.

И это в условиях, когда в регионе 46% населения составляли грузины, 35% — русские, армяне и др., а абхазы — немногим более 17%.

Мощно поддерживаемые извне, прежде всего определенными политическими и военными кругами СССР, а затем РСФСР, абхазские сепаратисты не раз ставили вопрос о присоединении к СССР, затем к России. Но особенно “эффективными” стали эти действия в период распада СССР и восстановления Грузией своей государственной независимости, когда сторонники сохранения Союза делали все для взрыва изнутри “непокорных республик”, используя политические амбиции лидеров сепаратизма.

В 1989—1992 годах началась “конституционная” и “идеологическая” агрессия сепаратизма: отменялись действия законов Грузии, шло переподчинение силовых министерств, накапливалось вооружение, одновременно шла антигрузинская истерия.

В. Похлебкин говорит о “геноциде” абхазов и “засилии грузинами абхазской территории”, угрожающем самобытности абхазского народа. В самом деле, в 30-х и в начале 50-х годов имело место организованное переселение населения по указанию Союзного правительства как в Абхазию, так и в другие регионы Грузии преимущественно из горных, малоземельных районов с тяжелыми природными условиями в целях развития на местах их поселения таких трудоемких отраслей хозяйства, как чаеводство, табаководство, виноградарство и пр. Но число таких переселенцев в Абхазию не превышало 10 тыс. человек, а вовсе не составляло сотен тысяч.

Неопровержимым фактом является то, что более века грузинское население превышало абхазское в регионе. “Забыают” о том, что с 1896 по 1989 год оно увеличилось всего в 7 раз, а вот русское и армянское население — в 65,5 и 67,6 раза соответственно.

Характерно, что за годы советской власти собственно население абхазов неизменно увеличивалось, достигнув в 1992 году 93 тыс. человек.

Эти процессы наблюдались и в других союзных республиках. Однако именно это обстоятельство было использовано сепаратистами для обоснования неправомерности претензий грузинского населения на такую же принадлежность к коренным народам Абхазии, как и сами абхазы, хотя грузины всегда подчеркивали особенность прав абхазского народа, не имеющего аналога за пределами Грузии.

Именно эта идеология легла в основу борьбы “за восстановление независимости и демографического состава Абхазии”, вылившейся в политику “этнической чистки”, доведенной до уровня преступления геноцида: из 250 тыс. грузин были частично уничтожены 6 тыс., а остальная часть силой изгнана из своих родных мест в ходе конфликта.

Эта ситуация сегодня хрестоматийна для так называемых “этноконфликтов”, когда сепаратисты используют этническую чистку как орудие своей политики. Специальная группа экспертов ООН сформулировала это понятие следующим образом. “Этническая чистка — это целенаправленная политика, разработанная одной этнической или религиозной группой для удаления насильственными и приводящими к террору методами гражданского выселения другой этнической или религиозной группы из определенных географических районов. В значительной степени она осуществляется под прикрытием псевдонационализма, исторических обид и мощного чувства мести с целью оккупации территории и удаления с нее той группы или групп, в отношении которых осуществляется эта чистка”. Причем осуществляется она “с использованием убийств, пыток, произвольных арестов и задержаний, внесудебных казней, изнасилований и сексуальных посягательств, насильственного изгнания, переселения и депортации гражданского населения” (S/1994/674, пп. 129—130).

Этот факт признан Будапештским (1994 г.) и Лиссабонским (1996 г.) саммитами ОБСЕ, Советом Безопасности ООН, Евросоюзом, Советом глав государств — участников СНГ (Минск, 1995 г. и Москва, 1996 г.), в документах Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств ООН (Док. E/CN.4/Sub.2/1994/36, р. 8).

Доктор наук С. Червонная, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии

Российской Академии наук, кратко, но емко охарактеризовала вышеуказанные факты: “Все воспитание историей, которое изо дня в день велось в 1990—1992 годах на страницах абхазской националистической печати, по автономно-республиканскому радио и телевидению, с кафедры Абхазского университета, из аудиторий и кабинетов Абхазского института языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа... даже в школах... было направлено на раскачивание этнополитической ситуации, на возбуждение национальной вражды, на идеологическое обеспечение готовящейся провокации — “выхода” Абхазии из Грузии”.

В массовом сознании специально заинтересованные в этом политические круги упорно создавали “образ врага”: в лице такого “врага” прежде всего выступал грузин (любой грузин, включая ближайшего соседа). На него возлагалась вина за все беды абхазского народа... он, мол, “все разграбил, все прибрал к своим рукам, он пьет кровь Абхазии”³².

Летом 1992 года усилилась дестабилизация, имевшая место в западных районах Грузии, где сторонники бывшего президента путем террора и нападения на поезда пытались бороться с новым, демократическим правительством Республики Грузия.

На территории Абхазии участились случаи разграбления поездов, везущих грузы не только в Грузию, но и в Армению. Захваченных террористами заложников, в том числе членов правительства, держали на территории Абхазии. Сепаратисты были не способны, или не желали, положить конец хаосу и блокаде дорог.

Власти Республики Грузия вынуждены были передислоцировать свои вооруженные силы в Абхазию для охраны коммуникаций. Решение было принято Государственным советом на открытом заседании 10 августа 1992 г., и об этом знали как в Грузии, так и за ее пределами. Воспользовавшись тем, что военное командование не согласовало дату ввода вооруженных сил, сепаратисты 14 августа открыли огонь по мирно движущейся колонне. Несколько человек было убито.

Так начался конфликт, к которому сепаратисты давно готовились, закупая оружие, завозя наемников.

Я не буду касаться самого конфликта, это особый разговор, к которому я вернусь в своей следующей публикации, ибо в ходе вооруженного конфликта, в котором на стороне сепаратистских сил воевали тысячи наемников, или так называемых “добровольцев” из Северного Кавказа, других регионов России, а главное — даже части Вооруженных Сил России, возник ряд серьезных правовых аспектов, требующих особого исследования.

О праве Абхазии “на самоопределение, вплоть до отделения”

Что касается права народов на самоопределение, то современное международное право весьма категорично в этом отношении: признавая право всех народов на самоопределение в рамках уже существующего государства, как и малых народов, вплетенных в ткань населения такого государства, оно в то же время отвергает право этих малых народов, прожи-

вающих в демократическом государстве, на одностороннее, без учета воли всего государства, отделение.

Современное международное право и прежде всего международно-правовая практика фиксируют сочетание права народов на самоопределение с принципом территориальной целостности суверенного демократического государства (“Декларация ООН о принципах международного права” 1970 г., а также основополагающие документы ОБСЕ, Венская всемирная конференция по правам человека 1993 г.), единодушно признавая право на одностороннее, даже с применением силы, отделение лишь за колониальными и зависящими народами, и подчеркивают, что реализация этого права не должна истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий.

И тем более это недопустимо, когда “претендующий на выход” народ является меньшинством по отношению к населению не только всего государства, но и региона, где он проживает и на верховенство в котором он претендует.

Не говоря уже о том, что почти половина этого народа находится в смешанных браках с представителями большинства и на всей территории региона единого, компактно проживающего этнического сообщества не составляет.

Этим принципом и руководствуется сегодня международное сообщество государств как на глобальном (ООН), так и на региональном (ОБСЕ, Евросоюз, СНГ и т.д.) уровнях, ибо в противном случае, как это не раз подчеркивал Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, мир станет ареной хаоса (“Повестка дня для мира”, 1992 г., п. 19).

Именно поэтому ни одна из “выделившихся” с оружием в руках политических единиц на постсоветском пространстве не признается “независимым государством” ни ООН, ни ОБСЕ, ни Евросоюзом, ни СНГ.

Сегодня право таких народов на самоопределение “повернуто внутрь” и рассматривается как право на максимальное самовыражение в области языка, традиций, культуры и даже политических институтов, но в границах государства, уважающего эти права³³.

Об этом уже многое написано в российской научной литературе, к сожалению с большим опозданием. Думаю, что это тема большого разговора, не укладывающегося в рамки данной статьи, но достойного специального номера данного журнала³⁴.

В отношении Абхазии у международного сообщества существует совершенно четкий подход: “самопровозглашенная независимая республика” не признается — она остается “неотъемлемой частью Грузии” (Решение глав государств — участников СНГ от 19 января 1996 г.), переговоры о политическом статусе Абхазии могут базироваться только на принципе пребывания “в составе государства Грузии” [Резолюция Совета Безопасности ООН 1096 (1997)], признается “незыблемость су-

веренитета и территориальной целостности Грузии в ее международно признанных границах [резолюции Совета Безопасности ООН 1994—1997 гг., Будапештский и Лиссабонский саммиты ОБСЕ (1995, 1997 гг.), Европарламент (Заявление от 14 ноября 1996 г. и последующие)].

Злодеяния сепаратистов в отношении грузинского населения также не прошли мимо международного сообщества: участники Будапештского, а затем Лиссабонского саммитов ОБСЕ “осудили” этническую чистку, в результате которой имеют место “массовое уничтожение и насильственное изгнание преимущественно грузинского населения в Абхазии”.

Эти выводы поддержали, и не раз, Совет Безопасности ООН [резолюции 1036 (1996), 1065 (1996), 1096 (1997)], Совет глав государств — участников СНГ (май 1995 г.), Европарламент (14 ноября 1996 г.).³⁵

Таким образом, опираясь на принципы современного международного права, на историю и, главное, характер прав абхазов в Абхазии в составе Грузии, современное международное сообщество не только отказывает в признании добившегося при помощи оружия режима, но и осудило его за преступления против человечности, ставшего в Абхазии одним из главных орудий агрессивного сепаратизма.

Не касаясь деталей современного положения на переговорах об урегулировании конфликта в Абхазии, отмечу главное: не признавая независимости сепаратистского режима, осуждая его за агрессивность и этническую чистку в условиях, когда $\frac{1}{5}$ населения либо насильственно изгнано из региона, либо бежало, в том числе более 40 тыс. самих абхазов, Грузия все же ведет переговоры, стремясь мирно урегулировать статус Абхазии в составе грузинского государства, построенного на федеративных принципах, в котором Абхазии предоставляется статус федерации с наиболее широкими правами аналогично статусу ряда республик — субъектов Российской Федерации. Но эти предложения отвергаются абхазской стороной, требующей создания “не федерации, а двустороннего равносубъектного общего государства”, содержание которого до сегодняшнего дня не расшифровано полностью. Также упрямо сепаратисты отказывают беженцам и перемещенным лицам, прежде всего грузинской национальности, в праве вернуться к родным очагам без всяких предварительных условий, но при обеспечении должной безопасности.

В последнее время наметился прямой диалог между грузинской и абхазской сторонами в конфликте, делаются шаги по включению в процесс урегулирования народной дипломатии, интеллигенции, общественных и государственных деятелей сторон. Все это обнадеживает, но предстоит еще большая и сложная работа, требующая терпения и осторожности.

Заигрывать с агрессивным сепаратизмом сегодня так же опасно, как и пропагандировать войну со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Юристы-международники должны стоять на страже поистине демократического международного правопорядка, а не раскачивать лодку, оправдывая попытки агрессивного сепаратизма — разрушить с трудом достигнутый миропорядок, в котором права человека являются высшей ценностью, определяющей степень демократичности как государства, так и сообщества государств.

Могу сказать определенно: статьи В. Похлебкина льют воду именно на мельницу этих попыток, вопреки здравому смыслу, историческому опыту и признанному современному правопорядку, установленному международным сообществом государств.

* * *

И в заключение. В. Похлебкин, видимо, и впрямь вообразил себя “ораклом” кавказских народов и в своей новой статье дает довольно сомнительные рецепты Правительству России, ибо режим ныне, по его мнению, “груб и туп, что не раз доказывал на “отлично”. И поддерживать его в глупейших и позорнейших актах и шагах не могут порядочные люди” (К вопросу о новых принципах государственно-правового подхода в проведении национальной политики России на Северном Кавказе// МЖМП. — 1997. — № 2. — С. 149).

Я не могу обсуждать вопросы, относящиеся к внутреннему делу России, думаю, это сделают мои российские коллеги, но меня поражают терминология и тон В. Похлебкина, недопустимые в научной литературе, а тем более в таком солидном и авторитетном журнале.

Я ограничусь лишь анализом постулата, изложенного в этой новой статье, как бы подводящей к логическому выводу, подготовленному в статье предыдущей.

Повторив свое утверждение “о невозможности совместного проживания абхазов и грузин”, “неодолимой тяге последних к народам Северного Кавказа”, В. Похлебкин заключает: “Но Россия вечно препятствовала отделению Абхазии от Грузии, отчего абхазцам пришлось в одиночку начать с Грузией войну...”

Если бы новое руководство России было настолько мудро, что согласилось на вхождение Абхазии в состав России, то тогда открылась бы возможность полного преобразования Северного Кавказа...” (с. 150—151).

Не затрагивая довольно сомнительной идеи “о федерации восьми республик Северного Кавказа” в составе России, я отмечу лишь то главное, что нашло отражение в вышеприведенных словах: призыв к России аннексировать Абхазию, оторвав ее от Грузии, не спросив воли последней, всего населения Абхазской АССР.

Вот так выполнил В. Похлебкин социальный заказ тех сил России, которые не зря воевали в Абхазии и сегодня хотят закрепить “де-юре” итоги интервенции, не считаясь с тем, что международное сообщество отказалось признать факт отделения “де-юре”, о чем официально заявил Генеральный секретарь ООН 4 марта 1994 г. в своем докладе Совету Безопасности ООН.

Таким образом, круг замкнулся: ратуя за независимость Абхазии, В. Похлебкин ставит целью привести “независимую” Абхазию в лоно России через федерацию республик Северного Кавказа.

Именно к этим рассуждениям применимы приведенные выше слова самого В. Похлебкина, что это “либо издевательство, либо безрассудство и уж во всяком случае — проявление полнейшего невежества как с исторической, так и с политической и, уж наверняка, с юридической точки зрения”.

¹ Не претендуя на оригинальное историческое исследование, мы положили в его основу материалы, содержащиеся в трудах грузинских ученых: *Жоржолиани Г., Лекишвили С., Тоидзе Л., Хоштария-Броссе Э.* Исторические и политико-правовые аспекты конфликта в Абхазии. — Тбилиси, 1995; *Лордкипанидзе М.* Абхазы и Абхазия. — Тбилиси, 1990; *Ментешашвили А.* Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов. — Тбилиси, 1990; *Пайчадзе Г.* Названия Грузии в русских письменных исторических источниках. — Тбилиси, 1989; *Хоштария-Броссе Э. В.* История и современность. Абхазская проблема в конфликтологическом аспекте. — Тбилиси, 1996; а также абхазских ученых: *Дзидзария Г.* Махаджирство и проблема истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми, 1975; *Анчабадзе З.* Очерк этнической истории абхазского народа. — Сухуми, 1976; *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. — Сухуми, 1965; *Сагария Б.* Национально-государственное строительство в Абхазии (1921—1931). — Сухуми, 1979.

² *Анчабадзе З.* Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). — Сухуми, 1959. — С. 117—121, 171—177 (цит. по *Пайчадзе Г.* Указ. соч. — С. 28—29).

³ *Лакиер.* История титула государей российских//Журнал Министерства народного просвещения. — 1847. — № I — VI. — С. 82.

⁴ *Бгажба Х.* Из истории письменности в Абхазии. — Тбилиси, 1967. — С. 13.

⁵ *Лейберов И. П.* Россия, Кавказ, Абхазия. — СПб., 1995. — С. 29.

⁶ *Сахokia Тедо.* Сборник. — Тбилиси, 1969. — С. 65.

⁷ Цит. по книгам абхазских ученых: *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. — Сухуми, 1965. — С. 163—164; *Анчабадзе З.* Очерк этнической истории абхазского народа. — Сухуми, 1976. — С. 96.

⁸ См. *Дзидзария Г.* Указ. соч.; *Жоржолиани Г. и др.* Указ. соч. — С. 17.

⁹ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее: ЦГИА Грузии). — Ф. 416. — Оп. 3. — Д. 1020. — Л. 1—18.

¹⁰ Газеты “Сакартвело”. — 1916. — № 94; “Сахалхо пурцели”. — 1916. — № 565.

¹¹ Политика (Politica). — 1993. — № 9. — Док. № 9.

¹² Центральный государственный архив Абхазии. — Ф. И-39. — Д. 3. — Л. 31.

¹³ Тексты конституций см. в журнале “Политика” (Politica). — 1993. — № 9. — С. 19—24. — Док. 4, 5 и 6.

¹⁴ Там же. — Док. 10.

¹⁵ Там же. — Док. 7.

¹⁶ ЦГИА Грузии. — Ф. 1865. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 100.

¹⁷ *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. — Тифлис, 1887. — С. 85.

¹⁸ ЦГИА Грузии. — Ф. 1861. — Оп. 2. — Д. 37. — Л. 9, 11, 24.

¹⁹ *Жоржолиани Г. и др.* Указ. соч. — С. 25.

²⁰ *Сталин И.* Соч. — Т. 4. — М., 1947. — С. 96.

²¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. — Ф. 85. — Оп. 4. — Д. 115. — Л. 2.

²² ЦГИА Грузии. — Ф. 1874. — Оп. 1. — Ед. хр. 4.

²³ Партархив Абхазского обкома КПГ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Л. 22.

²⁴ *Лакоба Н. А.* Статьи и речи. — Сухуми, 1987. — С. 34.

²⁵ Там же. — С. 24.

²⁶ *Сагария Б.* Указ. соч. — С. 28.

²⁷ *Лакоба Н. А.* Указ. соч. — С. 24.

²⁸ Партархив Абхазского обкома КПГ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 56. — Л. 88.

²⁹ *Лакоба Н. А.* Указ. соч. — С. 177.

³⁰ Там же. — С. 177—178.

³¹ Цит. по *Сагария Б.* Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии (1921—1938). — Сухуми, 1981. — С. 224—226.

³² *Червоная С.* Абхазия — 1992. Посткоммунистическая Вандея. — М., 1993. — С. 82.

³³ См. *Бараташвили Д.* Агрессивный сепаратизм (правовой аспект)//Ведомости Независимого консультативного совета Парламента Грузии. — Тбилиси, 1997. — № 2. — С. 14, 19.

³⁴ *Старушенко Г.* Самоопределение — без сепаратизма//Международная жизнь. — 1993. — № 126—128; *Его же.* Не только тушить, но и предупреждать конфликты (Правовая основа превентивной политики и дипломатии)//МЖМП. — 1997. — № 1. — С. 28—48; *Громыко Ан.А.* О пределах права на самоопределение//Советская Россия. — 1996. — 23 июля; Выступление главы делегации РСФСР на 53-й сессии Комиссии ООН по правам человека (Женева, март 1997 года) *Крылова Б.С.* Хотя есть и другие мнения, но они не встречают поддержки со стороны международного сообщества государств. См. *Тузмухамедов Р.А.* Права и свободы народов по международному праву//Российский ежегодник международного права. — 1993—1994. — С. 295—309.

³⁵ См. заявления и Доклад Государственной комиссии Грузии по установлению фактов политики этнической чистки/геноцида против грузинского населения Абхазии и передачи материалов в Международный Трибунал (Док. Комиссии ООН по правам человека и Совета Безопасности ООН — E/CN.4/1994/123; E/CN.4/1995/139; E/CN.4/1996/146; S/1994/225; S/1995/200; E/CN.4/1997/132).

г. Тбилиси.

Л.А. Алексидзе,
член-корреспондент Грузинской Академии наук,
профессор, заведующий кафедрой международного права
Тбилисского государственного университета
им. Ив. Джавахишвили

Статья поступила в редакцию 5 ноября 1997 г.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ АБХАЗИИ

В.В. Похлебкин

Цель любого ученого, берущегося за обсуждение сложных политических или юридических вопросов современности, — внести четкость и ясность в любую проблему, осветить ее так, чтобы выдвинуть главное и рассеять тот туман, который обычно в силу некомпетентности или сознательно нагоняется политиками и журналистами в угоду той или иной стороне.

Вот почему нашим журналом и была предпринята попытка дать сводное, краткое, объективное изложение всей суммы правовых аспектов, на основе которых выдвигается требование об отделении Абхазии от Грузии, дать объяснение, за что ведется война.

Иными словами, российскому и зарубежному читателю предоставлялся весь спектр правовых и историко-правовых аргументов, не собранных еще никем воедино, показывающих естественность требования независимости Абхазии. Кстати, редакция в течение двух лет предлагала и ожидала мнения

по этому вопросу и с грузинской стороны, но там все не могли “собраться с силами”.

Статья в № 4 за 1996 год в “Московском журнале международного права” сыграла роль необходимого стимулятора и катализатора, и ответы из Грузии поступили. По своему характеру, а тем более по тону и качеству аргументации эти ответы далеко не равноценны. Общее у них лишь одно — обида (вполне понятная по-человечески, но с научной точки зрения не имеющая никакого значения), а также уход в сторону от ясности, соскальзывание на софизмы (подмену тезиса оппонента) и переход от критики аргументов оппонента на критику... его личности. В общем, то, что еще А.С. Пушкин отметил в свое время у Ф. Булгарина и ему подобных: кто бессилён критиковать литературу, предпочитает критиковать литератора. Иными словами, вместо всемерной четкости своей научной позиции, вместо выдвижения своих юридических аргументов и их перечисления в противовес аргументам противника все грузинские авторы идут по линии запутывания вопроса, ухода в бесконечные детали, совершенно уведящие в сторону от проблемы, и деловым аргументам предпочитают прямую ругань и оскорбления в адрес своего научного оппонента, так что при этом не только не опровергаются его аргументы, но и свои-то собственные “забывают” выдвигать. Их “заменяет” вульгарная грубость.

Другая общая черта “грузинских откликов” — это, мягко говоря, “эмоциональность” их “научной” терминологии.

Если термин “национально-освободительное движение” заменять термином “агрессивный сепаратизм”, то не всякий читатель поймет, что речь идет об одном и том же явлении, и уж, во всяком случае, не будет симпатизировать агрессорам, забывая, что это слово у грузинских ученых заменяет слово “жертвы”. Точно так же любой неугодный грузинским батоно факт они с ходу голословно обзывают фальсификацией истории. Даже вполне нейтральное, объективное словосочетание “невозможность совместного проживания абхазов и грузин” или “глубокие фонетические различия абхазского и грузинского языка” вызывают у грузинских авторов следующие тирады: “Меня поражает как терминология, так и тон, недопустимые в научной литературе!”

Как раз и терминология, и тон тут абсолютно нормальны, а вот неспособность грузинских авторов, оснащенных всеми научными степенями, вести нормальный научный диалог и их способность раздражаться по поводу всего того, что им неудобно, действительно поражают каждого, даже на фоне уже привычного нам беспредела. Почему вы, генацвале, не доказываете, что фонетических различий нет? Вот тогда и ваше чисто научное бессилие, ваша научная импотенция вас бесит. Но это лишь доказывает вашу неправоту. “Юпитер, ты сердился, значит ты неправ”.

Таким образом, общий словесный антураж грузинских ответов затуманивает деловую, научную сущность нашего спора, преследует цель увести читателя к другим, совершенно не относящимся к данной теме вопросам, то есть провести известный прием “бабьих споров”: “в огороде бузина, а в Киеве дядька” — прием, к которому прибегает каждый, кто не в состоянии опровергнуть своего противника в честном поединке.

Необходимо также подчеркнуть, что грузинские авторы совершенно не выдержали юридического, правового уровня научной полемики, предложен-

ного нашим журналом. Это для них непосильно. Вот почему они сбились на чисто политическую “полемику” и увлеченные этой стороной темы пошли даже еще дальше — по линии прямого политического доносительства, уж совсем в духе Булгарина или, пожалуй, скорее в духе незабвенного Лаврентия Павловича, с которым их генетическая связь, конечно, теснее. Однако увлечение сыграло с ними плохую шутку: один обвиняет меня в нелояльности нынешнему российскому режиму и соответственно в большевизме и коммунизме, советуя ко мне присмотреться с этой стороны. А другой, не согласовав свои аргументы с коллегой, выдвигает обвинения в... нарушении святой дружбы народов, то есть рассматривает мою позицию как антисоветскую и даже прямо обзывает мои научные взгляды расистскими. И тут же, без всякого перехода, следуют обвинения В.В. Похлебкина в том, что он выполняет социальный заказ российского МИД, следовательно, органа российского режима, того самого, к которому он столь нелоялен! И вся эта белиберда, вся эта чушь и муť выдаются за... научное опровержение своего оппонента. Видимо, атмосфера, царящая ныне в Грузии, настолько тяжела, запутана, нестабильна и противоречива, что она буквально отбивает разум и деформирует сознание и психику даже живущих там ученых. А еще хотят, чтобы в этот “рай” вновь были ввергнуты абхазы, когда даже опекаемые там грузинские ученые, явно поддерживающие данный режим, и те не выдерживают гнетущей атмосферы.

Означает ли наша оценка качества ответов грузинских авторов то, что мы отказываемся ответить им? Вовсе нет. Но ответ должен быть дан на уровне каждого — отдельно, индивидуально и конкретно. Ибо только тогда читателям станет абсолютно ясно, что грузинская сторона не смогла противопоставить позиции своего оппонента ни одного подлинно серьезного научного аргумента. И даже не в силу своей научной импотенции, а просто потому, что таких аргументов не существует.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о научном уровне нашего спора и об условиях обеспечения этого уровня.

Обычно, когда дискуссия ведется между специалистами, все участники такой дискуссии известны друг другу и их научная компетенция устанавливается просто и формально — предъявлением своих научных званий, степеней или заслуг в виде печатных изданий.

В данном случае, в данной полемике, такое условие не соблюдено. Во-первых, проблема Абхазии возникла недавно и специалистов по ней еще официально не сложилось нигде. Во-вторых, главные специалисты — сами абхазы, в частности видный абхазский историк и политический деятель В. Ардзинба, не участвуют в дискуссии как в силу технических причин, так и как главная “заинтересованная сторона”. Следовательно, мы, ведущие данную дискуссию, должны считать себя (по сравнению с абхазами) дилетантами. Титулы в данном случае роли уже не играют. А критерием служит лишь одно: оппоненты постарались подготовиться к дискуссии (два года собирались) и должны быть информированы в целом лучше, чем я, сидящий без выезда в Москве, в то время как они разгуливают не только в Тбилиси, но и в Кутаиси, и в Сенаке, а возможно, и в Сухуми.

Но научная информированность отличается от информированности торговца фруктами, который в течение месяца успевает побывать на всех базарах и Тбилиси, и Москвы, и Сочи, и Сухуми. Судить об ученом по крите-

риям базара нельзя. Просматривая список использованной литературы в статье моих оппонентов, я не обнаружил там с большим удивлением книги Дремала Гамахария и Бадри Гогия “Абхазия — историческая область Грузии”, изданной в Тбилиси в 1997 году. Эта обширная книга (894 с.) — не пустое писание. Это сборник документов по истории Абхазии и абхазо-грузинских отношений за 2500 лет. Составители, конечно, пытались подобрать “удобные” для грузинской исторической версии документы, но в целом все же стремились собрать как можно больше материала, и поэтому в данный сборник “прорвались” и такие сведения, которые просто не укладываются в схему безоблачной многолетней дружбы и мирного сожительства двух стран — Грузии и Абхазии, а говорят убедительно именно о той невозможности такого сожительства, о которой я писал в своей статье. И потому подтверждают, что лучше в такой ситуации благородный — без скандала и битвы — развод, чем продолжение несносного “брака по расчету”. Не потому ли мои грузинские оппоненты совершенно не упоминают об этом сборнике документов или они вообще о нем не знают, его не видели? В обоих случаях это вызывает сильные сомнения в их научной информированности и компетенции.

А теперь посмотрим, что и как используется грузинскими учеными в качестве так называемой чисто научной аргументации.

Напомню, что перед ними стояла задача опровергнуть следующие положения моей статьи:

1. Факт длительного существования самостоятельного Абхазского государства с глубокой древности.

2. Факт длительной национально-освободительной борьбы абхазского народа против любых иностранных поработителей — турок, русских, грузин.

3. Факт этнического единства абхазов с другими адыгейскими и абазинскими народами Северного Кавказа.

4. Факт особого государственно-правового и административно-правового положения Абхазии и в царской России, и особенно при советской власти — вплоть до 1931 года.

Удалось ли моим оппонентам опровергнуть эти факты? Нет, нет и еще раз нет.

1. Так, например, в ответ на ясное, доступное для понимания каждого мало-мальски культурного человека указание в моей статье, что Абхазия была самостоятельным государством еще за 100 лет до Киевской Руси (т.е. в VIII в. н.э.), академик, профессор Л.А. Алексидзе пускается в длинные, на семь страниц, рассуждения о том, что было за 400 лет до образования Абхазского государства, какие племена населяли Грузию, какие цари там правили и т.д. и т.п. Спрашивается: зачем? Ведь мое указание на древность абхазской государственности имело целью показать читателю наглядно одну из особенностей абхазской проблемы, отличающуюся от других кавказских национальных проблем: это не Чечня, где сама идея государственности имеет от роду 100 лет или даже 50. Этот вопрос был решен абхазами уже 1000 лет назад, и нечего обращаться с ними как с “дикими” или “политическими младенцами”. Можно ли это опровергнуть? Нет. Так зачем же пускаться в отвлекающие от сути проблемы рассуждения, зачем, грубо го-

вора, “пудрить мозги” читателю? Признаете вы факт древности абхазской государственности или нет? Признаете вы правомерность абхазского государства? Не хотите признавать, тогда так и скажите. А зачем же наводить тень на плетень?

2. Второй тезис — о длительности национально-освободительной борьбы абхазского народа против любых иностранных угнетателей — профессор Л.А. Алексидзе вообще не удостоил своим вниманием. Он его “не заметил” и пропустил. Или, иными словами, молчаливо признал этот факт. А как можно было не признать?

3. Точно так же остался без возражения и третий тезис — об этническом единстве народов Северного Кавказа и абхазов. Это известный научный факт. Как можно против него возражать?

4. Что касается четвертого тезиса, то хотя профессор Л.А. Алексидзе и пытался всячески дать понять, что Абхазию вроде бы “понарошку” и лишь временно признавали союзной республикой в Закавказье, а на деле она все время была в составе Грузии, но он все же вынужден подтвердить, что только в феврале 1931 года VI съезд Советов Абхазии признал преобразование Абхазии из союзной (договорной) в автономную республику. Об этом же говорится и в моей статье.

Таким образом, ни один из четырех тезисов моей статьи не опровергнут. Чему же тогда посвящены остальные 14—15 страниц грузинского ответа, чему посвящен также краткий, но довольно злобный (не в пример умеренному тону ответа академика Л.А. Алексидзе) ответ юриста Деканозова, сына известного заместителя самого Лаврентия Павловича? Оказывается, основное возмущение и весь запас грубых, оскорбительных, клеветнических выражений направлены против совсем небольшого, невинного, сказанного попутно, в конце моей статьи, разъяснения относительно особенности лингвистической ситуации в Абхазии.

В число официальных причин конфликта такие “мелочи” совсем не входят, о них ни российские миротворцы, ни МИД России, ни представители ООН и других организаций, пытающихся разрешить грузино-абхазский конфликт, даже не знают. Их интересуют солидные факты: число войск обеих сторон, число беженцев-грузин, количество оружия на конфликтной территории и тому подобные осязаемые факты, которые можно увидеть и подсчитать. Так, складывая и вычитая, прибавляя и распределяя, взвешивая тюки гуманитарной помощи и деля их на число беженцев, солидные дяди из международных организаций пытаются пятый год решить конфликт, уговорив абхазов не артачиться и согласиться полностью “помириться с грузинами”. Но ничто не помогает. Конфликт продолжается. И будет продолжаться еще сто лет “до последнего абхаза”. Почему? Потому что нельзя решать серьезные национальные противоречия ни силой, ни формальным уговором. Нельзя бюрократизировать любой конфликт, думая, что можно авторитетом международного воздействия заставить одну из сторон уступить другой. Надо выяснить как минимум подлинные, неустрашимые, но скрытые причины национального конфликта. Одну из таких причин я и указал в своей статье. Повторяю ее еще раз, ибо она — существенна:

“В абхазо-грузинском конфликте решающую роль имеет несовместимость абхазского и грузинского языков”.

Абхазский язык фонетически имеет 75 отдельных звуков, отличается полногласием и имеет 58 букв в своем алфавите. Грузинский же язык имеет всего 33 звука (более чем вдвое меньше абхазского!) и столько же букв в алфавите, причем в фонетическом отношении он чрезвычайно труден, поскольку принадлежит к языкам с поразительным сочетанием согласных звуков — иногда по пять-шесть согласных подряд и очень часто по три-четыре согласных подряд. Это делает грузинский разговорный язык практически недоступным для абхазов. Если в грузинском языке в потоке речи гласные буквы составляют всего 36 % всех звуков, в русском — 47 %, то у абхазов гласные звуки в речи занимают 52,5 %. Это небольшое сравнение наглядно показывает, насколько грузины и абхазы — разные. Заставлять абхазов говорить по-грузински — просто похоже на издевательство, ибо это для них физически трудно, мучительно трудно.

Именно эти факты, вернее — их открытое обнародование, их упоминание в широкой общественной прессе ко всеобщему сведению, и вызвали резкое возмущение грузинских... ученых, которые обязаны были давным-давно не скрывать, а сообщить эти факты. Ведь ими хорошо объясняется суть непримиримости национального конфликта. Приведу такой пример.

На X международном конкурсе им. Чайковского я познакомился с прекрасной абхазской певицей Хиблой Герзмава, завоевавшей первую премию и покорившей своим удивительно звучным, красивым голосом таких ценителей сольного пения и его знатоков, как композитор Свиридов и певицы Мария Биешу, Елена Образцова. Хибла поведала, сколько мук ей доставляли согласные буквы грузинского языка, из-за которых она чуть не бросила петь. Только учеба в Московской консерватории и чуткость ее педагога Ирины Маслениковой помогли спастись и сохранить этот удивительный голос, чуть не загубленный в Грузии.

Но такой happy end — случайность, а каково приходится обычным абхазским детишкам в обычных школах, где из-за фонетической несовместимости их третируют как идиотов и дебилов? Но об этом миротворцы-иностранцы, решающие судьбы других народов, вовсе не думают. Да и совсем не знают. Вот почему грузинская сторона так дружно и яростно ополчилась на того, кто сообщает подобные факты. Ведь они объективны и неопровержимы. И они — фундаментальны.

Вот почему статьи грузинских авторов были наполнены самыми резкими словами и оскорблениями в мой адрес. Бессильная злоба — самая сильная разновидность этого чувства. “Пасквиль”, “фальсификация, неудобоваримое варено” — таковы были оценки моей статьи в грузинской печати, и все это без объяснения причин такой злобной реакции при полной невозможности опровергнуть хоть один тезис моей статьи, в том числе и тот, который вызвал приступ ругани.

Особенно грубой, содержащей инсинуации и оскорбления, является статья Л. Дадияни в газете “Грузия”, издаваемой грузинским посольством в Москве. В ней вообще нет ни одного научного аргумента или возражения. Вся она направлена на то, чтобы любым путем оклеветать того, кто смеет говорить правду о сути грузино-абхазских противоречий. В ход пущена и откровенная ложь, и дикие измышления о том, что автор подкуплен абхазами и одновременно российским режимом. Словом, судят по себе, по своей способности продаваться одновременно всем!

В качестве же своего “аргумента” отсутствия абхазо-грузинской фонетической несовместимости Л. Дадияни приводит совершенно смешотворный факт о том, что известен один случай, когда грузинский юноша и абхазская девушка полюбили друг друга во время войны, так сказать, вопреки линии фронта.

Даже если бы таких “фактов” (конкретные лица не названы!) был целый десяток, они ничего не означали бы для объяснения вековых, существующих столетиями национальных, религиозных, социальных и психологических противоречий между грузинами и абхазами, результатом накопления которых и явилась нынешняя война. Факт, приведенный “ученым” Дадияни, — всего лишь сексуальный факт, и объяснять на сексуальном уровне сложные исторические и политические явления может только бульварная пресса, а не сколь-нибудь порядочный ученый. Такие “доказательства” — лучшее свидетельство примитивного, пошлого уровня тех “научных” сил, которые ныне обслуживают грузинский режим.

Весьма характерен для полемики грузинских ученых также прием с искажением точки зрения противника, с которой затем и “борется” оппонент. Так, например, академик Л.А. Алексидзе пишет, что я будто бы обвиняю грузин в геноциде в отношении абхазов. “Геноцид” — серьезное слово. Оно означает физическое уничтожение. Я такой термин в своей статье вообще не употребляю, ибо у меня речь идет о других вопросах абхазо-грузинских взаимоотношений, а не об убийствах, войне и т.п. Следовательно, приписывание мне разговоров о геноциде — откровенное вранье. Пусть господин Алексидзе покажет пальцем, где написано у меня это слово! Его нет!

Зато в головах самого Алексидзе, Деканозова и др. подобные термины пребывают всегда, ибо, как говорится, знает кошка, чье мясо съела. И они запросто приписывают другим то, что естественно для грузинской стороны и что перестало быть в Грузии чем-то необычным и ужасным в последние годы с ее постоянными перестрелками, убийствами, покушениями.

Но не надо свое воспаленное воображение переносить и приписывать другим и надо, наконец, внимательно читать статьи своих оппонентов, если уж ты носишь звание академика (хоть грузинского, провинциального, но все же академика). Не опускайтесь же до уровня поведения базарных торговцев, господа грузинские “ученые”!

Недобросовестность, открытая клевета, оскорбления, подлоги, которыми пронизаны ответы грузинских ученых на мою статью в научном журнале, наглядно свидетельствуют о том низком моральном уровне, на котором оказалась ныне в “независимой” Грузии даже грузинская научная интеллигенция. Ее представители действительно независимы от каких-либо приличий и правил поведения. Таков, видимо, стиль, воцарившийся ныне в этой древней стране. Но уж если такова интеллигенция, то какова должна быть в этих условиях вся остальная масса чиновников, бюрократов, “начальства”, с которыми приходится иметь дело простому народу, тем более в национальном отношении — меньшинству? Отдать абхазский народ ныне под начало Грузии — это значит заведомо отдать его на растерзание и заклание, на муки и унижение.

Тут уж не о теоретических правах надо говорить, о которых мы рассуждаем в наших ученых журналах. А надо прямо указать международным ор-

ганизациям и российскому МИД, что закрывать глаза на происшедшие реальные изменения в Грузии просто нельзя.

Надо сделать все возможное, чтобы оградить небольшой талантливый абхазский народ от той суровой судьбы, которая грозит ему от независимого от всяких установлений права и морали нынешнего режима в Грузии. Иначе нам придется спустя три-четыре года записывать каждого уцелевшего абхаза, как снежных барсов, в Красную книгу. И ответственность за "выдачу" абхазов в грузинские ежовые рукавицы история, будьте уверены, не снимет с тех, кто допустил такую несправедливость. Зачем же нам брать новый грех на душу России? Разве того, что уже погибло, уничтожено или распылено в ходе истории последнего десятилетия, недостаточно?

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 г.

Право и бизнес

ФЕНОМЕН "ПЛЕЙБОЯ" В ИНТЕРНЕТЕ

В международной сети Internet происходит бурный взрыв интереса к страшилкам эротики, секса и порнографии.

Происходит то, что в свое время вызвало бешеный интерес читателей к журналу Playboy. Еще не было и в помине Internet, когда вышедший в 60-е годы журнал взбудоражил всю Америку и быстро распространился далеко за ее пределы. Каждый мужчина (а именно они составили основной контингент его читателей) мог купить это издание и спокойно, наряду с серьезным чтивом, подолгу лицезреть голых красоток, улыбаться над скабрзными анекдотами.

Заклучив соответствующие международные контакты, пробившись на все основные рынки современной электронной связи (в том числе и в Россию), Internet намного превзошел по популярности своего печатного "собрата". Только в отличие от Playboy электронное СМИ поддается строгому учету и контролю. Так вот, выясняется, что пользователи Internet каждые две секунды посещают странички, так или иначе связанные с сексом или порнографией.

Это и неудивительно, поскольку пользователями стали в основном молодые люди, быстро воспринимające новации компьютерного века. По данным отделения Internet в России — фирмы "Олвит" этот феномен характерен и для отечественных пользователей, поскольку по показателю "доступность — анонимность" экран домашнего компьютера не знает себе равных.

Случаются и казусы, вызывающие международные скандалы. За интерес к сексу, например, поплатились почти 40 тысяч американцев. Они попытались загрузить в домашние компьютеры якобы бесплатные порнокартинки. Выйдя на соответствующий адрес в Internet, они, ничего не подозревая, подключались не к бесплатной сети, а к телефонному номеру в Молдавии. За этим следовало соединение с компанией в Канаде, а бизнесмены уже оттуда выставили счета в тысячи долларов за трансокеанские звонки. Махинации раскрыла Федеральная торговая комиссия США, когда выявила странный рост числа переговоров из городов Америки с маленькой Молдавией. Аферистов вычислили и заставили оплатить потерпевшим свыше \$ 2,7 млн. компенсации.

(Соб. инф.)

Документы

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТУРЫ

9—11 декабря 1997 г. по инициативе Совета Европы в Будапеште прошел семинар представителей адвокатуры стран Восточной и Центральной Европы по теме “Роль и ответственность адвоката в обществе в переходный период”. Рабочими языками семинара были венгерский, английский и французский. Мне выпала честь представлять на этом форуме российскую адвокатуру благодаря большому стажу работы и довольно основательному знанию французского языка.

На семинар приехали представители адвокатской профессии из стран Центральной и Восточной Европы. Адвокатура государств — фрагментов распавшегося СССР была представлена адвокатами Азербайджана, Латвии, Молдовы, Украины, Эстонии и России. В Армении, видимо, не нашлось адвоката, которому можно было поручить такую миссию. Адвокатуру Армении представляла молодая сотрудница Министерства иностранных дел. Осталось загадкой, какие общие с адвокатурой проблемы нашлись у этого ведомства.

Ожидалось участие представителя Грузии. Это можно было предположить, потому что на столе была табличка с названием страны, стопка документов. Сиротливо стоял стул. Адвокат не появился. Не было адвокатов и из среднеазиатских республик. Была представлена адвокатура Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении, Словакии, Польши, Румынии, Албании и, естественно, Венгрии.

Обсуждались вопросы принципов организации адвокатуры в разных странах, взаимоотношения адвокатуры с органами государственного управления, вопросы адвокатской этики и взаимоотношений с клиентами, соблюдения профессиональной тайны и ее защиты государством.

Вели семинар западноевропейские адвокаты, в своем большинстве французы, сотрудничающие в комиссии по делам адвокатуры Совета Европы. Совершенно неожиданно обнаружилась интересная деталь в их представлении об организации российской адвокатуры. В Совете Европы полагали, что в России существует одна-единственная корпорация адвокатов, которая называется Гильдией адвокатов России и объединяет подавляющее их большинство. Однако, полагали они, членство в Гильдии не обязательно и пока еще могут существовать некоторые адвокаты, в нее не входящие.

Позже выяснилось, что эту легенду экспертам Совета Европы преподнесли в самой Гильдии в 1996 году. Энергичный, предприимчивый председатель Гильдии заранее узнал о прибытии гостей в Министерство юстиции России, пригласил к себе в офис и, говорят, принял с кавказским гостепри-

имством. Скорее всего они неправильно поняли его объяснения. Может быть, обстановка того приема мешала ясно мыслить и понимать, а может быть, виноват переводчик, но как бы там ни было, к сожалению, после посещения Гильдии у экспертов уже не хватило времени или сил добраться до Московской городской коллегии адвокатов. Так и уехали.

Пришлось рассказать о существовании в России с 1864 года адвокатских объединений-коллегий, которые по сей день соблюдают вековые традиции этого рода деятельности, и о других объединениях юристов, а также об отдельных конторах, появившихся в громадном количестве лишь в последнее время. Члены всех этих образований конкурируют с "традиционными адвокатами" практически во всех видах адвокатской деятельности. Что касается Гильдии, то, насколько мне известно, ее появление было продиктовано объективными обстоятельствами. С развалом СССР оказалось без работы много юристов всех союзных министерств и ведомств. Наиболее инициативные из них решили объединиться в адвокатскую корпорацию, создали ее и назвали Гильдией.

Некоторое недоумение западноевропейских коллег вызвал тот факт, что сейчас в одной только Москве функционирует 12 коллегий адвокатов. Они не могли представить себе, как в этих условиях можно добиться соблюдения традиций и правил адвокатской деятельности, как избежать шарлатанства, мошенничества, взяточничества, как обеспечить отбор в адвокатуру грамотных, добросовестных людей.

Им не было известно, что под лозунгом борьбы с монополией "традиционных" коллегий наши власти открыли всем желающим доступ к адвокатской деятельности. Закон это не запрещает, вот и множатся коллегии как грибы. Зачастую в этих коллегиях оказываются случайные люди. Подчас они не имеют рабочих помещений, слоняются около судов и в коридорах, хватают граждан за рукава, зачастую гарантируют любой желаемый результат, намекают на свое знакомство с судьями, со следователями. Многие попавшие в беду люди верят им и бывают обмануты.

— Это же прямой путь к коррупции и распаду всей судебной системы, — воскликнул один из французов.

Возразить было нечего.

В дебатах по вопросу о законодательной защите профессии и профессиональной тайны адвокатов в числе прочего обсуждались и имеющие место в России случаи уголовного преследования адвокатов в связи с осуществлением ими защиты, случаи обысков и изъятия адвокатских записей и корреспонденции. Реакция на сообщение об этих фактах: этого не может быть!

Не удивительно, ведь у цивилизованного человека такая дикость не может уложиться в голове. Я бы тоже не поверил, если бы не становился каждый раз тому свидетелем.

В этой части миссия моя была тяжелой. Пришлось выносить сор из избы, а это очень неприятно. Однако ничего другого делать не оставалось. Все попытки достучаться до наших властей, предрекавших успеха не имели. Им не до нас. Откровенно говоря, может, оно и к лучшему.

По итогам семинара составлено обобщение с разделами по каждой из участвовавших стран. Фигурирует там и Россия с ее необыкновенными особенностями. Предполагается обсудить это обобщение на одном из заседаний Совета Европы.

В наших специфических условиях остается надеяться на то, что рассмотрение в Совете Европы окажется действеннее, чем наши слабые попытки изменить ситуацию изнутри.

В остальном обсуждение вопроса о соблюдении профессиональной тайны проходило весьма непринужденно, даже весело. Один из выступавших опирался на известный постулат, согласно которому адвокат ни при каких обстоятельствах не должен разглашать содержание бесед с клиентом.

Вопрос с места:

— А если клиент сообщает о том, что собирается совершить убийство?

— Нельзя разглашать и это, — уверенно отвечает оратор.

— Даже если речь идет о подготовке убийства президента республики?

— Ну, это особый случай и, конечно, надо сообщить куда следует.

Председательствующий резюмирует:

— На том и порешим: если собираются убить президента, надо сообщать, а если готовятся убить вашу тещу — тогда вы никому об этом сообщать не имеете права.

Дискуссия разгорелась по вопросу о допустимости рекламирования деятельности адвокатских объединений и отдельных адвокатов.

С одной стороны, были сторонники полного запрета, с другой — полной ее свободы и, наконец, выступавшие за ее разумное ограничение. Последние возобладали.

Участники семинара пришли к выводу о необходимости категорического запрета сравнительной рекламы, поскольку с ее помощью более проворный в ней, чем в своей профессии, адвокат может ввести в заблуждение потенциальных клиентов. Ничего оригинального в этом нет. Сравнительная реклама запрещена и в коммерции, поскольку некорректно сопоставлять свою продукцию с изделиями-аналогами, созданными другой фирмой.

Был рассмотрен вопрос о так называемом “*quota litis*”. Этот термин обозначает договор с клиентом о гонораре в виде процента от выигранной суммы. Термин у нас не употреблялся, но подобные договоры имеют распространение. Адвокатские сообщества западных стран настороженно относятся к принципу “*quota litis*” из-за порой неумных аппетитов некоторых адвокатов.

Отмечались случаи назначения гонораров в размере до 80 % от суммы иска. Поэтому в некоторых странах этот вид договора запрещен. Договорились о допустимости договоров “*quota litis*” в разумных пределах по инициативе клиента или при его письменном согласии.

В целом можно сказать, что семинар полностью оправдал свое назначение — способствовать согласованию основных правил адвокатской деятельности в государствах на переходном периоде с нормами, существующими в уже развитых в правовом отношении странах. В перспективе это может позволить ликвидировать правовые барьеры между государствами и, таким образом, упростить доступ к получению юридической помощи.

Валерий Ребинин,

адвокат, член Президиума

Московской городской коллегии адвокатов,

заведующий юридической консультацией № 23,

вице-президент Российской ассоциации друзей Франции

ОБОБЩЕНИЯ НА ТЕМУ
“О РОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА
В ОБЩЕСТВЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД”
(Извлечение из итогового документа Будапештского семинара,
касающегося России)

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

**Организация адвокатской деятельности и взаимоотношения
с администрацией**

Независимость адвоката законодательно защищена.

Профессия адвоката несовместима с другой постоянной и оплачиваемой работой (коммерческая деятельность или государственная служба), исключая научную или педагогическую деятельность.

Адвокаты являются монополистами в осуществлении защиты на предварительном следствии. Однако защита и представительство в судебном заседании могут быть осуществлены любым доверенным лицом обвиняемого. В консультационной деятельности никакой монополии не существует.

Правила и обычаи адвокатской деятельности

Кодекса этики адвокатской деятельности в России не существует. Тем не менее существуют принципы, проистекающие из законодательства. На практике в России не представляется возможным добиться соблюдения этих принципов ввиду возрастающего и неконтролируемого количества коллегий адвокатов и подобных им организаций, не существует эффективного контроля квалификации тех, кто осуществляет адвокатскую практику.

Несмотря на это, этические принципы соблюдаются “традиционными” коллегиями адвокатов, существующими с 1864 года и функционирующими по одной на город или регион.

Никакого ограничения персональной рекламы не существует.

“Pact quota litis” применяется с согласия или по предложению клиента.

Бесплатная юридическая помощь

Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает бесплатную юридическую помощь по уголовным делам. Государство должно брать на себя оплату труда адвоката по назначению. На практике любое лицо без дискриминации, которое просит о юридической помощи, получает ее, будь то в области уголовного или гражданского права. Помощь оказывается бесплатно, если обвиняемый не в состоянии ее оплатить. Следует отметить, что государство не выполняет свою обязанность и труд адвокатов по назначению оплачивается за счет коллегии.

Материальные и процессуальные права адвоката

Положение об адвокатуре России, принятое в 1980 году, остается действующим, но оно не соответствует современной ситуации.

Вследствие этого коллеги адвокатов приспособливают свою деятельность к обстоятельствам.

Свобода слова адвоката ограничена только требованиями принципа соблюдения профессиональной тайны.

Конфиденциальность корреспонденции адвоката законодательно не защищена. Наоборот: в случае обыска в кабинете адвоката она служит предметом углубленного изучения. Следователь ищет в корреспонденции адвоката доказательства вины его клиента, адвокат становится объектом уголовного преследования по тому же делу, что и его клиент, и оказывается отстраненным от осуществления защиты. Такая практика получает все большее распространение.

Законодательство предусматривает осуществление защиты и представление обвиняемого адвокатом.

Разработаны Дирекцией по вопросам юриспруденции Совета Европы.

Страсбург, 7 января 1998 г.

Некрологи

РАИС АБДУЛХАКОВИЧ ТУЗМУХАМЕДОВ

Не стало Раиса Абдулхакевича — ученого, педагога, практика, члена Редколлегии и плодотворного автора “Московского журнала международного права”, отдавшего большую часть своей жизни служению международному праву. С момента окончания в 1950 году международно-правового факультета МГИМО он занимался только международным правом — редкий случай верности однажды выбранному делу.

Написал много книг, брошюр и статей. Сотрудники разных министерств и ведомств еще долго будут пользоваться справочными и аналитическими материалами, подготовленными по их просьбе профессором Р.А.Тузмухамедовым. Он не умел отказывать.

Коллеги в шутку называли его основателем «восточного направления» в советской науке международного права; ему нравилась эта шутка. Он начал разрабатывать это «направление» еще в аспирантуре, выбрав темой своей кандидатской диссертации советско-иранский договор 1921 года. То, что его научным руководителем стал профессор Сергей Борисович Крылов, Раис считал подарком судьбы.

Библиографы могут назвать около 400 научных работ, принадлежащих перу профессора Р.А. Тузмухамедова, многие из которых изданы на иностранных, в том числе редких, языках. Его работы, посвященные движению неприсоединения и проблематике развивающихся государств, стали в советском международном праве классическими. Он был активным участником многих коллективных трудов отечественных и зарубежных ученых: достаточно вспомнить семитомный «Курс международного права» или пять изданий учебника по международному праву МГИМО.

Лекции профессора Р.А. Тузмухамедова слушали студенты многих университетов и институтов: он преподавал международное право в МГИМО, Дипломатической академии МИД СССР, Академии внешней торговли МВТ СССР, Университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Ташкентском государственном экономическом университете, Институте общественных наук Афганистана, университетах многих других стран.

Профессора Р.А. Тузмухамедова по-доброму знали во всем мире, особенно хорошо — на любимом им Востоке. Он был президентом международной ассоциации «Юристы за сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе», членом Совета «Ассоциации юристов стран Азии и Тихого океана», членом старейшей ассоциации юристов Азиатско-Тихоокеанского региона «ЛОПОЭЙШИА». В последние годы он являлся также вице-президентом Всемирного союза федералистов, на пост которого он был избран на международном конгрессе в Сан-Франциско.

Раис был романтиком в международном праве: был убежден, что в XXI веке международное право станет правом между народами и для народов, что его роль будет постоянно возрастать.

Таким он и останется в нашей памяти.

*Редколлегия
“Московского журнала международного права”*

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ МОЛОДЦОВ

Он — блокадник. Для профессуры старшего поколения этим сказано почти все. Да и все остальные нормальные члены нашего ненормального общества прекрасно понимают, что значит Ленинградская блокада, каких людей она создала. Он знал, почему фунт лиха и сто граммов черной отрубевой пайки. Он умел ненавидеть врагов и любить людей.

Несколько лет назад в тихом подмосковном парке он рассуждал: «Блокадник — это не название, это состояние. Сплав ненависти и голода». Помолчал, добавил: «И как бы кто ни старался, чувство блокадника где-то глубоко сидит во мне постоянно».

А в общем, он был простым, открытым, честным парнем. И дорога у него, если не считать занозы фронта и войны, тоже была прямой, без ухабов и выбоин, — та дорога, которой шло его солдатское, в армейских шинелях и кирзовых сапогах, поколение.

После войны догонял «молодняк», учился в вузе, затем в аспирантуре. Закончил дипшколу, а потом аспирантуру в Институте государства и права Академии наук СССР. Аспирантская, а потом и докторская (1961 г.) были посвящены вопросам международного морского права.

От имени державы он много раз ездил во главе дипломатических делегаций на международные конференции разрабатывать, утрясать, дорабатывать знаменитую Венскую конвенцию по морскому праву. Она — своеобразный памятник и ему. А еще был Договор об Антарктике и многие другие дипломатические документы.

Всю жизнь он преподавал. Профессор, приглашенный профессор, заведующий кафедрой (всегда международного права) — обычные для него за-

нения, когда находился и в стране, и за рубежом. А заведовал кафедрами он в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы и в МГИМО МИД СССР. Его лекции слушали академики из Академии внешней торговли и Дипломатической академии. Умение донести главное, четко разложить по полочкам проблему всегда отличало каждую его лекцию.

Он оставался таким же самоотверженным и в общественной работе. Свыше 40 лет назад он встал в ряды основателей Советской ассоциации международного права, уже тогда став ее первым ученым секретарем. И до последних дней работал в ее составе (теперь уже российском). По общественной линии его тоже избирали на различные руководящие национальные и международные посты: и членом исполкома Советской (потом Российской) ассоциации международного права, и членом исполкома Ассоциации морского права, и членом бюро Международного комитета "Мир — океанам", и вице-президентом исполкома Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН в Женеве, и вице-президентом Международного института мира в Вене.

Как ученый он оставил после себя свыше ста работ — учебники, монографии, множество статей, рецензий. На русском, английском, французском. Причем то, что опубликовано на иностранных языках, не всегда можно найти на русском. Конечно, все эти работы посвящены в основном проблемам морского права и сопредельным вопросам. Он был глубоким специалистом, не любил разбрасываться, бил по-снайперски в одну точку. К нему стремились аспиранты, попасть под руководство профессора Молодцова считалось большой удачей: около 40 человек защитили кандидатские диссертации под его руководством.

А еще остались потомки. Елена Степановна Молодцова — кандидат юридических наук, она в полном смысле слова пошла по стопам папы. Доброго тебе пути, молодой ученый, а отцу твоему — человеку большого ума, доброго сердца и твердого характера — вечная память.

Редколлегия

ИВАН НИКИФОРОВИЧ АРЦИБАСОВ

Ушел из жизни Иван Никифорович Арцибасов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик Российской академии военных наук.

Профессор И.Н. Арцибасов являлся известным в России и за ее пределами специалистом в области права вооруженных конфликтов. Им опубликовано в стране и за рубежом более 50 работ, посвященных международно-правовой регламентации отношений, возникающих в период вооруженных конфликтов. Его работы, связанные с этой отраслью международного права, оказали заметное влияние на развитие отечественной доктрины права вооруженных конфликтов и законодательную практику в этой сфере.

Более 30 лет жизни было отдано профессором И.Н. Арцибасовым плодотворной педагогической и научно-исследовательской деятельности на кафедре теории и истории государства и международного права Военного университета, где в 1981 году им была подготовлена и успешно защищена докторская диссертация "Международно-правовые проблемы регулирования вооруженных конфликтов".

Научно-педагогическая деятельность И.Н. Арцибасова, его активное участие в многочисленных научно-практических семинарах и конференциях в значительной степени способствовали повышению эффективности процесса изучения права вооруженных конфликтов в военно-учебных заведениях страны, формированию представления о законах и обычаях войны непосредственно в войсках.

Трудно переоценить тот вклад, который он внес в дело распространения знаний о международном гуманитарном праве. За активное участие в распространении знаний о нормах международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов, он был награжден медалью Н.И. Пирогова "За услуги в гуманной деятельности Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР".

Память об И.Н. Арцибасове, замечательном человеке и талантливом ученом и педагоге, навсегда останется с нами.

Группа товарищей

Информация

В ИСПОЛКОМЕ РАМП

17 сентября 1998 г. состоялось очередное заседание Исполкома Российской ассоциации международного права (РАМП). Оно проходило под председательством президента РАМП А.Л. Колодкина.

Началось оно с того, что председательствующий вспомнил об ушедших из жизни профессорах, известных в кругах международно-правовой общественности: Ф.И. Кожевникове, С.В. Молодцове, И.Н. Арцибасове, некоторых других членах РАМП — и предложил почтить их память вставанием.

А затем приятные новости — юбилей живых, и среди них один из тех, который был отмечен тут же, на заседании. Профессор Дипломатической академии МИД Российской Федерации, член Исполкома РАМП (и, кстати, член редакционной коллегии нашего журнала) Олег Николаевич Хлестов отметил свое 75-летие. Вместе с проникновенными словами поздравления президент РАМП зачитал следующее приветствие:

“Поздравляем!

Глубокоуважаемый Олег Николаевич!

Российская ассоциация международного права горячо приветствует и поздравляет Вас со славным юбилеем — 75-летием со дня рождения!

Видный ученый-международник и крупный дипломат, широко известный в нашей стране и за рубежом, Вы внесли неоценимый вклад как в науку международного права, так и в практику его применения. Ваша многолетняя деятельность на посту руководителя международно-правовой службы Министерства иностранных дел нашей страны в значительной степени содействовала развитию отечественной науки. Возглавляя делегации на многочисленных международных конференциях и участвуя в разработке различных договоров, соглашений, конвенций, Вы всегда последовательно и решительно отстаивали позиции и интересы Родины.

Сегодня вы плодотворно трудитесь на ниве преподавания в качестве профессора Дипломатической академии МИД, передавая слушателям свои глубокие знания и огромный опыт.

Нам особенно хотелось бы подчеркнуть Ваше активное и в значительной степени конструктивное участие в деятельности Ассоциации международного права на посту ее вице-президента. В последнее время Вы так же динамично включились в работу Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН, содействуя распространению знаний среди различных слоев общества: законодателей, сотрудников исполнительной власти, судебных органов.

От всей души желаем Вам, дорогой Олег Николаевич, долгих лет жизни, неиссякаемой энергии, новых успехов в науке и общественной деятельности, большого счастья и крепкого здоровья! Здоровья и счастья Вашим родным и близким!

Президент Российской ассоциации международного права, Председатель Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН, заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор А.Л. Колодкин”.

Девушка — а она оказалась для президента весьма кстати — преподнесла юбилару красивый букет цветов.

Профессор был растроган и взял ответное слово. Он говорил о том, что для него это приятная неожиданность. До сих пор на заседаниях Исполкома никого особо не чествовали и вдруг... Но такие приятные для людей события, конечно, не должны в будущем забываться. Чествование по случаю круглых дат на заседаниях Исполкома следовало бы сделать традицией.

А еще он спросил у почтенной профессуры: что такое послевоенный период для международного права? И сам же на свой вопрос ответил: это новый период в развитии международного права. Советский Союз был одним из основателей ООН. Он активно участвовал в разработке всех документов, которые запрещают войну как средство решения споров, утверждают мирное разрешение споров и отмечают их силовое разрешение.

За послевоенный период международное право претерпело огромные изменения. Он вспомнил юристов-практиков, которые возглавляли правовую службу МИД СССР. В 1944—1953 годах во главе ее стоял С.А. Голунский, в 1953—1965 годах — Г.И. Тункин, а затем в течение почти 20 лет — сам юбиляр. Добрым словом он вспомнил великих советских юристов-международников: С.Б. Крылова, В.Н. Дурденевского, Ф.И. Кожевникова, Е.А. Коровина и многих других, кто активно помогал МИД СССР развивать международное право и утверждать новые его нормы в международных конвенциях, договорах и соглашениях.

Всегда, по его мнению, нужно подчеркивать роль этих и других конкретных людей, которые помогали разрабатывать очередные нормы международного права. Их значимость в том и состоит, что их ум и знания всегда помогали родной стране утверждать новые нормы и принципы на международной арене.

То, что делает сейчас Исполком нашей ассоциации, надо всячески поощрять и приветствовать. Надо чаще вспоминать различные юбилейные даты и отмечать их, дарить нашим юристам-международникам маленькие и большие праздники. Вот, к примеру, приближается юбилей Комиссии международного права ООН. Создана она была в 1947 году, но первое заседание провела в 1949 году. Через год будет отмечаться ее 50-летие. Чем не юбилейная дата? Надо вызывать у людей больше положительных эмоций.

После этого президент умело перевел заседание в русло повседневных забот, очередным пунктом повестки дня было обсуждение подготовки к международной конференции о Мировом океане.

Дело в том, что Президент России утвердил Федеральную целевую программу "Мировой океан". В рамках этой программы запланирована конференция юристов о Мировом океане. Уже сделаны первые шаги в ее организации. Дал согласие выступить со вступительным словом заместитель министра иностранных дел РФ Ю.В. Ушаков. Затем свои мысли на проблему изложат заместитель министра экономики РФ А.Г. Свиноаренко и другие представители российского правительства.

Поскольку конференция будет юбилейной — на ней Российская ассоциация морского права отметит свое 30-летие, — то и состав участников будет необычным. Приглашены и уже дали согласие на участие в ней Генеральный секретарь Международной морской организации Уильям А. О'Нил, Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор, руководители или представители еще доброго десятка международных организаций, как межправительственных, так и неправительственных. Такое широкое участие зарубежных гостей, несомненно, придаст конференции международное звучание.

Интересно, что 30-е, юбилейное собрание Российской ассоциации морского права будет проводиться одновременно с 41-м ежегодным собранием Российской ассоциации международного права. Это позволит расширить круг участников и, кроме того, даст возможность тем, кто непосредственно не занимается проблемами морского права, услышать, что нового в этой объемной по нормативному материалу отрасли международного права.

В этой связи любопытны две противоположные, взаимоисключающие друг друга точки зрения, высказанные в ходе обсуждения сроков проведения ежегодных собраний РАМП. Тему эту начала обсуждать профессор Л.Н. Галенская, которая специально приехала на

заседание Исполкома РАМП из Санкт-Петербурга и была, кстати, единственной иногородней на заседании. Она вспомнила о том, что в прошлом у Исполкома ассоциации (тогда еще советской) была хорошая традиция — собираться регулярно на свои ежегодные собрания в зимние студенческие каникулы, когда профессура всего Советского Союза свободно и с удовольствием приезжала в Москву встретиться с коллегами и обсудить насущные проблемы науки и практики международного права. Так что, с ее точки зрения, конец января — начало февраля — лучший срок для проведения ежегодных собраний.

Президент РАМП А.Л. Колодкин уже вроде бы и согласился с этим разумным предложением, но тут выступил профессор Ю.М. Колосов, который возразил представительнице Санкт-Петербурга. Видите ли, говорил он, зимой профессора тоже хотят отдохнуть: кто едет на охоту, кто — на лыжах кататься. А потом конец января — начало февраля считается самым холодным временем года в Москве. В такую стужу лучше не собираться.

В общем, вопрос остался открытым — пусть президент РАМП сам все обдумывает и решает.

Здесь же обсуждалась и другая проблема, которая долгое время является “головной болью” для президента РАМП: в Исполкоме 21 человек, но иногородние никогда не участвуют в рядовых заседаниях, которые проводятся в период между ежегодными собраниями. Кто же поедет из Сибири, Урала, Поволжья в Москву, чтобы только час или два позаседать в Исполкоме?

И тут неожиданно профессор Ю.М. Колосов внес разумное предложение: Исполком можно расширить, ввести в его состав представителей различных регионов, не только докторов, но и кандидатов наук, а помимо Исполкома создать его президиум, в который ввести только московских представителей. Они-то и будут вести всю текущую работу ассоциации. На том и порешили: вынести это предложение на обсуждение ежегодного собрания.

Само собрание совместно с “моряками” пройдет со 2 по 6 ноября, т.е. в течение пяти дней. По продолжительности такого еще не было в нашей истории. Но, вероятно, так будет правильно, потому что никогда в прошлом все желающие не успевали выступить. В минувшем году на собрание, которое проходило совместно с региональной конференцией Ассоциации международного права (со штаб-квартирой в Лондоне) прибыло свыше 60 гостей из-за рубежа. В этом году ожидается 50. Уже дали согласие профессора и специалисты из Бельгии и Германии, Грузии, Украины, всех прибалтийских государств.

А пять дней заседаний — потому, что четыре — на доклады и выступления, а пятый — на принятие документов и обсуждение организационных вопросов.

На заседании Исполкома РАМП ее президент А.Л. Колодкин рассказал о принципе, на основании которого будут проводиться сразу два собрания. Чтобы их не разделять, доклады по морскому праву будут перемежаться с докладами по другим отраслям международного права. А докладчиками приглашены самые известные юристы-международники страны и крупнейшие ученые из-за рубежа.

Имена Ю.М. Колосова, С.Н. Лебедева, И.П. Блищенко, И.И. Лукашука, О.Н. Хлестова, Г.Н. Мелкова, А.М. Яковлева, Б.Р. Тузмухамедова много говорят специалистам и научной общественности. Именно они готовятся выступить с докладами на заседании. От МИД будут выступать К.Г. Геворкян и В.С. Котляр. Первый варился в гуще подготовки и оформления правовых норм по созданию международного уголовного суда. Он об этом и расскажет. А второй, крупнейший эксперт МИД по морскому праву, остановится в этот раз на судьбе международно-правовых норм, обеспечивающих режим Черноморских проливов. Из Латвии ждут докладчика — профессора И.И. Бергхольцаса, а из Грузии — депутата парламента, председателя Комиссии по конституционным юридическим вопросам и законности Н.А. Бурджанадзе.

В прениях предполагается открыть самую широкую дорогу молодым: кандидатам наук, аспирантам, даже студентам. А диапазон современных проблем, которые остро стоят в повестке дня нашей жизни, самый широкий. Об этом и пойдет речь.

Как дальше жить России? Будет ли она унитарным, единым государством или федерацией, или конфедерацией, или распадется на несколько самостоятельных государств, с которыми Москва будет устанавливать дипломатические отношения, как это случилось после Беловежских соглашений с бывшими республиками Советского Союза? Ни один нормальный россиянин этого распада не хочет, но об этом мечтает Запад. Чья возьмет? Когда началось бурное строительство мечетей (даже в Норильске появился мулла), когда на российском Дальнем Востоке уже появились пятнышки и даже пятна территорий, где китайцев больше, чем русских — хорошо это или плохо для России? Что это все могло бы означать? А новый всплеск беженцев — эмигрантов, осаждающих посольства “благополучных” стран, к чему бы это? Хотелось бы, чтобы на все эти вопросы ответили докладчики очередного собрания РАМП. Но ответят ли? Не замкнутся ли они в рамках обычного научного академизма?

Опыт работы ассоциации показывает, что наши юристы-международники, ученые и практики, умеют ставить острые проблемы на злобу дня и стараются найти свои ответы-рекомендации.

На этих резолюциях-рекомендациях и сосредоточил свое внимание Исполком. Обсуждались внесенные президентом А.Л. Колодки-

ным предложения о разработке четырех итоговых документов ежегодного собрания: 1. О 50-летию Всеобщей декларации прав человека; 2. О правах и положении русскоязычного населения в Латвии; 3. О борьбе с терроризмом; 4. О правовых последствиях вступления России в Совет Европы и задачах международного права.

Профессор В.А. Карташкин высказал сомнение, стоит ли проводить ежегодное собрание в течение пяти дней. Достаточно, мол, и четырех. Один из них обязательно стоит посвятить 50-летию Всеобщей декларации прав человека, юбилей которой будет отмечаться как раз 10 декабря с.г.

Но президент возразил: опыт прошлых собраний показывает, что мы можем их проводить в течение четырех дней, однако тогда, как это было уже не раз в прошлом, многие ученые с периферии не успеют выступить. Просто не будет хватать времени. Поэтому пять дней лучше.

Профессор Ю.М. Колосов выступил против отдельной резолюции по Латвии. Проблемы русскоязычного населения там такие же, как и в Эстонии, так что выделять отдельно Латвию не стоит.

Может быть, и не надо отдельной резолюции по Латвии, подержал его профессор М.М. Богуславский, а вместо этого пригласить из Латвии профессора Бойерса или кого-нибудь другого и послушать, что он расскажет о положении русскоязычных в его стране. В.А. Карташкин заметил, что точку зрения профессора Бойерса мы знаем. Недавно в Ялте была конференция, и он там говорил на эту тему. Ничего в пользу русскоязычного населения в Прибалтике он не скажет и нам.

Надо говорить о положении русскоязычного населения в Латвии, выразил свое мнение профессор В.И. Кузнецов. В Совете Европы говорят об этом, а мы что, должны молчать? И Бойерса надо приглашать, пусть говорит, что хочет, а мы-то знаем истинное положение вещей. Профессор О.Н. Хлестов тоже добавил, что профессор Бойерс будет выступать с определенной целью и что хорошо бы сделать одну резолюцию по всем вопросам.

Однако на данном этапе по предложению президента Колодкина договорились, что проект резолюции о роли международного права для России подготовят Колосов и Хлестов, проект резолюции о 50-летию Всеобщей декларации прав человека, куда войдут предложения о разрешении проблемы русскоязычного населения в Латвии, подготовит Карташкин и проект резолюции по морскому праву напишут Бекашев, Мелков и Колодкин.

А на самом собрании первый и второй день будут посвящены обсуждению проблемы морского права, а третий и четвертый — общим вопросам международного права.

Следующим вопросом, который обсуждался на Исполкоме, была подготовка к Третьей конференции мира. А.Л. Колодкин доложил, что в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН Третья конференция мира будет проходить в четыре этапа: первый этап откроется 18 мая 1999 г. в Гааге, ровно через 100 лет после открытия Первой конференции мира, в том же здании и в том же зале. А за день до этого, 17 мая, состоится торжественное заседание, посвященное 100-летию Постоянной палаты третейского суда. Одно событие будет приурочено к другому, одно будет плавно перетекать в другое.

Второй этап состоится в Санкт-Петербурге 22—25 июня того же года. Поскольку Россия была инициатором Первой конференции мира, а конкретно идею подал российский дипломат и ученый-международник Ф.Ф. Мартенс, ее подхватил и выдал за свою Николай II, то и основная содержательная часть Третьей конференции мира ляжет на Россию. Здесь будут обсуждаться проблемы разоружения, мирного разрешения споров и международного гуманитарного права.

Третий этап конференции пройдет в Нью-Йорке на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН: там будут подведены итоги Десятилетия международного права, которое проводилось по решению ООН, и продолжено обсуждение проблем Третьей конференции мира.

Наконец, четвертый этап состоится в Женеве в ноябре будущего года. Его будет предварять специальное торжественное заседание, посвященное 50-летию Женевских конвенций, которое организует Международный комитет Красного Креста. На завершающем этапе Третьей конференции мира будут подведены итоги всех обсуждений и приняты соответствующие документы.

Исполкому РАМП, конечно, предстоит обратить особое внимание на российскую, а это значит, на вторую часть Третьей конференции мира. Президент А.Л. Колодкин рассказал, что в этом плане предполагается сделать. К примеру, начать конференцию, вероятно, стоило бы с доклада профессора В.В. Пустогарова о великом российском юристе-международнике Ф.Ф. Мартенсе. Особый упор в Санкт-Петербурге будет сделан на рассмотрение современного состояния международного гуманитарного права. В частности, предполагается заслушать доклады профессора И.И. Лукашука (Москва) и Иржи Томана (Женева), который является директором Института имени Анри Дюнана при Международном комитете Красного Креста. О современных законах и обычаях войны будет говорить В.С. Иваненко (Санкт-Петербург). Состояние современной уголовной юстиции будет рассмотрено заместителем директора Правового департамента МИД РФ К.Г. Геворкяном. О международном частном

праве готовит доклад профессор Л.Н. Галенская. Важную тему рассмотрит профессор О.Н. Хлестов: мирное разрешение международных споров. Наконец, профессор С.А. Малинин предложил на конференцию доклад “Воплощение идей Ф.Ф. Мартенса о согласительной процедуре в мирном разрешении споров”, и Исполком с его предложением согласился.

Сказал президент А.Л. Колодкин и о предложении бывшего министра иностранных дел Нидерландов профессора Койманса, который считает, что перед началом второго этапа Третьей конференции мира в Санкт-Петербурге стоило бы провести однодневную дискуссию на тему “Будущее войны”. Это предложение предстоит изучить.

Л.Н. Галенская от имени руководства Санкт-Петербургского университета пригласила РАМП провести одно из будущих ежегодных собраний ассоциации в Санкт-Петербурге. Это приглашение было с благодарностью принято, однако его еще надлежит проработать.

В заключение президент А.Л. Колодкин зачитал приглашения, поступившие в адрес РАМП, для участия в ряде зарубежных и внутрироссийских конференций и семинаров.

Исполком также принял к сведению сообщение президента о том, что на очередном ежегодном собрании предстоит пополнить свой состав: вместо выбывших, ушедших из жизни или не работающих и практически порвавших связь с Исполкомом членов предстоит избрать новых ученых и практиков, которые внесут в работу Исполкома свежую струю. С одобрением была встречена идея собирать широкий состав Исполкома с участием всех его членов (в том числе из регионов) один раз в год в ходе ежегодных собраний, а всю текущую работу в период между ежегодными собраниями возложить на президиум Исполкома, состоящий в основном из москвичей.

В.П. Пархитко

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 13.10.98. Формат 60×88¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,6. Уч.-изд. л. 23,37.

Тираж плавающий. Изд. № 3-МЖМП/98. Заказ № 4457. Цена договорная.

Отпечатано с оригинал-макета издательства «Международные отношения»

в типографии ГФ «Полиграфресурсы»,

101429, Москва, ул. Петровка, 26

ВНИМАНИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ!

В издательстве “Международные отношения”

в 1998 году вышло второе, переработанное и дополненное издание учебника “МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО” под редакцией Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова.

Предлагаемая книга — базовый учебник Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ. Он подготовлен профессорско-преподавательским составом кафедр международного права Дипломатической академии МИД РФ, МГИМО-У МИД РФ, а также практическими работниками МИД РФ. Учебник переиздан в связи с тем, что первое издание (1995 г.) давно и быстро было раскуплено.

Международное публичное право — основная профилирующая дисциплина для студентов, обучающихся по специальности “правоведение (международное право)”. В юридических высших учебных заведениях и на юридических факультетах настоящий курс также включен в учебные планы. Преподается он и студентам, специализирующимся в области международных отношений и внешнеэкономических связей.

Международные отношения — подверженная изменениям сфера общественных отношений, содержание которых составляют деятельность государств, их институтов, международных организаций. Новое издание учебника отражает современное (включая 1997 г.) состояние действующего международного права. Общая, теоретическая часть учебника значительно дополнена примерами из практики международных отношений. Существенным отличием от изданий подобного рода является Особенная часть учебника, в которой среди прочих рассматриваются такие отрасли международного права, как гуманитарное и морское, воздушное и космическое, обеспечение международной безопасности и международная борьба с преступностью.

По вопросам приобретения учебника обращаться по адресу:
107078, Москва, ул. Садовая-Спасская, 20.
Издательство “Международные отношения”.
Тел. 975-30-09

Московский журнал международного права

Подписаться на «Московский журнал международного права» на первое полугодие 1999 года можно в любом отделении связи.

Индекс издания — 70893. Стоимость подписки по каталогу (без доставки):

на № 1 и 2 — два номера — 48 000 руб.

Наценка за доставку определяется отделениями Минсвязи.

На «Московский журнал международного права» («Moscow Journal of International Law») на английском языке можно подписаться:

Россия — 121019, г. Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

телефон 737-89-61; телефакс 737-89-62

E-mail: nestpub @ dol.ru

США и Канада — 1318, 15th Street, Oregon City
Ore., 97045 USA
Tel/Fax: 503 650 0559

или через каталоги таких подписных агентств, как «Книга Сервис» (Россия); EBSCO (1998-99 Periodicals for Law Libraries); Dawson UK Ltd.

Цена одного номера на английском языке — 30 \$ США,
подписка на полгода — 60 \$ США; на год — 120 \$ США.

Moscow Journal of International Law

ISSN 0869-0049

9 770869 004006

